

Василий Владимирский Генри Лайон Олди Кирилл
Бенедиктов Владимир Аренев Николай Калиниченко Майк
Гелприн Сергей Чекмаев Пауль Госсен Далия
Трускиновская Сергей Жигарев Ника Батхен Даниэль
Клугер Наталья Резанова Юрий Гаврюченков Сергей
Удалин Виктор Точинов Елена Первушина Мария Акимова
Александр Габриэль Святослав Логинов
Повелители сумерек

<http://lib.rus.ec/>

«Повелители сумерек»: Азбука-классика; СПб; 2010

ISBN 978-5-9985-1114-1

Аннотация

Вампиры, дети луны, повелители сумерек... Романтические, кровожадные, сексуальные... У каждого из авторов антологии, под обложкой которой собраны произведения Генри Лайона Олди, Святослава Логинова, Далии Трускиновской, Кирилла Бенедиктова и других известных писателей, свои вампиры. В одних рассказах они пьют кровь некрещеных младенцев, в других — жертвуют последним, чтобы спасти чужую любовь или избавить Землю от инопланетных захватчиков. Не-мертвые, носферату, открываются читателям с самых разных, порой абсолютно неожиданных сторон. Все, что вы хотели знать о вампирах, но боялись спросить, откроется вам на страницах этой книги.

Милости просим в объятия ночи, и да пребудет с вами темный дух вечно живого графа Дракулы!

Повелители сумерек

Генри Лайон Олди Остров, который всегда с тобой

Мост между духом и миром, ключ к замку всех знаний, телесное отражение души в мельчайших, багряно-соленых корпускулах, эманация сознания — вот что, о наивные, течет в ваших жилах! Попробуйте на вкус: мудрец и безумец истекают разным соком. И чем больше крови потеряно зря, тем дальше отдалется рассудок...

Антонио далла Скала из Тосканы. Грааль Обретенный

Отвори Створы жил!

Скрип двери.

Мы внутри.

Кто здесь жил?

Говори!

Ниру Бобовай

«Неаполь — рай на пороховой бочке», — думал Петер, вздыхая.

Для таких выводов были веские причины. В окрестностях города обреталась армия вулканов во главе с генералом Везувием, что делало каждый прожитый день особенно солнечным, а каждую ночь — исключительно страстной. Сьядек вначале никак не мог привыкнуть к бесшабашности неаполитанцев, хохочущих над мелкими землетрясениями, словно над шалостями любимого ребенка. А потом взял да и привык. Чего тут привыкать? — смейся, паяц! Только чашку придерживай, не то ускачет лягушкой по столу. Далее, здесь все, от герцогини Элеоноры, дочери вице-короля Педро Метастазियो, и до мелкого контрабандиста Джузеппе по прозвищу Сизый Нос, пели «Санта-Лючию». Хором, соло, под струнные и духовые, а капелла; днем и ночью. Одноименный рыбацкий квартал, давший жизнь знаменитой баркароле, заманивал дурачков-лютнистов ароматом жареной рыбы — и не отпускал живыми, требуя раз за разом: «Venite all'agile barchetta mia... Santa Lucia! Sa□a□anta Luci-i-i-ia-a!» Ох, трудно петь ртом, набитым сардинками в масле!

Добрые рыбацки, щедрые рыбаки, чумазные рыбацата...

Сейчас Петер Сьядек гвоздем торчал на набережной, любуясь мрачной громадой Кастель-ель-Ово. Историю «Замка Яйца» он успел вызубрить наизусть. Во время недавних боев, когда Фердинанд Католик и Максимилиан Вояка, поддержав крылатого льва Венеции и миланского змея-людоеда, пинками вышибали из Неаполя французишку Карла Мародера, «Замок Яйца» сильно пострадал, но был отстроен заново. Впрочем, местное население плевать хотело на текущую политику, предпочитая дела давно минувших дней. Своим прошлым неаполитанцы гордились еще больше, чем вулканами, «Санта-Лючией» и презрением к слову «завтра». Всякий лодочник считал себя наследником славы Римской империи; всякая торговка тыкала жирным пальцем в «Замок Яйца» и тараторила без умолку. В седой древности на месте Кастель-дель-Ово стояла вилла патриция полководца Лукулла, более славного обжорством, нежели военными подвигами. Там, на берегу, под рокот волн, поэт-чародей Вергилий сочинял «Энеиду», готовясь сойти в ад и ждать в гости флорентийца Алигьери. В свободное от подвигов Энея время Вергилий рассуждал о связи судьбы Неаполя с волшебным яйцом. Здешняя легенда гласила: яйцо спрятано в амфору, амфора — в сундук из холодного железа, сундук замурован в фундаменте, а поверх клада, верным стражем, воздвигнут «Замок Яйца». Пока, значит, какой-нибудь безмозглый герой замка не снес и яйца не разбил — стоять Неаполю в веках.

Петеру все время казалось, что эту историю он уже где-то слышал. Только там вроде бы речь шла про иглу в яйце. Или в зайце. А рядом рос дуб зеленый со золотой цепью.

Еще мышка бежала, что ли...

— Con questo ziffiro
Cost soave
Oh! com'e bello
Star su la nave!
Su passeggeri
Venite via!
Santa Lucia!
Santa Lucia!

Увы, иглу с цепным дубом неаполитанцы гневно отвергали. Зато охотно соглашались на звон цепей и стенания погибших в замке узников. Любимцем местной детворы, особенно мальчишек, был Сарацин-без-Головы: бедняге отрубили голову, швырнув ее в море, и теперь сарацин шляется по коридорам, разыскивая пропажу. Девочки предпочитали госпожу Тофану, которая в Кастель-дель-Ово продала душу Вельзевулу в обмен на тайну ядов. Ах, сколько пылких красоток ухитрились благополучно овдоветь при помощи отзывчивой госпожи! Девочки млели и мечтали поскорее выйти замуж. А старики поминали Ромула Августула, последнего римского юношу-императора, убитого все там же, на вилле приснопамятного Лукулла. По их шамканью и ухмылкам выходило, что каждый был очевидцем, если не участником убийства. Лично размахивал кинжалом, вонзал в сердце и так далее.

А еще здесь пили очень много кьянти.

— Здравствуйте, госпожа Франческа!

Дама кивнула, не останавливаясь. Слядек долго смотрел ей вслед. Робевший женщин, он был готов тряпкой стелиться под ноги Франческе Каччини, которую поклонники ласково звали: Ла Чеккина. Редкость много большая, нежели чудесное яйцо и безголовый сарацин: женщина-композитор! Сочинительница «Балета цыганок», «Mascherata della Bufola» и оперы «Небеса ликуют». Разумеется, бродяга не имел счастливой возможности числиться в списке гостей герцога Тосканского, дабы любоваться премьерой «Балета цыганок» в Палаццо Питти, танцевать павану и есть сладости из посеребренных ивовых корзиночек. Но мелодии Ла Чеккины (в паузах между вечной «Санта-Люцией») ему посчастливилось услышать от здешних музыкантов, помнивших еще Джузеппе Великолепного, отца Франчески и мастера жанра *dramma per musica*.

Короче, если есть в мире любовь с первого слуха, то это была она!

— Вы сегодня... чудесно...

Нет, прошла мимо. Ясное дело, ослепительную Франческу не для того Господь награждал красотой и талантом, чтобы она слушала комплименты бродяг. От глухой тоски Петер сел прямо на булыжник, привалившись спиной к парапету, расчехлил «Капризную Госпожу» и заиграл «Мадригал Скотного Двора». Этой пародии, сложной резкими переходами от возвышенной гармонии к мяуканью, вою собак и кудахтанью кур, лютниста обучил Антонио Тосканец — отнюдь не герцог, как его тезка, а самый настоящий сумасшедший. В юности мастер виолы, после трагической смерти матери Антонио рехнулся на идею человеческой крови как субстанции, связанной более с рассудком, чем с животворными эманациями тела. Последние годы Тосканец бродил по дорогам Италии, в основном излагая зевакам свои теории и очень редко берясь за виолу. Слядек познакомился с ним во Флоренции, в таверне под вывеской «Благие намерения». И сбежал от разговорчивого Антонио через день, несмотря на уважение к его таланту: после бесед с Тосканцем снились толпы румяных, одинаковых людей, чьи жилы срослись между собой.

Закончив «Мадригал», бродяга равнодушно собрал брошенные монетки и ушел с

набережной. Он не видел, как Ла Чеккина, задержавшись у цветущей пинии, украдкой провожала взглядом нищего лютниста. Впрочем, хорошо, что не видел. Надежда — отраву хуже «аква-тофаны»: ее не надо тайком подливать в вино.

Глупцы сами спешат отхлебнуть.

А в спину несло, искушая:

— Под ветром гнется,
Шуршит осока,
Над темным морем
Луна высоко.
О ты, что душу
Мне излечила, —
Санта-Лючия!
Санта-Лючия!

В Неаполе, надо сказать, Петер Сълядек проживал в самой настоящей гостинице «Декамерон», близ улицы Увядших Роз. На вывеске заведения какой-то местный Рафаэль да Винчи изобразил ключ к запертому сердцу, напоминавшему ворота цитадели, а ниже содержатель гостиницы, почтенный Джованни Боккаччо-младший, размашисто вывел доброжелательную сентенцию: «Оставь сомненья, всяк сюда входящий!» Неаполитанцы так и говорили приезжим: «Где остановиться? Без сомнений, в „Декамероне“!» Петер угодил туда случайно: труппе *comedia dell'arte*, которая днем выступала на площади близ Палаццо Гравина, а вечерами развлекала постояльцев гостиницы в уютном внутреннем дворике, требовался музыкант. Простак Бригелла, а в жизни — хитрец-капокомико, руководитель труппы, чуть ли не в ноги кинулся: «Выручай, *La Virtuozo*! Иначе *tre milioni diablo*, нам *presto finita la comedia*!» Его поддержали Скарамуччо и Пульчинелло, милашка Коломбина прижалась к жертве пылким бедром, и дело было сделано.

Если ты не привык к комплиментам и женским чарам — все, пропал. Купят тебя, братец, и продадут. Поэтому мудрецы привыкают заранее. Ну хотя бы сперва выясняют у синьора капокомико: отчего сбежал их предыдущий музыкант...

Вместо гонорара Бригелла оплачивал «*La Virtuozo*» кров и стол, от щедрот добавляя пять-шесть лир в неделю «на цветы синьоритам». Петер искренне считал, что он для труппы — чистое разорение, и очень стеснялся брать деньги; ушлый капокомико, глядя, как в гостиницу зачастили зрители неаполитанцы, ранее избегавшие посещать «Декамерон», лишь ухмылялся, поддерживая Сълядека в его полезном заблуждении. Несмотря на маску Простака, Бригелла чудесно умел отличать мелкие лиры чеканки дюка Николы Трона от серебряных сольдо и золотых скудо, не говоря уж о венецианских цехинах.

— *Bambino idioto*! — говорил он приятелю Скарамуччо, лысому верзиле с таким густым басом, что от его монологов лопались бокалы. Разумеется, в минуты подобных откровений Сълядека поблизости не наблюдалось. — Клянусь *Santa Maria Novella*, я направлю его страсть к бродяжничеству в нужное русло! Милан, Генуя, Ливорно, Флоренция, Рим! *Mamma mia*, я уже вижу, как нам рукоплещут толпы!

— Я всегда ценил твой талант руководителя! — утирал слезу Скарамуччо. Здесь верзила ничуть не кривил душой, поскольку актерский талант Бригеллы он в грош не ставил.

— А какой хорошенький! — вздыхала Коломбина.

— И как поет «*Santa-Lucia*»! — добавляла стареющая Серветта, незаменимая на вторых ролях и в сводничестве. — Я всегда рыдаю, когда он выводит кантилену! А мне, между прочим, рыдать вредно, у меня грим плывет...

Все вышесказанное было чистой правдой.

— Ах, что ж ты медлишь,

Моя красotka!
Недвижны волны,
Надежна лодка.
Тебе от сердца
Отдам ключи я...
Санта□Лючия!
Санта□Лючия!

Сегодня вечером в «Декамероне» шел «Лорд поневоле, или На четыре кулака».

Злодей Тарталья, демонически ухмыляясь, убеждал простака Бригеллу, сержанта городской стражи, что бедняга чудом угодил в волшебную страну Фруттинбрасс□Фейри, и отныне Бригелла — великий маг, воитель, лорд и кумир пылких фруттинбрассок. Злодею в обмане доверчивого сержанта помогли Скарамуччо с Пульчинелло — один учил жертву «метать огонь□икру», употребляя внутрь натошак Знойный Артефакт, а другой фехтовал с Бригеллой на метелках и канделябрах, будучи неизменно сражен наповал. Целью сего розыгрыша служило традиционное желание кудрявого Леандра жениться на Коломбине, дочери сержанта, но хитроумный Тарталья оттягивал заключение брака, демонстрируя выходки безумца добрым неаполитанцам по пять сольди за выходку.

Короче, здесь было все, что нужно почтенной публике.

Во дворике гостиницы полукругом стояли легкие кресла□плетенки. Часть зрителей — в основном постояльцы и приглашенные ими дамы — оккупировала балкончики второго и третьего этажей. Еще кое□кто сидел прямо на бордюре фонтана, наслаждаясь прохладой. Сбоку на импровизированной сцене, стараясь не попасть под ноги темпераментным актерам, ютился Петер Сълядек. Он наигрывал всевозможные гальярды, чаконы и виланеллы, украшая действие, а временами, в паузах, даже исполнял собственные песенки, ранее снискавшие одобрение руководителя труппы. В антракте он перешел к более серьезным вещам, например, к сюитам Винченцо Галилеи из «Флорентийской Камераты». К сожалению, жизнь оказалась неласкова к гению□композитору: его любимый сын вместо музыки, предав фамильное искусство, увлекся астрономией и прочими скучными до зевоты вещами. Бродяга никак не мог понять преступное легкомыслие этого молодого человека. Променять отцовский «Dialogo della musica antica et della moderna» на какие□то фазы Венеры и спутники Юпитера?! Удивляясь человеческому безрассудству, Петер иногда мечтал: ах, доведись мне родиться от чресел вдохновенного Винченцо Галилеи! Я бы никогда! ни за что!.. Лютня, лютня и еще раз лютня!..

Увы, мечты оставались мечтами. Ни один из корифеев музыки не спешил разыскать бродягу, крича в иступлении: сын мой, блудный сын, обними своего отца! Разве что дама в полумаске бросила ему розу с балкона.

И на том спасибо.

Темнота вкрадчиво заглатывала Неаполь. Маленький дворик «Декамерона» не был исключением: в сумерках сцена, освещенная висячими лампами и троицей смоляных кувшинов по бокам, выглядела таинственно. Комичные злключения Бригеллы, над кем потешалась вся труппа, измышляя новые проказы на радость зрителям, выглядели уже не фарсом, а скорее трагедией маленького человека, поверившего в иллюзорное, дармовое величие. Сержант искренне сражал драконов, освобождал принцесс и расколдовывал замки, не слыша хохота за спиной, не замечая насмешек, с равнодушием снося побои и щипки разыгравшейся Серветты. Ночной горшок, вылитый из□за кулис ему на голову, внезапно вызвал у зрителей возгласы сочувствия вместо предполагавшегося веселья. Актер из Бригеллы был никудышный, но сейчас это работало на представление: простая, незамысловатая искренность добавляла щепотку перца в приевшееся блюдо.

Впрочем, Сълядека скоро утомило наблюдать за изменениями, что внес в спектакль режиссер□вечер. Во втором действии лютнист был занят меньше, получив возможность перевести дух. Скучая, он разглядывал публику. «Лорда поневоле» смотрели почтенные,

состоятельные господа: члены городской *джунты* с семьями; компания брюзгливых скептиков□адвокатов из Болоньи, которые таким образом развлекали стайку куртизанок, помиравших от восторга; сборщики «фруктовой пошлыны»; откупщики из Ливорно; мрачный хирург с аптекарем — оба в пунцовых одеждах, свойственных лекарскому сословию; некая веселая вдова под вуалью, в кокетливом траурном плаще, окружена множеством поклонников, судя по их кафтанам на стеганой подкладке, — купцов из Брешии и Падуи...

Даму в полумаске видно не было. Лишь из тени балкона сверкал жемчужный венчик с зубцами, украшавший ее прическу. Да еще блестела цепочка блохоловки, выполненной из красиво отделанной шкурки хорька.

— А если спросят:

Мол, где гуляла?

Ответь: «Стояла

Я у штурвала,

Искала к дому

Пути в ночи я...»

Санта□Лючия!

Санта□Лючия!

В первом ряду на складном табурете сидел некий синьор, привлечший внимание Сьядека. Высокий, неестественно прямой, хищными чертами лица он напомнил бы корсиканца или даже алжирца, не будь это лицо таким бледным. Прямая линия носа почти сливалась со лбом; глаза блестели пронзительно и живо, а под черными как смоль усами сверкал белоснежный ряд зубов. Неподалеку от него, ближе к решетке, за которой начиналась гостиничная ресторация, играл песком безумец — юноша лет четырнадцати. Сидя прямо на земле, несчастный набирал целую горсть песка из ведерка, принесенного расторопным слугой, и с животным, чтоб не сказать — растительным, удовольствием любовался песчинками, текущими меж пальцев обратно в ведерко. Скорбный рассудком, он был тих и безобиден. Надо сказать, Петер Сьядек все равно удивился бы: отчего сумасшедший допущен в «Декамерон»? — не встретиться лютнист с безумцем и бледным синьором утром в холле гостиницы.

Благоволивший к Сьядеку хозяин позже рассказал, что бледный синьор — это сам Андреа Сфорца, известный целитель, с пациентом. Единственный, кто брался лечить помрачение рассудка, даже если пациент вел такой образ существования со дня рождения, синьор Сфорца помимо частых случаев исцеления прославился методом действий, верней, странностями и тайнами последнего. В частности, он предпочитал крайние стадии помешательства.

— О, отцы инквизиторы давно взяли бы его в оборот, — делал большие глаза Джованни, вытирая о фартук вечно замасленные руки, — но Святой Трибунал никогда не был популярен в Неаполе! Сам понимаешь, вечные раздоры между нашими государями и римской курией... Вот синьор целитель и пользуется!..

Из дальнейшего рассказа выходило, что, условившись с семьей безумца о плате за лечение и взяв задаток, Андреа Сфорца отправляется странствовать вместе с пациентом. Генуя, Ливорно, Милан, Тоскана... Обычно год или чуть больше. Самый буйный умалишенный в обществе Андреа делается смирным, как ягненок. Правда оставаясь по□прежнему не в своем уме. Все содержатели гостиниц это знают и не препятствуют, когда синьор Сфорца останавливается с подопечным в их заведениях. Да и платит мудрый целитель не скупясь. Многие лекари пытались выудить секрет: что делает хитрец Андреа с сумасшедшими?! — но попытки проникнуть в тайну исцеления оказались тщетны. Синьор Сфорца не делал ровным счетом ничего, кроме как ездил из города в город, ведя самый обычный образ жизни.

По истечении срока, ведомого лишь ему одному, он возвращал пациента в семью. С этого момента, впитывая знания, будто губка — воду, всего за два-три года бывший безумец превращался в нормального человека, догоняя в развитии сверстников, а временами и превосходя их.

Андреа же начинал переговоры с новыми клиентами, быстро приходя к согласию.

— Учеников не берет! — брызгал слюной Джованни. — Кое-кто душу бы продал, лишь бы попасть к Сфорца в науку! Нет, говорит, моя тайна умрет вместе со мной...

Лекарское искусство мало интересовало Петера. Он быстро забыл историю целителя и безумца, вспомнив ее лишь сейчас, под финал спектакля. Словно почуяв чужое внимание, бледный синьор взглянул сперва на лютниста, но быстро перевел взгляд на безумца. Висячая лампа, выполненная в форме османской чалмы, хорошо освещала лицо синьора. «Ромео! — одними губами шепнул Андреа Сфорца. — Спокойней, друг мой!», и безумец сразу начал аккуратней сыпать песок: минутой раньше он трижды промахнулся мимо ведерка.

— Заснул?! Играй!

Нервный шепот Бригеллы вернул лютниста к действительности. Живо вступив с легкомысленным «Passamezzo», Съядек дождался, пока труппа спляшет заключительный танец, символизирующий окончательное посрамление глупца-сержанта, а также счастливый брак Леандра и Коломбины, после чего тихонько удалился в свою комнату. Ужин он попросил подать наверх. Сыр, оливки, лепешка, кувшин кислого вина. Щедрость Бригеллы приводила Петера в трепет. Скажи кто про обаятельного капокомико: жмот! скупердяй! — бродяга в жизни бы не поверил.

Блаженны неприхотливые!

А над городом, над мухой-проказницей, упавшей в пьяные чернила вечера, несло:

— O dolce Napoli,
O soul beato,
Ove sorridere
Volleil creato...

Луна катилась вниз с гребня полуночи, когда он сидел на балкончике, сочиняя новую песню. Клочок бумаги с записью первой строфы, припева и краткой табулатуры был зажат в руке. Ловя за хвост сквозную рифму, ускользавшую от охотника, Петер не заметил, как разжал пальцы. Белая бабочка вспорхнула с его руки; подхвачена ветром, взлетела над витой решеткой ограждения. Кинувшись ловить беглянку, Съядек опоздал: бабочка отлетела дальше, словно дразня, зависла в воздухе и опустилась на балкон соседней комнаты, увязнув в завитушках тамошней решетки.

Вспомнить?

Записать еще раз?

Увы, быстро стало ясно: память сохранила далеко не все. С тоской бродяга глядел на чертов клочок, раздумывая: взять у слуги палку и дотянуться? Слуга начнет задавать вопросы, потом долго искать палку... К тому же если неудачно зацепить — высвободится и улетит без возврата. Обратиться к хозяину с просьбой открыть комнату? Искать постояльца, который живет там?! Ни один из вариантов не вызывал радости. А запись дразнила, трепетала от вздохов ночи, грозя снова уйти в полет. Неизвестно, выпитый ли кувшин вина был тому причиной, или это сказала общая бесшабашность неаполитанцев, отравив душу ядом отваги, но минутой спустя храбрец Петер Съядек уже карабкался через ограждение своего балкончика, намереваясь по узкому карнизу перебраться на соседний.

Возбуждение находило в сердце привычный отклик, делаясь словами и музыкой. Любовник лез на балкон к возделенной синьорите. Песня продолжалась, делаясь серенадой, мольбой о страсти; ее средоточьем и окружающим миром, ядром и целью был дьявольский, божественный беглый клочок бумаги. Обладать им — достичь рая. В комнате темно, постоялец наверняка пьет кьянти в кабачках набережной, ни одна живая душа не заметит

ловкого бродягу...

Он стоял на чужом балконе. Он сжимал беглянку — бабочку, стараясь не отряхнуть пыльцу слов с нежных крылышек, переводя дух, прежде чем отправиться восвояси, — когда в замке щелкнул ключ.

Дверь в комнату отворилась.

Пожалуй, впервые идея «Да будет свет!» вызвала столько безмолвных проклятий. Скорчась в углу, прижавшись к решетке, которая вдруг стала горячей адской сковороды, Петер не видел ничего, кроме огонька свечи. Огонек плыл в комнату из коридора гостиницы, на миг задержавшись в дверном проеме. Поверх слепящего язычка качнулось бледное марево, обретая черты. Лицо Андреа Сфорца сейчас походило на карнавальную маску — баула: белый лик из фарфора, белый, неестественно длинный нос, белые зубы. Сравнение нарушала лишь черная линия усов. Комната вокруг целителя впитывала жалкий свет, чтобы наполниться тенями. Немо распевая «Санта — Лючию», тени следили за постояльцем едва ли не пристальней, чем Сьядек с балкона.

Разве что тени не молили Господа о возможности удрать.

Синьор Сфорца остановился у стенного кенкета, но поджигать свечи, специально укрепленные в этом приспособлении, раздумал. Наклонился, открыл крышку дорожного сундучка. Извлек чашу в форме венчика лилии, сделанную из благородного узорчатого серпентина и оправленную в серебро. Ножку чаши обвивал ужасный аспид, наклонив головку над распахнутым венчиком, словно намеревался излить туда яд. Достав, помимо чаши, нечто продолговатое, завернутое в чистое полотно, Андреа направился к столу и сел в кресло.

— Ромео! — позвал он. — Мой мальчик, я жду!

Юноша — безумец, прежде топтавшийся в коридоре, вошел — нет! вбежал! — в комнату. Укоризненно качнув головой, целитель встал, тщательно запер входную дверь на засов и опять вернулся к столу. Тени делали лицо сумасшедшего Ромео почти разумным, но жуток был сей искусственный разум, не в силах наполнить смыслом поведение юноши. Люди с ясным рассудком не умеют так приплясывать, дрожать в нетерпении, издавать молящие звуки; люди с ясным рассудком делают все это, но иначе, совсем по — другому...

Развернув полотно, Андреа Сфорца взял ланцет.

Прокалил лезвие над огнем свечи.

Безумец стоял без движения. Лишь слабо застонал, будто в экстазе, когда ланцет надрезал жилу на запястье. В чашу, смачивая головку аспиды, потекла черная струя. Крови целитель взял немного; почти сразу он поднес руку сумасшедшего к своему рту.

Окаменев, пытаясь срастись с вензелями решетки, Петер Сьядек умирал от страха. Перед ним был самый настоящий *стреха*. В Афинах такой колдун звался стригес, у валахов — стригой, но везде его гнусная родословная уходила корнями в древнеримского *стрикса*, оборачивавшегося совой, чтобы ночами сосать кровь у невинных детей. Упыри подобного рода не знали границ и рубежей, встречаясь всюду под разными именами, но лишь тонким духом итальянцы додумались до стрехи — кровопийцы, делающего свое мерзкое дело элегантно, не без доли изящества. Добавь кошмару привлекательности и ты получишь армию фанатиков — последователей. Некий Пико делла Мирандола из Болоньи даже написал ученый труд «Стрикс», где описывал дюжину недавних судебных процессов, имевших место в Бреции и Сондрио. К сожалению, обвиняемые пошли на казнь, так и не сознавшись в своем грехе, поэтому Мирандола всячески сетовал на лживость и запирательство колдунов.

Сквозняк качнул пламя свечи.

Рука безумца и лицо колдуна над ней вдруг сделались невероятно отчетливы, и Петер не сумел сдержать крика. Почему — то увиденное оказалось много страшнее предполагаемых клыков, впившихся в плоть. Тем более что никаких клыков не было и в помине. Андреа Сфорца отнюдь не пил кровь из отворенной жилы.

Он зализывал ранку.

Целитель двигался быстро, как дьявол или, если угодно, как опытный солдат.

Мгновенно оказавшись на балконе, он встал над Петером и долго, в молчаливом раздумье, смотрел на незваного гостя. В молчании крылся приговор. Ланцет синьор Сфорца крутил в пальцах с крайне неприятной ловкостью.

— Ты хорошо играешь на лютне, — сказал целитель. Голос у него был не один, как у обычных людей. Складывалось впечатление, что говорят два человека: певучая, мелодичная речь внезапно прерывалась хриплым, лающим тоном. — А лазутчик из тебя никудышный.

В ответ Петер ткнул вперед кулаком с зажатой бумажкой. Дескать, я... вот... это самое... Нелепое, дурацкое оправдание: милейший синьор стража, я не хотел подглядывать, как вы вскрываете жилы у сумасброда Ромео! Я случайно, я сейчас уйду...

Взяв у бродяги листок, целитель прочел запись. Ночь, похоже, не являлась для него помехой.

— Ты плохой лазутчик, а я скверный знаток поэзии. Идем в комнату.

Заранее прощаясь со всей кровью, текущей в его тщедушном теле, Сълядек проследовал за колдуном. Но синьор Сфорца не торопился. Раздернув занавеси над кроватью, он знаком велел «гостю» присесть на краешек ложа. Затем взял со стола чашу. Медленно, в три глотка, выпил содержимое.

Петер зачем-то кивнул и смутился.

— Смотри, — бросил Андреа через плечо. — Подглядывал? Теперь смотри до конца.

Слово «конец» в его устах звучало однозначно.

— Лекари Генуи и Милана продали бы душу сатане за этот секрет. И, замечу, продали бы зря: у них все равно ничего не получилось бы. У завистливых лекарей нет острова, который всегда с тобой...

Слушая эту абракадабру, бродяга глядел, как синьор Сфорца вскрывает свою собственную жилу на левой руке. Цедит кровь в чашу. Зализывает ранку, отчего кровь быстро свертывается и перестает течь. Безумный Ромео стонал рядом, захлебываясь от вожделения. Вскоре Андреа передал чашу подопечному. Безумец не был столь аккуратен, как целитель: он проглотил свежую кровь залпом и даже попытался вылизать чашу изнутри. Буквально сразу Ромео потерял к происходящему интерес, упал на маленькую лежанку возле двери и заснул мертвым сном.

— Знаешь, что я сейчас сделаю? — спросил Андреа Сфорца у бродяги.

— Знаю, — обреченно кивнул Петер. — Сейчас вы расскажете мне какую-то историю.

Теперь настал черед удивляться целителю. Судя по выражению его лица, он ждал любого ответа, кроме этого. Лазутчик никогда бы не ответил таким нелепым образом. Стоя у балконной двери, Андреа глубоко задумался, нимало не боясь, что Петер кинется прочь из комнаты. Видимо, знал: страх — лучшие в мире кандалы. Или не сомневался, что догонит.

В комнате был еще один человек, который в этом не сомневался.

— Ты или храбрец, или дурак. В любом случае...

Петер глубоко вздохнул и приготовился слушать последнюю историю в своей непутевой жизни.

* * *

Гость, заявившийся под вечер в дом дядюшки Карло, ничем особо примечателен не был. Однако дядюшка сразу насторожился, подобрался и стал похож на кошку, учуявшую мышь, или, напротив, на воробья, заметившего кошку. Два противоречивых желания — закогтить добычу и удрать в кусты — боролись внутри старого моряка. Победило, как всегда в таких случаях, третье: хозяин щедро набулькал граппы в две жестяные кружки, пригласив гостя за стол. Граппу Карлуччи Сфорца, как и большинство жителей Корсики, делал сам, благо винограда кругом росло — хоть залейся. Опять же, разделяя гордыню земляков, свой напиток дядюшка полагал лучшим если не на всем острове, то уж во всей Алерии — как пить дать.

Вот именно что пить дать!

А кто усомнится, тот дня не проживет!

Гость не усомнился. Но и восторга особого не выказал. Вежливо пригубил угощение и поставил кружку на стол. Жест окончательно убедил хозяина: гость — оборотень. Не настоящий, какой бегает ночами в обличье волка, а тот, кто при свете дня выдает себя за другого человека. Длиннополый кафтан миланского сукна, башмаки из телячьей кожи, какие на побережье носит каждый второй, и массивный, явно дутый перстень на среднем пальце не ввели в заблуждение тертого контрабандиста. Этот синьор привык носить парчу и брокат, пить «Лакрима Кристи», а не крепчайшую граппу, и вообще — на Корсике он, видимо, впервые.

Приплыл с материка. Скорее всего, из Рима, судя по произношению.

Личина не смутила дядюшку. Мало ли народу плывет на Корсику, обтяпать разные делишки. Сплавить левую партию шелка или пряностей, доставить куда надо человечка, желающего избежать назойливого внимания властей... Работа как работа. Вези подальше, сгружай поближе, держи язык за зубами и прячь денежки. Заказ незнакомца тоже выглядел вполне заурядным. Требовалось забрать трех людей с одного из островков Тосканского архипелага. Да, доставить в Неаполь. Нет, самого гостя там не будет. Не все ли равно моряку, кого забирать?

Дядюшка Карло подумал, что все равно. Тирренское море он знал лучше, чем норы покойной супруги. Царство ей небесное, и храни Господь святых в раю от причуд тетушки Бьянки!

— Ваша цена, уважаемый?

Незнакомец едва заметно усмехнулся и назвал сумму. Сумма была приличной. Но далеко не столь огромной, чтобы вызвать подозрения. Это тоже настораживало. Слишком умен пришелец, похоже, он все тщательно просчитал заранее. Такая тщательность могла означать лишь одно: заказ очень важен, но гость старается это скрыть.

Отказываться от заработка было не в привычках дядюшки Карло. Но и напрасного риска он не любил. У дельца имелся душок. Едва ощутимый, но пакостный. Словно ворона нагадила в граппу.

— С какого именно острова надо забрать почтенных синьоров?

Карллучи Сфорца вдруг сделался необычайно вежлив, что случалось с ним редко. И всегда — при вполне определенных обстоятельствах.

Едва прозвучало название острова, дядюшка Карло понял: его опасения не напрасны. Дурной славой пользовался островок, и след ее тянулся далеко в глубь времен, словно ключья грязной пены за кормой «Летучего голландца».

— Это обойдется вам значительно дороже. — Старый моряк уставился в свою кружку.

Гость слегка приподнял бровь:

— Почему же, друг мой?

— Потому. Говорят, в пещере под островом живет дракон. А рыбаки ночами слышали детские крики на его скалах.

— В вашем возрасте нелепо верить сказкам.

— За сказки — отдельно. За возраст — отдельно. Раскошеливайтесь, синьор, иначе не возьмусь.

— Ох уж эти корсиканские суеверия... Ладно. Сколько вы хотите?

В первую голову дядюшка Карло хотел, чтобы гость убрался из его дома ко всем чертям. С каждой минутой дело все больше смердело гнильцой.

— Дюжину венецианских дукатов.

— Хорошо.

— Сверх названной вами цены!

— Хорошо.

— Дукаты подлинной чеканки?

— Обижаете, друг мой. Только учтите: людей требуется забрать вечером. Из бухты Кала Маэстра. Надеюсь, вы не боитесь ходить в море ночью? Мимо Неаполя не

промахнетесь?

«Сатана разъешь тебе печенки!» Моряку понадобилось допить граппу залпом, чтобы не разразиться проклятиями. Цену он назвал совершенно несуразную, будучи уверен в отказе. Гость плюнет и уйдет, унося с собой весь ворох припасенных неприятностей, а он, дядюшка Карло, вздохнет с облегчением и как следует выпьет граппы во славу собственной осторожности...

Теперь слово сказано, нельзя терять лицо.

— Половину вперед!

— Разумеется.

«Что ж, деньги есть деньги, — думал Карлуччи Сфорца через пару часов, взвешивая на ладони тяжелый кошель. — Заберем эту чертову троицу, доставим в Неаполь... Не впервой. Санта Мария де ла Чертоза, молись за нас, грешных!»

Сладкий звон монет гнал с горизонта тучи дурных предчувствий.

— Эй, Роберто, Андреа! С утра начинайте готовить тартану. Идем на Монте-Кристо.

Попутный ветер бился в парусах, унося суденышко прочь от родной Корсики. Вода за бортом подмигивала юному Андреа солнечными бликами: эй, улыбнись, жизнь чудесна, парень! Каждая волна в кружевном лифе пены напоминала грудь красоти Виланчелиты, каждый порыв ветра походил на страстный вздох. Вспомнишь — озноб по коже. Сладкий, ледяной.

Даже ворчание дядюшки, стоящего у румпеля, не могло омрачить красоту дня.

— Выбирай брасы втугую! Булиня прихватить! Бездельники...

Это старик больше так, для порядку. Тоже, нашел бездельников. Роберто, сын ворчуна, с младых ногтей в море, да и Андреа не вчера на борт ступил. Давно, давненько его отец упросил Карлуччи Сфорца, своего старшего брата, взять мальчишку на тартану. Посудинка у дядюшки ладная, ходкая. Трех человек вполне хватает, чтобы бегать туда-сюда. Наберешься опыта — и айда на большой корабль. Ходи себе в Барселону, Лиссабон, Марсель, в Танжер, что на марокканском берегу, в Стамбул. А со временем, быть может, — в неведомые страны, где люди с глазом на пузе говорят тарабарщиной, перец растет на деревьях, а золотые самородки рассыпаны под ногами: бери — не хочу!

Правда, пока что Андреа дальше Генуи не ходил. Но это пустяки. Вот к вечеру они приплывут на Монте-Кристо. Оттуда — напрямик в Неаполь, где у куртизанок для любого молодца сто улыбок про запас. Погода — благодать, работенка — не бей лежачего. Что ж ты брови супишь, Карлуччи Сфорца, лихой корсиканец? Наверное, потому, что ты старей.

В сорок лет Андреа тоже ворчать обучится.

Было еще светло, когда тартана, обогнув зеленое блюдо Пианозы, оказалась в виду острова. Дядюшка решил перестраховаться и вышел в море загодя: чтоб не опоздать к сроку, если ветер переменится. В паре миль к северу, чайкой на волнах, мелькала уходящая прочь шебека, держа курс на Ливорно. Странно, идя в этом направлении, шебека должна была пересечь курс тартаны прямо по траверзу — и вряд ли Андреа не заметил бы ее раньше. Разве что прямо от острова отплыла...

Бросив на шебеку короткий злой взгляд, дядюшка Карло принялся внимательно изучать каменного великана, вставшего на пути. Не остров, а чистая беда: угрюмые скалы, круто обрываясь вниз, зубом исполина торчали из воды. Вершина пламенела кровавым отблеском, в серо-черной плоти утесов местами чудились вскрытые жилы. Конечно, это были всего лишь жилы местного мрамора-багрянца, но день мигом утратил очарование.

Воистину: Монте-Кристо! Möns Christos.

Гора Христова.

Голгофа.

Хребты скал щетинились зеленью пиний и миртов, что несколько скрашивало общую мрачность.

— Обойдем остров с юга. Зарифить парус! — распорядился старший Сфорца.

Матросы кинулись выполнять команду. Дядюшка Карло налег на румпель, и тартана пошла правым галсом. Когда перед командой открылась восточная оконечность Монте-Кристо, юный Андреа ахнул от восторга. Словно завернутая в грубую паранджу красавица-турчанка, вопреки заветам Пророка, вдруг откинула покрывало, явив свою прелесть потрясенному миру. Укромная бухта с песчаным пляжем распахнулась подобно вратам сказочного дворца. Волны цвета египетского гиацинта лениво гладили золото берега. А выше, на утесах, — темный изумруд вереска и фриганы, где без страха паслись дикие козы.

На самого Карлуччи Сфорца сия идиллия, надо сказать, не произвела никакого впечатления. Он явно бывал здесь раньше: вход в бухту удавалось обнаружить, только находясь прямо на траверзе, а старый контрабандист знал заранее, куда идет. Дядюшка хмурился, кашлял, едва заметными движениями подправляя курс тартаны. Он явственно бормотал под нос заклятия от злых духов и сглаза.

Видимо, не слишком полагался на силу доброй молитвы.

— Вот так, сопляки, выглядят ворота в ад, — буркнул он, когда тартана входила в горловину бухты.

И, поймав взгляды сына и племянника, пояснил:

— Снаружи думаешь: в рай иду! А окажешься внутри...

Несмотря на этот многообещающий намек, ветер не стал вонять серой. Закопченные черти не объявились на скалах, стонов заблудших душ и скрежета зубовного тоже слышно не было. Разве что орали вездесущие чайки, расклеывая живое серебро в волнах. На краю одной из расселин вроде бы мелькнули фигурки людей, тащивших что-то тяжелое, но люди сразу исчезли, оставив Андреа недоумевать: померещилось или нет?

В отличие от наивной молодежи Карлуччи Сфорца сразу кое-что смекнул и отложил в сундучок памяти.

Интересно девки пляшут. По утесам с сундуком...

Под днищем закрипел песок. Тартана ткнулась носом в берег. Роберто спрыгнул за борт, зашлепал по мелководью, таща за собой пеньковый канат-чалку. Неподалеку из песка с наглым похабством торчал гранитный «палец», самой природой назначенный для моряцких стоянок. Андреа тоже сошел на берег, зато дядюшка Карло медлил. Сперва он огляделся по сторонам, приметив за крохотным мыском то, что ускользнуло от юнцов: корму чужой лодчонки. Почесав затылок, Сфорца-старший не поленился слазить в трюм и выбрался оттуда с любимым мушкетом в руках. На поясе контрабандиста висели пороховница, мешочек с пулями и широкий тесак — излюбленное оружие искателей удачи, в изобилии бороздивших местные воды.

Лишь экипировавшись подобным образом, дядюшка счел возможным оставить тартану.

— Ждите здесь. Они все равно спустятся к бухте: больше некуда. Начинайте готовить ужин. А я пойду подстрелю козу — здесь их тьма-тьмущая. И глядите в оба! Мало ли...

Умостив мушкет на плече, дядюшка принялся взбираться по склону. Прежде чем исчезнуть в зарослях маквиса, он оглянулся, и Андреа показалось, что глаза дяди хищно блеснули в свете закатного солнца. Хотя нет, солнце уже скрылось за утесами, на остров текла сирень близких сумерек.

— Чего это он? — спросил Андреа. — Глядите, мол, в оба...

— Отец — человек осторожный. А остров этот — дурное место.

— Да ладно тебе! Я слышал, тут монахи живут. Чудотворцы. Твой отец что, по святым отцам из мушкета палить собрался?!

— А козу он, по-твоему, пальцем подстрелит?! — внезапно окрысился Роберто.

Возразить было нечего. Да и редко отваживался Андреа возражать двоюродному брату. Но тут вдруг накатило упрямство.

— А тесак зачем? С козлами рубиться?

— Мamma mia, откуда берутся такие придурки?! — возопил Роберто. — Горло козе перерезать! Или такому дурню, как ты!

Андреа обиделся, но счел за благо сменить тему, дабы не злить раздражительного кузена.

— Ладно, давай ужин готовить...

И первым сунулся в трюм за котлом, подавая пример.

Позже, собирая дрова, он оступился и, падая, до крови ободрал локоть о ствол ближайшей пинии. Грязно ругаясь, хотя раньше презирал сквернословов, и давая клятву под корень срубить злосчастное дерево (что было уж и вовсе глупо!), Андреа вернулся на берег. Где Роберто не замедлил воспринять проклятия брата на свой счет, кинувшись на ругателя с кулаками. С трудом удалось объясниться. В молчании, дуясь друг на друга и мысленно припоминая былые обиды, братья развели огонь, укрепили котел на двух рогульках. Вскоре аромат густой похлебки с чесноком защекотал ноздри; весело трещал костер, в сгустившейся темноте по скалам метались причудливые тени.

Бриз с моря заметно посвежел.

«Как бы не началась буря», — подумалось мельком.

Дядя задерживался. И выстрелов не слышать: грохот мушкета наверняка долетел бы сюда. Не так уж велик Монте-Кристо, да и эхо в здешних скалах должно быть отменное. Таинственные пассажиры также не объявлялись.

— Где шляется этот старый хрыч?! — нарушил молчание Роберто.

Андреа покорило: впервые сын Карлуччи Сфорца столь грубо отзывался о родном отце.

— Я тебе язык вырву, ублюдок! — ответила темнота. — И в задницу засуну!

У костра возник дядюшка Карло, вне себя от гнева. Казалось, его сейчас хватит удар. Роберто подался назад, тем не менее дерзко поинтересовался:

— Как охота, папаша? Где наша жирная коза?

Вместо ответа наглец огреб такую затрещину, что кубарем покатился по песку. Вскочив, он бросился на родителя, и лишь Андреа, успев схватить брата за ноги, спас его от удара прикладом в лицо. Роберто снова упал, набив полный рот песку; вместо благодарности он накинулся на младшего родственника, вымещая злость. Юноша защищался, однако кузен был старше, сильнее и в драках знал куда больший толк.

Внезапно град ударов прекратился. Сквозь звон в ушах пробился довольный хохот дядюшки Карло:

— Ну, паршивцы! Ну, волчата! Показал бы я вам, как дерутся на Корсике, да лень. А ты, сопливец, гляди у меня: якнешь на отца — линьком выдеру. И ты, племяш: сунешься еще раз к моему сыну...

Карлуччи выдержал многозначительную паузу, после чего утратил всякий интерес к молодым людям. Сел к котлу, обжигаясь и чертыхаясь, стал жадно есть похлебку. У Андреа от обиды слезы на глаза навернулись: это он-то «сунулся» к Роберто?! Спас брата от отцова гнева, получил за это тумачков — а теперь еще и виноват?! Врезать бы поленом по затылку старому борову! Ничего, он им обоим это припомнит: и гаду-дядюшке, и мерзавцу Роберто! Он им устроит...

— О, мы как раз к ужину!

Едва отзвучал насмешливый голос, как в круг света, отбрасываемый костром, вступили трое. Блики пламени танцевали на лице человека, шедшего первым, превращая лицо в маску уроженца геенны. Узкая борода клинышком усиливала сходство с дьяволом, каким его изображают комедианты. Имелись ли у пришельца рога, оставалось тайной: голову венчала шляпа с высокой тульей и пряжкой из серебра. Густые черные локоны падали на плечи, шевелясь от ветра. Одевался незнакомец богато, но без излишеств; на боку — короткая шпага. Его спутники разительно отличались от предводителя. Хмурые лица, сальные кудри, грубость черт лица. Сходство выдавало в них братьев. Одежда обоих была в грязи и заляпана строительным раствором. словно в подтверждение догадок, один тащил кирку, а другой — заступ.

Никакого груза с пришельцами не оказалось.

— Добрый вечер, синьоры, — засмеялся предводитель. — Весьма любезно с вашей стороны, что вы озаботились ужином для нас. Признаться, мы изрядно голодны.

— Это вас надо доставить... э-э-э...

Карлуччи Сфорца с намеком уставился на троицу.

— В Неаполь, — понимающе кивнул насмешливый «дьявол».

— Вот и доставим. А об ужине уговора не было, — хрипло каркнул дядюшка Карло. — Ничего, пост душу спасает.

«Дьявол» сдвинул брови, а братья перехватили инструменты поудобнее.

— Мне не по душе ваш тон, любезный. Не забывайтесь.

В ответ дядюшка хмыкнул, молча переложив мушкет себе на колени. Правильно! Сфорца — старший, конечно, скотина еще та, и Андреа ему все припомнит при случае, но сейчас грех не одернуть зарвавшегося наглеца! Если что — справимся! У дяди мушкет... Парни бочком — бочком, как бы невзначай, придвинулись к родичу. Роберто не замедлил воспользоваться выгодами новой позиции, запустив ложку в котел. Угрюмо косясь на пришельцев, Андреа последовал примеру кузена.

— У нас на Корсике, синьор, с манерами плохо! А с дармовщинкой и того хуже!..

— Ловите! — Незнакомец брезгливо швырнул монету, которую моряк не погнушался поймать на лету. — Думаю, с вас хватит.

Жестом приглашая гостей к котлу, Карлуччи весь кипел. Ему не нравился хлыщ в шляпе, ему не нравилась эта затея, ему не нравился остров. Ему вообще ничего не нравилось. Ладно, синьор насмешник, поглядим, кто будет смеяться последним!..

— Эй, бездельники! Хватит набивать брюхо! Живо в трюм за харчами — тут шестерым на один зуб...

Молодежь без радости убрала ложки, исполняя приказ. Ох, дядя! Деньги увидел — наизнанку вывернется, лишь бы угодить...

Вскоре братья вернулись мокрые и злые, как черти. Дядюшка Карло почесал затылок.

— Прошу прощения, синьоры, но ужин откладывается. Если мы сейчас не вытащим тартану на берег, утром нам не на чем будет уплыть с острова.

— Утром? Мы договаривались отплыть ночью! Или вы трусите?!

— Шторм любит храбрецов. На дне много таких смелых людей, как вы. Говорю, отправимся утром. А покамест займемся тартаной.

И усмехнулся. Покорячьтесь — ка, синьоры, по пояс в водичке, охладите спесь!

Как ни странно, обладатель шляпы и шпаги, успевший представиться синьором Алонсо — испанец?! — раздумал кочевряжиться. Впрочем, в воду не полез: скрестив руки на груди, молча наблюдал с берега, как пятеро людей, выбиваясь из сил и бранясь на чем свет стоит, возятся с судном. Позже, в злой тишине, изредка обмениваясь скудными репликами, поужинали всухомятку: ветер опрокинул стойки, похлебка из котла залила огонь, костер пришлось разводить по новой... Удалясь от ревущего прибоя шагов на сто, начали устраиваться на ночлег. Небо заволочло тучами: ни луны, ни звезд. Подсвечивали себе головнями, взятыми из костра. Ветер остервенел: тушил головни, швырял в лица песок. От мокрой одежды тело закоченело. Не сговариваясь, люди сбились по трое: моряки отдельно, аниматоры отдельно.

Дядюшка Карло вдруг без объяснений двинул куда-то в темноту.

— Куда вы, любезный?!

Слова прозвучали как окрик. Вслед за таким обычно гремит мушкетный выстрел. Вот только мушкет сейчас был у Карлуччи Сфорца, а не у надменного испанца.

— Нужду желаю справить, синьор. Большую. Хотите сопроводить?!

Мужчины замерли, сверля взглядами друг друга. Наконец испанец плюнул и отвернулся, а контрабандист сгинул в миртовых зарослях. По возвращении он поманил к себе Роберто и Андреа.

— Сдается, наши красавчики в скалах клад зарыли! — горячо зашептал дядюшка Карло. — И вот что я думаю: отвезем их в Неаполь, а на обратном пути вернемся сюда,

поищем. Присматривайте за мерзавцами! Как бы они не сочли нас лишними...

Роберто ощерился крысой:

— Еще увидим, кто здесь лишний!

— Верно мыслишь, сынок! Значит, спим вполглаза... Ножи держите под рукой!

Стоит ли говорить, что сон отныне бежал Андреа?! Какое там вполглаза, хоть бы в четверть глаза задремать! В вое ветра чудились неясные шорохи, крадущиеся шаги, далекий (детский?!) шепот... Мучил озноб, сырая одежда была тому виной или дурная погода, а вернее всего, крайнее напряжение сил души. Юноша ворочался, проверял, сумеет ли быстро выпростать наружу руку с ножом, и в конце концов не выдержал.

Поднялся и, настороженно озираясь, побрел по берегу к скалам.

До измученного рассудка не сразу дошло, что ветер, всю ночь завывавший стаей диких псов, стихает. Тьму проредили серые мазки. Хвала Господу: никто не напал на молодого корсиканца, пока он лежал! У этих головорезов такие рожи... Следовало бы напасть первым: первому легче. Еще не поздно: утренний сон самый крепкий. Если тихо подобраться... Расквитаться за липкий страх, трясущиеся поджилки, за презрение в глазах испанца...

Словно в ответ, за спиной всхлипнул дремотный шепот Алонсо: «Монсиньор Спада, клянусь!., в задержке нет моей вины!., эти дерзкие плебеи...» Даже во сне, отчитываясь перед неведомым монсиньором, Алонсо бредил гордыней.

— Куда собрался, щенок?!

Сейчас Андреа был подобен заряженной аркебузе. Достаточно искры, чтобы порох на полке вспыхнул. Окрик одного из звероподобных «каменщиков» спустил курок.

— Тебя забыл спросить, собака! — рывкнул юноша, выхватывая нож.

К счастью, удар заступом пришелся плашмя. По уху. Он всего лишь швырнул корсиканца на камни, а не отсек голову. Затылок взорвался петардой, зрение рухнуло в дьявольский костер: сполохи, языки пламени... Брызнуло горячим, красным, жгучий вкус соли течет по губам... Кровь? Море?! В мозгу агонизировала пасхальным звоном колокольня Святого Павла, сознание мутилось, и Андреа не знал, что новый грохот раздался отнюдь не в его многострадальной голове. Это выпалил дядин мушкет! «Каменщик» с заступом стоял, изумленно глядя, как из страшной дыры в груди хлещет живое кянти. Пуля пробила тело навывлет.

Вскоре ноги его подкосились, и мертвец ничком упал в песок.

Дальнейшее запомнилось смутно. Вопли ярости, чей-то хрип, глухой лязг металла, проклятия и над всем этим непотребством — далекие детские голоса на утесах. Словно ангелы спустились с небес, в ужасе и изумлении глядя на бессмыслицу кровопролития. Словно бесы выбрались из пекла, дразнясь раздвоенными язычками. Трижды Андреа пытался встать, но под островом, очевидно, пробудился спавший доселе дракон. Клочок суши ходил ходуном, всякий раз опрокидывая жалкого, смешного муравьишку. Правда, муравей оказался упрямым: встал. Шатаясь, сделал несколько шагов, споткнулся о Роберто. Лицо двоюродного брата хранило следы безумия; живот был распорот. Такие раны оставляет матросский тесак. Хороший добрый тесак.

«Как у дяди», — отстраненно подумал юноша, смеясь.

Происходящее не имело к нему никакого отношения. Он тут чужой. Он случайно. Он сейчас уйдет... уже уходит!.. по воде, домой, шлепая босыми ногами... Клыки безумия терзали рассудок; юноша подумал, что хорошо было бы сейчас кого-нибудь убить. Возможно, он так и сделал, но не успел это заметить. Утес по имени Алонсо налетел на валун по имени Андреа, больно зацепив висок гранитным кулаком. Это тоже вышло смешно. Очень. Хохоча во все горло, утратив последние крохи разума, веселый матрос следил, как испанец, хромя и зажимая ладонью кровоточащий бок, бежит к тартане. Ведь правда же, потеха: утес бежит! Ведь верно, забава: ночью забыли вытравить чалку, и буря стянула суденышко в воду. Тартана качалась у самого берега; Алонсо осталось лишь рассечь кинжалом канат и перевалиться через борт.

Отлив сразу потащил тартану прочь, к выходу из бухты.

Но смешнее всего, не считая богохульств раненого дядюшки Карло, были скелеты в рясах. Пятеро, шестеро Смертей с крохотными косами в руках. Спустившись с утесов, они бродили меж телами, и Андреа Сфорца, не утирая слюней с влажного подбородка, присоединился к хороводу. Душа его была далеко отсюда. Душа вернулась домой, по воде, аки посуху. А телу... отчего бы пустому телу и не сплясать на рассвете?

Наконец одна Смерть подошла к несчастному и ласково взяла за плечо.

— Ego autem dico vobis: diligite inimicos vestros, — сказала Смерть.

Дикий хохот прозвучал в ответ.

...Остатки ночного кошмара быстро таяли. Распадаясь клочьями тумана, ужас бежал под натиском пробуждения. Веки еще оставались сомкнуты, но Андреа уже понимал: он спал. Ему привиделся дурной сон. Вот проснулся. Все будет хорошо.

Не зная, что сейчас мечтательно улыбается, он открыл глаза.

Вместо неба над головой нависал грубо обтесанный камень.

Свод пещеры.

Эти простые и оттого безусловно верные умозаключения заставили юношу снова улыбнуться. Интересно, как он оказался в пещере? Да еще и на тюфяке, набитом соломой? Без особого усилия он сел, опершись руками о жесткое ложе. В голове отдалась тупая боль, но это нисколько не беспокоило молодого корсиканца. Напротив Андреа, прямо на гранитном уступе, сидел незнакомый старик. Похожий на сухую оливу, у которой попуцанием небес вдруг объявился человеческий взгляд: ясный и добрый. Засучив рукава дерюжной, подпоясанной вервием рясы, старик чинил сандалию. Шилом и дратвой он орудовал умело, точно заправский сапожник...

— Святой отец! Где я?

— В обители Монте-Кристо, сын мой. Хвала Господу за то, что он вернул тебе рассудок!

— Воистину хвала, святой отец!

— Зови меня: отец Джованни. Я аббат нашего скромного монастыря.

На аббата старик походил мало. Скорее уж на нищенствующего монаха. Возможно, он дал соответствующий обет?

— Отец Джованни, я — Андреа Сфорца... Матрос, с Корсики. Скажите, что со мной случилось?

— Ты все забыл, сын мой?

Юноша напряг память. Кажется, они с дядей и Роберто высадились в бухте. Дождались пассажиров. Началась буря... дядя велел заночевать на берегу...

— Не помню, отче! Клянусь Мадонной!

— Этого следовало ожидать, — задумчиво пробормотал аббат. — Оперившиеся птенцы плохо помнят себя прежних.

Подобный комментарий мало способствовал просветлению.

— Мы нашли тебя на берегу, сын мой. Принесли сюда. Ты был болен, но теперь благодаря Господней милости поправился. Все позади.

— А мой дядя? Кузен Роберто? Где они?

— Этот буян — твой дядя? Он здесь, в обители. В другой келье.

— Я могу их увидеть?

— Не сейчас, сын мой. Ты слишком слаб. И твой дядя тоже не вполне пришел в себя. Думаю, ты голоден?

В ответ живот юноши заурчал с редким красноречием.

— Да, отец Джованни! Очень!

— Сумеешь дойти до трапезной? Или принести ужин сюда?

Андреа поднялся на ноги:

— Сумею, святой отец.

— Вот и хорошо. Обожди меня здесь. Я ненадолго отлучусь: время доить птенцов. А

потом вернусь и провожу тебя в трапезную.

«Доить птенцов»? А, мало ли, что могли значить слова аббата на самом деле! Небось услышь святой отец, как изъясняются меж собой контрабандисты с Корсики... Разговаривая, старик успел закончить починку сандалии и теперь начал медленно обуваться. Андреа тем временем осмотрел келью. В пещерном монастыре он был впервые. Стены и потолок хранят следы зубила, но местами сохранился дикий, ноздреватый камень. Открытый проем входа золотят ласковые лучи солнца. Деревянная лежанка с ветхим тюфяком. Посуда из глины: два горшка, кувшин в углу. Свечные огарки на полке, вырубленной прямо в стене. Выше сушатся связки трав и корней, пропитав всю келью ароматом, похожим на запах ладана в церкви.

Жилище аскета.

Когда аббат двинулся к выходу, юноша последовал за ним, невзирая на предложение обождать. Старик возражать не стал. На всякий случай Андреа придерживался рукой за стену. Камень был приятный на ощупь: теплый и шершавый. Голова больше не кружилась. Корсиканец отнял руку от стены и невольно зажмурился: в глаза полыхнул закат.

— Ты проспал почти весь день, — ответил аббат на немой вопрос.

— ...убийцы! Кровососы! На костер!!!

Черная волна крика. Жгучая ненависть ладонями ударила по ушам. Юноша покачнулся, теряя равновесие.

— Колдуны! Будьте прокляты! Гореть вам в аду!

— Дядя! Это же кричит мой дядя! Что с ним?

— Прочь от меня, прочь! Убью!!!

— С твоим дядюшкой все будет в порядке. — Аббат говорил тихо, но речь старика легко просачивалась сквозь вопли Карлуччи Сфорца, как вода сквозь сито, достигая ушей юного матроса. — Увы, бедняга не в себе. Это пройдет. Мы оказали ему необходимую помощь, но проклятие епископа пребудет с ним, пока он не покинет Монте-Кристо. Здесь нельзя долго оставаться посторонним. Не бойся, сын мой, в самом скором времени мы переправим вас домой. А пока обитель рада таким гостям, как вы...

Простые, искренние, безыскусные слова. Они обволакивали, смиряли, наполняли душу спокойствием до краев. Андреа даже не сразу сообразил, что настоятель идет прочь, оставив его одного у кельи-пещеры. Тропинка, по которой спускался сейчас отец Джованни, вилась вдоль склона утеса, петляя меж смоковниц и мастиковых деревьев. Ниже тропа скрывалась в колючих зарослях фриганы. Стрекотали тысячи кузнечиков, листья над крохотными певцами трепетали, шурша по-змеиному. Вдали шумело море; этот звук был здесь настолько обычен и повседневен, что чувства отказывались его воспринимать. Так бывает с молодостью: замечаешь ее преимущества, лишь утратив навеки.

Вскоре фигуру аббата поглотила темная зелень.

Юноша огляделся по сторонам. Совсем рядом, прилепившись к скале, расположилась малая часовенка с двумя статуями у входа. Ветер и время изрядно поработали над изваяниями: определить, кого именно из святых они изображали, не представлялось возможным. Скорее уж статуи напоминали языческих идолов. Вокруг часовни все было чисто подметено. Далее, утонув в вереске, скорбно молчали руины какого-то здания: крыша просела, ближайшая стена наполовину обвалилась, в зияющих провалах окон росла трава. Наверное, раньше община жила здесь, но дом обветшал, и монахи покинули былой приют. Зато отвесный склон горы напротив был, словно оспинами, испещрен входами в кельи. К части из них вели ступени, грубо высеченные в камне.

— Кара! Кара небесная! В ад, поганые стрегии! Охвостье дьявола!

Кузнечики не обращали на вопли ни малейшего внимания. Щебетали птицы. Шумело море.

— Я своими руками перережу вам глотки!

Не в силах далее слушать дядину брань, Андреа поспешил вниз по тропинке, следом за аббатом. Видеться с родственником резко расхотелось. Дядюшка Карло в помрачении

рассудка не вызывал особой любви. Оставалось верить отцу Джованни и надеяться, что вскоре бедняга поправится. О судьбе Роберто, как и о том, куда делась троица нанимателей, Андреа старался не думать вовсе.

Так дитя прячет голову под одеялом, боясь совы□оборотня.

Миновав оливу, тревожно зашелестевшую вслед, он сперва заблудился и едва не угодил в ласковые объятия можжевельника. Растерянно озираясь, отыскал□таки хитрюгу□тропу. Дальше, за растрепанной шевелюрой маквиса обнаружились огородики — аккуратные, любовно ухоженные. Выше имелся загон для домашних коз. Уж не их ли отец Джованни назвал «птенцами», намереваясь доить? Нет, аббата поблизости не оказалось. Тропа стала шире, расплескалась зеленью речного устья, превращаясь в лужайку, — и на другом краю ее Андреа увидел еще один загон под навесом.

В загоне толпились люди! Голые, грязные, в драных набедренных повязках, а кто и вовсе нагишом. Все они, будто овцы, сгрудились вокруг отца Джованни. Аббат что□то ласково приговаривал, трепал по волосам самых настойчивых, а голые люди норовили подобраться ближе, получить свою долю ласки, потереться о святого отца плечом, боком — чем удастся. Ни следа мысли нельзя было прочесть на лицах этих людей. Дикари? Блаженные? Слюнявые рты, отвислые губы, безвольно болтающиеся руки. Ничего человеческого. Скот сгрудился вокруг хозяина. Ждет. Чего? Корма? Ласки?

Дойки?

Как ни странно, безумцы выглядели здоровыми, крепкими и довольными жизнью, насколько может быть довольна жизнью овца или корова. Монахи дали обет заботиться о несчастных? Содержать, кормить? Разве забота о нищих духом не есть богоугодное дело, вполне подобающее святым отцам?

Андреа собрался окликнуть аббата, но сдержался. Лишь сейчас он обратил внимание, что загон открыт, но никто из безумцев и не думал убегать. Пастырь и овцы... Настоятель тем временем отвязал от веревки, заменявшей ему пояс, холщовый мешочек, извлек сверкнувший на солнце (олово? серебро?) кубок с крышкой в форме змеиной головы и хирургический ланцет. Стадо заволновалось, каждый стремился к аббату, отталкивая конкурентов. Умалишенные пускали слюни в предвкушении, умильно заглядывали отцу Джованни в глаза. Настоятель же вел себя с предельной доброжелательностью. Деликатно, но с уверенностью он отстранил двух ближайших безумцев (те ничуть не обиделись) и оказался лицом к лицу с третьим. Человек задрожал от возбуждения, торопясь протянуть левую руку ладонью вверх.

Это, пожалуй, был первый едва ли не осмысленный жест.

Аббат наклонился, припав к запястью «птенца» ртом. Поцелуй? Укус?! Напрягая зрение, Андреа всматривался в творящуюся мистерию. Пресвятая Дева! — святой отец вылизывал руку безумца языком, очищая от скопившейся грязи. Затем протер запястье мягкой тряпицей, привычным движением сделал узкий косой надрез. Подставил кубок, откинув крышку. Безумец радостно угукал и смеялся без смысла, однако вел себя смиренно, не мешая «дойке».

Взгляд намертво прикипел к каплям жидкого рубина, звонко падающим на дно кубка. Захоти юноша отвернуться — не смог бы. Вид крови делал разум холодным и острым, обкладывал больную память льдом, срывая коросту. Багряный сполох метнулся навстречу, оглушил, опрокинул. Упала ночь. Высвечены беззвучными молниями, замелькали: распоротый живот Роберто, «каменщик» с дырой от мушкетной пули в груди... спешит к тартане синьор Алонсо... собственная рука юноши, нож зажат в белом, восковом кулаке... Возможно, он застонал или попытался бежать. Но скорее всего просто врос в камень, застыл соляным столбом, женой Лота, оглянувшейся на горящий Содом.

Когда приступ закончился, он увидел, как отец Джованни зализывает рану на руке безумца.

Тогда Андреа закричал по□настоящему. Вопль извергнул все негодование на судьбу, столь жестоко обидевшую невинного юношу. Больше сил не осталось, и тупая покорность

снизошла на Андреа Сфорца, «оперившегося» птенца. Не смея поднять взор на аббата, он сердцем чувствовал, как к нему близится престарелая смерть в рясе, с ланцетом в руке. Это уже было — там, на ночном берегу...

— Зря ты последовал за мной. — В мягком голосе аббата звучали укоризна и искреннее сожаление. — Тебе не следовало видеть кровь. По крайней мере сегодня.

— Святой отец! Роберто... он погиб? И те, другие люди — тоже?!

— Да, сын мой. Мы похоронили их. Проклятие епископа настигло вас. Выжили двое: ты и твой дядя. Ах да! — еще, наверное, тот дворянин, который уплыл на вашей тартане. Как только твой дядя окрепнет и если ты изъявишь такое желание, мы переправим вас на Корсику. Не веришь? Зря. Я не желаю зла вам обоим.

— Что с моим дядей?

— Он ранен. И проклятие епископа кричит его устами. Но оставь страх: он поправится, душой и телом. Надеюсь, Господь простит ему черную брань, ибо не ведает сей человек, что творит. Мы будем молиться об этом. А сейчас идем в трапезную. Время ужинать.

Андреа покорно следовал за аббатом, не отважась и словом заикнуться о «дойке». Аббат тоже не стремился заводить разговор на эту тему. Сердце замирало в груди юноши. Что ждет его на ужасном острове, где монахи цедят кровь из умалишенных? Какому сатанинскому ритуалу он стал невольным свидетелем? Быть может, аббат нарочно успокаивает наивного матроса, предупреждая побег? А там придет время, и ланцет колдуна отворит его жилы! Что если дядя здоров? Карлуччи Сфорца в плену, он не устает призывать гнев небес на головы святотатцев...

Но стоило в очередной раз глянуть на шагающего впереди аббата, как страшные мысли уходили прочь. Душу переполняло безграничное доверие. Разве может этот отшельник лгать?! Спокойствие и благодать, исходя от монаха, бальзамом проливались в истерзанное сердце.

Ничего плохого здесь, на Монте-Кристо, случиться не может.

Трапезная располагалась под открытым небом: простой деревянный навес на четырех столбах. Под навесом — дощатый стол и длинные скамьи. На скамьях уже сидели монахи: человек десять, в одинаковых рясах, ничем не отличавшихся от одежды аббата. Еще за столом скучал молодой парень, примерно одних с Андреа лет. Крепкий, румяный, босой и голый по пояс. Когда аббат с корсиканцем появились из кустов, парень возбужденно вскочил и с детским изумлением уставился на гостя. Будто заморскую диковину увидел. Встречая настоятеля, все члены общины встали, и аббат занял место во главе стола. Указав Андреа: садись рядом с полуголым парнем. Тот без стыда таращился на моряка — едва ли не с восторгом! — чем изрядно смущал юношу. Кубок с кровью отец Джованни водрузил на стол перед собой, нараспев читая молитву на латыни. Монахи склонили головы, каждый взялся пальцами правой руки за запястье левой, словно вместе с молитвой вслушивался в биение пульса.

Закончив, настоятель трижды перекрестил кубок и поднес ко рту.

С ужасом и странным волнением смотрел Андреа, как аббат делает крохотный глоток, передает кубок ближайшему брату... Неужели его, Андреа Сфорца, доброго христианина, тоже принудят к такому причастию?! Ужас и вожделение смешались воедино; страшась, он одновременно желал этого! В своем ли ты уме, матрос?! Да минует нас чаша сия!..

Миновала. Ни ему, ни босому парню кубка не предложили. У Андреа невольно вырвался вздох облегчения; простодушный сосед оказался куда менее сдержанным.

— А мне? — капризно заявил он, потянувшись к кубку. — Дай!

Аббат мягко убрал кубок, покачав головой:

— Тебе это не нужно. Когда станешь взрослым, сможешь сделать выбор. Но не сейчас.

Парень надулся от огорчения: обиженный мальчишка, которого обделили горстью изюма.

— Господь да благословит нашу трапезу. Аминь.

Андреа опасливо заглянул в ближайшую миску: мало ли что там окажется?!

— Оливки! — просиял парень, заискивающе глядя в лицо гостю. — Вкусно! Будешь с нами жить?

Юноша пожал плечами:

— Не знаю...

И, ощутив зверский голод, принялся набивать брюхо снедью.

Если не считать кровавого причастия, ужин был постным: мясо или рыба на столе отсутствовали. Пиво и вино — тоже. В глиняных кувшинах пенилось свежее козье молоко. Грудями лежали маслины, сыр, дикий виноград, зелень и орехи. Андреа с трудом сдерживался, чтоб не запихивать еду в рот без разбору. А вот его сосед чавкал, хватая все подряд. Лишь время от времени, ловя на себе снисходительные взгляды монахов, ненадолго вспоминал о приличиях. Наконец он сыто рыгнул и вновь повернулся к Андреа:

— Ты где был раньше?

— Как это «где»? — опешил юноша. — На Корсике жил. С дядей в море ходил.

— Корси́ка. Дя́дя, — старательно повторил парень, пробуя слова на вкус. — Глупый, в море ходить нельзя! Уто́нешь!

— Мы на таргане ходили, — как маленькому, объяснил Андреа.

— Тарта́на? Кто это «тарта́на»?

«Да он просто дурачок!» — дошло наконец до юноши. На всякий случай он отодвинулся от соседа подальше. И чуть не свалился со скамьи.

— Такая большая лодка, — сообщил он, вставая. — Под парусом.

Глаза дурачка округлились:

— Лодка! Большая! У нас тоже есть лодка!

— Идем, сын мой, я провожу тебя в келью, — подошел отец Джованни. — Темнеет, ты можешь не найти дорогу...

Дурачок увязался следом, и аббат не стал его прогонять. На остров стремительно рушилась ночь, в лиловом небе зажигались теплые лампадки звезд. Кузнечики сходили с ума, в кронах деревьев перекликались ночные птицы, над головами бесшумно мелькали силуэты летучих мышей. Андреа не покидало ощущение сказочности происходящего. Это сон; утром он проснется и...

Темный провал входа в келью.

Воплей Карлуччи Сфорца не слышно: похоже, угомонился.

— Можно мне проведать дядю?

— Конечно. Идем.

У проема дальней кельи теплился масляный светильничек. Взяв его, аббат пригласил Андреа войти. Дурачок остался снаружи. Дядя лежал на такой же лежанке, на какой сегодня очнулся Андреа. Левая нога контрабандиста была тщательно перевязана. На повязке темнела проступившая кровь.

— Спит. Не стоит его тревожить, — шепнул настоятель.

Андреа молча кивнул. Они чуть-чуть постояли, глядя на спящего, и тихо вышли прочь.

Ни аббат, ни юноша не видели, как дядюшка Карло из-под ресниц проводил их взглядом, где стыло коварство змеи и ликование волка. «Явился поглядеть на родича, гаденыш? Как тебе твои новые дружки, племянничек?! Стрега-кровопийца! Не дамся... не дождетесь...»

Карлуччи Сфорца осторожно пошевелил раненой ногой.

Ничего, сойдет.

— Я вижу, ты о многом хочешь спросить, сын мой. Спрашивай, не бойся.

— Как... как вы можете?!

— Что именно?

— Пить кровь! Доить несчастных безумцев! Ведь это же грех! Смертный грех!

— Грех? — Казалось, аббат был слегка удивлен. — Почему ты так решил, сын мой? Где в Писании сказано, что творить добро есть грех? Не напомнишь ли?

Андреа растерялся. Разумеется, юноша не мог привести аббату соответствующую цитату из Святого Писания, даже если таковая и имелась. Тем не менее он был уверен в своей правоте.

— Безумцы ближе к Господу, сын мой. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное». Вкушая добровольно отданную кровь, мы и сами становимся ближе к Небу. Эти люди с радостью жертвуют нам часть себя, и телесное здоровье их ничуть не страдает. Мы же в ответ несем исцеление их скорбному разуму. Давай присядем здесь, на ступеньках. Это долгая история...

— Кровь дракона стучит в мое сердце. Кровь Монте-Кристо, Голгофы, горы смерти и воскресения, поднявшейся из тирренских вод. По-арамейски Голгофа — Голголет.

Череп.

Опустевший храм рассудка.

Это ядовитая кровь. Дракон мстителен. Коварен. Злоба разъедает ему печень; подозрения кишат в легких, отравой клубятся в мозгу. Дай змею волю — он выжжет остров изнутри, выгрызет сердцевину, когтями выцарапает дымящиеся потроха, оставив пустую оболочку там, где раньше была жизнь. Череп вместо головы. На скалах зачахнут оливы, рыба уйдет от берегов, заросли мирта обглодает шершавая короста. Козы станут шакалами, а люди обратятся в демонов, с наслаждением пожирая себе подобных.

У дракона много имен. Одно из них — Проклятие Епископа.

Но остров всегда со мной.

Я топчу змея, и да поможет мне Джорджио Каппадокийский, святой великомученик!

Это началось давно. Так давно, что моя кровь не в силах дать ответ. Я берусь правой рукой за запястье левой. Каждый толчок пульса — десять лет. У меня в запасе немного: полсотни ударов, пятьдесят птенцов, клюющих в пальцы. Птенцы хотят есть. Мне нечем накормить их: Проклятие Епископа свершилось раньше, чем из скорлупы Черепа вылупился первый птенец.

Будем довольствоваться догадками вместо памяти, замешанной на крови.

Легендами.

Будем, как все.

Это случилось, когда Рим шел к гибели, думая, что идет к новой славе. Возможно, священником, проклявшим зловерный остров, был Януарий, по венцу святого великомученика — собрат Джорджио из Каппадокии. Епископ Беневентский, он посмел в страшные годы Диоклетиана Гонителя, императора-упыря, протестовать против ареста своего дьякона. В ответ на такую дерзость наместник области Драконций — имя! имя!!! — вынес Януарию смертный приговор. Епископа казнили близ местечка Поццуоли, и некая женщина собрала в два флакона кровь несчастного. Спрятанная в реликварий, эта кровь до сих пор хранится в кафедральном соборе Неаполя.

Каждый год, в сентябре, на глазах у тысяч неаполитанцев, сухой сгусток вновь обращается в живую, теплую кровь. Оставаясь соком жизни в течение девяти дней.

Реликвия, судя по свидетельствам очевидцев, бывает разного цвета. Темная. Алая. Ржавая. Как скалы Монте-Кристо на закате. Мало кто знает, что незадолго до ареста Януарий с малой общиной укрывался на острове. Солдаты Драконция не стали бы искать его здесь. Но иной дракон объявился в общине: дьявол. Переходя от человека к человеку, искушитель нашептывал строгим о грехах братьев, указывал мнительным на косые взгляды, напоминал яростным о былых обидах, раскрывал гордым чужие насмешки — и настал день гнева, когда община пожрала самое себя. В одиночестве покидая пустынный остров, плывя навстречу смерти, более желанной, нежели воспоминания о резне внутри общины, епископ Януарий проклял кровавые утесы. Навеки. Слово святого на пороге мученичества живет долго. Дольше сгустка плоти в соборном реликварии. С восходом и заходом солнца оно проливается на скалы, напоминая: я здесь! Отныне всякий, ступив на отмеченный берег, достается дракону, как достался палачу Драконцию мятежный священник. Гордыня, месть, злоба и бешенство — безумие клыками рвет сердце, толкая на ужасные поступки. Рассудок

мутится, окрашиваясь багрянцем.

Беги, глупец!

Впрочем, все могло быть совсем иначе.

Я беру левой рукой запястье правой. Пульс отвечает. Толчок за толчком: дракон в недрах бесится, смиряемый великой силой. Год за годом, век за веком.

Шестьсот лет после гибели епископа Януария остров был необитаем. Редкие гости Монте-Кристо либо успевали вовремя покинуть проклятую гору, либо истребляли друг друга. Но однажды скромная община монахов приплыла сюда на парусных лодках с целью основать аббатство Монте-Кристо. Монастырь на Голгофе. Им повезло — дракон спал, подарив братьям лишнее время; им не повезло — дракон проснулся. Змей ликовал, слыша из-под груды камня, как монахи, словно умалишенные, поодиночке терзают слабых и сообщая губят сильных. Монахи плохо умеют убивать, значит, история затянулась. Рыча зверем, аббат гибнущей общины зубами вцепился в тело последнего оставшегося в живых брата. И едва кровь хлынула в горло отца настоятеля, едва он сделал первый глоток, как безумие покинуло аббата. В ужасе глядел пастырь на дело питомцев своих, не ведая, что творит, встал на колени, надкусил собственную вену и дал раненой жертве «причастие Голгофы».

Эти двое сохранили монастырь.

Впрочем, все могло быть совсем иначе. Слишком давно, слишком туманно: я спрашиваю кровь, тронув ее пальцами, но кровь откликается еле слышно. Первые толчки глохнут в монолите времени. Так эхо крика еще живет в ущелье, но не всякому путнику дано понять слабый отзвук.

Проклятие острова Монте-Кристо — тяжкий крест. Обычным людям не снести его. Наполнить опустелый Череп, где кишат черви, заново? — нет. Вернуть разум жертвам дракона? — вряд ли. Вам, пришедшим из большого мира, не сделать чуда. Чудо делаем мы. Пять веков аббатство Монте-Кристо держит змея в цепях. Избывает грех, обращая зло в добро. Нас мало: дюжина. Иногда чуть больше, иногда чуть меньше. Время от времени мы ездим на побережье: Неаполь, Генуя, Ливорно, Маречана. Или на острова: Корсика, Сицилия, Сардиния. Дальше мы не ездим, боясь опоздать, не вернуться к сроку. Монахи нашей общины сходят с ума, если долго не возвращаются домой, в эти скалы. Монахи нашей общины ищут безумцев, чтобы привезти сюда.

Что происходит дальше, ты видел.

«Причастие Голгофы» возвращает свет пустым глазам.

Остров всегда с нами.

Часть птенцов, за год-два восстановив разум до обычного, покидает Монте-Кристо, возвращаясь в мир. Другая, малая толика, остается здесь навсегда, принимая постриг. Кровь дракона льется в моих жилах. Все мы, члены общины, — бывшие птенцы, обделенные судьбой, лишённые разума, чтобы обрести его на Монте-Кристо. Сумасшедшие в пятом, шестом колене. Триста лет назад община получила статус ордена; в Ватикане нас зовут стриксианцами. Ты спросишь, почему таким, как мы, позволяют сохранять сан? Почему инквизиция еще не бросила грешников в застенки? Не возвела на костер?! Юноша, безумие слепо. Разум может утратить кто угодно, и родители отдадут жизнь, лишь бы вернуть сыну рассудок! Властители мира слишком многим обязаны скромным стриксианцам. В частности, пока жив Его Святейшество Александр Шестой, в миру — Родриго Ленцуоли Борджиа, — нам нечего бояться.

Родной сын понтифика, Чезаре Борджиа, а спустя три года и дочь Лукреция в раннем детстве провели некоторое время на острове. Родившись безумными, нашими заботами они возвратились к новой жизни герцогом Валентинуа и герцогиней Феррарской.

Сын мой, ты полагаешь, твой разум, утраченный на кровавом берегу, был возвращен каким-то иным способом? Там, в бухте, я взял твою кровь и в ответ дал тебе свою. Рассудок ушел недалеко и быстро вернулся от первых же глотков. С урожденными безумцами это происходит куда медленнее. О птенец, прими дар судьбы с благоговением и останься с нами

или вернись домой, отказавшись от суетных размышлений и благодаря Господа за оказанную милость.

Помни: остров отныне всегда с тобой.

Дракон больше не властен над добычей.

— Если я вернусь домой, — спросил Андреа Сфорца, — что будет со мной дальше?

Аббат пожал плечами, глядя на юношу ясно и светло:

— Я не знаю. Один Господь всеведущ.

— Вы никогда не интересуетесь, что стало с птенцами, вылетевшими из гнезда?

— Нет. Зачем?

Кряхтя, он наклонился: поправить сандалию на левой ноге.

Спал Андреа плохо. Юноше снилось, что к нему возвращается рассудок. Блудный сын, рассудок хромал, тяжело ступая на сбитые в кровь ноги; лицо рассудка, знакомое до дрожи, также было в крови. «Отец! — кричал рассудок издалека, рыдая. — Я согрешил против неба и пред тобою! Я недостойн называться рассудком твоим! Прими меня в число наемников твоих!..» Хотелось заколоть тучного тельца, накормить бродягу, раскрыть для него родные объятия — но что-то мешало. Сердитое безумие, брат-близнец рассудка, ворчало рядом: «Вот, я столько лет служу тебе, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими...» Внезапно Андреа обнаружил, что стоит на камне, на голом куске мрамора-багрянца, словно на застывшей волне алого моря, раскинувшегося кругом. Рассудок продолжал идти по волнам, разбрызгивая кармин и пурпур; чайки кричали голосом дядюшки Карло: «Проклятые стрегии! Убью!» Безумие погрозило им пальцем, и птицы умолкли, хитро щелкая клювами. Лишь Святой Януарий, сидя вдали на голом черепе, держал в руках флакон со своей нетленной кровью и улыбался таинственно. Качаясь на алой зыби, шел трехмачтовый корабль из Неаполя и Смирны в Марсель; на палубе стоял высокий, стройный юноша, очень похожий на самого Андреа. Юношу обнимал за плечи маркиз де Ла Пайетри, помимо сочинительства славный тем, что в трехлетнем возрасте, после смерти отца, мулата-генерала, схватил ружье и сказал матери: «Я иду на небо: убить Боженку, который убил папу!» Потом корабль утонул и воскрес, рассудок затерялся в морских просторах, и корсиканец Андреа Сфорца забылся сном, легким и ясным, как взгляд аббата Монте-Кристо.

Утром юноша обнаружил, что выздоравливающий — или, как говорили на острове, «оперившийся» — птенец, с которым он познакомился в трапезной, всю ночь так и проспал на пороге кельи. Будто преданный пес, обогретый мимоходом. Едва юноша сел на ложе, бывший безумец тоже сел и с детской радостью пробуждения уставился на нового друга.

— Идем гулять? — спросил птенец. — Да?

Сегодня он говорил куда отчетливей и внятней, нежели вчера.

Андреа не стал долго размышлять над причинами столь удивительной привязанности с первого взгляда. Птенец был ему симпатичен: в этом сильном молодом человеке жил ребенок, впитывавший новое знание о мире с ненасытностью губки. Малыш, нуждавшийся в опеке, дитя, пробующее на ощупь возможности обретенного рассудка. Сердце Андреа Сфорца тянулось к бывшему безумцу, возможно, еще и потому, что они были братьями по несчастью — или, если угодно, по счастью.

Снаружи их ждал аббат.

— Вы не сможете увидеться с вашим дядей, сын мой.

Страшные подозрения закрались в душу.

— Что с дядюшкой Карло? Он жив?!

— Разумеется. Он настолько жив и здоров, что ночью сумел покинуть келью, украсть лодку, спрятанную в бухте, и оставить остров. Все, что ни делается, к лучшему. Вдали от Монте-Кристо ваш дядюшка избавится от драконьего яда: не сразу, исподволь — но день-два, и он станет прежним.

— А я?

— Поскольку мы остались без лодки, сын мой, тебе придется задержаться. Либо твой дядя, вернувшись на Корсику, пришлет за тобой знакомых моряков, либо мы обождем, пока кто-нибудь не завернет к нам. Такое случается: родители приезжают просить за несчастных детей или наши поверенные в Неаполе сообщают, что нашли замену выздоровевшим птенцам... Куда тебе спешить?

Птенец тронул рукав юноши:

— Не уезжай... Ой! Коза! Коза бежит!

Двигаясь с невероятной скоростью, птенец кинулся вверх по склону, стараясь поймать удравшую из загона козу. Андреа бросился следом: не столько желая помочь в поимке беглянки, сколько радуясь бодрости тела и выгоняя из головы остатки неприятного сна. Было радостно ловить козу вместо сбежавшего дядюшки. Скоро прибудет корабль, лодка или тартана, скоро он вернется домой, на Корсику, и забудет Монте-Кристо навсегда. Разве что изредка с благодарностью, проплывая в виду острова, станет молить Господа простить отцу Джованни и всем братьям общины их грехи, творимые во благо...

Камни шуршали под ногами. Цепляясь за ветви олив и стволы миртов, Андреа поднимался все выше. Козу и птенца он почти сразу потерял из виду, только слышал вопли: «Стой! Козочка, стой!» Ящерицы, похожие на пластинки изумруда, шарахались прочь, оставляя нагретые солнцем лежбища. Мшистые бока утесов источали острый, пряный запах. Обогнув скалу, похожую на дремлющего пса, корсиканец оказался на вершине. Внизу, обрывая кружева пены о бастионы валунов, играло море. Густо-лазоревого, оно открывало взгляду свой простор с бесстыдством опытной куртизанки; можно было различить родную Корсику, позволив сердцу забиться от радости.

Юноша не обратил внимания, что тесно сжимает пальцами правой руки запястье левой. Толчок пульса. Один, другой. Десятый. Море не менялось: десять, двадцать, сто лет назад его воды оставались прежними, равно как очертания островов архипелага. Если бы Андреа, например, в это время смотрел на часовню, продолжая слушать голос крови, он, пожалуй, сумел бы обнаружить много интересного, проникая в глубь времен, но море... о, море!..

И пальцы когтями вцепились в колокол зачавшего пульса, когда на юге он заметил стайку хищных силуэтов. Две мачты: на носу и посередине. Жилая надстройка на полуюте. Парус со звездами и полумесяцем. Двадцать шесть могучих весел по каждому борту. Батарея из семи пушек на полубаке; легкие пушки по бортам. Острый нос, похожий на клюв альбатроса.

Гроза Средиземноморья.

Галеры алжирских пиратов.

Судьба одарила украденную лодку верным курсом и милостью случая. Дракону в дядюшке Карло повезло: он нашел достойных слушателей. А рассказ о сокровищах, наверняка зарытых в тайниках упырей-монахов с Монте-Кристо, вызвал живейший интерес у людей Барбароссы II, берлербей османской Порты.

Стоя на носу и глядя на приближающийся остров, Карлуччи Сфорца хохотал.

Даже не слыша этого хохота, юноша ощущал его всем телом.

Так смеялась ночь, утонувшая в забытии безумия.

* * *

— Жалко, — сказал Петер.

— Кого жалко?!

Андреа Сфорца опять стоял у балконной двери, спиной к единственному слушателю. За время рассказа он часто выходил на балкон, всматривался в небо, словно ожидая знака свыше или просто рассвета. Дождлся: первые яркие мазки легли на холст, простертый над Неаполем. Ночь шла к концу. Спали прекрасные синьориты и пылкие синьоры. Дремал «Замок Яйца»; усталые призраки бродили по его коридорам, тихо звеня цепями и разыскивая отрубленные головы. Сладко посапывали Палаццо Гравина и Кастель Нуово, древняя

резиденция неаполитанских королей. Полной грудью дышал залив, впитывая прохладу утра. На берегу готовился к дневной суете порт Капуана, качая галеры, бригантины и рыбацьи лодки. В маленькой комнате гостиницы «Декамерон» еле слышно храпел безумец Ромео, нимало не интересуясь тайнами своего опекуна.

— Всех жалко, — честно ответил Петер, сморкаясь в платок от избытка чувств. — Монахов жалко. Сокровищ жалко. Умалишенных жалко. А пуще всего — вас, синьор Сфорца. Несчастный вы человек...

Целитель улыбнулся:

— Меня, юноша, жалеть не стоит. Впрочем, как и сокровищ. Алжирцы ничего не нашли. Ни единого сольдо. Плохо искали; а скорее всего, не было на острове никаких сокровищ. Пираты решили: аббат карту кладов проглотил, чтоб не достались иноверцам. Мучили его... Потом дядюшку Карло убили. За лживую наводку. И оставшихся в загоне птенцов: всех. До единого. Зачем возить лишнюю обузу?! — сумасшедших рабов не купят на рынках Египта или Туниса...

— А вас?

Не сразу до Съядека дошла глупость заданного им вопроса. Разумеется, Андреа Сфорца оставили в живых: вот он, живехонек! А если кровь иногда пьет, так это ничего, это из лучших побуждений...

— После дядиной казни алжирцы кинули нас на весла.

— Кого — вас?

— Андреа Сфорца и того птенца, что привязался к юноше. Оба в здравом уме, пускай даже один — сущее дитя... Зачем молодым, сильным рабам пропадать? Вышли в море, а в проливе Святого Бонифация напоролись на эскадру генуэзца Дориа, знаменитого охотника на пиратов. Во время боя нам удалось заполучить топор и расковать. Андреа и я выскочили на палубу... какой-то солдат из команды Дориа попытался ткнуть в меня саблей, и я раскроил ему череп!.. Дальше уже не было выбора, за кого сражаться. Нашей галере удалось уйти, пираты с удовольствием пополнили экипаж, вернув нам свободу, — во время схватки многие алжирцы погибли...

Целитель обернулся к Петеру, донельзя изумленному этим монологом.

В особенности словами «Андреа и я».

Бледное лицо рассказчика окрасилось розовым, но это были проказы рассвета.

— Ты что, еще ничего не понял? Нет, я не племянник дядюшки Карло. Не корсиканец Андреа Сфорца, мир его честному праху. Я — птенец острова Монте-Кристо. Тот самый безумец из трапезной. Мы с Андреа долго плавали вместе на галерах Хайраддина Барбароссы, величайшего из пиратских султанов. Это мы захватили Бизерту в Тунисе, это наши флотилии грабили острова в Ионическом и Эгейском морях. При одном упоминании о Хайрадине тряслись Неаполь и Венеция! Неукротимый генуэзец Дориа разбил нас под Мессиной, но мы взяли реванш, разгромив его эскадры в заливе Превеза. Три года, тысячу постыдных дней христианские государи не могли оправиться от поражения, нанесенного им грязными пиратами! На четвертый год пятьсот кораблей императора Карла и герцога Альбы навязали нам бой на подступах к Алжиру. Казалось, оружие плавится в руках, не выдерживая горячки боя! Господи, как мы дрались! Дьяволы в пекле поджали хвосты от страха, боясь идти за душами грешников! Когда победа сошла на наши палубы, мы не сразу заметили ее!..

Взор целителя пылал, зажженный факелом памяти. Пальцы рук сжимались, хватая воображаемый тесак, губы шептали грозные слова, но Петер Съядек не знал арабского и не мог понять бывшего пирата.

Бывшего безумца.

Птенца острова Монте-Кристо.

— И все это время вы пили кровь?

— Что?! — Целитель уставился на бродягу, словно дурацкий вопрос силой вырвал его из сладостных воспоминаний. Сталь и огонь с неохотой покидали взгляд синьора Сфорца. —

А... нет, не пил. Мне это было не нужно. Зато при abordage я опять сходил с ума. Алжирцы старались в такие минуты находиться где-нибудь подальше. Только Андреа, один Андреа... Всегда рядом, всегда спиной к спине. Его я не тронул бы, даже будучи трижды безумен. Но под Джербой корсиканец Андреа Сфорца погиб в сражении. У меня не было имени, не было прошлого, я ничего не знал о своих родителях. И я подумал, что Андреа Сфорца — имя не из худших. Так он продолжил жить — во мне. Его историю я знал наизусть — он часто рассказывал о своей жизни на Корсике, о злополучной поездке на Монте-Кристо. А кровь... Нет, не пил. И никому не давал пить свою. Потом великий Хайрадин состарился и умер в Стамбуле, я бросил ремесло пирата, перебравшись в Геную... Вот, с тех пор возвращаю разум несчастным умалишенным. Может, Господь в милости своей простит грешнику хоть часть свершенных им злодеяний?

— Простит! Обязательно простит! — заверил Петер.

И опять смутился, сообразив, от чьего имени дает такие удивительные, а главное, беспочвенные обещания.

Впрочем, целитель не обратил внимания на промах бродяги.

— Уходи, — приказал он тихо и властно. — Уходи, пока я не раскаялся в своей болтливости!

На краю забытой чаши, под убийственной головкой аспиды, сидела муха. Суча лапками, она была похожа на крохотного монашка во время молитвы.

Змея из серпентина с интересом изучала крылатого святошу.

Поначалу Сълядек двинулся к балкону, но быстро вспомнил, что приличные люди выходят из комнаты иным образом. Даже если пришли по карнизу. Возле двери, рискуя вызвать страшный гнев экс-пирата, он задержался у лежанки: безумец Ромео проснулся, глядя на гостя заспанными глазами. Лицо сумасшедшего поразило Петера. Что-то новое рождалось в этом лице, являлось на свет в крови и нечистотах, как приходит в мир любой младенец — будущий король, пират или лекарь.

Солнце вставало в потемках чужой души.

— Здравствуй, — кивнул юноше лютнист. — Меня зовут Петер. А тебя?

Безумец нахмурился, словно вспоминая. Шевельнулись пухлые губы:

— Р... Р...

Петер обернулся к синьору Сфорца:

— Он будет... э... делать то же, что и вы?

— Этот юноша? Нет. Я узнавал: никто из моих пациентов, восстановив рассудок, не нуждается больше в чужой крови.

— Синьор, вы уверены?

Между бродягой и целителем лежала комната, — нет! — палуба, где бился с врагами безымянный пират, бешеный, безумный, страстный, пьяный от крови, от ударов и воплей, впитывая живительную влагу насилия всеми порами своей измученной души. Между лютнистом и врачом лежала пропасть, на дне которой шевелились скользкие вопросы.

— Я не уверен, — шепнул птенец Монте-Кристо, — Убирайся!

Спустя много лет, оказавшись в Неаполе, Петер Сълядек остановится в «Декамероне». Хозяин Джованни, глубокий старик, сохранивший тем не менее ясность рассудка, не вспомнит гостя. Зато с удовольствием поддержит разговор о знаменитом целителе Андреа Сфорца. Выяснится, что лекарь в один прекрасный день стал чрезмерно интересоваться жизнью своих бывших пациентов. Их семьи с радостью отвечали благодетелю: Гвидо Байоцци продолжил дело отца, став банкиром, Кане далла Скала пошел в кондотьеры, Паоло Кастракани — отец-инквизитор, святой человек, добившийся приговора малолетним ведьмам в Пистойе, Христиан Байони — хирург, сумевший провести через Совет Венеции специальный декрет, что давал разрешение на вскрытие трупов, Томмазо Аньело — бывший торговец рыбой, на гребне бунта против грабительских пошлин получил от герцога Д'Аркоса титул «командира верноподданнейшего народа» и золотую цепь...

Синьора Сфорца такие сведения не удовлетворяют.
Он продолжит исследования с упорством маньяка.

Встречаясь с «массари», крупными землевладельцами, разоренными банком «Байоцци и сын», расспрашивая бывших наемников из отряда кондотьера далла Скала, подымая архивы суда над пистойскими ведьмами, беседуя с хирургами, утверждавшими, что врач Байони не зашивал разрез на матке, отчего сделанные его рукой кесаревы сечения неизменно влекли за собой смерть роженицы, изучит приказы рыбника Аньело, породившие волну арестов и казней...

— Он жив? — спросит Петер.

Старик Джованни наморщит лоб:

— Синьор Сфорца? Надеюсь, что да. Однажды он, собрав меж бедняками Неаполя дюжину сумасшедших, отплыл из нашей гавани. Куда? Точно сказать не могу, но ходили слухи, что в Алжир. Чудо Господне! — кровожадные пираты даже пальцем не тронули целителя. Наверное, сочли святым. Капитан «Милашки Чикитты» рассказывал, будто ему позволили основать общину на Джербе, островке близ алжирских берегов. Если капитан не врал, думаю, синьор Сфорца до сих пор живет там, в окружении столь любимых им безумцев.

Петер наклонится к старику:

— Он кого-нибудь вылечил с тех пор?

— Нет, — ответит хозяин гостиницы. — Говорят, что нет.

— Ни одного человека?

— Ни единого.

Уже перебравшись в Болонью, лютнист и бродяга Петер Сьядек узнает, что все попытки властей Неаполитанского королевства — вместе с иными государями Южной Италии — заселить остров Монте-Кристо, сделав его обитаемым, окончились трагедией. В первый раз взаимная резня среди поселенцев никого не удивила: на остров были сосланы амнистированные преступники, по извращенной природе своей склонные к насилию. Но когда история без видимой на то причины повторилась с мирными добровольцами из Тосканы и Романьи, власти решили больше не рисковать.

Господь свидетель, в Тирренском море хватает других, более гостеприимных островков.

А «Санта-Лючия» по-прежнему бесподобна.

ТИХАЯ БАЛЛАДА

Я плыву на корабле, Моя леди,
Сам я бел, а конь мой блед,
То есть бледен,

И в руке моей коса
Непременно.
Ах, создали небеса
Джентльмена!

Нам не избежать молвы,
Моя леди,
Я ведь в саване, а вы —
В старом плеле,

То есть оба не вполне
Приодеты.
Я скачу к вам на коне:

Счастье, где ты?!

На крыльцо ступлю ногой,
Моя леди,
Вот для леди дорогой
В рай билетик,

Попрошу вас неглиже
В кущи сада...
Что? Ошибся? Вы уже?!
Ах, досада!

Расседлаю я коня,
Моя леди,
Не сердитесь на меня,
Мы не дети.

Над могилкою звезда,
Ночь покойна...
Ну, бывает. Опоздал.
Что ж такого?

Кирилл Бенедиктов Объявление

1

**«СДАМ КОМНАТУ в этом доме СТУДЕНТКЕ медицинского училища.
НЕДОРОГО. Звонить ПОСЛЕ 19.00».**

Клочок бумаги с размытой надписью прилепился к углу нового семнадцатизэтажного красавца-дома, облицованного розоватым кирпичом. Объявление было напечатано на принтере, скорее всего на струйном, — буквы расплылись и отрастили неряшливые хвосты, так что написанный от руки в самом низу номер телефона наполовину скрылся под грязными потеками. Неудивительно: всю последнюю неделю августа шли проливные дожди, природа со вкусом мстила за долгое засушливое лето. «Опоздала, — подумала Жанна, протягивая руку к объявлению. — Если оно висит здесь хотя бы с двадцать пятого, кто-нибудь из девчонок наверняка уже сориентировался». 25 августа всех первокурсников проинформировали, что свободных койко-мест в общежитии значительно меньше, чем поступивших в этом году в училище иногородних студентов. Жанна собрание пропустила — у сестры случилась свадьба, не присутствовать было невозможно — и узнала о том, что осталась ни с чем, только первого сентября. То есть сегодня.

— Опоздала, — произнесла она вслух, срывая объявление со стены. На пижонском розовом кирпиче остался сероватый, похожий на лишай след.

«Ну и пусть. Все равно позвоню. Домик-то какой классный. И училище в двух шагах. „После 19.00“. Может, попробовать прямо сейчас? Все равно уже опоздала. Ну и пусть».

Жанна дошла до ближайшего таксофона, порылась в карманах накинутаой прямо на белый халат куртки, извлекла карточку, на которой вроде бы оставалось еще пять или шесть единиц, и набрала номер. В трубке потекли медленные ленивые гудки. До 19.00 оставалось еще пять часов, понятное дело, никто не собирался бежать со всех ног, чтобы ответить на

одинокую телефонную трель. «Ну и пусть», — повторила Жанна, показав тупому аппарату язык, и в этот момент трубку сняли.

— Алло, — сказал сонный, пробивающийся словно сквозь вату голос. — Алло, говорите...

Мужчина. Почему-то Жанна с самого начала была уверена, что комнату сдает предпенсионного возраста тетушка, заинтересованная в студентке-медичке главным образом в силу накопившихся за долгую трудовую жизнь проблем со здоровьем. Девчонки рассказывали про такие варианты — некая Верка вообще два года ухаживала за полупарализованной старушкой, меняя ей памперсы и собственноручно стирая вонючие простыни, и в результате стала счастливой владелицей отдельной московской жилплощади. Мужской голос испугал Жанну. Она оторвала трубку от уха и несколько секунд смотрела на нее, как на случайно попавшую ей в руки ядовитую змею, не зная, что с нею делать — отбросить подальше или попытаться свернуть шею. Потом ей пришло в голову, что, возможно, комнату действительно сдает женщина, но она появляется после 19.00, а сейчас она разговаривает с ее мужем, сыном или кем-нибудь еще в этом роде. Жанна глубоко вздохнула и вновь поднесла трубку к уху.

— Я по объявлению, — сказала она, забыв от волнения поздороваться. — Это вы сдаете комнату?

2

— Лучше сиреневый костюмчик надень, — посоветовала Альмира. — Ты в нем не так по-блядски смотришься.

До ответа Жанна не снизошла. Она сосредоточенно подводила губы помадой «Watershine». Действительно классная помада, но стоит совершенно запредельных денег — каждый день такой пользоваться не станешь. Впрочем, сегодня не совсем обычный день. Кажется.

— Смотри не теряйся там, — продолжала гнуть свое Альмира. — Если крендель нормальный, сострой из себя девочку-целочку, подинамь его недельку-другую, а потом ставь условие — или так, или никак. Сделаешь все по-умному, к новому году станешь полноценной москвичкой, на нас, лимиту позорную, даже и взглянуть не захочешь...

«Это ты-то лимита», — вздохнула про себя Жанна, но вслух ничего говорить не стала. Альмира и вправду происходила из местечка с гордым названием Мухосранск-Верхневолжский, но в Москве у нее жила родная тетка. При этом незамужняя тетка, работавшая в каком-то крутом холдинге, регулярно уезжала в таинственные командировки, и Альмира оставалась одна в совершенно роскошной трехкомнатной квартире рядом с метро «Коньково». Вела себя там нагло, по-хозяйски. Вот сейчас валялась голая на гигантском итальянском лежбище, пялилась на себя в непонятным образом вделанное в потолок зеркало, беспрестанно щелкала семечки, сплевывая их в какую-то фарфоровую вазу, украшенную дворцами и павлинами, и издевалась над Жанной. Хорошо хоть, позволила попользоваться своими шмотками. Судя по количеству сумок, которые Альмира притащила с собой из Мухосранска-Верхневолжского, она всерьез рассчитывала открыть в Первопрестольной мелкооптовую торговлю турецким и китайским тряпьем.

— А если увидишь, что парнишка урод или с прибабахом, — даже в квартиру не заходи, — продолжала свои наставления Альмира. — Ноги в руки и бегом обратно. Тетушка моя приезжает только через неделю, так что до понедельника — знай мою доброту — живи здесь. А за это время или еще чего найдешь, или с девчонками договоришься — сейчас многие снимают втроем однокомнатные хаты, чтоб дешевле. Ну, будете вместе спать, подумаешь, велико дело! Особенно если еще соседки попадутся симпатичные, так и вообще красота — мужики не нужны...

Терпение Жанны кончилось.

— Альмирка, — сказала она, — достала уже, слышишь? Ты лучше скажи, мне сережки

какие надеть — гвоздики или висюльки?

— Эй, я не поняла, подруга, ты комнату идешь смотреть или на свидание?

Добьешься нормального совета от такой лахудры. Жанна критически осмотрела свое отражение в стеклянной дверце шкафа-купе. Ну прическа вроде ничего — длинные белые волосы волнами падают на плечи, почти красиво. Блонда натюрель, как выражался Пашка Васильев, друг туманной юности. Тушь у Альмирки тоже оказалась классная, ресницы выглядят раза в два длиннее, чем на самом деле. Вот дальше хуже — на щеке выскочила какая-то гадость, типа маленького нарывчика, но это он сейчас маленький, а через пару дней может вызреть в полноценный фурункул. Пудра, конечно, скрывает основное безобразие, но все же, все же... Так, спускаемся ниже — кофточка с надписью «Two my best friends», как объяснила Альмира, имеется в виду то, что скрывается под тканью. Жанна собиралась надеть топик, но подруга запретила. Не на Тверскую идешь, сказала. Ну что ж, кофточка так кофточка.

Еще ниже — не очень короткая кожаная юбочка. Не очень короткая с точки зрения Жанны. Возможно, у хозяина квартиры будут свои соображения на этот счет. Пояс с большой золоченой пряжкой — в просвете пряжки был бы виден пупок, если бы его не закрывала навязанная Альмиркой кофточка. С топиком выглядело бы сногшибательно, но нет топики, нет и пупка. Колготки решила не надевать — во-первых, жарко, во-вторых, летом удалось загореть почти дочерна, обидно будет, если никто этого не оценит. Босоножки на пятисантиметровой платформе, с модными в этом году перевязочками до икры.

Непонятно, зачем я так вырядилась, в который раз сказала себе Жанна. Если там живет его мама, она меня и на порог в таком виде не пустит. Если он живет там один, у меня есть хороший шанс быть изнасилованной на журнальном столике в прихожей. Чего я хочу добиться? Чтобы он цену снизил? Да ведь и без того написано: НЕДОРОГО. Специальные скидки для одиноких блондинок? Фу, дурочка.

«Подходите к половине восьмого, — сказал ей сонный голос в телефонной трубке. — Раньше, пожалуйста, не надо. Посмотрим, подходят ли вам мои условия...»

Он специально не договорил фразу, подумала Жанна. Слова «...и подходите ли вы мне» просто звенели у нее в ушах, когда она выходила из кабинки таксофона. Но ведь не произнес же он их. Разве что мысленно.

Но именно из-за этих произнесенных слов она помчалась к подруге Альмире, упростила ее поделиться кофточкой, юбочкой и косметикой, а потом два часа сидела перед огромным зеркалом, наводя марафет. Кажется, успела — на часах без двадцати семь, от «Коньково» до училища сорок минут на метро. А до розовато-кирпичного дома еще ближе. На минуту, но ближе. Почти центр. «Девушка, где вы живете?» — «В центре!» Звучит потрясающе.

Жанна еще раз прошлась взад-вперед перед зеркальными панелями шкафа, крутанулась на каблуках так, чтобы волосы разлетелись Пушистым Белым Облаком, и, послав Альмирке воздушный поцелуй, отправилась договариваться насчет комнаты. Или встретиться с хозяином квартиры. Это как посмотреть.

3

— Добрый вечер, — произнес человек, открывший ей дверь. — Вы Жанна?

— Жанна, — храбро сказала Жанна. — А вы?..

— Леонид. Очень приятно, Жанна. Проходите, пожалуйста.

«Слава богу, интеллигент, — решила она, — Изнасилование на столике отменяется».

Вошла независимой походочкой, обдуманно сняла с плеча сумочку, опустила ее на застеленную циновкой калошницу. Головой не вертела, но прихожую срисовала мгновенно: низкий, изогнутый сводом потолок, на стенах — светильники в форме факелов, очень прикольные. Никаких шкафов, только стойка для обуви и крючки для одежды, вбитые прямо в стену. Крючки в форме оскаленных волчьих голов. Не страшных, но

как-то неприятно ухмыляющихся. Неуютно под взглядом таких волков стаскивать с себя куртку...

— Вы позволите? — Леонид потянулся за курточкой, ухватил за петельку и повесил на клык одной из морд. — Тапочки?

«Зануда», — подумала Жанна. Присела на калошницу и принялась распутывать ремешки своих босоножек. При желании это тоже можно делать достаточно выразительно. Леонид стоял и терпеливо ждал, пока она закончит, тактично глядя куда-то в сторону. Жанна, наоборот, воспользовалась случаем, чтобы получше его рассмотреть, пусть даже из такого неудобного положения. Лет тридцать — тридцать пять. Высокий, где-то под метр девяносто. Красавцем не назовешь, но и уродом тоже. Ни бороды, ни усов. Лицо бледное, вытянутое, обрамленное длинными — до плеч — темными волосами. Карие глаза, крупный, с горбинкой, нос. Красные, немного припухшие губы. Твердый подбородок. Что ж, очень хорошо.

— Пойдемте, — сказал он, когда Жанна закончила переобуваться (и пришла к выводу, что внешность хозяина квартиры не вызывает у нее рвотного рефлекса). — Я думаю, беседовать нам будет удобнее в гостиной.

Квартира оказалась большой. Направо по коридору располагалась кухня, прямо — гостиная, но была еще и дверь слева. «Неужели один живет? — подумала Жанна, вспомнив родную двухкомнатную квартирку в Софрино, где она провела лучшие годы своей юности в компании с матерью, бабушкой и сестрой. Везет же некоторым...»

В гостиной два широких, мягких на вид кресла, как сторожевые псы, расселись по бокам огромного уютного дивана. Окна были плотно занавешены темно-фиолетовыми, подметающими пол шторами, но изгибавшаяся под потолком люстра заливала гостиную живым теплым светом.

— Вы хотите снять комнату, так? — Леонид указал ей на кресло.

Жанна с некоторой опаской опустилась на краешек мгновенно просевшей под ней подушки.

— Хотелось бы. В общежитии мест нет, а училище наше тут, за забором...

— Я знаю, — мягко перебил он. — Сам я врач, и проблемы студентов-медиков мне близки. Потому и дал объявление.

— Там было написано «СТУДЕНТКЕ». — Жанна лукаво улыбнулась. — Значит, проблемы студентов мужского пола вас не волнуют?

— Почти все они много пьют. — Леонид поморщился. — А я не переношу пьяных, тем более у себя дома. К тому же у меня есть определенные причины сдавать комнату именно девушке.

— Да, и какие же?

Леонид не стал спешить с ответом. Он рассеянным жестом убрал назад упавшую на глаза прядь волос, засунул руки в карманы своего замшевого жилета и некоторое время шевелил пальцами, словно пытаясь сосредоточиться.

— Видите ли, Жанна, — наконец сказал он. — В объявлении я написал «недорого», но на самом деле я готов сдавать эту комнату бесплатно. Мне нужно, чтобы кто-нибудь вел мое хозяйство и ходил за продуктами, — вот, собственно, и все.

— Нормально, — усмехнулась Жанна. — Вы домработницу себе ищете, что ли? Так студенты для этого народ неподходящий, им учиться надо, а не хозяйство вести...

— Вы меня не поняли, — перебил ее хозяин. — Ничего такого, что требовало бы от вас больших затрат времени и сил. Пару раз в неделю сходить в магазин — да вы в любом случае это сделаете, даже если будете жить одна. Поддерживать чистоту — только не говорите, что если бы вам пришлось снимать квартиру, вы не стали бы там убираться. Нет, нет, ничего сверх того, что вы сделали бы для себя сами, я от вас не потребую. Взамен — живите бесплатно в отдельной, запирающейся на ключ комнате. По-вашему, это несправедливо?

— Да нет, — сказала Жанна, подумав, — отчего же... Вопрос можно?

Леонид развел руками и неожиданно тепло улыбнулся:

— Сколько угодно.

— А зачем вам домработница? Сами не справляетесь?

По вытянутому лицу хозяина пробежала тень. Или ей показалось?

— Понимаете, Жанна, у меня несколько необычный распорядок дня. Вы же наверняка слышали, что с точки зрения биологических ритмов люди делятся на сов, жаворонков и голубей? Так вот, я сова в квадрате. Я ложусь спать с петухами и просыпаюсь только под вечер. Мне приходится тяжело, но изменить годами сложившийся распорядок означает навлечь на себя угрозу тяжелого нервного расстройства. Я вынужден работать дома, в основном по ночам. Как это ни печально, остальной мир придерживается иного расписания, и это сильно осложняет мне жизнь. Многие магазины ночью закрыты, даже уборку дома не сделаешь — пылесос жужжит слишком громко, соседи жалуются. Вот поэтому мне самым драматическим образом не хватает помощника. Помощницы. Впрочем, если вы считаете мои требования излишне суровыми, я готов извиниться за то, что отнял у вас столько времени...

Жанна помотала головой.

— Нормальные требования... А комнату посмотреть можно?

— Разумеется, — Леонид извлек из кармана серебристый брелок с висящими на нем ключами. — Бросьте взгляд на ваше будущее обиталище. Надеюсь, оно вам понравится...

«Шустрый какой, — подумала Жанна. — Я его еще словом не обнадежила, а туда же — „бросьте взгляд“, „обиталище“...»

Грациозно поднялась с кресла, чуть подняла брови — ну куда идти, показывайте. Думала, что придется возвращаться назад, в прихожую — ничего подобного. Дверь в «обиталище» оказалась спрятанной за тяжелой темно-фиолетовой портьерой, драпировавшей одну из стен гостиной. Плоский блестящий ключ два раза провернулся в замке. Щелк. Дверь открылась.

«Я хочу здесь жить, — подумала Жанна, перешагнув порог. — Этот тип определенно с прибабахом, но я буду последней душой, если откажусь от такой комнаты. Альмирка обзавидуется. Я очень хочу здесь жить».

В отличие от гостиной здесь было очень светло. Закатное солнце пробивалось сквозь легкий, похожий на золотистую паутинку тюль, расцветчивало кремовые, праздничные обои. В луче, падавшем на медового цвета паркет, плясали пылинки. Жанне захотелось отбросить тапочки и пройтись по медовым дощечкам босиком — они, должно быть, теплые-теплые, чуть шершавые на ощупь. Великолепно.

У окна, выходявшего на унылое серое здание медучилища, стоял большой письменный стол с понтовым кожаным креслом на колесиках. Жанна представила, как откидывается в этом кресле, вытягивает длинные загорелые ноги, кладет их на стол... Почему-то хотелось, чтобы Леонид тоже это представил. Она обернулась. Хозяин стоял в полутемной гостиной, наблюдал за ней, покачивал на пальце брелок с ключами.

— Осматривайтесь, осматривайтесь, — поощрительно улыбнулся он. — Мне почему-то кажется, что вам тут понравится.

— А вы не зайдете? — спросила Жанна, представив на секунду, как Леонид с хищной ухмылкой захлопывает за ней дверь, поворачивает ключ и оставляет сидеть взаперти, как какую-нибудь кавказскую пленницу. Нет, глупость, конечно, окно-то вот оно. С пятого этажа, конечно, не распрыгаешься, но позвать на помощь всегда можно.

— Нет, — твердо ответил Леонид. — Если вы согласитесь, это будет ваша, и только ваша комната. Ключ от нее существует в единственном экземпляре, и я отдам его вам. Надеюсь, это успокоит вас. Некоторые девушки опасаются жить под одной крышей с незнакомым мужчиной, тем более обладающим такими странными привычками, как я.

— А вы уже сдавали ее... раньше?

Леонид неожиданно замялся.

— Да... сдавал один раз. В прошлом году. Неделью назад тоже приходили две девушки из вашего училища, но они хотели жить вместе, а я категорически исключаю такие варианты.

— Почему? Боитесь, с двумя не справиться? — Фраза прозвучала двусмысленно, но хозяин, кажется, этого не заметил.

— Не терплю шума. Не терплю пустопорожней болтовни. К тому же мне не нужны две помощницы по хозяйству. И потом, вам не кажется, что два человека в одной комнате — это немного тесновато?

Жанна снова вспомнила свою софринскую квартиру и возмущенно фыркнула.

— А сколько всего у вас комнат?

— Четыре, — буднично сказал Леонид. — Но вам придется убирать только в двух, ну и, конечно, еще на кухне. Одной комнатой я никогда не пользуюсь, а в моем кабинете я вам хозяйничать не позволю. Ваша задача таким образом упрощается.

«Красиво говорит, — подумала Жанна. — И хорошо, что врач. Может, подскажет чего-нибудь полезное перед экзаменом».

В этот момент она поняла, что решение принято окончательно. Для порядка прошлась по своей — да, теперь уже точно своей — комнате, оценила заваленный мягкими подушками диван, изящный напольный светильник, похожий на поджавшего ногу фламинго, серебристый телевизор в углу. Такая роскошь — и бесплатно? Одно из двух, дорогая, сказала себе Жанна, либо тебе сказочно повезло, либо тебя где-то очень крупно накололи.

— Устраивает? — спросил от дверей Леонид. За порог он так и не перешагнул, лицо его пряталось в тени, но Жанне показалось, что он снова улыбается.

— Так не бывает, — решительно сказала она. — Вы наверняка захотите от меня чего-нибудь еще. Комната мне нравится, но если...

— Вы правы, — перебил хозяин. — Есть еще несколько мелких деталей. Я сообщу вам их прямо сейчас и обещаю, что никогда позже не попрошу от вас ничего сверх этих условий. Первое: вы никого сюда не приводите. Никого. Ни подруг, ни мальчиков, ни родителей, если они вдруг решат вас навестить. Ключ от квартиры, который вы получите, всегда будет храниться только у вас. Не отдавайте его никому и ни при каких условиях. Согласны?

Жанна почувствовала, как по спине ее пробежали мурашки. Вроде бы ничего страшного, подумаешь, она и не собиралась сюда никого водить... Хотя здорово было бы посмотреть, как вытянется Альмиркина физиономия...

— Согласна, — выдавила она, проглотив застрявший в горле комок.

— Очень хорошо. Второе: вам нельзя заходить в мой кабинет в мое отсутствие. Кроме того, есть еще запертая комната... вы, наверное, заметили, налево по коридору. Туда вы тоже никогда не будете заходить. Даже пытаться не стоит. Договорились?

— Договорились. — Это условие показалось Жанне смешным. — А можно узнать — почему?

— Можно, — легко согласился Леонид. — В моем кабинете ужасный беспорядок, но я в нем великолепно ориентируюсь. Если вы случайно переложите что-нибудь с места на место, мне придется это очень долго разыскивать, и моя работа, таким образом, пострадает. Что же касается комнаты, то в ней вам просто нечего делать. Я не пугаю, просто предупреждаю. Собственно, это все. Если вы боитесь, что я начну требовать интимных услуг, могу вас заверить, что не начну. Видеться мы с вами будем редко, в основном по вечерам. Да, приходить вы можете в любое время, главное, делать это следует тихо и ни в коем случае не будить меня днем. Как видите, все просто. Теперь слово за вами.

Жанна вздохнула. В голове вертелась слышанная где-то фраза «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», но, вместо того чтобы произнести ее вслух, она спросила: — Если я завтра перевезу вещи — нормально будет?

Первую неделю, проведенную в новой комнате, Жанна постоянно нервничала. Вздрагивала от малейшего шороха, подпрыгивала до потолка, если у соседей начинала вдруг гудеть вода в кранах, ловила себя на том, что бессознательно прислушивается к звукам,

доносящимся из глубин квартиры. Масла в огонь подливала подруга Альмира, затаившая обиду после решительного отказа взять ее с собой посмотреть доставшееся на халяву жилье. «Да маньяк он, точно тебе говорю, — зудела над ухом, как комар. — Тихий□тихий, а потом как прыгнет... Вон, я в „Спид□инфо“ читала, один тоже девчонку пригласил к себе на палочку чая, а потом в ванной к батарее наручниками приковал и держал полгода, опарышами кормил...» — «Чем□чем кормил?» — не поняла Жанна. «Опарышами! И голубями сырыми... по праздникам». — «А зачем?» — «Ну так маньяк же!» Но видно было, что Альмира пытается нагнать на нее страху в основном от злости.

Жанна разыскала девчонок, приходивших к Леониду до нее. «Да ну, шизанутый какой□то, — отмахнулись девчонки. — Вдвоем, говорит, не поселю. У самого хата — хоть на танке ездил, а двоих не поселит. Ну и пошел он, козел. Мы себе нормальное место нашли, далеко, правда, но дешево. И хозяйка нормальная, без прибабахов. Шестьсот в месяц и две бутылки».

Но с каждым новым днем Жанна все больше убеждалась в том, что ей на самом деле неправдоподобно повезло. Леонид действительно был странным, это факт, и отрицать это она не могла. Но его странности носили вполне безобидный характер, и на маньяка он совершенно не походил. Леонид просыпался не раньше семи часов вечера, шел в ванную, а затем возвращался к себе в кабинет. Из кабинета он выходил около десяти — поесть. Жанна довольно быстро приновилась к этой его особенности и стала готовить ужин на двоих. В еде Леонид оказался очень неприхотлив, с одинаковым аппетитом поглощая яичницу, пельмени или тушеное мясо с грибами, и никогда не забывал похвалить Жанну за качество ее стряпни. Прокол вышел только однажды: Жанна купила на рынке чудесные розовые крымские помидоры (деньги на продукты Леонид оставлял ей на калошнице в прихожей, никогда не скупился и отчета не спрашивал) и, нарезав их кружочками, украсила сверху сыром, перетертым с чесноком. Получилось очень неплохо, такое блюдо она пробовала на свадьбе сестры. Но реакция Леонида оказалась поразительной. Он рассеянно поднес вилку с наколотым розовато□белым кружком ко рту и вдруг, сильно дернув рукой, отбросил помидор в сторону, так что он с влажным шлепком разбился о стену над разделочным столиком. В этот момент он показался ей похожим на эпилептика — длинное бледное лицо искажено гримасой, руки дрожат. Жанна перевела взгляд с прыгающей прямо перед глазами вилки на расплывающееся на стене розовое пятно и почувствовала, как ледяные пальцы паники дотрагиваются до ее шеи. Впрочем, в следующую секунду Леонид уже пришел в себя.

— Извини, пожалуйста, — попросил он. Жанна еще в первый день настояла, чтобы Леонид звал ее на «ты», — еще не хватало, чтобы взрослый мужик обращался к семнадцатилетней соплюхе по имени□отчеству. — Это моя вина... я забыл предупредить... у меня страшная аллергия на фитонциды. Лук, чеснок — я не переношу даже запаха. Особенно запаха. Не обижайся, ладно? Не сомневаюсь, что вкус у этих помидоров наверняка потрясающий.

Было обидно, но по крайней мере понятно. Будущему врачу не стоит объяснять, чем опасна аллергия. Отек Квинке, удушье, анафилактический шок... Разумеется, это крайние случаи, но кто знает, что пришлось пережить Леониду в прошлом. Больше Жанна чеснок не покупала, а тот, что остался после неудачного кулинарного опыта, выкинула в мусоропровод.

Чем Леонид занимался ночью, Жанну не очень интересовало. Наверное, работал у себя в кабинете. В тех редких случаях, когда ей приходилось выбираться из своей комнаты по ночам, — как правило, если накануне пили пиво с Альмирой, — она видела полоску света, пробивающуюся из□под плотно закрытой двери кабинета. Иногда после ужина (а для Леонида, соответственно, завтрака) он куда□то уходил. Облачался в строгий темный костюм, надвигал на глаза широкую шляпу□борсалино, брал плоский черный «дипломат» с двумя кодовыми замками и исчезал, не говоря Жанне ни слова. Она не слышала, когда он возвращался. Леонид вообще был очень тихим — передвигался почти бесшумно, никогда не

повышал голоса, не чихал и не кашлял, не сморкался, не срыгивал — не производил ни одного из тех звуков, к которым волей-неволей привыкаешь, если приходится жить в большом коллективе, ограниченном небольшим жизненным пространством. И он действительно ни разу не попытался к ней пристать. Жанну это даже немного разочаровало.

Конечно, он был старым — наверняка годился ей в отцы. Но, с другой стороны, в нем чувствовался шарм — особый шарм одинокого, но следящего за собой мужика, явно немало повидавшего в этой жизни. В отличие от всех известных Жанне мужчин в Леониде крылась какая-то загадка, и иногда ей казалось, что, если эту загадку не разгадать, жизнь пройдет зря. К концу первого месяца она перестала ждать от хозяина квартиры неприятных сюрпризов, а потом всерьез стала задумываться над тем, что небольшая доза внимания с его стороны ей бы не повредила. В конце концов, это свинство — жить с молодой красивой девушкой и обращаться с ней только и исключительно как с домработницей. Альмирка постоянно допытывалась, как продвигается процесс приобретения московской прописки, но Жанна предпочитала отшучиваться. А что она могла ей ответить? Что за все время он ни разу до нее и пальцем не дотронулся, пусть даже случайно? Что, увидев однажды, как она выходит из ванной, завернутая лишь в большое пушистое полотенце (недостаточно, впрочем, большое, чтобы скрыть все, не предназначенное для посторонних глаз), Леонид покраснел, как неопытный школьник, и тут же ретировался, спрятавшись за дверь своего кабинета? Что какие бы наряды она ни надевала, он продолжает смотреть на нее одним и тем же взглядом? И смешно, и грустно.

В конце октября Альмирка потащила Жанну на ночную дискотеку в какой-то центральной клуб. Там подруги познакомились с тремя нормальными с виду пацанами, один из которых, как оказалось, жил недалеко от училища. Они довольно весело провели время, а когда в половине четвертого утра уставшая и полупьяная Жанна заныла «хочу домой», пацан сказал, что без проблем доставит ее прямо к подъезду. Доехали действительно быстро, вот только подъездом дело не ограничилось. Пацан, которого, кажется, звали Мишей, по-хозяйски взял пошатывающуюся Жанну под локоток и повел к лифту. На лестничной площадке Жанна полезла в сумочку за ключами и вдруг вспомнила свой договор с Леонидом.

— Постой, — сказала она, отпихивая обнимавшего ее за талию кавалера. — Погоди. Я не могу... там хозяин, он не разрешает мне никого приводить, понятно?

— Да и хрен бы с ним, с хозяином, — весело ответил Миша. Он поднял руку, покрытую синими наколками, и сжал ее в кулак размером с небольшую астраханскую дыню. — Будет выеживаться, огребет звездюлей. Давай, киска, открывай скорее, не томи мою нежную душу...

— Нет, — твердо повторила Жанна, трезвея просто на глазах. — Ты ему наваяешь, а мне потом на улице жить? Больно надо...

Она уронила ключи обратно в сумочку, и тут Миша больно схватил ее за плечи.

— Ладно, киска, уговорила. Не хочешь в койку, твои проблемы. Для этого дела и подоконник сойдет.

Придерживая Жанну за отворот куртки, он потащил ее вниз по лестничному пролету, туда, где между этажами располагалось высокое смотровое окно. Грубо развернул лицом к заглядывающей в стекло ночи, бросил грудью на подоконник.

— Ну, киска, сама напросилась... И смотри, чтоб не орать, — на куски порежу.

Что-то острое и холодное коснулось Жанниной шеи, и она протрезвела окончательно. Миша проворно растегнул молнию на ее джинсах, свободной рукой стащил их вниз. Лезвие у шеи опасно подрагивало, и Жанна зажмурилась, представив, что будет, если этот кретин в самый ответственный момент начнет дергаться.

— Ах, какие мы загорелые, — промурлыкал Миша, отпустив наконец ее куртку. Теперь Жанна могла бы попробовать убежать, но далеко ли ускачешь по лестнице со спущенными штанами. — Где же мы так загорели, а, киска? Ну что, трусики сама снимешь или помочь?

Трусики-танго Жанна купила за большие деньги у Альмиры (на которую они не

налезали). Козел Миша наверняка порвет их, это уж как пить дать. Она уронила руки, просунула непослушные пальцы под тугую резинку, потянула вниз...

— Отставить, — прозвучал за ее спиной чей-то негромкий голос.

Жанна почувствовала, как опасный холод перестал леденить шею. Преодолевая страх и внезапно накатившую слабость, вывернула голову вбок, чтобы увидеть, кто пришел к ней на помощь.

Леонид. Он поднимался вверх по лестнице, как всегда, очень тихо, в своем кожаном плаще, неизменной шляпе-борсалино, с плоским «дипломатом» в руке. Лицо у него было бледное-бледное и усталое, полные красные губы смотрелись на нем инородным пятном, словно он сжимал во рту бутон алой розы.

— Вали отсюда, чмо болотное, — добродушно посоветовал Миша. В руке у него блестел хирургический скальпель. — Не видишь — я делом занят.

— Отпусти ее, — сказал Леонид равнодушным, холодным голосом. В глазах его не было ни страха, ни даже обыкновенного волнения — казалось, он разговаривает не с вооруженным ножом амбалом, а со старушками у подъезда.

К своему огромному удивлению, Жанна увидела, что Миша шагнул в сторону, давая ей возможность оторваться от подоконника и натянуть джинсы. На большее у нее не хватило сил — едва застегнув молнию, она почувствовала, как подгибаются ноги, и опустилась на корточки, привалившись спиной к батарее.

— Брось скальпель, — произнес Леонид все тем же невыразительным голосом. Жанна увидела, что Миша сделал какое-то движение ему навстречу, но вдруг остановился, словно налетев на невидимую стену. Кулак разжался, блестящий серебристый скальпель, звеня, покатился по ступенькам. — Вот так, молодец. А теперь уходи и забудь об этой девушке. Навсегда.

Глаза Жанны неожиданно стали мокрыми от слез. Сквозь туманную пелену она видела, как коренастая фигура ее ночного знакомого, покачиваясь, медленно спускается по лестнице, ударяясь боком о перила. Потом она почувствовала, как сильные руки подхватывают ее под мышки, и поняла, что Леонид собирается тащить ее до дверей.

— Я сама, — выговорила она, глотая слезы. — Сама...

Леонид легко, словно ребенка, взял ее на руки и поднялся на лестничную площадку. Там аккуратно, будто хрустальную вазу, поставил между собой и дверью и, повозившись немного с замком, впустил Жанну в квартиру.

— Он... он войти хотел, — пролепетала Жанна, внезапно испугавшись его гнева. Ей вдруг представилось, что Леонид может обвинить ее в нарушении договора и выгнать на улицу. — Я не разрешила, я думала, он только проводит, и все... Честно, я даже не думала...

Он приложил ладонь к ее губам. Сухая, гладкая и теплая кожа почему-то пахла табаком, хотя Жанна ни разу не видела его с сигаретой.

— Тсс, — сказал он мягко. — Я все знаю, девочка. Я все знаю.

Он помог ей снять куртку и ботинки, отвел в гостиную и усадил в кресло. Включил приглушенный свет.

— Посиди минутку, я сейчас.

Вернулся из кухни с высокой керамической кружкой, сунул ей в ледяные ладони. Жанна подумала было, что это какой-то алкоголь, и хотела уже отказаться, но из кружки поднимался густой травяной запах. Глотнула — вкус оказался необычным, но приятным, по телу сразу же разлилось дурманящее тепло. Дрожь в коленях постепенно проходила.

— Постарайся выпить все, — посоветовал Леонид. — И выпишь как следует. В училище можешь не ходить, справку я тебе нарисую.

— Какой ты заботливый, — глупо хихикнула Жанна. — Прямо как папочка...

Отца своего она не помнила, но мысль о том, что он мог быть похож на Леонида, показалась ей смешной. Леонид улыбнулся.

— Я тебе сейчас и папочка, и мамочка. Ты хорошо выспишься, а когда проснешься, то, что случилось сегодня, не будет тебя больше беспокоить. Договорились?

— Договорились. — Она сделала большой глоток и икнула. — А ты гипно... гипнотизер? Как ты Мишку... заставил нож бросить?

Леонид выпрямился во весь рост — оказывается, все это время он сидел рядом с ней на корточках — и погладил ее по голове. Провел своей твердой, пахнущей ароматным табаком ладонью по ее гордости — Пушистому Белому Облаку. Ну не чудеса ли?

— Об этом мы еще успеем поговорить, девочка. Допила? Вот и умница.

Жанна подумала, что заснет сейчас прямо в кресле, — травяная настойка, оказывается, валила с ног получше любого коктейля. Она хотела попросить, чтобы Леонид помог ей добраться до дивана, но тут произошло странное. Леонид зашел ей за спину, наклонился и поцеловал Жанну в макушку, прямо в центр Пушистого Белого Облака. Точнее, почти поцеловал. Жанна чувствовала, что он замер прямо над ней, видела его тень, падавшую из-за спинки кресла и пересекавшую комнату, кожа ее ощущала тепло его дыхания. Однако на этом все и закончилось. Его губы так и не коснулись прекрасных белых волос, а сам Леонид, резко распрямившись, бросился прочь из гостиной.

— Шиза, — пробормотала Жанна, закрывая глаза.

Последние силы покинули ее, и она заснула прямо в кресле, так и не добравшись до своей комнаты.

5

Перед ноябрьскими праздниками Жанна решила провести генеральную уборку вверенной ей территории. За работу принялась прямо с утра — в училище идти не надо, впереди четыре выходных, почему бы не посвятить пару часов общественно полезному труду. Сначала убирала валявшиеся повсюду случайные вещи — книги, лазерные диски, каким-то образом попавшие в гостиную из кухни чашки и блюдца. Потом взяла пылесос и добросовестно прошлась по всем углам и закоулочкам, а под конец сменила щеточку и вычистила шторы и портьеры. Пылесос, конечно, шумел, но Жанну это не слишком беспокоило — Леонид как-то сказал ей, что, поскольку днем все равно никуда не деться от посторонних звуков, он пользуется берушами.

Немного передохнув, Жанна набрала в таз воды, взяла чистую тряпку и принялась мыть пол. Вот тут-то все и произошло.

Она стояла во второй позиции, пытаясь оттереть пятно с паркетной доски в прихожей, когда сережка-гвоздик выскочила из мочки правого уха и, весело брякнув о паркет, укатилась под дверь. Не иначе как замочек разболтался, подумала Жанна, и тут до нее дошло, что сережка нашла себе убежище в запретной комнате. Той самой, про которую Леонид говорил «я не пугаю, я просто предупреждаю». Вот ведь подлянка: сережка была Альмиркина, рано или поздно ее пришлось бы отдавать. Можно, конечно, дожидаться вечера и за ужином попросить Леонида достать пропажу... Только вот как-то глупо беспокоить человека из-за сущего пустяка. Наверняка лежит на самом пороге, даже в комнату заходить не придется. Ключ от комнаты висел на большой связке, которую Леонид обычно оставлял в прихожей, на волчьих клыках. Нельзя сказать, чтобы у Жанны ни разу не возникало соблазна нарушить запрет и заглянуть в запретную комнату, но до сегодняшнего дня она успешно с этим соблазном боролась. Возможно, предчувствуя, что рано или поздно настанет момент, когда она сможет придумать себе оправдание.

Ключ повернулся в замке, оглушительно щелкнула пружина. Дверь, безжалостно скрипя плохо смазанными петлями, отворилась.

Беглая сережка действительно лежала в пяти сантиметрах за порогом. Жанна наклонилась, чтобы поднять злополучный гвоздик, и взгляд ее зацепился за что-то, блеснувшее тусклым эмалированным боком под низкой, застеленной грубошерстным одеялом кроватью.

Судно. Обыкновенное больничное судно. С казенным черным номером на зеленой эмали.

Жанна быстро окинула взглядом комнату. Небольшая, темноватая. Окна завешаны зелеными шторами, под потолком — белый шар дешевой люстры. Ничего похожего на роскошь гостиной, на изысканный уют ее обиталища. Простой фанерный шкаф, заваленный какими-то узлами и пакетами, стул, кровать с высокой спинкой.

И запах. Едва ощутимый, но вполне реальный. Запах болезни, разложения, тлена.

«Я не пугаю, я просто предупреждаю».

Стараясь производить как можно меньше шума, Жанна аккуратно закрыла дверь и повернула ключ в замке. На цыпочках вернулась в прихожую, зацепила брелок за клык. Волчьи морды скалились в беззвучной усмешке.

6

На Новый год она поехала домой, в Софрино. Теснота и убогость квартиры, в которой прошли первые пятнадцать лет ее жизни, поразили Жанну. Правда, сестра, выйдя замуж, переселилась в соседний подъезд, но все равно постоянно толкалась у матери. Четыре человека на две комнаты — это слишком, решила Жанна и, едва придя в себя после новогодней пьянки, отправилась обратно в Москву.

Стояли жуткие, сорокаградусные, как водка, морозы. Дыхание замерзло в сантиметре от губ. Пока добиралась от метро до дома, уши и кончик носа превратились в хрупкие ледышки.

Отмороженные пальцы не слушались Жанну. Ключи два раза вываливались из рук, вставить их в замочную скважину и повернуть казалось непосильной задачей. Наконец, отчаявшись справиться с ключами, Жанна решительно нажала кнопку звонка. Без десяти семь, пора вставать.

Леонид открыл почти сразу же, словно и не спал вовсе. Скорее, только что вышел из душа. Чисто выбрит, черные волосы влажно блестят, благоухает какой-то туалетной водой. Пушистый банный халат аккуратно запахнут на груди. Жанна ужасно обрадовалась, увидев этот халат. Ей почему-то почудилось, что в халате Леонид не будет таким холодным и бесстрастным, как обычно.

— Привет, — сказала она, с трудом подавив желание вытянуться на цыпочках и чмокнуть его в щеку. — С Новым годом! Я тебе подарочек привезла.

Подарочек она заготовила еще в середине декабря, но предусмотрительно прятала его у себя в комнате, а уезжая в Софрино, забрала с собой. Ничего особенного — просто красиво упакованный набор для бритья: бритва, пена, гель. Но Леонид, кажется, обрадовался.

— Спасибо, Жанночка. И тебя с Новым годом. Подожди, у меня для тебя тоже кое-что есть...

Повернулся, достал откуда-то из-за спины коробочку. Протянул ей с таким смущенным видом, будто там лежало что-нибудь из ассортимента магазина «Интим».

Ничего подобного. Серебристый плоский CD-плеер. Офигенно дорогая штука, Жанна о такой и мечтать не смела..

— Ой, прелесть какая! Леонид, ты лапочка!

Не удержалась, чмокнула все-таки куда-то в район подбородка. Он благожелательно улыбнулся и вдруг побледнел.

— Ты что, обморозилась? Ну-ка, дай посмотреть...

Развернул (довольно бесцеремонно), дотронулся до одного уха, до второго...

— А ну марш в ванную. Быстро, быстро, сапоги потом успеешь снять. Или хочешь без ушей остаться?

Ошеломленная Жанна даже не слишком сопротивлялась. Леонид приволок ее в ванну, открыл горячую воду, сунул под струю руки, а потом схватил за уши. Сначала она вообще ничего не чувствовала, но постепенно обморожение прошло, и боль вцепилась в уши раскаленными щипцами.

— Пусти, — пискнула Жанна, — больно же!

— Ах, больно? — удивился Леонид. — Кто бы мог подумать!

Он открыл шкафчик и извлек оттуда пузырек со спиртом, плеснул в пластиковый стаканчик.

— Не пить! — строго предупредил он. — Только растирать. Если не хочешь, чтобы это делал я, изволь спасать себя самостоятельно. Я буду консультировать.

Потом отвел Жанну обратно в прихожую, усадил на калошницу, заставил вытянуть ноги и стащил с нее сапоги. Было безумно приятно, все время вспоминался какой-то старый фильм, где вроде бы показывали нечто подобное. Леонид растер остатками спирта узкие Жаннины ступни, вытащил откуда-то толстенные шерстяные носки и натянул ей на ноги.

— Что ж, — усмехнулся, — воспаления легких вам, сударыня, все равно не избежать, но с ампутацией конечностей, пожалуй, пока повременим.

— Давно хотела спросить, — обрела дар речи Жанна. — Ты какой врач? Хирург или ортопед? А может, ветеринар?

— Изначально я педиатр, — серьезно ответил Леонид. — По узкой специализации — вирусолог, а кандидатскую защитил по некоторым инфекционным заболеваниям, встречающимся в странах тропического пояса. Впрочем, моих профессиональных навыков вполне достаточно, чтобы безболезненно отрезать обмороженное ухо или пятку в домашних условиях.

— Опа, — сказала Жанна. — Ну, тогда я в надежных руках. Кандидат наук. Ничего, что я сижу?

— Сиди, сиди. Только лучше тебе, пожалуй, будет переместиться в гостиную, а я покуда сварю чего-нибудь согревающего.

7

Пока Леонид гремел на кухне чашками и кастрюлями, Жанна пришла к выводу, что в гостиной ей оставаться совсем не хочется, и перебралась к себе в комнату. Удобно устроилась на диване, подоткнув под спину подушку и завернувшись в теплый клетчатый плед, включила светильник-фламинго и принялась ждать, рассматривая новенький плеер.

— Ты здесь? — удивился Леонид, останавливаясь на пороге. Он уже успел переодеться — вместо халата облачился в бежевые спортивные брюки и голубую рубашку из тонкой джинсовой ткани. В руках у него был поднос, на котором стояли две высокие керамические кружки. Над кружками витал ароматный парок. — Почему не в гостиной?

— Так, — мотнула головой Жанна, — захотелось. Здесь уютнее. Проходи, располагайся, чувствуй себя как дома..

«Стоп-стоп-стоп, — осадил она себя, — Не зарывайся, девочка. Ты тут еще не хозяйка».

— Ты меня приглашаешь? — неуверенно спросил Леонид.

— Да ты прости, я пошутила. — Жанна ساختила виноватую гримаску. — Ну как я могу тебя приглашать или не приглашать? Это же...

— Это твоя комната, — перебил он. — Мы договорились, помнишь? Я обещал не заходить к тебе без приглашения...

— Ну, тогда я тебя приглашаю. Проходи, дорогой Леонид, располагайся поудобнее. Хочешь — в креслице, хочешь — на диванчик. Я бы лично предпочла на диванчик, согреешь бедной девочке ножки...

— Спасибо за приглашение. — Леонид наклонил голову и переступил порог. В первый раз с тех пор, как Жанна стала жить у него в доме. — Вот, это тебе горячительное. — Он протянул ей тяжелую дымящуюся кружку.

— Выпьем за Новый год? — Жанна принялась и поняла, что и на этот раз обошлось без алкоголя. Сплошные травы, одна другой душистее. Ну и ладно, подумала она, вспомнив родное Софрино, не век же водку глушить.

— Давай, — кивнул Леонид. Поднял кружку и отсалютовал Жанне. — Пусть он

принесет нам больше удачи, чем старый.

Жанна рассмеялась:

— Еще больше? Да у меня такой прухи, как в прошлом году, в жизни не было. В училище поступила, классное жилье за бесплатно нашла, с человеком интересным познакомилась...

Леонид поднял бровь.

— С тобой, с тобой, не надо шлангом прикидываться. Кстати, мне знаешь как хочется про тебя узнать побольше? Где ты учился, как жил, кого лечил? Расскажешь, а? А то про меня — то ты все знаешь, а я про тебя — ноль...

— А ты уверена, что хочешь это услышать? Обычно дети твоего возраста не слишком — то жалуют стариковские рассказы...

— Ха! — сказала Жанна. — Ха! Дети моего возраста! Дети моего возраста, если хочешь знать, вообще предпочитают слушать только слова любви, желательно произносимые страстным шепотом им на ушко. Но если говорить конкретно обо мне, то я с детства обожала всякие страшные истории. Слабо развлечь замерзшую девушку страшилкой?

Леонид усмехнулся странной, словно бы обращенной внутрь себя улыбкой. Осторожно присел на край дивана.

— Жизнь и без того страшная штука, моя милая. Пока я был маленьким, мне казалось, что в мире полно всяких ужасных созданий, о которых так любят рассказывать дети, — ну там, Черные Перчатки, Красная Рука, Пиковая Дама, Глаза в Зеркале... Все время боялся открыть дверь чулана и увидеть за ней Буку... А потом, когда подрос, понял, что дети, конечно, ничего не знают наверняка, но очень о многом догадываются. И все их наивные страшилки — только попытка объяснить сумрачные ужасы взрослого мира.

— Ой, а можно то же самое, только по-русски? Я девушка простая, к тому же обмороженная... Мне, как менту, все надо объяснять — медленно и два раза...

— Чудовища существуют, — почему — то шепотом сказал Леонид. — Не такие, как в детских сказочках, — намного страшнее. Вот представь — ты идешь по улице, у тебя падает перчатка, а навстречу идет человек, быстро ее поднимает и с улыбкой протягивает тебе. Ты ее берешь, благодаришь, и невдомек тебе, что ты только что встретилась с монстром. А между тем есть такие, с феноменальной памятью. Им достаточно один раз заглянуть тебе в глаза — и все, ты уже у него в коллекции. Теперь, стоит ему захотеть, он припомнит твое лицо в мельчайших деталях и придет к тебе во сне. А там уж сможет делать с тобой все, что захочет, — просыпаться будешь вся в синяках, избитая, исцарапанная, а то и вовсе пойдешь на его зов ночью, глаз не раскрывая... Слышала про лунатиков? Думаешь, они просто так по крышам гуляют? Просто так, девочка, в этом мире ничего не происходит — каждое движение продиктовано чьей — то волей. Или твоей собственной, или чужой. И тут уж чья сильнее...

Жанне стало зябко. Она обхватила ладошками высокую кружку и сделала несколько обжигающих глотков. Почему — то вспомнилось прикосновение чего — то невыносимо холодного к шее ниже уха, ощущение чужого тяжелого дыхания, щекочущего волосы на затылке, ноющая боль в груди от врезавшегося в ребра подоконника...

(На грязной, растрескавшейся от времени краске — выцветшие пятна дешевого, скверно пахнущего вина, следы засохших плевков, отполированные чьими — то задницами лепешки жевательной резинки... Чья — то сильная рука пригибает ее все ближе к выцарапанной лезвием надписи «ЦСКА — кони», она чувствует, как ее ноги, завязшие в спущенных джинсах, покрываются гусиной кожей — то ли от холода, то ли от ужаса... И предчувствие чего — то невыносимо мерзкого застревает в горле комком смерзшейся слизи...)

— А еще есть такие создания... людьми их назвать трудно, хотя они появляются на свет у обычных родителей, которые похищают человеческие души...

— Зачем это?

— Чтобы жить. Питаясь душами, можно прожить неограниченно долгое время, особенно если выбирать себе доноров помоложе. Энергетический метаболизм помогает таким... созданиям... развивать их необычные способности, превращаясь во все более совершенных существ, хотя сам процесс трансформации протекает довольно болезненно, а главное, долго.

— А что за способности они от этого получают?

— Не смогу объяснить. Если ты слеп от рождения, ты не поймешь, что значит «видеть». Если у тебя нет ног и рук, ты вряд ли представишь себе, каково это — играть в футбол. Люди изредка сталкиваются только с внешними проявлениями. Например, с подчинением чужой воле. В этом нет ничего сложного или таинственного — для *измененного*, я имею в виду. Так же как для тебя — в том, чтобы протянуть руку и взять с тумбочки кружку... Вот, молодец... Теперь сделай два глотка — два маленьких глоточка... Видишь, как просто?

— Ну, так не интересно... Расскажи хотя бы, как они это делают...

— Что? Похищают души?

— Ну да, да!

— Очень просто. Могу показать.

8

На мгновение Жанне показалось, что горячая кружка, которую она по-прежнему сжимала в руках, стала обжигаяще ледяной. Леонид оставался серьезен и спокоен — слишком спокоен для мужчины, делящего один диван с девушкой, которая то и дело дотрагивается до него пальчиками ног, пусть и одетыми в толстые шерстяные носки.

— Ты шутишь, Лёночка?..

Голос ее затерялся в невыносимой тишине, повисшей в комнате. Неожиданно Леонид поднял руку и положил ладонь Жанне на темечко.

— Вот здесь есть место, — произнес Леонид неожиданно севшим голосом. — Особое место. Сюда сходятся все каналы, по которым циркулирует жизненная энергия организма. И именно здесь в защите энергетической системы человека зияет брешь.

Его ладонь едва заметно шевельнулась, поднялась, и Жанна почувствовала, как поднимаются вслед за ней примятые его рукой волосы.

— Давным-давно древние лекари, шаманы и колдуны, научились использовать эту точку для излечения всевозможных болезней. Из этой брешки, из этой дыры можно высосать любой, даже самый страшный недуг. Но, видишь ли, за все приходится платить. Вместе с болезнью человек теряет какой-то кусочек той энергетической субстанции, которую люди привыкли называть душой.

Леонид по-прежнему держал ладонь над головой Жанны. От ладони исходило тепло, приятное, расслабляющее тепло.

— Первоначальный метод был очень прост. Болезнь высасывалась вместе с кусочком души. Потом болезнь выплевывали, а душу проглатывали. Тут все дело в мере. Если высосать душу из человека быстро и без остатка, он умрет, хотя, умирая, будет испытывать несказанное блаженство. Если высасывать медленно и постепенно, тело начнет довольно интенсивно стареть. Иногда случается так, что душа еще почти вся на месте, а тело уже скукожилось, как кожаная перчатка в кипятке. А если брать быстро и понемногу, то тело остается прежним, а вот душа... Ну, это уже зависит от человека. Может постепенно засохнуть сама по себе, словно дерево, у которого подпилили корни. А бывает, что человек превращается в монстра, вроде тех, которые в глаза тебе заглядывают...

— Брр. — Жанна поежилась. Травяной настой уже не согревал, ноги и руки покрылись гусиной кожей. — А откуда ты вообще об этом знаешь?

— Ты просила страшилку? Я тебе ее рассказал...

— Да уж... — Зубы Жанны стукнули о край кружки. — А правда, ты все это придумал?

Что-то произошло. Что-то неуловимо изменилось в комнате, словно бы лежавшая за пределами светлого круга от лампы тьма сгустилась и приготовилась броситься на них.

— Мне довелось поколесить по миру, — странным голосом ответил Леонид. — Я же занимался тропической медициной, ты не забыла? Повидал всякого...

Замолчал. Ей показалось, что он хотел сказать что-то еще, но остановился, словно зачарованный каким-то воспоминанием. Глаза его стали похожи на два темных, суживающихся коридора.

— Иногда я тебя боюсь, — тихо сказала Жанна. Она не собиралась произносить это вслух — просто подумала. Но слова прозвучали — и ударили Леонида невидимым бичом.

Он вздрогнул и вдруг быстро спрятал лицо в ладони. Пальцы у него были длинные, тонкие, как у музыканта. Сначала Жанне показалось, что он плачет, но Леонид просто сидел, закрыв глаза руками. Наверное, боялся, что из глубины темных коридоров появится что-то жуткое.

— Лёня, — тихо сказала Жанна, впервые назвав его мальчишечьим именем. — Лёня, ты чего? Ну, что с тобой?

Она поставила кружку на пол и, не выбираясь из-под пледа, передвинулась поближе к нему. Взяла его руки в свои, прижалась щекой. На этот раз его пальцы пахли не табаком, а каким-то теплым металлом. Жанна подумала, что так должен пахнуть еще не остывший после выстрела ствол пистолета.

— Лёничка, ну что ты... Ну, прости, я не хотела тебя обидеть... Ты иногда бываешь... очень странный, да... но я же знаю, что ты хороший...

Он осторожно высвободился. Посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом.

— Глупенькая ты девочка, Жанна. «Хороший»... Неужели ты думаешь, я не понимаю, каким выгляжу со стороны? Да я вообще был уверен, что ты здесь и двух недель не протянешь — сбежишь куда подальше... А ты осталась. И терпишь меня, со всеми моими привычками...

Жанна решила. Мазнула взглядом наискось — был бы взгляд лезвием, у Леонида на бледном лице немедленно расцвела бы длинная алая царапина, — отвернулась и сказала негромко:

— Не только терплю...

Замолчала на полуслове. Главное произнесено. Теперь, по всем правилам, его очередь. Если только не откажется поймать подачу. Ну раз, два...

И поймал-таки. Посмотрел на нее так пронзительно-пронзительно да и спросил:

— Ты — меня?

Жанна ответила не сразу. Вспомнила их первую встречу, все свои страхи и переживания, вспомнила, как он залился краской, увидев ее в полотенце, какими сильными были его руки, когда он нес ее вверх по лестнице, прокрутила все это в памяти и тихо сказала:

— Тебя.

Обняла его за шею и ткнулась лицом в темные, пахнущие порохом волосы. Сама, не дожидаясь, пока он раскачается. Хватит, три месяца ждала.

Почувствовала, как напряглись мускулы под тонкой тканью рубашки. Здоровый мужик, мышцы, как канаты. Приятно будет просыпаться утром и видеть рядом такое красивое тело... Ну что же ты так напрягаешься, дурачок, я же тебя не съем... Ну расслабься, пожалуйста, Лёня, милый, что ж ты дрожишь, как малолетка на первом свидании?..

Он пытался ей что-то сказать, но Жанна запечатала ему губы своим маленьким жадным ротиком и проглатывала слова вместе с его дыханием. Он все еще сопротивлялся, пытаясь вырваться из ее объятий, но делал это слишком нерешительно, видимо боясь причинить ей боль. Сопротивление его слабело с каждой минутой, и вот наступил момент, когда Леонид наконец ответил на ее поцелуй. Когда спустя минуту — или час — они оторвались друг от друга, до Жанны дошло, о чем он все это время пытался ее спросить.

— Что «зачем», милый? — улыбнулась она, уверенная в том, что услышит в ответ.

Но на этот раз она ошиблась.

— Зачем ты пригласила меня войти? — с усилием выговорил он. — Это твоя комната... Зачем ты меняпустила?

— Теперь это наша комната, Лёня. Чего ты боишься, дурачок? Иди ко мне... вот так... ты мне очень нравишься, потому ипустила... и вообще, кого хочу, тогопускаю... и туда в том числе...

— Не пожалеешь? — странно улыбнулся Леонид.

Она готова была поручиться, что в глазах его плеснулась боль.

— А это уже от тебя зависит... Постой, ты куда это собрался? Довел бедную девушку до белого каления и в кусты? Эй, я так не играю!

— Помнишь, я говорил тебе, что в твоих волосах хочется утонуть? Вот я и иду... топиться. Можно?

Леонид осторожно высвободился из ее объятий. Выпрямился — Жанна немедленно ткнулась носом между пуговиц его рубашки — и обхватил ладонями ее голову. Жанна почувствовала, как его лицо погружается в Пушистое Белое Облако, как мягкие губы слегка дотрагиваются до нежной кожи на темечке...

— Так ты на мою душу нацелился? Ну, попробуй... — хихикнула Жанна, и вдруг ее тело изогнулось в судороге небывалого, почти мучительного наслаждения. «Молния, — промелькнула мысль, — это была молния. Только почему□то бьющая снизу вверх».

— Лёня, что это? — спросила она слабым голосом. Голова кружилась, в ушах стоял звон. Коленки дрожали, хорошо хоть под пледом это не слишком бросалось в глаза. — Что ты со мной делаешь?

— Тебе нравится? — спросил он, вынырнув из Белого и Пушистого. — Хочешь еще?

«Нет, — хотела сказать Жанна. — Второго раза я не переживу», — хотела сказать Жанна. Вместо этого она зажмурилась и замотала головой — скорее утвердительно, нежели наоборот. Замерла, ожидая второго прикосновения, как удара. Сжалась в комок, когда его губы вновь дотронулись до нее там, наверху.

На этот раз все было немного по□другому. Вместо молнии, ударившей откуда□то из□под земли и ушедшей в потолок, накатила волна, теплая, тугая, захлестывающая с головой. Жанна растворилась в ней, а когда волна схлынула, обнаружила, что ее трясет как в лихорадке, сердце готово выскочить из груди, а трусики мокры насквозь. «Ничего себе оргазм, — подумала она, с трудом приходя в себя. — Что же дальше□то будет, подумать страшно...»

Дальше, однако, не случилось ничего. Леонид уложил дрожащую, всхлипывающую от пережитого наслаждения Жанну на диван, заботливо укрыл пледом и нежно погладил по волосам. Затем до ее слуха донесся слабый щелчок — это Леонид выключил светильник□фламинго. Все погрузилось в темноту, и Жанну мгновенно закрутил водоворот сна.

9

— Классный плеер, — сказала Альмира, впервые увидев Жанну после новогодних праздников. — Откуда такая роскошь?

— Лёня подарил, — небрежно ответила Жанна. — Правда, понтовый?

— Лё□ня, — со значением протянула Альмира, — Уже Лёня. Когда же это случилось, моя милая? Под звон курантов?

— Отстань, — отмахнулась Жанна. — Каждый празднует, как может.

— По тебе видно, подруга. Ты, похоже, целую неделю бухала. Похудела, под глазами круги, бледная, как девушка с косой... Ну□ка дыхни... Странно, а выглядишь так, словно тебя насквозь проспиртовали...

Жанна отвернулась и отгородилась от зануды Альмирки наушниками плеера. После возвращения из Софрина она не брала в рот ни капли спиртного. А круги под глазами... Не

так уж они и заметны, особенно под слоем пудры. Конечно, если не спать ночи напролет, урывая минуты для отдыха только днем, между приготовлением еды и уборкой, появятся и круги... А что делать, если Лёня уже к семи утра становится сонным и вялым, не способным даже на то, чтобы самостоятельно завесить окно шторами. Однажды под утро они уснули прямо на диване в ее комнате и проспали почти до обеда. Жанну вырвал из забытья полный боли и гнева крик. Кричал Лёня — он сидел на диване, с головой закутавшись в одеяло, а на лице у него распухал огромный розовый волдырь. Такие же волдыри покрывали его руки и плечи. Перепугавшаяся Жанна отвела его в ванну, дрожащими пальцами нанесла на кожу прозрачный гель из тюбика (тюбик был странный, весь исписанный какими-то замысловатыми иероглифами), забинтовала пораженные места стерильным бинтом и помогла добраться до кабинета. Внутри он ей войти не позволил. Выговорил странным, похожим на звук зажеванной магнитофонной кассеты голосом: «Спасибо» — и исчез за дверью. Жанна немного постояла на пороге, прислушиваясь, но в кабинете царила тишина. Целый день ей было не по себе из-за этого странного происшествия, она перерыла все свои учебники, но так и не поняла, что же спровоцировало аллергию. Вечером, однако, выяснилось, что от страшных волдырей не осталось и следа — кожа Лёни вновь стала чистой и мягкой, как у младенца, он вообще выглядел лучше, чем обычно, словно помолодел. Объяснил, что иногда такую реакцию могут вызвать обыкновенные солнечные лучи, и предложил повесить в Жанниной комнате плотные шторы. Теперь там было сумрачно даже днем, как и везде в квартире, но Жанне это не мешало. Дни для нее слились в одну плотную серую завесу, скрывавшую фантастическое великолепие ночных праздников. Целый день, возясь по хозяйству, пытаясь листать учебники или проваливаясь в короткий, не приносящий отдыха сон, она думала о том, как наступит вечер и ее мужчина выйдет из своего кабинета, подтянутый, свежий и элегантный, поцелует ей руку и скажет что-нибудь ласковое... Потом они сядут ужинать, и она будет любоваться ловкими движениями его тонких пальцев, ломающих хлеб, управляющихся с ножом и вилкой, смотреть, как двигаются его пухлые красные губы, когда он пережевывает мясо, подавать ему салфетку... и чувствовать себя счастливой, абсолютно, нереально счастливой... А потом они пойдут в гостиную и поставят какую-нибудь тихую музыку, и он расскажет о своих странствиях в далеких краях, а еще позже они окажутся в ее комнате, и там, в полутьме, ее мужчина вновь прикоснется к ней и подарит Жанне мгновения никем до того не испытанного блаженства...

Но Альмире этого не объяснишь. Даже если попытаться рассказать все как есть — ну что она может понять? Тупая, серая скотинка, как и все вокруг... Так что и пробовать-то не стоит.

10

До зимних каникул Жанна дотянула с огромным трудом. Заниматься днем удавалось все меньше и меньше, в сон тянуло после первой прочитанной страницы. Если бы не Лёня, написавший за нее две курсовые и подтянувший по биологии, сессию она завалила бы.

А так — ничего, обошлось. Альмирка звала с собой, в славный город Мухосранск-Верхневолжский, обещала массу развлечений и толпу мальчиков, но Жанна только слабо отнекивалась. Какие там мальчики, какие развлечения... И ведь миллионы людей всерьез считают, что все знают о счастье, подумать страшно...

Все каникулы Жанна не выходила на улицу. Попыталась как-то сходить за продуктами на рынок, но на полдороге ей стало плохо, и она, чтобы не упасть, прислонилась к фонарному столбу. Тут же подскочил прилично одетый господин средних лет, участливо наклонился к ней. «Женщина, вам плохо?» Жанне, несмотря на обморочное состояние, стало смешно — ее еще никогда не называли женщиной. Помотала головой — нет, мол, нормально, отвали, дядя, — кое-как отдышалась, приплелась домой. Было очень муторно и обидно, хотелось выплакаться Леониду в плечо, но он, как обычно, спал в своем кабинете. Жанна едва удержалась, чтобы жалобно, побитой собакой, не поцарапать в дверь.

Вечером, когда она по возможности с юмором поведала ему эту историю, Леонид сказал:

— Все, Жанночка, похоже, ты перетрудилась. Давай□ка избавим тебя от походов за продуктами. В квартале отсюда недавно открыли ночной магазин, все необходимое я буду закупать там. А тебе надо побольше спать, ты совсем вымоталась за эту сессию.

Тут Жанна разнылась, что ей не в кайф спать одной, что она хочет все время чувствовать его рядом, и упросила Леонида переехать из кабинета в ее комнату. Он довольно долго сопротивлялся, но потом все же уступил, напомнив ей про необходимость плотнее закрывать шторы.

С этого момента для Жанны наступил вечный праздник. Днем она, сделав несложные домашние дела, ошупью пробиралась в свою комнату, где на широком диване бесшумно спал Лёня, раздевалась и забиралась к нему под одеяло, обнимала его, прижималась длинными горячими ногами и, успокоившаяся и умиротворенная, засыпала. Просыпалась Жанна обычно от легкого прикосновения его ладони к своим волосам — как правило, Лёня не целовал ее в темечко, когда она спала, но однажды такое все же произошло, и пробуждение показалось ей сказочно прекрасным. Правда, встать после этого она не сумела — в ноги словно натолкали ваты, от низа живота к шее распространялось обессиливающее тепло. Леонид принес ей ужин в постель, покормил с ложечки, как младенца, а потом убаюкал, держа ее окутанную Пушистым Белым Облаком голову у себя на коленях.

Есть Жанне почти не хотелось. Иногда она могла ограничиться одним апельсином в день — желудок не протестовал, принимая такую диету как должное. Лёня готовил ей свои травяные отвары, помогал держать тяжелую кружку в ставших словно прозрачными ладонях. Жанна стала проводить в кровати почти все время, поднимаясь только для того, чтобы умыться и сходить в туалет. Ей впервые пришло в голову, что квартира могла бы быть и поменьше — путь через гостиную и коридор отнимал слишком много сил.

В один из бесконечных однообразных дней она не смогла заставить себя слезть с дивана и сходила под себя. Было очень стыдно, тем более что Леонид не проснулся и продолжал тихо спать рядом. Большое мокрое пятно расплзлось по простыне все шире, так что, когда наступил вечер и Лёня открыл наконец глаза, весь диван уже пропитался мочой. Подушка тоже была мокрой — от слез, — и тогда он взял Жанну на руки, отнес в ванну, налил горячей воды, взбил пахнущую какими□то цветами пену и осторожно опустил Жанну в облако сверкающих пузырьков. Там она и заснула — прямо в воде, а когда проснулась, поняла, что лежит не на диване, а на жесткой и довольно узкой кровати, Леонида рядом нет, а в воздухе витает смутно знакомый запах лекарств.

Мысли ее путались, она не могла точно определить, что ее окружает — явь или сон. «Я заболела, — подумала Жанна и неожиданно обрадовалась такому простому объяснению. — Я заболела, а Лёня меня лечит...» Она позвала: «Лёня», но из горла вырвался только слабый жалобный стон. Тогда Жанна снова закрыла глаза и попыталась заплакать. Слез не было.

Лёня разбудил ее, проведя ладонью по ее волосам. Она замерла от счастья, глядя в его сияющие, искрящиеся жизнью глаза. «Ты красивый, — хотела сказать ему Жанна. — Я люблю тебя». Но голос по□прежнему не слушался ее. Она шевельнула губами, и Леонид тут же поднес к ее рту дымящуюся кружку с травяным настоем.

— Я не хочу пить, — попыталась сказать Жанна, но он не услышал.

Она сделала несколько глотков, чувствуя, как горячая жидкость прожигает ее истончившееся тело насквозь. Потом закашлялась, и Лёня заботливо вытер ей губы пахнущим валерьянкой платком.

Когда стало ясно, что больше она пить не станет, Леонид бережно взял ее на руки и поднял с кровати. Жанна вздрогнула, ощутив прикосновение холодного металла к своим теплым ягодицам. Ее шатнуло, но Лёня сильной рукой придержал ее за плечи.

— Пс□с, — произнес он, смешно выпячивая пухлые губы, — пс□с...

«Это судно, — догадалась Жанна. — Я сижу на горшке... позор какой...» В следующую секунду она почувствовала, как горячая струйка со звоном ударила о металлическое дно судна, и ей сразу стало легче. Леонид снова перенес ее на кровать,

уложил, затем взял горшок и вышел. Жанна испугалась, что он не вернется, но он вернулся, постоял немного, глядя на нее сверху вниз, наклонился, обхватив ее голову ладонями, зарылся лицом в волосы и безошибочно нашел губами то самое место на темечке.

Над миром, сузившимся до размеров полутемной, пропахшей лекарствами комнаты, поднялась сияющая всеми цветами радуги волна.

Опрокинулась и гремящей лавиной обрушилась вниз, поглотив плавающую в океане блаженства Жанну.

11

Голоса доносились откуда-то издалека, с трудом пробиваясь через вязкий, глушивший звуки туман.

Жанна открыла глаза — это движение почти обессилило ее. Но с открытыми глазами она почему-то слышала лучше.

— ...полгода у вас жила... — Высокий женский голос, почему-то смутно знакомый. — И теперь вы не знаете, где она?..

— ...уверяю вас... — Мужской голос, тихий, но внятный, его она тоже знала когда-то. Вспомнить, кому он принадлежал, казалось непосильной задачей. — ...Давно ничего не знаю...

Жанна вздохнула — глубоко, в легких, что-то засвистело, в горле неприятно булькнуло. Пересохшие губы трескались от горячего дыхания.

— ...с февраля в училище не была, — женщина почти кричала, — мне уж на работу педагоги обзвонились... Вот и Альмира подтвердит — после каникул ни разу ее не видела...

Альмира. Миллион лет назад Жанна слышала это имя. Кого же так звали? Она попыталась сосредоточиться — бесполезно. В голове была вата — много-много белой, пушистой и мягкой ваты. Очень хотелось спать. Спать и не слышать этого грубого, громкого, визгливого голоса, бесцеремонно врывающегося в ее покой. Как же громко они кричат! Что им здесь нужно? Почему он их не прогонит? Кто? Кто не прогонит? Жанна старалась вспомнить, имя ускользало, словно различимая лишь уголком глаза легкая тень...

— Ты, дядя, нас за лохушек-то не держи, — вмешался молодой, энергичный и наглый голос. — Ты думаешь, мне Жанна про тебя ничего не рассказывала? Вот пойдем сейчас в милицию и заяву на тебя накатаем — мол, педофил ты, дядя, заманиваешь молоденьких девочек к себе под видом бесплатной сдачи комнаты, а потом, может, на кусочки разделяешь и в унитаз спускаешь... Ой, извините, Ольга Сергеевна...

Ольга Сергеевна? Еще одно имя за завесой темноты... Жанна опустила веки — глаза почему-то стали влажными...

— Да где ж это вообще видано — бесплатно комнату сдавать! — взвизгнул первый голос. — Знаем мы, что за бесплатно бывает... А ну говори, что с моей доченькой сделал, гад! Куда мою Жанночку подевал?

— Если я не брал с Жанны денег, это еще не значит, что она жила здесь бесплатно, — спокойно возразил тихий голос. — Мы сразу договорились, что она будет помогать мне...

— В чем? — перебила молодая и наглая. — Постельку по ночам согревать?

— ...ухаживать за моей больной матерью, — невозмутимо продолжал мужчина. — Это очень нелегкое занятие, уверяю вас, и оно, безусловно, стоит тех денег, которые я мог бы получить от сдачи внаем одной комнаты...

— Что ж она мне про твою мать ничего не рассказывала? — ехидно поинтересовалась молодая, — Всеми секретами делилась, а про то, как за больной ухаживает, — ни слова?

— Это входило в наш договор, — терпеливо объяснил тихий голос. — Жанна не должна была никого сюда приводить. Не должна была никому рассказывать о том, что здесь делает...

— Почему, интересно знать?

— А вам не кажется, что каждый человек имеет право на свою частную жизнь?

Предположим, мне не хочется, чтобы окружающим было известно, в каком состоянии находится моя мать. Она действительно очень тяжело больна, и обслуживать ее тяжело. Скажу откровенно: я думаю, Жанна уехала, потому что не выдержала свалившегося ей на плечи бремени. Мне она ничего не объяснила. Просто собрала вещи и уехала, пока я спал. Вы, разумеется, можете обратиться в милицию — я думаю, вы просто обязаны это сделать, хотя я надеюсь, что с вашей дочерью не случилось ничего страшного...

Голос вдруг растянулся, поплыл, слова стали слышны нечетко.

— Не выспался, дядя? — с угрозой спросила молодая и наглая. — Все зеваешь? В милицию мы и без твоих советов обратимся, а для начала покажи□ка ты нам квартиру — где тут Жанна жила, где матушка твоя немощная обитает...

— Постарайтесь обойтись без хамства, Альмира, — посоветовал мужчина. — Оно вам не к лицу... Что ж, не могу сказать, что мне это будет приятно, но, входя в ваше положение... Я покажу вам, где жила Жанна.

Голоса удалялись, затихали. Тишина снова обволакивала Жанну, затягивала в глубокие белые пустоты сна. Но заснуть не получалось — под веками копилась, набухла влага, непрошенная слеза выкатилась из□под ресниц и задрожала, словно приклеившись к горячей щеке...

Скрипнула дверь. Этот звук вырвал Жанну из забытья, в которое она все□таки провалилась. Сердце тяжело бухало в груди, как часто бывает при внезапных пробуждениях, безжалостно разрывающих радужную ткань сна. Что ей снилось? Какие□то обрывки — женщина с усталым лицом, склонившаяся над ее кроватью, пестрые куклы, пляшущие на тонких нитях над занесенной снегом деревянной эстрадой... высокий темноволосый мужчина, протянувший руки к багровой, похожей на недобрый глаз луне...

— Вы хотели видеть мою мать, — услышала Жанна. — Смотрите, только очень прошу вас, тихо. Она сейчас спит...

— А вот спросить бы у нее, — свистящий шепот, судя по интонации, принадлежал все той же молодой девушке, которую звали Альмира, — когда в последний раз она видела Жанну...

— Спросить вы, разумеется, можете, — мужчина был по□прежнему терпелив и вежлив, — но ответа никакого не получите. Моя мать, к сожалению, страдает очень тяжелой формой болезни Альцгеймера, в просторечии называемой склерозом... Кроме того, она уже давно ничего не говорит...

Кто□то подошел почти вплотную к кровати Жанны. Скрипнули половицы.

— Эй, вы меня слышите? Слышите меня, а?

— Да не лезь ты к больному человеку, — сказала женщина, стоявшая, судя по всему, у самой двери. — Видишь же — спит она... Ох, старенькая она совсем у вас, седая совсем... Сколько же ей лет?

— Меньше, чем кажется, — сухо ответил мужчина. — Ну, ваше любопытство удовлетворено наконец? Вы убедились, что никакой Жанны здесь нет?

Он снова зевнул. «Бедный, — подумала Жанна, — ему, наверное, также до смерти хочется спать, а эти женщины прицепились к нему с какой□то Жанной... Жанной... Это же меня звали Жанна — когда□то давным давно, когда я жила совсем в другом месте, где было светло и красиво и всегда пахло цветами и свежестью... и я любила кого□то... Почему же я ничего не помню?»

— Пойдем, Альмира, — сказала женщина у двери. Голос ее погас, стал бесцветным и тихим, словно из него ушла вся жизнь. — Пойдем, не тревожь больного человека...

Жанна открыла глаза. Ярko горела лампочка под потолком, и в ее безжалостном свете она увидела девушку со смутно знакомым скуластым лицом, сидевшую на корточках напротив кровати, высокого мужчину, стоявшего у нее за спиной, и худую сутуловатую женщину с измученными, больными глазами. Все трое смотрели на нее, словно чего□то ожидая.

— Проснулась, — громко прошипела скуластая, обернувшись к остальным, и снова

повернулась к Жанне. — Здравствуйте, меня зовут Альмира, я подруга Жанны. Вы помните Жанну?

Жанна медленно опустила ресницы. Почему эта девушка задает ей такие глупые вопросы? Ей показалось, что какие-то смутные воспоминания понемногу проступают сквозь пелену белого забвения. Вот та женщина с усталым и несчастным лицом... сколько раз она склонялась над кроватью маленькой Жанны?..

— Мама, — прошептала она, чувствуя, как из глаз начинают литься крупные неудержимые слезы, — мама...

— Ничего она нам не скажет. — Женщина отвернулась. — Пойдем, Альмира, только время зря тратим...

— Неужели не помните? — не сдавалась скуластая Альмира. — Такая красивая, с пушистыми белыми волосами, классная такая девочка?

— Это я. — Жанна постаралась произнести это как можно более отчетливо, но получился неразборчивый шепот. — Это я — Жанна...

— Ну, извините, — с сожалением сказала Альмира, выпрямляясь во весь рост и зачем-то отряхивая колени. — Да, не хотелось бы мне заболеть склерозом...

— В милицию мы все равно обратимся, имейте в виду, — повернулась она к мужчине. — Так что для вас это так просто не закончится, не надейтесь...

— Не буду вам препятствовать, — ответил мужчина и снова зевнул. — Но на сегодня, надеюсь, у вас все?

— До свидания. — Альмира вдруг вновь наклонилась и заглянула Жанне прямо в глаза. — Не сердитесь на нас, хорошо?

Скрипнули половицы, щелкнул выключатель — свет погас. Мама, Альмира и зевающий мужчина исчезли из мира Жанны.

Где-то невообразимо далеко стукнула, закрываясь, тяжелая дверь. На мгновение Жанну посетило странное, пугающее видение — оскаленные волчьи морды, ухмыляющиеся в спину незванным гостям. «Заснуть, — подумала она, — скорее заснуть и убежать от этого тягостного, непонятного бреда в покой, тишину и пустоту...»

Видимо, ей это удалось, потому что, когда Жанна вынырнула из забытья в следующий раз, во рту у нее было сухо и мерзко, как случается после долгого сна. Жанну разбудили странные звуки — кто-то, сидевший у нее в ногах, всхлипывал, закрыв лицо руками. Сначала она не могла разобрать ни слова, но временами прерывистое бормотание становилось понятнее, и тогда ей казалось, что она различает целые фразы.

— Прости, прости меня... я не хотел этого... не хотел... все получилось совсем не так... я не смог остановиться... Почему, ну почему ты разрешила мне войти?..

Он хныкал, подвывая, словно обиженный ребенок, и Жанне вдруг стало смешно. Когда-то, миллион лет назад, совсем маленькой девочкой она играла во дворе с соседским мальчишкой в снежки и случайно засветила ему твердым белым шариком в глаз. Мальчишка заплакал, поскуливая, словно щенок, прижав обледеневшую варежку к пострадавшему глазу, и, глядя на него, Жанна не смогла удержаться от смеха. Почему она вспомнила об этом сейчас?

— Мне казалось, что, если я люблю тебя, тебе ничего не грозит... С другими было не так, они всегда оставались просто едой... а ты... ты была такой чистой, такой светлой... Я боялся за тебя... не хотел заходить на твою территорию... берег... Я берег тебя! — с обидой воскликнул он. — Охотился по ночам, ел только на стороне... А ты... ты сама, своими руками... — Он снова всхлипнул.

«Уходи, — сказала ему Жанна. — Я не люблю плачущих мужчин».

Она произнесла это мысленно — язык не слушался ее, из горла вырывалось только прерывистое горячее дыхание. Но он каким-то образом услышал — прекратил рыдать, выпрямился и быстрым, плавным движением переместился поближе к ней. Теперь она видела его лицо. Красивое, бледное лицо, обрамленное длинными черными кудрями. Огромные, широко распахнутые глаза.

— Жанна, — сказал он очень ласково. — Жанна, девочка моя...

Ледяная ладонь легла ей на обтянутый пергаментной кожей лоб, взъерошила высохшие, словно солома, седые волосы. Рука чуть заметно вздрагивала, и это было неприятно Жанне.

— Прости меня, моя любимая. Как жаль, что источник почти иссяк...

Он наклонился и легко коснулся губами ее морщинистой кожи.

— Сейчас ты заснешь, девочка. Заснешь и увидишь очень хороший сон. Ты будешь спать долго... и увидишь себя самой красивой, самой счастливой и любимой девушкой на Земле... Спи, моя хорошая... Я буду с тобой... я буду с тобой всегда...

И она послушно закрыла глаза.

12

«ПРИГЛАШАЮ сиделку для ухода за тяжелой больной. Требования: МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА, медицинское образование желательно, возможна подмосковная прописка или регистрация. Звонить ПОСЛЕ 19.00. Спросить Леонида».

Владимир Аренев

«Мечтают — и не только об электроовцах...»([д]озорное)

— Впусти меня, — попросила она, и он, конечно, впустил, не мог не впустить.

Эта игра началась еще на концерте «Грязных удалцов», еще там он приметил ее, да и она, она тоже выделила его из толпы: высокий, пышущий здоровьем мужчина, такие чаще встречаются на обложках модных журналов, чем в жизни. Последовал обмен взглядами: сперва оценивающими, потом будоражащими кровь, слишком откровенными. Он сделал вид, что смутился, и ушел, не дожидаясь, пока закончится концерт, но прежде еще раз посмотрел на нее.

Она поняла. Она не устояла. Она — здесь.

— Входи. — Дверь нараспашку, в мягко освещенном коридоре его силуэт. — Входи, входи!

Она перешагивает через порог — невысокая, в маняще декольтированном платье, с легкой улыбкой на губах. Многие бы отдали жизнь за эту улыбку.

Дверь захлопнулась с легким щелчком.

— Как зовут тебя, красавица?

— Зачем звать? Я прихожу сама. — Ее изящные тонкие пальчики скользят по его запястьям и выше, ласкают напрягшиеся стальные бицепсы. — «Что в имени тебе моем? Ведь роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет».

Объятия становятся всё сильнее, касания — откровеннее, ее губы и язычок пахнут ванилью и на вкус чуть горьковаты.

— Ох, как бьется твое сердце! — Она просовывает правую ладошку под одежду, поближе к его разгоряченному телу, а губы скользят ниже, зубы легонько покусывают за шею, — ах, остренькие какие! — проступает кровь. «Прости, дорогой». — Еще укус, теперь уже точно в цель, кровь брызжет, заливает ей лицо, она кричит, и сердце бьется, бьется!.. — не сердце, кол осиновый, который пробил его рубашку, ее правую ладошку, пиджак, ночное платье, вошел наконец в ее тело и уже (он чувствует это пальцами) вышел с той стороны, между лопатками.

— Ты?!.. — удивленно растерянное, обиженное; последнее, что она говорит.

— Я.

Он отстегивает специальный «нашейник», из которого уже вытекла вся свиная кровь. Касается пальцами того места, где ее острые зубки поцарапали сталь; в мастерскую идти не

придется, но вот на досуге самому надо будет подлатать.

Костюм, разумеется, безнадежно испорчен, но это обычное дело, по-другому не бывает.

Он бережно снимает с кола ее ставшее вдруг очень легким тело, отвинчивает кол; дверца на груди с легким клацаньем становится на место. Теперь — прибрататься в комнате и отправить отчет об еще одной обезвреженной *охотнице*.

И до завтра можно отдыхать: подзарядиться, сходить в мойку, устроить себе плановое «сон»-отключение. А потом — снова на работу, снова отслеживать и обезвреживать.

При этой мысли он испытывает некое непонятное чувство, похожее на то, которое возникает при резких перепадах напряжения в сети. Человек бы сказал: «Я волнуюсь, предвкушая», — но он ведь не человек.

* * *

— Отстреливать таких надо! — горячился хозяин автозаправочной станции.

Двое полицейских зевали и с недоумением осматривали испорченные машины. Густой рассветный туман клубился над заправкой, казалось, в нем скрывается нечто... нечто опасное.

— Вы уверены, что это не обыкновенное хулиганство? — спросил старший патруля.

— Уверен ли я?! А вы почитайте доклады ваших коллег, я же не в первый раз заявление делаю! Каждый месяц по десятку машин...

— Сливают бензин? — предположил младший.

— Но зачем *так*?! И главное — это же какая наглость должна быть! Пока клиент отошел на минутку, а машина заправляется... — Хозяин только рукой махнул.

Старший патруля присел на корточки и коснулся пальцем двух круглых отверстий в бензобаке.

— Вот и он, как вы, приседал.

— Что? Вы видели преступника?!

— Говорю же, почитайте доклады. Один раз видел, случайно. Высокий мужчина, как только углядел меня, дал деру. А сперва, когда я его заметил, он как раз присел и... хм...

— Что?

— А-а, ладно. Все равно смеяться будете. — Хозяин перехватил хмурый взгляд полицейского и решился-таки: — Ну, этот хмырь, он будто лизал машину. И бормотал что-то вроде «овечка ты моя, овечка». Бывают же такие психи! Так вы его поймаете, сержант?

— Обязательно поймаем! — бодро солгал старший. — Куда он денется!

Николай Калиниченко Дождь над Ельцом

Эта история случилась со мной давно, еще при Советах. Я учился тогда во втором классе, а точнее, готовился перейти в третий. Летние каникулы мне довелось провести в старинном городе Ельце — бабушка хотела показать внука родне.

Скорый поезд отправился из Москвы в полночь, чтобы достичь ранним утром пустынного елецкого перрона. Мы неторопливо спустились на платформу, распрощавшись с веселым пожилым проводником. Тот отвернулся было к другим пассажирам, но вдруг схватил меня за плечо.

— Ну-ка, держи, — и сунул мне в ладошку надорванный оранжевый билет.

— Это зачем? — удивился я.

— На счастье, — подмигнул проводник. — Храни его и не выбрасывай, пока не сядешь в обратный поезд.

Я сунул билет в карман шортиков и поспешил навстречу бабушке, которая с

недовольным видом шла ко мне по платформе. Ребенком я был тих и мечтателен, постоянно витал в облаках и часто терялся, за что был неоднократно наказан старшими. В этот раз тоже не обошлось без нравоучений. Я был схвачен за руку и препровожден в здание вокзала. Посреди гулкой мраморной залы нас ожидала тетя Клава. Маленькая, плотненькая, облаченная в строгое черное платье и белую сорочку, она походила на престарелую школьницу. Из скромного туалета выделялась только массивная брошь, скрепляющая ворот теткиной рубашки. В оправе потемневшего серебра покоился крупный овальный камень цвета грозового неба, рассеченный сверху вниз ослепительно□белой прожилкой, ветвящейся у основания, точно самая настоящая молния.

Лицо Клавдии напоминало плакат «дары пекарни»: между сдобными булочками щек прикорнул маленький калачик носа, поляницу большого лба венчала короткая шевелюра седых волос, торчащих как попало, точно рожь после дождя, — и все это было обильно посыпано толстым слоем пудры. Из центра хлебного великолепия доброжелательно поблескивали глазурированные конфетки блекловатых голубых глаз. Губы тетка все время держала поджатыми, и это сильно портило ее образ, внося фальшивую нотку в положительный экстерьер.

Родственницы обнялись и расцеловались. После этого Клавдия переключилась на меня и, так как от лобзаний я категорически отказался, сразу принялась охать и ахать: «Как подрос! Как подрос! И глаза мамыны, а нос□то, Люба, нос□то твой!» Как видно, ритуал встречи был отработан годами и жестко протоколирован, потому что, обсудив с поддакивающей в нужных местах бабушкой мой внешний вид, Клава совершенно успокоилась, «выключила» улыбку и вполне будничным, даже суховатым тоном пригласила нас в машину.

Обшарпанная желтая «Волга» стояла на парковочном пятачке прямо перед зданием вокзала. Смуглый водитель в темно□коричневых брюках и светлой клетчатой рубашке с коротким рукавом стоял, прислонившись к капоту, и обстругивал перочинным ножом деревянную дощечку. Его глаза скрывались за стрекозиными окулярами старомодных темных очков. Большая клетчатая кепка бросала тень на прямой нос и пухлые губы. Завидев нас, он с недовольством отбросил палочку и открыл дверь машины.

— Доброе утро, прошу.

Его голос был тихим и странно воркующим, без громких московских гласных или нарочитого вологодского оканья, словно каждое слово завернули в мягкую рогожу.

Тетя Клава с бабушкой забрались на заднее сиденье, а я, как большой, устроился впереди. Водитель опустил рядом. От него исходил резкий запах табака, смешанный с чем□то еще, едва уловимым и очень знакомым. Мужчина опустил правую руку на рычаг переключения передач, и тут я заметил, что на правой руке у него не хватает безымянного пальца.

— Можешь опустить стекло. А то у меня тут, как на складе, — милостиво разрешил он. — Крути эту ручку на себя. Сильнее! Вот молодец.

— До конца не открывай — простудишься, — всполошилась бабушка. Она, как видно, еще переживала, что не уследила за мной на перроне.

Мы тронулись неожиданно плавно и устремились по пустынной в этот час дороге в направлении города.

— Извините, пожалуйста... — обратился я к водителю, не решаясь сразу задать беспокоящий меня вопрос.

— Про палец спросить хочешь? — улыбнулся тот краешком рта и, не дожидаясь ответа, сунул мне под нос искалеченную руку. — Это фашист меня пометил.

— Вы воевали? — удивился я, пытаюсь сопоставить бодрый вид водителя с отдаленными событиями Великой Отечественной.

— А то, — ухмыльнулся водитель. — Всю оккупацию в подвале с крысами провоевал. Да только любопытство замучило. Страсть как хотелось на немца живого поглядеть. Вот и поплатился. Схватили меня, значит, ладонь к столу прижали и палец — чик.

— Яша, — в голосе тети Клавы слышалась легкая укоризна, — ты зачем мальчика пугаешь? На заводе он руку повредил. Лет пять уже прошло.

* * *

За окнами машины тянулись однообразные панельные дома, точно такие же, как и на окраинах столицы. Я даже слегка заскучал. На заднем сиденье бабушка с теткой громко обсуждали последние новости — телевидение сблизило центр и провинцию.

Наконец типовая застройка осталась позади, мы выбрались на открытое пространство. Впереди показалась акватория широкой спокойной реки. Ее блестящее зеленое тело было рассечено сразу двумя мостами. Дальний берег, высокий и обрывистый, пестрел разноцветными треугольниками двускатных крыш, над которыми царил белый утес большого собора. Пять глав, увенчанных куполами цвета январской ночи, четыре малые по краям и одна большая в центре представились мне неусыпной стражей, хранящей заповедную землю от посягательств внешнего мира.

— Сосна, — проворковала тетка.

Я принялся оглядываться в поисках упомянутого дерева.

— Река, — водитель закашлялся, — так называется.

«Волга» прибавила скорость и резво влетела на мост, стремительно пронеслась по нему, подпрыгивая на обитых металлом балочных швах, преодолела крутой подъем и ворвалась в город. Я прилип к окну, разглядывая старинные дома с высокими оштукатуренными цоколями и ветхими деревянными поверхами.

Время словно застыло здесь и даже как будто потекло вспять, медленно поглощая редкие современные постройки.

«Волга» миновала центральную площадь, окруженную приземистыми коробками общественных зданий с неизменным каменным Ильичом в центре. Дальше потянулись узкие проулки, угрюмые фасады за глухими заборами. Вскоре я уже не мог точно сказать, с какой стороны мы приехали. Наконец, сопровождаемые громогласными напутствиями братии цепных псов, мы покинули этот лабиринт и оказались на относительно широкой улице. Машина, скрипя подвеской, неловко подпрыгивала на неровной щебеночной дороге.

— Обещались положить асфальт еще весной, а воз и ныне там. Бесхозяйственность! Сталина на них нет! — пожаловалась тетка и тут же, почти без перехода: — Ну, вот и приехали. Слава богу!

Дом, в котором выросло не одно поколение моих предков, выглядел надежным и основательным, точно зажиточный пожилой крестьянин. Ровно оштукатуренные стены цвета яичного желтка были отделены от крыши узким резным карнизом. Единственный ряд окон располагался на высоте человеческого роста и был снабжен внушительными ставнями из толстых крашеных досок, укрепленных железными полосами. Ставни по большей части оказались открыты, за мутноватыми стеклами виднелись горшки с геранью. Исключение составляли только три окна небольшой ротонды, выступающей из плоскости фасада.

Неизгладимое впечатление произвели на меня ворота. Выкрашенные в темно-зеленый цвет еловой чащи глухие створки, слегка провисшие на массивных кирпичных столбах, имели не менее трех метров в высоту и создавали ощущение нерушимой твердыни. Калитка была под стать воротам. Поперечная щель почтового ящика наводила на мысль о крепостных бойницах.

Тетка извлекла из потрепанного ридикюля огромную связку ключей и принялась выискивать нужный. Наконец ключ от калитки был обнаружен.

— Вот, возьми открой. — Клава протянула связку бабушке. — Я пока с водителем закончу.

Старинный замок оказался механизмом своенравным. С характером. Прежде чем открыть путь в родовое гнездо, он заставил нас изрядно попотеть. Я пропустил бабушку вперед и оглянулся. В светлом прямоугольнике дверного проема были видны желтый

багажник «Волги» и тетя Клава, стоящая перед долговязым шофером. Слов я расслышать не мог, но, похоже, тетка была чем-то недовольна и сейчас отчитывала водителя. Одной рукой она нервно теребила ворот рубашки, а другой беспрестанно жестикулировала, словно регулировщик на перекрестке. Мужчина стоял перед ней, ссутулившись и опустив голову. Смуглые руки безвольно висели вдоль тела. В дорожной пыли дымилась недокуренная папироса.

За воротами обнаружился просторный двор, выстланный квадратами сероватого песчаника. Щели между камнями давно заполнила трава. В местах, где редко бывало солнце, плиты покрывал изумрудный мох. Ступени крыльца также были сделаны из камня, будто я и в самом деле оказался в какой-нибудь старинной крепости. Напротив жилого дома возвышался мрачный овин. Почерневший от времени сруб густо зарос крапивой. Одной стеной сооружение упиралось в соседский забор, с другой стороны овин обнимала большая груша. Узловатые руки дерева-старожила были настолько велики и протяжны, что давно обломились бы под собственным весом, не поддерживай их упертые в землю рогатки.

Сине-зеленая тень древесной кроны бесплотным фронтиром отделяла внутренний двор от освещенного солнцем участка земли в глубине теткиных владений. Там, нежась в лучах летнего солнца, топорщились зеленым холмом листы какого-то бахчевого растения, не то тыквы, не то кабачка. В огородное царство от дома вела прямая стежка, выложенная блестящим булыжником. На границе тьмы и света, устроившись прямо на дорожке, невозмутимо вылизывал промежность толстый белый кот.

— Какой пушистый! — восхитился я.

— Это не мой — соседский. — Тетя Клава наконец присоединилась к нам. — Я животину не держу.хлопотно.

* * *

И тяжкие «крепостные» ворота, и мшистый каменный двор, и черный овин, несмотря на свою внешнюю чуждость, оказались всего лишь привратниками на пороге иной реальности. Переступив избитый ногами порог старого дома, пройдя темные сени, загроможденные садовым инвентарем, ветхими плащами и обувью, я оказался в мире удивительных вещей и запахов. Ничего из привычных моему обонянию ароматов не было здесь и в помине. Все иное, все незнакомое и какое-то пугающе самобытное. А что за архитектура? Что за странная неравномерность размеров и форм, где каждый угол наособицу, каждая половица со своим неповторимым скрипом? Музей? Кунсткамера, где собраны ветхие химеры прошлого? Нет, это было что-то другое. Все еще живое, дышащее. Городское дитя, я оробел, впервые встретившись с домом предков. Медленно, будто погруженный в странную грезу, ходил я по комнатам, едва прикасаясь к пыльным предметам, назначение которых мне было известно лишь отчасти. И они отвечали мне: может, бранились на чужака, а может, пытались подбодрить. Но, увы, я не знал их наречия. Ведь на выщербленных пыльных боках не было заводских пометок и оттиснутых ценников.

Дом имел форму буквы «Г». В районе крыльца располагались несколько подсобных помещений и большая темноватая кухня, посреди которой возвышалась железная колонна АГВ. Сейчас этот алтарь огня мирно спал, но когда нужно было принимать душ или мыть посуду, в глубине его с ревом поднималась волна синего пламени. Направо от кухни располагалась продолговатая трапезная с длинным массивным столом, накрытым ослепительно-белой скатертью: на тонкой, полупрозрачной основе были вышиты небывалые цветы и райские птицы. Из столовой я попал в большую пустоватую комнату. Из мебели здесь имелись две старинные кровати с мощными металлическими спинками, темный от времени стул и небольшой комод. На стенах не было ни картин, ни фотографий. Сквозь открытые окна лился солнечный свет. А вот и горшки с геранью! Значит, за стеклом улица! Я подошел поближе. Действительно. Вот кусты сирени у ворот, а вот грунтовая дорога — еще дымится Яшина папироса.

— Спать будете здесь, в горнице. Светло, просторно, очень хорошо, — безапелляционно заявила тетя Клава. — Горница, столовая, кухня. В другие комнаты ходить не надо. Там не прибрано.

В большую комнату выходила еще одна дверь. Она была плотно закрыта. И конечно же, я не утерпел, ведь ключ торчал в замке. За дверью клубилась темнота, из которой медленно, словно нехотя, выступали контуры предметов. Вот письменный стол, чернильница, стул с высокой спинкой. Поблескивают стеклами огромные шкафы.

Когда я перешагнул порог, то почувствовал странное сопротивление. Словно кто-то незримый мягко, но настойчиво выталкивал меня из темной комнаты.

Рядом со столом располагался старинный секретер, на обитой зеленым сукном столешнице полукругом стояли забавные резные фигурки. Я подошел, чтобы рассмотреть их поближе.

— Что ты здесь делаешь? — Я вздрогнул. На пороге, поджав губы и уперев руки в бока, стояла рассерженная тетя Клава. — Я же сказала не ходить в другие комнаты! Здесь пыльно, не прибрано, еще, чего доброго, подхватишь какую-нибудь инфекцию.

— Но чья это комната?

— Это комната Вари, моей сестры. — Клавдия как будто смягчилась. — Она умерла три года назад. Раньше дом принадлежал ей. А теперь марш мыть руки и завтракать!

День прошел незаметно. В небе над городом еще горели отблески вечерней зари, а уединенный каменный двор перед домом уже заполнил густой зрелый сумрак. На фоне нежно-голубых вечерних небес темная громада овина казалась мрачным вестником грядущей ночи. Над коньком острой крыши игриво выгибался тонкий серебряный зубчик молодого месяца. Из темного сада потянул прохладный сквознячок, заставляя листву старой груши отозваться чуть слышным шуршащим вздохом.

— Ну что засмотрелся? — Желтый прямоугольник дверного проема заслонила плотная фигура тети Клавды. Обтекая ее округлые бока, из кухни стремился на волю аромат свежей сдобы. — Заходи в дом и дверь на щеколду закрой. Я пирожков напекла. Сейчас сядем телевизор смотреть.

— Зачем закрывать? — Я удивленно посмотрел на тетку. — Калитка на замке.

— Закрой, — упрямо повторила Клавдия и вдруг зябко поежилась, — мало ли...

Я пожал плечами: надо так надо. Вошел в дом и, ухватившись за край массивной двери, потянул его на себя, отгораживаясь от внешней темноты. Когда дверь со скрипом стала на место, я с удивлением отступил от нее. Обитая кожей панель от пола до потолка была покрыта разнообразными запорами от примитивных крючков и засовов до вполне современных задвижек и цепочек. Некоторые из них казались новыми, другие давно покрыла ржавчина. В замочных скважинах на разной высоте торчало не менее десятка ключей.

— Это все Варя, — тихо проговорила тетка, предвосхищая мой вопрос. — Последние-то годы она совсем плохая была. Вот и мерещилось ей бог знает что. Только спать ляжет — вскакивает. «Воры! — кричит. — Цыгане! Лезут к нам!» Я ей: «Спи! Никто к нам не лезет». А она: «Ой, лезут, лезут. Дверь открыть хотят». Бывало, до утра по дому металась, воров искала. Даже когда при смерти была, лежмя лежала, и то про воров шептала. А пока сама ходила... Как пенсия — Варя в магазин и обязательно задвижку новую купит. Боялась она очень. А все потому, что одна была. Муж-то у нее давно помер. Вот и маялась.

* * *

На следующий день мы отправились в центр города за посылками. В то время некоторые вещи и продукты проще было приобрести в столице и отправить себе же по почте. Колбаса «Сервелат» и прочие деликатесы в елецких магазинах либо отсутствовали, либо моментально сметались страждущими горожанами прямо в день завоза.

Когда мы вышли на улицу, желтая «Волга» уже ожидала перед воротами.

Меланхоличный Яша терзал перочинным ножом очередную дощечку.

— Опять насорил! — возмутилась тетя Клава. — А кто убирать будет?

— Простите, — как-то тускло ответил долговязый.

Он убрал нож, схватил искромсанную деревяшку двумя руками и сломал ее об колено. Лицо его при этом приобрело очень странное выражение. В свои неполные десять я мало что мог сказать о физиогномике, но в тот момент мне показалось, что Яша сейчас заплачет.

— Ну, ладно, — милостиво кивнула Клавдия. — Когда вернемся, уберешь.

На площади былолюдно и жарко. Лавочки оккупировали подростки в футбольной форме. В тени Ильича примостились несколько мальчишек моего возраста. Юные аборигены с упоением поглощали мороженое. Мимо курсировали пожилые ельчане и флегматичные мамы с колясками. По площади важно расхаживали жирные серые голуби. Бронзовые плечи вождя несли на себе отпечаток внимания этих вездесущих птиц.

Вместе с Яшей мы проследовали к неказистому, выкрашенному в красный цвет зданию почтамта. Полчаса вялых дебатов с почтовым чиновником, и мы обрели вождественные коробки. Все четыре, как и гласила сопроводительная телеграмма. Мне вручили одну коробку, Яша взялся за две. Бабушка с теткой решили нести оставшуюся кладь по очереди.

Когда мы вернулись на площадь, то увидели, что диспозиция у памятника поменялась. Мамаши с колясками куда-то пропали, а место футболистов заняли смуглые черноволосые женщины в просторных ярких юбках и пестрых платках.

— Цыганки, — проворчала тетя Клава, — только их не хватало.

Бабушка тоже фыркнула что-то соответствующее. Взрослые часто предостерегали меня от общения с цыганами. Правда, большая часть предостережений очень походила на сказки-страшилки. Мол, «не ходите, дети, в Африку гулять». Пока мы шли через площадь, я с интересом наблюдал, как ведут себя цыганки. Их действия напоминали движение пчелиного роя, о котором недавно рассказывал Николай Дроздов, ведущий моей любимой программы «В мире животных».

Из плотной группы женщин в разные стороны выдвигались «разведчицы». Перемещаясь по площади, они выбирали человека, приближались и обрушивали на прохожего водопад вопросов. Если «жертва» реагировала, к ней подходили еще несколько цыганок, а затем перемещалась вся группа. Увлеченный наблюдением, я слегка отстал от бабушки с теткой и вдруг заметил, что Яша уже не идет за мной. Водитель отчего-то оставил коробки прямо посреди площади и двигался навстречу молодой цыганке, пытавшейся «обработать» пожилого мужчину с орденой планкой на пиджаке. Девушка, завидев, что клиент сам идет к ней, оставила несговорчивого ветерана и устремилась к Яше. Последовал короткий обмен фразами, и вот уже гадалка держит ладони водителя в своих руках. Несколько секунд девушка внимательно вглядывалась в линии судьбы, а затем вдруг громко вскрикнула и отшатнулась. Она смотрела на неподвижно стоящего мужчину так, словно увидела что-то жуткое. Что-то небывалое. В тот же миг пестрая стая придвинулась, обтекая молодую женщину. Яша, однако, совершенно не испугался — он попытался подойти поближе. Цыганки вдруг ошетинились, зашипели. Глаза горят, зубы оскалены, мне даже показалось, что у некоторых женщин в руках блеснули ножи.

— Сапо!¹

Громкий окрик, точно удар кнута, разметал пеструю тучу. С соседней скамейки поднялся невысокий плотный человек. В кожаной жилетке, надетой поверх черной рубашки, в черных брюках и черных ботинках с острыми носами он был похож на ворона, ворвавшегося в стаю тропических птиц. Лицо незнакомца скрывала широкополая шляпа. Ворот рубашки был расстегнут, и солнце играло на толстой золотой цепочке, обнимавшей шею мужчины. В тот же миг цыганки подобрали юбки и все как одна устремились к дальнему концу площади. Яша еще некоторое время постоял, слегка раскачиваясь, точно

¹ Хватит (цыг.).

пьяный, а затем развернулся и, как ни в чем не бывало, направился к коробкам. Куда подевался «черный человек», я так и не понял.

Удивительно, но бабушка и тетка вовсе не заметили нашей задержки. Они стояли у «Волги» и увлеченно обсуждали судьбу какого-то дальнего родственника. Когда Яша открыл им дверь, обе пожилые женщины, продолжая болтать, смиренно влезли на заднее сиденье машины. В моей голове роилась куча вопросов, но я почему-то промолчал всю дорогу, так ничего и не спросив у шофера.

* * *

В следующие несколько дней ничего примечательного не случилось. Я осваивал дом и окрестности. Обширный участок земли, принадлежащий тете Клаве, за исключением дворовой части был полностью отдан под огород. Овощи в Черноземье достигали чудовищных размеров. Из мощной ярко-зеленой ботвы выпирали крутобокие туши великанских кабачков и оранжевые сферы гигантских тыкв, а в капустных кочанах могла укрыть свою ношу целая стая аистов. Картофельные грядки прятали в земле грозди продолговатых клубней. Растущие прямо на грунте, без всяких парников, огуречные лозы могли прокормить целый полк. На самом краю теткиных владений, словно войска на параде, выстроились ровные ряды помидоров. Мощные стебли гнулись под тяжестью светло-красных тугих плодов.

Границы огородной латифундии охраняли заросли малины и крыжовника. Здесь было много укромных уголков, изучение которых заняло у меня не один день. Одиночество и отсутствие сверстников никогда не тяготили меня. Я с удовольствием погружался в иллюзорные миры, которые сам же и придумывал.

Дом тети Клавы стоял на возвышенности. Внизу, укрытый зеленой тенью старых ив, стыдливо пряча свое русло в зарослях болотной растительности, тихонько журчал мелкий дремотный Ельчик. На том берегу просматривались между деревьев ветхие постройки заброшенного монастыря. Из округлого каменистого взлобья, точно шип на монгольском шлеме, торчала обшарпанная колокольня — прибежище стаи нахальных, шумных ворон.

Тетя Клава время от времени уезжала в свою квартиру на том берегу Сосны. И всякий раз Яша ждал ее у ворот, а затем привозил обратно.

Я начал постепенно привыкать к ночным шорохам и скрипам старого дома. Меня не пугал ни мрачный черный овин, который поначалу казался прибежищем неведомых страшных тварей, ни вечно закрытая комната тети Вари, ни страшный пламенный АГВ. Я подружился с белым котом, и теперь он регулярно встречал меня ранним утром в ожидании блюдечка с молоком. Соседи показывались редко. Раз в три дня к нам приходила Карина Андреевна. Пожилая женщина, в прошлом водитель автобуса, занималась разведением кур. Каждый раз отправляться на рынок ей было трудно, и она продавала яйца соседям. Иногда по вечерам в ворота стучался алкаш Егорка из дома напротив. Просьбы Егорки разнообразием не отличались — он хотел забыться.

Время от времени мы выбирались в город навестить своих дальних родственников Пичугиных. Они жили большой дружной семьей в получасе ходьбы от теткиного дома. Младший сын Пичугиных Вовка был на полтора года младше меня, но это совершенно не мешало нам общаться. Веселое открытое лицо младшего Пичугина всегда было готово расплыться в улыбке, а в глубине ярких голубых глаз сверкали шкворнистые искорки, приглашая к озорным шалостям и авантюрам. Вовка бывал в старом доме. Он знал про обросшую замками дверь и странное помешательство тети Вари.

— Они под старость все с катушек съезжают, — авторитетно заявил Вовка.

— Кто съезжает? — удивился я.

— Известно кто. Сестры из старого дома. Десять их было и еще восемь братьев. Мужики-то все померли или погибли в войну, а сестры жили долго. До тети Вари была тетя

Надя, до тети Нади — тетя Света. И у каждой свой бзик. Прабабка моя говорит, это все потому, что проклятие на них висит. Дедка, отец их землемер был, по окрестностям Ельца лазил, под железную дорогу место подбирал. Во все норы, во все болота залез и как-то раз клад нашел.

— Какой клад?

— Да кто его знает? Монгольский вроде. И будто бы заговоренный он. Если возьмешь — кранты. — Вовка выпучил глаза и принялся делать руками пассы, как будто накладывал заклятие.

— Врешь ты все, — сказал я.

Мне стало обидно за родственников.

— А вот и не вру!

— Как же тогда тетя Клава? Она вполне нормальная. Знаешь, какие пирожки вкусные печет?

— Это она пока нормальная. Скоро тоже свихнется, — поставил диагноз Вовка.

— А водителя ее видел? — Я решил переменить тему, чтобы не поссориться, — Который на «Волге» ездит? Странный какой-то.

— Беспалого? Конечно видел. Он и у Варвары работал.

— Он говорил, что ему палец фашисты отрезали, а потом тетя сказала, что на заводе станком отрубило.

— Вот брехун! А мне сказал, что зимой на рыбалке отморозил.

— Может, он преступник или шпион, — предположил я. — Все время врет — раз, в темных очках ходит — два, неизвестно где живет — три.

— Живет-то он, вестимо, недалеко от вас.

— Точно! Не успеет тетя Клава позвонить, а Яша уже у ворот.

— Позвонить? — нахмурился Вовка. — Как позвонить?

— По телефону, балда!

— Сам балда! В старом доме телефона нет. Туда провода еще не дотянули. — Вовка показал мне язык.

— Что значит — нет? — опешил я. — А как же тогда она его вызывает?

— Может, по рации, — растерянно предложил сын подполковника Пичугина. — Ты не видел в доме рацию?

Дни стояли жаркие и безветренные. Холмы и взгорки, извивы рек окутала плотная пелена излишнего, довлеющего тепла. С раннего утра над огородами и дорогами плыло и переливалось мутноватое море горячего воздуха.

Листья растений печально обвисли, белый кот изменил своей привычке греться на крыше сарая и скрывался где-то под овином, в холодке. Старый каплун в соседском курятнике уже не кричал по утрам, а как-то смешно не по-петушиному кряхтел. Люди искали спасения у воды. Берега Сосны оккупировали страждущие прохлады горожане.

Все началось, когда в городе стали умирать воробьи. Маленькие коричневые клочки перьев усеяли улицы Ельца, точно опавшие листья. Жители объясняли страшноватый феномен по-разному. Большинство сходилось во мнении, что виновата небывалая жара, но некоторые поговаривали о выбросе на химзаводе. Правда, в Ельце никакого химического производства отродясь не было, и сплетники грешили на ядовитое облако, принесенное ветром аж из самого Липецка. Однако, глядя на величественные белые громады, неспешно фланирующие по синему проспекту июльских небес, трудно было представить, что одна из них стала причиной гибели мелких пернатых проказников, которые так любили купаться в пыли у тетких ворот.

Еще одна напасть — бродячие собаки. Целая стая барбосов появилась неизвестно откуда и принялась терроризировать окрестности, избрав своей «штаб-квартирой» тенистую пойму Ельчика вблизи нашего дома. Соседка говорила, что уже кого-то покусали и что давно пора вызвать «душегубку». Эта таинственная «душегубка» беспокоила меня куда

больше, чем одичавшие дворняги. Зато на тетку весть о появлении собак произвела неожиданно сильное впечатление. Теперь с заходом солнца все двери и окна в доме наглухо запирались. А на большие ворота вместо ненадежного замка был наложен тяжелый дубовый засов. Вечерами тетка надолго засиживалась в трапезной. Когда я ходил на горшок, то мог видеть ее сквозь неплотно прикрытую дверь. В комнате тускло светила лампа. Клавдия сидела неподвижно, положив свои пухлые руки на белую скатерть. Перед ней на столе стояли маленькая иконка Божьей Матери и трехлитровая банка с водой, заряженной на телесеансах Алана Чумака, а чуть ближе, между ладонями, покоилась «грозовая» брошь. Ее выпуклая поверхность матово поблескивала в мертвом электрическом свете.

Мне, однако, все эти странности и страхи были нипочем. Я представлял, что нахожусь в замке, осажденном врагами, и очень жалел, что в теткин дом нет хотя бы одной завалящей башни, с которой можно кидать камни и лить горячее масло на головы ненавистных слуг «душегубки».

За башню, впрочем, могла сойти запертая ротонда. Не бог весть что, но для детского воображения нет ничего невозможного. Интерес к комнате тети Вари разгорелся в моей душе с новой силой.

Несмотря на свою внешнюю строгость и подозрительность, тетя Клава отличалась удивительной наивностью. Ключ от комнаты покойной сестры она хранила в самом ненадежном тайнике, под подушкой. Я прекрасно знал об этом.

Легко справившись с упреками совести, — ведь впереди ждало приключение, — я дождался, пока тетка уедет в город, а бабушка отправится огородничать, и завладел ключом. Старый замок поддавался не сразу, но вот препоны пали, и я оказался в запретной комнате.

Меня встретила все та же пыльная тьма. С первого моего посещения здесь ничего не изменилось. Та же старая мебель, те же странные вещи. Вдруг все сжалось у меня внутри. На широкой кровати кто-то лежал. Неподвижная черная фигура раскинула в стороны руки. А где же голова? Ее не было. Я уже готов был дать стрекача, когда понял, что мой незнакомец — всего лишь старое черное платье. Наверное, оно принадлежало тете Вале.

Не собираясь больше испытывать свое живое воображение, я подскочил к окну и отдернул тяжелую бархатную штору, впуская в комнату свет летнего полдня. Однако сквозь внешние ставни едва пробивались отдельные лучи. Мне пришлось взобраться на подоконник и отворить створки настежь. Улица дохнула на меня жарким ветром. И все же это было лучше, чем затхлый воздух закрытой комнаты. Пространство, в темноте выглядевшее внушительным и полным тайн, под воздействием яркого дневного света немедленно сжалось до размеров скромной комнатухи. В высоких шкафах обнаружился скучный старый фарфор и мутный, запятанный хрусталь. В углу за кроватью притулился маленький туалетный столик. Рядом на стене висел потемневший от времени холст в золоченой раме. На ткани были закреплены фотографии. В центре супружеская пара. Мужчина лет сорока, облаченный в строгий черный мундир с круглыми блестящими пуговицами, и красивая статная женщина в старинном платье. Вокруг располагались овалы портретов. Всего восемнадцать штук. Под каждым, прямо на холсте, имелась подпись. «Так это же семья землемера!» — догадался я. Вот они, проклятые сестры. Прямо под фотографией родителей висело изображение старшей сестры Зинаиды Николаевны, красивой молодой женщины лет двадцати семи. Зинаида была очень похожа на мать, но черты ее лица были тоньше и благороднее. Взгляд казался мечтательным и отстраненным. Я быстро нашел упомянутых Вовкой Светлану и Надежду. На фото были запечатлены юные девушки, которых с трудом удавалось представить сумасшедшими старухами. Зато Варвара, несмотря на внешнюю молодость, казалась суровой и даже мрачной. Видно было, что за этим застывшим сосредоточенным лицом скрывается непростой характер. Но больше всех меня потрясла тетя Клава — белобрысый щекастый ангел с огромными невинными глазами и губами бантиком. На фото ей было не больше шести лет.

Стол с зеленым сукном выглядел не просто старым, а ветхим. Одной ножки не хватало,

и вместо нее была подложена деревянная коробка с едва видимой надписью: «Т. е. о. д. оли. т. ь». Вот и фигурки, которые привлекли мое внимание в первое посещение. Я устроился на высоком стуле с прямой жесткой спинкой и принялся изучать костяные поделки. В основном это были животные: вороны, куры, коты. Особняком стояла целая стая собак. Встречались и люди: баба в платке с коромыслом и ведрами, пузатый священник в высокой шапке с большим крестом поверх одежды, солдат, присевший на барабан. Однако больше всего мне понравились лошади. Их было не меньше двух десятков. Неведомый резчик постарался на славу. В костяном табуне не было ни одной похожей лошадки. Иные из них были вырезаны очень подробно, другие более примитивно. И все же каждый скакун нес в себе частичку буйной силы, присущей этим благородным созданиям. Казалось несправедливым, что вольные животные скрыты в темной комнате, далеко от света и ветра. Я собрал лошадок и перенес их на подоконник. Здесь играть было куда веселее. Кажется, я увлекся, придумывая истории для каждого костяного конька. А потом некая странная иррациональная дверца приоткрылась в моем сознании. Подозреваю, что именно оттуда берутся все мальчишеские шалости. Мне очень сильно захотелось выбросить одного из коней за окно. Аккуратно взяв одну из фигурок, я вытянул руку над подоконником и осторожно разжал пальцы. Белый конек упал на газон под окном. Он отлично смотрелся в низкой зеленой траве. Мне было немного совестно, ведь чужое брать нехорошо. Но я убедил себя в том, что в любой момент смогу достать выброшенную фигурку и вернуть ее обратно. Решив, что пора закончить игру, я собрал остальных коньков и принялся расставлять их там, где они стояли раньше, постаравшись придать фигуркам положение, в котором их обнаружил.

Едва я закончил, как у ворот послышался знакомый звук мотора. Приехала Тетя Клава. Хлопнула дверь машины, послышался недовольный теткин голос, в ответ что-то неразборчивое пробурчал Яша. Я опрометью бросился к выходу из комнаты, захлопнул дверь и быстро повернул ключ в замке. Когда Клавдия вошла в дом, я уже преспокойно сидел за столом и рисовал рыцарей, штурмующих неприступный замок. Вот сейчас она все поймет и устроит скандал. Однако тетке было не до меня.

Тут я вспомнил про «отпущенного» конька. Его нужно было срочно вернуть! Я выбежал в прихожую, сорвал с гвоздя связку ключей и бросился к калитке. На улице висела все та же душная пелена, лишь подолы кучевых облаков едва уловимо потемнели. Собиралась долгожданная гроза.

Я с трудом отворил тяжелую скрипучую калитку, выскочил на улицу, сделал несколько шагов по направлению к ротонде и вдруг застыл как вкопанный. Спину обожгло внезапным ознобом. Под окном, лицом ко мне, стоял Яша. Он был неподвижен, словно манекен. На широкой четырехпалой ладони белела костяная лошадка.

Странные метаморфозы творились с лицом водителя. Оно текло и бурлило, точно марево над горячим асфальтом. Под знакомыми чертами проступал совершенно другой «рельеф». Лоб разгладился, а нос заострился, четко обозначились дуги бровей, волосы потемнели и удлинились. Вместо побитого жизнью пожилого мужчины передо мной предстал молодой человек лет двадцати пяти. Яша снял очки, и тут железный цветок ужаса расцвел в моем желудке.

На меня уставились два мутных бельма цвета перебродившей сметаны. Зрачков не было и в помине, но в глубине этих белесых буркал угадывалось какое-то смутное движение, какая-то чуждая, зловещая жизнь.

Я словно заледенел, привалившись к стене теткиного дома, и неотрывно глядел на пугало, стоящее в каких-то восьми метрах от меня.

Не знаю, сколько продлилась эта немая сцена, но вот Яша моргнул, водрузил стрекозиные окуляры на переносицу и, резко развернувшись, неуклюже зашагал вниз по улице. В крепко сжатом кулаке он уносил костяного конька.

Человеческая вера в привычный ход вещей — очень сильная вещь. Не прошло и десяти минут с памятной встречи, а я уже убедил себя, что Яша просто был пьян. Я вспомнил, как

прошлым летом мы с мальчишками дразнили алкоголика Петровича, спящего в канаве.

Пьяница, пьяница!
За бутылкой тянется,
А бутылка далеко,
Нужно ехать на метро,
А метро сломалось,
Пьянище взорвалось!

Повторяя дразнилку как заклинание, я постепенно успокоился. За то, что Яша банально «нагрузился», говорили и его неровная вихляющая походка, и желтая «Волга», оставшаяся стоять у теткиного дома. В схему не укладывались жуткие глаза водителя и внезапная молодость его лица. Но об этом я старался не думать.

Повесив ключи на гвоздь, я решил, что инцидент полностью исчерпан, и с детской непосредственностью погрузился в воображаемый мир средневековых баталий.

Наступил вечер, а гроза так и не началась, хоть временами и был слышен отдаленный гром. Меня позвали ужинать. Пока я расправлялся с исходящей паром рассыпчатой картошкой и двумя румяными котлетами, тетка и бабушка как-то странно посматривали на меня, а когда приступил к чаю, заговорили одновременно. Оказывается, тетка заходила в комнату Вари и каким-то образом поняла, что я там был.

Меня принялись допрашивать с пристрастием, нудно, настырно, дотошно, как умеют только старые женщины. В конце концов я не выдержал и признался в нарушении запрета, но только в том, что заходил в комнату. Про лошадку я не сказал ни слова. Клавдия, как видно, что-то подозревала и еще долго бросала в мою сторону подозрительные взгляды. Ее румяное полное лицо будто окаменело. Думаю, если бы не бабушка, тетка точно меня выпорола бы.

Тем не менее страсти постепенно улеглись. Клавдия совершенно успокоилась, включила телевизор и приготовила банку с водой. Наступало время очередного сеанса Алана Чумака.

* * *

Едва я закрыл глаза, мне привиделись мертвые воробы. Они сидели на спинке моей кровати и скрипели противными голосами на манер соседского петуха. Глаза птиц были затянuty точно такими же мутными бельмами, как и глаза Яши.

Едва в моем угнетенном кошмаром сознании возникла мысль о водителе, как тот не замедлил явиться. Выступил из темноты, окружающей кровать, и протянул ко мне искалеченную руку. Обрубок безымянного пальца во сне выглядел ужасно. Рана была свежей и постоянно кровоточила. Багровые, светящиеся, точно кремлевские звезды, капли с тихим шипением падали во мрак. Воробы с радостным урчанием срывались со спинки кровати и подхватывали капли на лету. От мертвых птиц веяло холодом и затхлой водой. Внезапно они показались мне огромными, точно орлы или альбатросы. А я, наоборот, съежился до размеров червяка. Мне хотелось крикнуть, отогнать химеру. Но черви не умеют кричать.

Внезапно из темноты донесся собачий лай, а затем громкий, отчаянный крик. В то же мгновение наваждение распалось на части, которые скомкались и почернели, точно кусок газеты на костре.

Я проснулся. Холодный пот тек по спине. Едва я успел вздохнуть, как страшный крик раздался снова, уже наяву.

Я вскочил. На соседней кровати заворочалась бабушка.

Крик повторился. Он был очень отчетливым и доносился из комнаты тети Клавы!

Неуверенно ступая в темноте по старым скрипучим половицам, натываясь на столы и шифоньеры, я направился на звук. Остановившись перед дверью теткойной комнаты, я робко постучал. Однако новый крик заставил меня потянуть ручку на себя.

Тетка сидела на кровати, прижавшись к спинке. Ее руки непрерывно двигались, голова моталась из стороны в сторону. Ноги, согнутые в коленях, были накрыты одеялом.

Я включил свет и увидел, что глаза Клавдии закрыты, а губы постоянно шевелятся. Я прислушался.

— Кусают, кусают, кусают, — быстро шептала тетка, — ноги сгрызли совсем, руки грызут□грызут. Пролезли и кусают. Нет! Пошли прочь! Фу! Фу! — Тут она снова издала такой же жуткий вопль, какой и разбудил меня.

В комнату, отеснив меня, ворвалась бабушка. Подскочила к тетке, принялась трясти ее за плечи.

— Клава! Что случилось? Клава!

Тетка открыла глаза.

— Они как□то пролезли, Люба! Наверное, через подпол. Кусали меня, рвали. Насилу отогнала их.

— Да кого ж ты отогнала?

— Собак, Люба. Собак! Здоровенные, лютые псы. Нетто ты их не видала?

— Клава, — строго сказала бабушка, — дом закрыт. Какие еще собаки?

— Да как же закрыт. А ноги□то мои? Смотри, все в крови! — Тетка задрала одеяло. Ее ноги покрывала сеть синих вен, демонстрируя обычные проблемы пожилых людей. Однако никаких ран или синяков не было и в помине.

— Да как же это? — пролепетала Клавдия. — Кровь□то ручьем лилась!

— Это был сон. Вот как, — сказала бабушка.

— Нет, — заупрямилась тетка, — я их видала, они где□то здесь.

Внезапно ее лицо застыло, точно внезапная догадка поразила женщину до глубины души.

— Это ОН! — прохрипела тетка. — Он натравил. За что? За что? Что я ему?.. — Ее голос прервался протяжным всхлипом, рука поднялась, и пухлый палец уперся...

Сначала мне показалось, что Клавдия указывает на меня, и, ошарашенный, отшатнулся, но обвиняющий перст искал цель несколько левее того места, где я стоял. Я скосил глаза и увидел небольшой, потемневший от времени комод. На его крышке покоилась аккуратно сложенная белая сорочка, а поверх нее, точно причудливое пресс□папье, лежала «грозовая» брошь. Овальный камень был непроницаем и темен, словно февральская полынья, по серебряной оправе гуляли холодные блики.

Бабушка резко повернулась и подошла ко мне.

— Тебе ни к чему тут стоять, — яростно зашептала она. — Тете Клаве нездоровится. Немедленно ступай в постель!

Очевидно, бабушка решила, что тетка винит в своих бедах меня.

Я послушно отправился в горницу. Лег, но сразу заснуть не смог. Было слышно, как бабушка водит тетку по дому и, словно маленькую, убеждает: «Смотри, на кухне никого нет... и в прихожей никого. Видишь — дверь закрыта. Хорошо, эту щеколду мы тоже закроем. Да, и эту...» В ответ слышалось бессвязное лепетание Клавы. Из невнятного потока слов то и дело всплывали «собаки» и загадочный «ОН». Похоже, «пророчество» Вовки начинало сбываться. Тетка помешалась. Но как насчет собачьего лая, который я слышал спросонья? Зловещие загадки продолжали множиться.

* * *

Все утро Клавдия не выходила из своей комнаты. Она часто звала к себе бабушку, просила пить «заряженную» воду. На почве ночных кошмаров у тетки разыгралась лихорадка.

Настало время вызвать доктора. Однако ближайшая поликлиника располагалась там же, где и почтамт. На главной площади, под защитой бронзового вождя.

— Я пойду схожу за врачом, а ты помогай тете Клаве. Не отходи далеко, — велела бабушка. — Приноси ей компот — на кухне стоит, в бидоне, я с водой развела. Вставать не давай. Вот марлевая повязка. Повяжи, а то еще, чего доброго, заразишься.

Продолжая бомбардировать меня инструкциями, бабушка собралась, нарядилась и наконец отправилась за врачом, распространяя вокруг густой запах дешевых духов.

В каменном дворе стало пусто. Сверху вновь опустилась тяжелая пята полдневного зноя. Блекло синее небо нависло над крышами Ельца, безрадостное и однообразное, точно одинокая старость.

Я оглянулся вокруг и на мгновение словно вынырнул из океана мальчишеских грез, ощутив под ногами твердь нашей скорбной реальности.

Я представил себе, как шумный, заполненный жизнью двор постепенно возвращается к тишине, как ветшает старый дом, пустеют амбары и флигеля. Больше не шлепают по каменной стезе босые ноги маленьких проказников. Протяжный стол, за которым вечерами собиралась вся семья, становится сначала верстаком, потом просто ветхой развалиной в глубине заброшенного овина, а затем, в одну из голодных страшных зим, превращается в растопку для печки. Я представил, как один за другим обитатели этого старого оплота уходят во внешний мир, и он убивает их: постепенно, истощая стареющие тела, или мгновенно, посредством воды, огня или фашистской пули. «У землемера было восемнадцать детей. Клава — самая младшая», — вспомнил я слова Вовки Пичугина. Младшая и последняя.

Мне стало очень жалко тетку. Я бросился в дом. Нужно как-то помочь, поддержать. Что там бабушка говорила про компот? Я вихрем влетел на кухню. С трудом наклонил тяжелый бидон и до краев наполнил большую эмалированную кружку красноватой жидкостью.

Я застал Клавдию в состоянии странной ажитации. Предметом волнения тетки была «грозовая» брошь. Пожилая женщина тянулась к ней так, словно в черном овале заключался корень всех ее желаний и помыслов. И в то же время что-то не давало ей добраться до броши. Что это было? Сомнение, слабость или страх? Я не мог сказать.

Завидев меня, Клавдия прекратила свои попытки подняться и вцепилась в предложенную кружку с компотом. Опорожнив ее до половины, тетка как будто немного успокоилась.

— Послушай, дружок... — Клавдия сделала еще один большой глоток, — послушай, мне нужно... нужно вот это, — Она указала на брошь. — Я... мне кажется, я должна... Должна попросить...

— Вы хотите, чтобы я принес?

— Да-да, дай мне ее. Понимаешь, я бы и сама взяла, да ноги на пол мне не спустить. Иначе найдут, разорвут. Люба говорит, нет никого, да я-то знаю: здесь они где-то. Прячутся. Ждут. А я так рассудила: извинюсь перед ним, попрошу прощения, он их и прогонит. Только вот до брошки никак не дотянусь. Дай мне ее! Дай мне ее сейчас!

Мои опасения подтвердились. Тетка была совершенно безумна. Однако я решил не расстраивать ее еще больше и, подойдя к комоду, взял брошь. Темный камень был холодным на ощупь. Я хотел передать украшение тетке, как вдруг что-то врезалось в оконное стекло снаружи. От неожиданности я разжал пальцы, и тяжелое украшение с глухим стуком упало на пол. Я наклонился подобрать брошь и увидел, что «грозовой» камень поднялся над плоскостью серебряной оправы, точно хитиновый покров на спине жука-рогача. Очевидно, от удара об пол сработала пружина, скрытая под корпусом. Я поднял украшение и, конечно, не смог удержаться от того, чтобы взглянуть на содержимое секрета.

Я не сразу осознал, что передо мной, а когда понял, то чуть снова не выронил брошь. На красной бархатной подкладке лежал иссохший, почерневший палец. Похожая на гнилой пергамент кожа собралась складками, обнажая желтую кость в месте, где палец отделили от

тела.

Перст был принужденно согнут по форме своего странного вместилища. Вокруг длинного, загнутого внутрь ногтя выступила мутно□зеленая субстанция. Не то запоздалый гной, не то иные выделения, свойственные мертвой плоти.

Я с ужасом воззрился на тетку, но та, как будто ничего не замечая, продолжала тянуть руки к шкатулке. Мне оставалось только передать ей «грозовую» брошь.

Клавдия приняла подношение чуть ли не с благоговением. Положила перед собой на простыню и принялась разглядывать, словно перед ней была великая драгоценность. Затем потянула за цепочку, что висела у нее на груди. На конце цепочки оказалось кольцо желтого металла. Это простое украшение было слишком велико для теткиных пальцев и, по всей видимости, предназначалось мужчине.

Клавдия извлекла почерневший отросток из шкатулки и тут же окольцевала его, приговаривая: «Кольцо на пальце — жених у ворот. Кольцо на пальце — жених у ворот». Все эти действия были проделаны совершенно автоматически, словно завязывание шнурков или чистка картофеля.

— И что теперь? — спросил я, хотя уже начал догадываться.

— Нужно ждать. Он придет. — Тетка сняла кольцо и быстро убрала под рубашку. Страшный секрет скрылся в недрах «грозовой» броши.

Минут через десять под окном раздался звук клаксона. Яша явился к своей хозяйке.

— Впусти,пусти его, — жарко зашептала тетка. — Он поможет, прогонит собак. — С этими словами Клавдия без сил откинулась на подушки.

Что мне было делать? События последних дней совершенно не укладывались в принятые правила игры. Будь я старше, наверное, сошел бы с ума или просто отключился. Однако сознание ребенка куда гибче, чем у взрослого.

Я вспомнил жуткие белесые глаза водителя, его изменчивое текучее лицо и понял, что ни за какие сокровища не позволю ему войти в нашу «крепость». Тетка просто бредит, а когда придет в себя, скажет мне спасибо.

Сначала я решил подождать в надежде, что Яша уедет, но потом отказался от этой мысли. А вдруг он будет стоять там до вечера? Придет бабушка с доктором и тогда... Я не знал, на что способен белоглазый человек. Когда два года назад я ездил с родителями на Кавказ, то слышал там легенды о вурдалаках. Днем они походили на людей, а ночью набрасывались на прохожих и пили кровь. Что если Яша вурдалак? Правда, тетка как□то управляла им. Однако просить Клавдию прогнать страшного водителя сейчас не имело смысла. Ведь она сама позвала его. И тут я вспомнил про комнату тети Вари и костяные фигурки. Я боялся, что Клавдия забрала ключ, но мне повезло. Он все так же торчал в замке.

* * *

Яша ждал в своей обычной позе, прислонившись к капоту. В стрекозиных очках отражались кусты сирени и зеленые створки ворот.

— Здравствуйте... — неуверенно начал я, стараясь не думать о том, что скрывается за зеркальными стеклами.

— О малец! Ты чьих будешь? — удивленно воскликнул водитель. Его интонация странно изменилась. В ней появились нотки, не свойственные прежнему безразличному Яше.

— Тетя просила передать... — попытался я снова.

— Тетка? Так ты Зины племянш? Ну, здравствуй, молодой□красивый! А где ж сама хозяйка? Зина□то где, а?

— Э... Зина? — удивился я и тут же припомнил: Зиной звали одну из сестер. Но ведь она умерла? Неужели Яша не знает? И меня он, кажется, тоже не узнал. — Ее... ее нет, — наконец выдал я.

— Да ну? А кто ж меня звал тогда?

— Тетя Клава.

— Клава? Младшая? — Яша запнулся, словно натолкнулся на стену, и проговорил уже совершенно другим голосом: — Вон как. Вон оно как. — Потом тряхнул головой. — Ну, Клава так Клава, лишь бы лодка плавала. — И легонько стукнул по капоту «Волги», — Зови ее, малец! Прокачу в лучшем виде, по□барски, наособицу да с бубенчиком!

— Тете Клаве нездоровится. Она просила передать, чтобы вы ехали домой. — Я сказал то, что задумал, и с ужасом ждал ответа.

— Э□э... нет, погоди, — протянул водитель. — Как же это получается? Сама звала, а теперь гонит. Уговор есть уговор. Постой□ка, сокол. А может, ты все врешь? Пойдем□ка в дом, разберемся.

Он надвинулся на меня, заслоняя солнечный свет.

— Вам нельзя внутрь! Нельзя! Уходите! Пожалуйста! — отчаянно завопил я, а затем изо всех сил бросил в Яшу то, что до этого сжимал в кулаке. Белая фигурка отскочила от груди водителя и упала в дорожную пыль.

Реакция мужчины была потрясающая. Он рванулся за костяным коньком, точно утопающий за спасательным кругом. Рухнув на дорогу, Яша подхватил фигурку. При падении очки свалились с переносицы, и я вновь увидел мутный свет его ужасных глаз.

Водитель баюкал фигурку, разговаривал с ней, точно она была живая.

Потом посмотрел на меня.

— Откуда... — прохрипел Яша, — откуда ты взял это? Там есть... еще? — Он начал медленно подниматься на ноги.

Я бросился к воротам, юркнул в калитку и налег на дверь.

Едва я успел повернуть ключ в замке, как толстые дубовые доски прогнулись от страшного удара.

Не став дожидаться, пока монстр сломает ворота, я кинулся в дом и принялся закрывать входную дверь на все многочисленные крючки и запоры. Затем бросился в трапезную — баррикадировать окна, потом метнулся в горницу. Я осторожно подкрался к окну и выглянул, прячась за горшками с геранью. Вопреки моим ожиданиям, Яша вовсе не ломился в ворота, а просто стоял и неотрывно смотрел на старый дом, словно увидел его впервые. Я мысленно повторял про себя: «Уезжай, уезжай. Пожалуйста!»

К моему удивлению, заклинание сработало. Яша повернулся, открыл дверцу машины, и вскоре о том, что он был здесь, напоминали только облако дорожной пыли перед воротами да шум мотора, удаляющийся в сторону Ельчика.

Я подождал еще немного, удостоверившись, что белоглазый не собирается возвращаться, и отправился в комнату тети Клавы. Я не знал, что ей сказать. Как объяснить, почему Яша уехал?

К моему облегчению, лгать мне не пришлось. Тетка мирно спала, смешно причмокивая во сне. «Грозовая» брошь мертвым жуком покоилась у нее на груди. Я облегченно вздохнул. Скорее всего, Клавдия и не вспомнит о том, что «звала» водителя. Чтобы обезопасить себя, я забрал брошь.

Я подошел к окну теткиной спальни, выходящему на соседский двор, пытаюсь понять, что за звук заставил меня выронить брошь. На оконном карнизе лежал мертвый воробей.

* * *

Бабушка с доктором явились часа через два. К этому времени я уже почти успокоился. Они разбудили Клавдию. Горбоносый долговязый врач напоминал худого, нервного грача□альбиноса. Неряшливый, всклокоченный, он метался вокруг кровати, наклоня большую голову то вправо, то влево. За его спиной, точно два крыла, поднимались и опадали полы белого халата. Когда дело дошло до стетоскопа, меня из комнаты, конечно, выставили. Из□за неплотно прикрытой двери доносились обрывки малопонятных фраз: «Тремор верхних конечностей... аритмия... верхнее давление в норме, а вот нижнее... вот□с... подозрение на микроинсульт... галлюцинации вызваны спазмом... постельный режим».

Дверь заскрипела, открываясь, и я поспешил спрятаться в трапезной.

— И запомните, вам ни в коем случае нельзя волноваться. Ни в коем случае, понимаете? — Теперь голос доктора был слышен отчетливо.

Вскоре они с бабушкой вышли во двор, и я последовал за ними.

— ...Вас я понимаю, — говорил доктор, — отдых — дело святое. Но вот Клавдия Николаевна, это же совершенно другое дело! Человек пожилой, одинокий. Все что угодно может случиться. Поразительно, как она беспечна! Ведь у нее же квартира за рекой, со всеми удобствами. На дворе двадцатый век, люди в космос летят, а здесь Средневековые какое-то, право слово. Даже телефона нет. А зимой? «Скорая» сюда не доедет. Это я вам заявляю со всей ответственностью.

— Да ведь это ее дом. Здесь она выросла. Как же его оставить? А вдруг разворуют все? — тихонько возразила бабушка.

— В ее возрасте не об имуществе надо беспокоиться, а о здоровье! — отрезал носатый эскулап. — Вот не хотел вам говорить, а теперь скажу. Сегодня ночью к нам доставили вашего соседа Егора Тимофеевича Толстопальцева. Множественные ранения горла, рук и ног. Вот-с.

— Это кто ж Егор Тимофеевич? — удивилась бабушка. — Я вроде таких не знаю. Пойдите! Это Егорка, что ли? Он к Клаве за бутылкой ходит.

— Он самый. Только в этот раз не дошел ваш Егорка.

— Что ж с ним случилось?

— Собаки, — доктор поднял чемоданчик, — собаки его порвали. Та стая, что у Ельчика живет. Повезло ему, что пьяный был. На трассу сам выбрался. Первый же водитель его и подобрал. Народ у нас добрый.

* * *

— Это кто ж такой — вурдалак? Упырь, что ли? — заинтересованно спросил Вовка, демонстрируя неожиданные познания в классической литературе.

Мы сидели на старых телеграфных столбах, сложенных поленицей у Вовкиного дома, и ели мороженое.

— Вроде того. Только на вид не страшный. Будто обычный человек, а на самом деле — нет.

— Не, Яша на упыря не похож. — Вовка глубокомысленно поковырял в носу. — Вот Егорка ваш — этот точно упырь, или как там — бурдалак.

— Да при чем тут Егорка?! — разозлился я.

— А давай за ним проследим? — неожиданно предложил Вовка.

— На фига? Он же в больнице лежит.

— Не за Егоркой, балда! За Яшей. Вдруг он и правда шпион? — Глаза младшего Пичугина горели охотничьим азартом. Видно, он представил себя бравым контрразведчиком из мультфильма «Шпионские страсти» и от версии о том, что водитель тети Клавды — вражеский резидент, отказываться не желал.

— А что? Давай! — Я совсем не был уверен, что хочу снова встретиться с белоглазым, но спастись перед Вовкой не мог.

— Если что найдем, дяде Степе из шестой квартиры расскажем. Он майор милиции.

— Может, сразу расскажем? — с надеждой предложил я.

— Не, сразу нельзя, — покачал головой рассудительный Вовка. — Ты «Следствие ведут знатоки» видел? Мы ему про Яшу скажем, а он тут же спросит: «Какие у вас доказательства? Где улики?» А у нас ничего и нет. Вот если бы рацию найти или еще чего-нибудь. Ну, пистолет там, паспорт фальшивый или парашют прикопанный. Тогда можно.

— Ну хорошо. Давай проследим. — Я почувствовал, как проникаюсь Вовкиным энтузиазмом. — Завтра вечером бабушка на почту пойдет. Ей в Москву позвонить надо. Вот

тогда и приходи.

* * *

Идти по незнакомой улице без взрослых было непривычно. Чувство свободы смешивалось с робостью, радость со страхом. Совсем не так ведут себя настоящие борцы со шпионами. Я утешался только тем, что Вовка тоже был не в своей тарелке.

Мы спускались по улице и с каждым шагом все явственнее ощущали на своих разгоряченных щеках влажное дыхание реки. Запахи тины, прели и болотных растений будоражили ноздри. Пойма надвигалась на нас в буйстве зелени, криках птиц и гудении насекомых. Впереди изумрудными полусферами вспухали кроны старых ив, сторожащих берег. Природа, питаемая водным источником, властно брала здесь свое, а человеческое присутствие, напротив, умалялось. Жалкие полуразрушенные лачуги у подножия холма покосились и выросли в землю. Почти невидные под гнетом плюща и дикого хмеля, чернели провалы окон. Вороньим глазом поблескивали редкие сохранившиеся стекла.

— Вот сюда он сворачивает. Мы прошлой осенью за грушами к тете Клаве приходили, и я видел. — Вовка указал на малозаметный проулок.

— А ты уверен? — Я недоверчиво взглянул на узкий проход, отделяющий последний перед прибрежными зарослями ряд домов от остального массива зданий. — Здесь едва машина пройдет, и дома как будто нежилые.

— Точно здесь. Честное октябрятское! — заупрямился Вовка. — Вон, смотри. Следы колес свежие.

Решив довериться елецкому пинкертому, я свернул с улицы в проход. В этом месте еще явственней ощущалось проклятие запустения. Почерневшие щербатые заборы не скрывали заросшие сорняком дворы и ветхие постройки.

— Здесь парк хотели разбить, уже года три как, обещали даже хоккейную коробку поставить, — отчего-то шепотом сказал Вовка. — Да вот не разбили.

Следы шин вывели нас к небольшому пустырю. На его краю возвышалась куча песка, обильно поросшая дикой ромашкой и львиным зевом. Рядом бесформенной массой темнел наваленный как попало рубероид. Из буйных кустов, окаймлявших пустое пространство, торчали серые туши бетонных плит. Похоже, здесь действительно собирались что-то строить. Следы огибали кучу песка и терялись в прибрежной зелени.

Мы неуверенно замерли на краю этого своеобразного «фронттира» цивилизации.

— Ну что встал? Трусишь? — воинственно поинтересовался Вовка.

— Вот еще! — Я первым шагнул в неизвестность.

В молчании пробирались мы через заплоты крапивы и репейника, цепляясь за торчащие из земли древесные корни. Под ногами постоянно что-то хлюпало, трещало и крошилось. И от этого казалось, что мы идем по кишасим насекомым, как в фильме «Индиана Джонс и Храм Судьбы», который втайне от родителей показывал мне одноклассник-мажор. Кроны ив наконец сомкнулись над нашими головами. Город еще купался в солнечных лучах, а здесь уже царили влажные прохладные сумерки.

На «Волгу» мы наткнулись внезапно. Желтый багажник вынырнул из высокой травы, точно ждал в засаде. Казалось, машина стояла здесь не один день, засыпанная листвой и древесным мусором, недвижимая, мертвая. Даже трава в колее поднялась.

— Смотри! — Вовка махнул рукой куда-то вперед.

Оказалось, что машина закрывает собой едва заметную тропинку. Пройдя по ней, мы выбрались на поляну, образованную давно пересохшей старицей Ельчика. От водного потока, некогда бежавшего здесь, остались только обширные мутные лужи. Впереди, на естественном островке, виднелись остатки какой-то постройки. Из травы поднималась неровная кирпичная стена. Сиротливо зиял оплетенный выюнком дверной проем. Чуть в глубине угадывалась покосившаяся башня печной трубы.

— Никого нет, — разочарованно и в то же время облегченно проговорил Вовка. —

Наверное, он здесь машину оставляет, чтоб не украли.

— Надо посмотреть в доме. — Я перепрыгнул лужу и, крадучись, направился к руинам.

— Зачем? Видишь, какая там трава высокая? И следов никаких нет, — засопел мне в спину недовольный «сыщик».

— Я только взгляну и назад. — Я не стал говорить Вовке, что заметил на дне лужи едва видимый отпечаток подошвы.

Чем ближе подбирался я к разрушенному дому, тем меньше было во мне уверенности. Может, Вовка прав и лучше вернуться? Однако что-то влекло меня к пустому дверному проему.

Я приблизился к руинам вплотную. Запустение было полным и очевидным. Здесь давно никто не жил. Я вошел и огляделся. Судя по обводам кирпичного фундамента, дом был достаточно большим и вполне добротным. Из-под слоя земли кое-где выглядывали массивные доски пола. Остатки стен и покосившаяся труба казались закопченными, наводя на мысли о пожаре. Я представил себе, как давным-давно их лизало жадное пламя, и поежился. Я прошел руины насквозь и наконец увидел Ельчик, который до того выдавал свое присутствие только приглушенным журчанием. Разрушенный дом буквально нависал над рекой. Темнеющий поток огибал островок и устремлялся по коридору, образованному древесными стволами. Из глубины этого сумрачного тоннеля медленно наплывал туман. Белесые щупальца реяли над водой, неторопливо поглощая видимое пространство. Мне подумалось, что глупо было приходить сюда вечером и что идти назад в сумерках будет куда труднее. Я развернулся, собираясь покинуть руины, и тут увидел кресты.

Два покосившихся деревянных знака возникли, словно по волшебству. Похоже, огонь, бушевавший здесь, не затронул их. Когда я входил, то не заметил могил из-за того, что они находились в углублении, зато теперь отчетливо различал низкие холмики. Мне стало жутко. Кто и зачем похоронил здесь людей? На негнувшихся ногах я приблизился и почти сразу обнаружил третье захоронение, а точнее, просто яму в земле. Странное любопытство овладело мной, и, хотя все мое существо противилось этому, я встал на краю и посмотрел вниз.

Из влажной темноты последнего приюта на меня уставились страшные белесые глаза. Яша лежал на спине совершенно неподвижно. В открытом углублении скопилась вода, которая, точно саван, укрывала нижнюю часть туловища и ноги водителя. Над черной хлябью поднимались только лицо и грудь, на которой прямо под сердцем покоились две костяные фигурки.

Я отшатнулся и хотел броситься прочь, но тут за моей спиной раздалось угрожающее рычание. Крупная лохматая собака легко перемахнула низкую стену и теперь стояла в шаге от меня, наклонив голову и обнажив клыки. Широкая грудь и мощные лапы наводили на мысли о волкодаве, однако морда была слишком узкой. Засохшая зеленоватая грязь, покрывающая шерсть вокруг пасти и на лбу, выглядела точно чешуя, превращая собаку в исчадие ада. Дикарь снова зарычал, и, словно в ответ на этот рокошующий грозный звук, плеснула вода в могиле. Я в ужасе скосил глаза и увидел, как над краем ямы поднялась облепленная ряской искалеченная рука, вся в потеках черной болотной жижи.

* * *

Кажется, никогда я не бегал быстрее. Далеко впереди меня ломился сквозь кусты перепуганный Вовка. За спиной был слышен собачий лай. Стая настигала нас. Дышала в затылок.

Я буквально вывалился из кустов. Пробежал по бетонной плите и хотел прыгнуть на землю, но зацепился рубашкой за предательскую ветку. Несколько мгновений ушло у меня на то, чтобы освободиться, однако было уже поздно. Разномастные дворняги, всего около десятка, выступили из травы, охватывая меня полукольцом. Я оглянулся, ища глазами товарища. Но Вовки и след простыл. Вместо этого на площадку выбрался узкомордый

вожак. Псы начали медленно приближаться. Я весь сжался. Вот сейчас, сейчас они набросятся на меня...

— Нат! Нашты!² — Резкий повелительный окрик обрушился на собак сверху.

Я поднял голову. На куче песка стоял «черный человек» в шляпе и остроносых башмаках. Тот самый, что прогнал цыганок на рынке. Похоже, что его удивительные способности помогли и здесь. В ответ на слова человека в шляпе вожак зарычал, но совсем не так, как тогда в развалинах. В голосе зверя слышалось признание чужой силы. Пес развернулся и бесшумно исчез в кустах. Другие собаки также покинули поле боя.

Тем временем мой спаситель спустился с кучи. Он оказался на удивление невысоким, едва ли выше меня. Изящный, худощавый, смуглый. Одежда сидела на нем идеально и смотрелась очень гармонично, однако было в ней что-то необычное, нездешнее. Словно «черный человек» сбежал с массовки к историческому фильму.

Его волосы, длинные, иссиня-черные, с едва заметным серебром седины, вольно раскинулись по плечам. Я поймал себя на том, что никак не могу рассмотреть лицо мужчины. Его черты ускользали от взгляда, словно я смотрел на них издалека или сквозь туман.

— Рад встрече. — Незнакомец, я прозвал его Цыганом, легонько коснулся полей своей шляпы.

— Здравствуйте, — робко ответил я. — Спасибо... спасибо, что спасли.

Словно в подтверждение моих слов, из глубины прибрежных зарослей послышался отдаленный лай. Я вздрогнул.

— Час поздний, а место здесь нехорошее. — Цыган указал рукой на узкий проулок, освещенный лучами заходящего солнца. — Давай-ка я тебя до дому провожу, а то мало ли...

Мы медленно двинулись вдоль трухлявых заборов.

— А вы... вы кто? То есть я хотел сказать... в тот раз на площади это же были вы и теперь... Вы ведь все знаете, да?

— Все, пожалуй, только Боженька знает. А я... я просто старый ром, хожу по земле, истории собираю. — Цыган усмехнулся.

— Вы писатель?

— Писатель? Да нет, скорее, сказитель... э... сказочник. — В голосе моего неожиданного собеседника было что-то неуловимо знакомое.

Внезапно меня осенило: точно так же мягко и плавно говорил Белоглазый!

— Вы знакомы с Яшей? Вы родственники?

— Его знаю. — Некоторое время мужчина шел молча. Потом повернул голову и пристально посмотрел на меня. На мгновение пелена, укрывающая его лицо, стала прозрачной, и я увидел внимательные черные глаза, большой нос с горбинкой и тонкие губы. — Вот послушай, что люди говорят.

Рассказ старого цыгана

Случилось это давно. Еще до большевиков. Цыгане тогда за рекой табором стояли — приветил их местный помещик Бахтеев. Долго стояли. Слишком долго. Старикам-то оно, может, и лучше. Не надо в кибитке кости растрясать, не надо думать, как хлеб добывать. А молодым скучно. Кровь играет. Вот и повадились в город шастать. И пошло-поехало: что ни день, то скандал, что ни ночь, то драка. Народ городской цыган не терпит. Случается, правда, и так, что влюбится какой купчина в цыганку без памяти. Прикипит, что твой блин к сковороде, — обухом не отшибешь. Однако в тот раз по-другому вышло. Влюбился парень из наших в дочь кожемяки Нила. И она ему не противилась. Прошла зима, и родила Ниловна

² Нет! Нельзя! (цыг.).

мальчика. Сам смуглый, черноволосый — цыган цыганом, а глаза синие, как васильки. Как июньское небо глаза. Прошли годы, и вырос парень, что надо. Высокий, статный, красивый. Родители — то его умерли, стало быть, самому надо решать, какой путь выбрать, какой дорогой по жизни катиться. Вот только никто его, бедное сердце, к себе принимать не хочет. Кожемяки, что вдоль Ельчика издавна селились, «чертовым выблядком» обзывали. И бить не били, но и знаться не хотели. Сунулся он в табор. И вроде бы взяли его уже. У нас — то народ подобрее будет. Да только увидела парня старая гадалка Гайтана и ну волосы на себе рвать, об землю биться. «Зло! — кричит. — Зло от таких глаз нам будет, ромалы! Страшное лихо!» И правда, есть у цыган поверье. Ежели у человека от роду с лицом что не так: губа заячья, к примеру, или глаз косой абы волосы рыжие — значит, после смерти будет он из могилки подниматься. Суждено ему стать *муло*, не живым и не мертвым. Днем такой мертвец ходит себе среди людей и ничем от живых не отличается, кроме запаха. Мужчины — муло миндальной косточкой пахнут, женщины — дынным жмыхом. А только запах этот не вдруг разберешь. Ночью же начинает *муло* озоровать, из живых соки тянуть. Если сильно голодный — может насмерть загрызть. Вот Гайтана и подняла крик. Из — за глаз его васильковых. На шум пришел ром — баро, старший цыган, стало быть. Посмотрел на пришлеца, головой покачал: «Уходи. Нет тебе здесь приюта». И пошел полукровка, несолоно хлебавши, куда глаза глядят.

В то время под Аргамачьей кручей трактир стоял. Днем вроде обычное заведение. Мастеровые туда захаживали рюмочку опрокинуть, и даже иные купцы не брезговали, но как только солнце за Вознесенский собор прятаться начинало — тянулись к трактиру люди темные, лихие. Под питейным залом тайная камора имелась. Там всю ночь игра шла. Трактирщик Акзыр, старый татарин, человек тертый, бывалый, с городскими набольшими как — то договорился, так что городовые в подвал нос не совали. Ну а если б все же случилась облава — сбежать оттуда, ежели что, проще простого. Вся Аргамачка — то, вестимо, ходами подземными еще с Тамерлановых времен изрыта.

И случилось нашему полукровке к этой недоброй компании пристать. Сделался он знатным игроком: и в карты ему удача, и в кости. Стали у парня деньжата водиться. К деньгам и гордость пришла. Куда ж без нее? Как — то с крупного куша выкупил парень дом своей матушки в кожевенной слободе и поселился там. Может, просто от доброй памяти, а может, чтобы соседей позлить. Бог его знает. Вот только доход в кубышку парень складывать не умел. Все спускал подчистую. Прогуливал, пропивал и босым домой возвращался. Ну а если начинал проигрывать — злился страшно. Потому азартен был не в меру. Последние портки на кон поставит, а все ж отыграется. Так его и прозвали Закладом.

Жил Заклад весело, но как — то нехорошо, навзрыд. Видно было: тяготит его то, что застрял он меж двух жизней, оседлой и кочевой, словно душа непокойная меж двух осин. Ни на небо ей, ни в землю хода нет.

Вот однажды приехал в город аж из самой Москвы серьезный человек, хитровский большак, по своей фартовой надобности. Как вечер, отправляется гость в тот самый трактир. Ставит всей лихой братии по чарке «Царской» и зовет в карты переведаться. Подтянулись к нему шулера всех мастей. Расселись. И пошла игра. Да такая, что не в сказке сказать. Гость ночной будто заговоренный. Ни одного проигрыша. Словно сам черт ему карту нужную в руку кладет. Народ уже шептаться начал: «Нечисто тут что — то. Надо бы гостя тряхануть как следует да посмотреть, что у него под одежкой спрятано. Нет ли хвоста». Да только все без толку, потому что гость не один приехал. За спиной у него два брата мордворота. Поперек себя шире. Руки что стволы, ноги что колоды. Не подступиться.

Тут спускается в подземную камору Заклад. Веселый, пьяный, при всем параде. Кудри черные по плечам вольно лежат, глаза синие, что два камня драгоценных. Рубаха шелковая, как огонь красна, брюки лучшей ткани в смоляные сапоги заправлены. На пальцах золотые перстни. В зубах папироска дымит. Спускается красивый по лестнице, точно барон выступает. Идет напрямик к тому столу, где фартовый карты мечет. «Дозволь, — говорит, — батюшка, с тобой партейку перекинуть». Тот кивает. Садись, мол.

Начали играть. Удачей мериться. В первый раз Заклад гостя обыграл. И во второй. Народ лихой — не чета простым людям; делают вид, что игра их не интересует, а самим страх как любопытно, что дальше будет. Глядь, и третья партия за полукровкой. Парень раскраснелся, грудь выпятил: вот тебе, москаль, — знай наших! А фартовый даже бровью не ведет, только ассигнации достает и на кон опять ставит. Сыграли по четвертой, а на пятой проиграл Заклад. Крепко. Почти все, что было. Но он не унывает. Перстни давай ставить, рубаху, даже крест нательный и тот в игре. Фартовому все едино — крест так крест, только сдавай. И случилось так, что ничего у парня не осталось. Все проклятый хитрован у него вытянул. Улыбнулся глумливо. Ставь или уходи, с нищими не играю. Взыграла в Закладе цыганская кровь. «Не уйду! — кричит, — Хочешь, режь меня, а дай отыграться!» Тут фартовый нехорошо так улыбается, к людям, что за игрой следят, голову воротит.

«Все слышали?» — спрашивает. Те кивают — слышали, мол. «Это, — говорит гость, — чтоб потом промеж нас противоречивых никаких не было. А теперь слушай: если и впрямь хочешь игру продолжить, ставь на кон свой палец». Побледнел Заклад. Вон как дело□то обернулось. Отступи он тогда — никто бы его не осудил. Деньги что? Их отыграть или украсть можно. Палец — дело другое. Но не отступил парень. «Эх, была не была! Давай на палец играть!» Вот сели, карты сдали. А вокруг тишина такая, что слышно, как у трактирщика в животе щи бродят. Игра□то нешуточная. Смотрит Заклад — масть пошла, и уж совсем было решил, что победил черта московского, да вышло иначе. Сильна у парня удача, да у фартового опыта больше. Проиграл Заклад свой палец. Тут же подельники гостя подоспели, хватъ парня за руку, к столу прижали и враз палец от тела отняли.

Я ахнул. Слезы навернулись на глаза. В историях, которые я привык слушать, все кончалось хорошо или, во всяком случае, добро торжествовало. Однако определить, где же в сказке старого цыгана была «правильная», а где «неправильная» сторона, тоже оказалось непросто.

— А что же было потом? — настойчиво спросил я, втайне надеясь, что продолжение истории расставит все точки над «і».

— Вместе с пальцем ушла от Заклада вся картежная удача. Играть он почти перестал. В трактире появлялся редко. Порвал связь с друзьями и подельниками. Денег у него не осталось, и, чтоб не умереть с голоду, начал парень фигурки из дерева и кости резать да на базаре продавать. Вот так нежданно□негаданно открылся в беспалом талант к ремеслу. Работал он много и жадно. В каждую поделку душу вкладывал. Покупали у него охотно. В особенности молодые вдовушки. Уж очень нравился им молчаливый синеглазый резчик. Кто знает, может, и сладилась бы у Заклада жизнь не с одной, так с другой. Но человек, известно, только предполагает.

Зимней ночью аккуратно на Крещение вспыхнул в кожевенной слободе пожар. Горел дом покойного кожемяки Нила. Заливать огонь бросились не сразу. Кому охота в пламя соваться, за чертова сына головой рисковать. Однако потом все же одумались, принялись тушить. Как только отпылало, стали мужики кости искать, да ничего не нашли.

Я шмыгнул носом, сдерживая слезы. Вот так история! Да зачем такие вообще рассказывают? А как же «жили они долго и счастливо»?

Цыган только грустно улыбнулся и продолжил:

— Посмотрели кожемяки на пепелище в последний раз, плюнули и пошли себе по домам. Так и пропал Заклад без отпевания, без слова доброго. Канул в темноту. Словно и не было его.

Вот зима минула, весна прокатилась, лето отгуляло, а как осенняя распутица в дверь постучалась, поползли по Ельцу странные слухи. Мол, не умер резчик. Будто бы видели его у трактирщика Акзыра в подмастерьях. Будто служит он ему, словно раб, безмолвно и покорно. Скажет Акзыр «укради» — украдет, скажет «убей» — убьет. Другие говорили, работает он ночным ямщиком и вместо денег за извоз загадки загадывает. Отгадаешь — иди свободно, не отгадаешь — вопьется в горло и кровь досуха выпьет. Начали поговаривать, что неспроста дом Нила запылал, что по умыслу резчик сгорел, а теперь не успокоится, пока

убивцу своему не отомстит. Так народ сам себя застрашал, что кожей, вину в душе ощущая, заупокойный молебен по резчику заказали. Да только все без толку. Продолжает мертвец людям являться. Вот уже и у вдовушек в гостях его видели. Бабы после ночной встречи в томлении пребывают и бледные очень, но рассказывать ничего не желают, отпираются. Еще говорили, будто на Илью — пророка средь бела дня беспалый через базарную площадь прошел, да еще с танцем. Бурлит город, слухами полнится. Собрались уже из монастыря иноков звать, чтоб те святостью своей упыря в могилке успокоили.

И снова вышло не так, как люди задумывали. Грянула на всю страну революция, и за ней война гражданская. Прошла с серпом, приложила молотом. Да так люто, что про историю с мертвым резчиком уже и не вспоминали. Самим бы вживе остаться. Потом немец нагрянул. Начались бомбежки. А как разбили врага — новая жизнь пошла. Поля за рекой домами застроили. Старое все забылось.

— А фигурки, что Заклад вырезал? Какие они были?

— Размером невелики, сработаны искусно: люди, звери разные, птицы всех мастей... Однако же более всего любил Заклад коней вырезать. Да того они у парня хорошо выходили, что, кажется, вот сейчас в галоп сорвутся. Раньше — то почитай у каждого в доме такая поделка стояла.

Картина начинала проясняться, загадки одна за другой открывали свою скрытую суть. Но от этого становилось только страшнее.

— Эти... муло, с ними как — то можно справиться? — У меня перед глазами неожиданно возникли персонажи гоголевских сказок: бурсак Хома Брут с меловым кругом и требником, лихой кузнец Вакула, запросто скрутивший черта. Еще смутно вспомнились детские страшилки, что — то про красные пятна и осиновые колы.

— Справиться с живыми можно, с мертвыми поздно справляться, — развеял мои грезы собиратель фольклора.

— Как же быть?

— Бежать. Цыгане, которым мертвяк досаждал, в другой табор просились. Муло к месту своей смерти накрепко привязан. Версты две — три — дальше ему хода нет. Раньше — то, когда пешками спасались, страшно было. Особенно под вечер. Теперь — дело другое: пароходы, еропланы, коляски скоростные — легко уйти.

— Ну а если нельзя уйти? — Я вспомнил тетю Клаву. Как она там? Все так же безвольно лежит на кровати? Или уже встала, ищет спрятанную брошь?

— Тогда плохо дело. Ночью от мертвеца спасения нет. Правда, бывали случаи, когда муло успокоить удавалось.

— Как? Как его можно успокоить?

— Напомнить ему, что умер. Как же еще? Только трудно это. У мертвеца голова, точно квашня. Мысли в ней все спутаны, скомканы. Одна на другую налезает. Поди — ка попробуй верную тропку отыскать. Вот и ходит он по земле, себя не помня, другим несчастья чиня, словно...

— Словно безумный робот, — вспомнил я диафильм «Охота на Сетавра».

— Робот? — удивленно переспросил цыган. — Ну, хоть и робот. А что безумен он — это точно. И те, кто с мертвецом знается, безумием его прирастают.

— А если все — таки удастся напомнить? Что тогда?

— Живет муло против закона Божьего, словно камень в ручье. Поток не остановит, но и течь спокойно не даст. Будет вокруг него вода застаиваться, хороводы кружить, свернется смертельными воронками, выроет предательские ямы, а то и вовсе зацветет, заболотится. Течение мусора нагонит. Едва вспомнит муло про свою смерть — своротит ручей валун.

Цыган неожиданно остановился.

— Вот и дом твой. Ну что ж. Будь здоров. Может, когда и свидимся. — Он махнул на прощание рукой, повернулся и пошел прочь — черный силуэт в зарождающихся сумерках.

Мне вдруг почудилось, что цыган уже невообразимо далеко, словно между нами легла бесплотная, но нерушимая преграда.

Я с удивлением обнаружил перед собой знакомые ворота.

— Пойдите! — крикнул я вслед удаляющемуся человеку. — Скажите, что мне делать?

— Сердце слушай, — донесся едва слышный шепот.

Я некоторое время неподвижно стоял у калитки и таращился на ворота, точно так же, как недавно водитель желтой «Волги». «Мертвый водитель», — услужливо подсказал невидимый суфлер. Неужели Яша и впрямь муло? Может быть, это розыгрыш, галлюцинация? Рациональное сознание попыталось отвоевать оставленные позиции. Тщетно. Страшная сказка захватила меня.

Вдруг резко стемнело, косматая, сизая туча воцарилась над городскими крышами. Роскошный абрикосовый закат бесславно почил, раздавленный этим темным приливом. Сини-лиловые жадные пальцы протянулись на восток, стремясь скомкать желтую улыбку молодого месяца, задуть холодные лучинки вечерних звезд. В сердце наползающей тьмы вспыхнул бледный огонь зарницы. Затем еще раз и еще... Я ожидал громового раската, но его не последовало. Вместо этого над мертвой колокольней поднялась воронья стая, взбурлила, вытянулась невиданным мостом меж землей и небом и с хриплым немолчным граем устремилась на восток, подальше от грозы.

Постоянно оглядываясь, каждую секунду ожидая почувствовать хватку мертвых пальцев на своем плече, я подошел к калитке. Таясь, словно вор, принялся открывать замок.

«Старая крепость» встретила меня теплым дыханием полдня, пойманным в каменную ловушку двора. Здесь все было спокойным, привычным и после пережитых мной приключений каким-то особенно умиротворенным.

Я отправился в дом и сразу же бросился проверять тайник. Брошь была на месте.

* * *

Бабушка вернулась минут через десять. Пожаловалась на очереди, поохала на долгий путь и принялась готовить ужин. Я отправился в трапезную, сел за стол.

— Телевизор не включай. Гроза идет! — донеслось из кухни.

За окном опять сверкнуло. На улице по-разбойничьи засвистал ветер. В сочетании с разыгравшейся стихией сонный покой и уютное тепло старого дома стали почти осязаемы. Трудно было представить себе, что где-то рядом под мрачным грозовым небом бродит мертвец с бессонными белыми глазами.

Я вздрогнул. Прямо передо мной, откуда ни возмись, возникла тарелка с рассыпчатой елецкой картошкой, исходящие паром котлеты и чашка густой домашней сметаны. Погруженный в страшную грезу, я не заметил, как бабушка накрыла на стол.

Покончив с едой, я немного успокоился. Нужно было обдумать все еще раз. Понять, где правда, а где игра воображения, и наконец решить, что делать дальше.

Я вошел в горницу, прилег на кровать. Над входом в ротонду сквозняк легонько раскачивал серую кисею паутины. Вправо-влево, с постоянством маятника...

* * *

Что-то коснулось меня, и я открыл глаза. Горница преобразилась. Стены раздались в стороны, потолок вознесся на необозримую высоту. Окна вытянулись и странно выгнулись, маслянисто поблескивая черными стеклами. Это сон! Вот оно что! Я с ужасом ждал появления Белоглазого. Однако Яша так и не пришел. Вместо этого начала медленно отворяться дверь запретной комнаты. Темная щель росла. В ее раскрывающемся зеве засверкали частые вспышки. Похоже, внутри бушевала гроза. Наконец дверь полностью отворилась, и в горницу ступила тетя Варя. Бледная, худая, с аскетичным суровым лицом. Она была одета в то самое черное платье, что так напугало меня во время второго визита в ротонду.

Тетка остановилась посреди зала, в который превратилась горница, и поманила меня к

себе. Я спустил ноги с кровати и тут же оказался рядом с покойной родственницей. Из темноты явились лица прочих детей землемера. Они то явственно проступали вокруг, то становились едва заметными, полупрозрачными, точно тень дыхания на оконном стекле.

Сверху, медленно кружась, принялись падать пушистые белые снежинки. Тетка подняла руку, и в тот же миг, разорвав черную поверхность оконных стекол, к нам устремилась армия мертвых воробьев. Поток птиц поднял нас, точно прилив лодку, и повлек вверх. Я испугался, что мы врежемся в потолок, но того не было и в помине. Мгновение — и мы уже парили в прозрачном морозном воздухе. Здесь во сне царила зима. Ярko сверкали невероятно крупные звезды. В их свете заснеженный город внизу казался убежищем призраков.

Воробьи устремились вниз. Мы спускались по их маленьким холодным телам, точно катились с ледяной горы.

Вот промелькнул причудливый изгиб замерзшей реки, показались холм и монастырская колокольня.

* * *

Мы стояли перед большим добротным домом. На высокий кирпичный цоколь опирался массивный сруб из мощных смоленых бревен. Островерхая крыша была покрыта снегом. С карнизов и наличников живописно свисали сосульки. В доме светилось единственное окно, отбрасывая на сугробы золотистые блики.

— Ишь, в□волхвует, цыганская душа! — сказал человек, стоящий рядом со мной. — И чего б ему не спать? Слышь, кум, чего он не спит□то?

— Пусть его, — ответили из темноты. — Не ляжет сам — успокоим.

— Грех большой, как бы душу не п□погубить? — опасливо протянул сосед.

— Так чего ж ты шел, раз боишься?

— Да я чего? Я ж завсегда с тобой. А вот ежели Акзыр не заплатит? Тогда как?

— Заплатит, как обещал, — уверенно ответил кум. — А не заплатит, мы и его... Да ты не бойсь. Это ж дела басурманские. Ежели один нехристь другого погубит, нам, православным, с того одна польза.

— Пошли, что ли? — раздался третий голос. — В кабак хочется, мочи нет.

— Тебе вечно хочется, — засопел кум. — Ну, добро, пойдем. Ты масло и запалы разложишь, а ты, Фролка, ступай сразу в погреб и яму копай. Ну а я в светлицу наведаюсь, с резчиком нашим потолкую.

Мы проникли в дом. Фролка и безымянный любитель кабаков утопали куда□то в темноту, а кум медленно стал подбираться к очерченной светом двери. Я, словно привязанный, неотрывно следовал за главарем. Вот он протянул руку и легонько толкнул дверь, открывая небольшую щель.

В комнате горела керосиновая лампа. Резчик сидел за столом, спиной к входу. Он был обнажен до пояса. Напряженная спина блестела от пота. Черные кудрявые волосы, схваченные кожаной тесьмой, волнами опускались на плечи. Перед человеком на столе расположились знакомые костяные фигурки.

Кум принялся медленно открывать дверь. Я громко закричал, пытаясь предупредить мастера. Тщетно. В этом месте я был нем и бесплотен. Оставалось только наблюдать. Главарь тенью проскользнул в комнату, подкрался к резчику и ударил того в затылок. Мастер упал навзничь, и я увидел наконец лицо Яши. Красивое, молодое, с тонким носом, лихим изгибом бровей и полными чувственными губами.

— Я это, того... готово, короче. — В дверь просунулась голова «пропойцы». Увидев его при свете лампы, я с удивлением обнаружил разительное сходство разбойника и нашего соседа Егорки. — Ух ты! Сколько тут всего! — Он подошел к столу и неожиданно принялся хватать и запихивать за пазуху костяные фигурки.

— Ты чего творишь, ошметок квасной?! — взревел кум.

— Что сразу кричишь? На кой они ему теперь? А у меня пацан малой, играть будет, — испуганно заканючил псевдо□Егорка.

— Не было такого уговора! — зарычал вожак, но потом задумался и добавил: — Хотя... возьми, может, так оно и лучше. А теперь давай□ка поднимай его, понесли в подпол.

Свет внезапно померк, и вот мы с кумом уже стояли в темнеющем подвале. Главарь держал в руке факел, и в его неровном прыгающем свете было видно, как у разверстой в земле могилы суетятся Фрол и «пропойца». Вместе они подтащили обнаженное тело мастера к краю ямы и медленно опустили его туда. Послышался приглушенный хруст, затем всплеск.

— Вишь, воду уже ледком прихватило, — отдуваясь, пропыхтел Фролка. — Долго он так не протянет. Дело верное.

— Сделано, — выдохнул кум, — пора и честь знать.

— Постой, а закапывать как же? — удивился «пропойца».

— Не велено, — Главарь принялся подниматься по лестнице.

За ним, спотыкаясь в темноте, поспешили поделники.

— В□вот ведь басурманское семя! — прозвучал сзади ожесточенный шепот Фролки. — Даже умереть нормально не могут. Все у них с в□выкрутасами. Тьфу!

— Нечего болтать, про что не знаешь, — оборвал его кум. — Ну, робяты, поджигаем — и ходу.

— Жалко мастера, — вздохнул «пропойца». — Какой талант пропадает!

Тут что□то толкнуло меня в грудь, и я покатился вниз по лестнице обратно в погреб. В страхе, что так и останусь там, я беззвучно закричал. Наверху шумели, что□то переставляли и бранились. Затем все стихло, и сквозь доски пола стал пробиваться дым пополам с языками пламени. Рыжие всполохи загуляли по стенам земляного мешка, ярко очертив черный прямоугольник могилы и чуть в отдалении два деревянных креста.

Я проснулся от собственного крика. За окном беспрерывно и все так же бесшумно сверкали вспышки зарниц. Если не считать этого запыленного свечения, в комнате было совершенно темно. На соседней кровати похрапывала бабушка. Сколько же я проспал? Я встал и подошел к настенным часам, силясь разобрать положение стрелок. Оказалось, что сейчас половина четвертого.

Я остановился у окна, пытаюсь собраться с мыслями. В отличие от обычных кошмаров все перипетии жутковатой грезы плотно сидели у меня в голове и не собирались развеиваться. Я отлично запомнил мрачного кума, и пугливого Фролку, и загадочного двойника несчастного Егорки. А еще я понял, что следует делать.

* * *

Тетя Клава не спала. Лежала на кровати и смотрела в окно на безмолвную грозу. В глазах тетки вспыхивали и гасли белесые отблески.

Когда я вошел в комнату, женщина резко повернулась в мою сторону, ее лицо выражало смешение двух чувств: страха и ожидания. Увидев, что это всего лишь я, Клавдия тут же расслабилась, а через секунду сердито нахмурилась:

— Это ты? Чего не спишь? Вот смотри, Любе скажу — она тебя заругает!

— Ждали кого□то другого? — Мне важно было заставить тетку говорить со мной на равных, а не переходить к обычному диалогу взрослый — ребенок.

— Ждала? Нет, я... просто я думала... — Обычно пожилые люди врут легко и с удовольствием, но, как видно, тетка не ждала от меня прямоты и теперь мучительно искала, что бы сказать в ответ.

— Думали, что Он придет?

— Да! — с силой выдохнула тетка, но тут же спохватилась. — Что ты везде суешь свой нос, гадкий мальчишка? Приехал тут и ходит, как король. В наше время дети скромнее были. Какое право ты имел врваться в мою комнату? Ишь...

— За мной гнались собаки, здоровенные псы. Десять, а может, и больше. Они живут там, где Он ставит свою машину. — Я поспешил прервать поток возмущения. О, это стариковское недовольство! Оно для них и щит, и меч, и единственная отрада. Нельзя было дать тетке распалить себя.

Как я и предполагал, упоминание о стае бродячих собак совершенно выбило Клавдию из колеи. Она страшно побледнела, прижала к груди руки, комкая одеяло в судорожно сжатых пальцах, нижняя губа старой женщины мелко затряслась, словно у младенца, собирающегося плакать.

— Собаки, — прошептала тетка, — собаки... Это моя вина. Я ведь всегда их боялась. Еще с детства. Меня на ярмарке чуть не загрызли...

Мне было жаль родственницу, но промедление грозило бедой.

— Клавдия Николаевна! — сказал я как можно строже, стараясь копировать интонацию завуча Геты Аркадьевны, грозы младших классов. — Вы должны рассказать мне, как вам досталась брошь. — А затем добавил, гораздо мягче: — Это очень важно. Пожалуйста.

— Это все Варя. — Тетка всхлипнула. — Как Борю моего схоронили, пришла я к ней в дом, еды сготовить, прибраться. Она что сама уже не выходила. Очень воров боялась. Рассказала я Варе про свое горе, а сестра насчет мужниного кольца интересуется. Осталось ли? И видишь, какое дело, кольцо что у меня и в самом деле сохранилось. У Борьки артрит был. Он его и не носил, кольцо это. Сказала про то Варе, а она улыбается. Хорошо, говорит. Что ж тут хорошего, спрашиваю? Кормилец умер. А то хорошо, отвечает, что помощник у тебя будет, Клавка, на мужа твоего похож.

— Как это — похож? — удивился я.

— А так. Чье кольцо на палец надеваешь, на того ОН походить и станет. Как в первый раз позвала, думала, удар хватит: точь в точь муж мой покойный. Потом, конечно, пригляделась и поняла: блазня, обман. Ну, так вот, рассказала мне Варя, что брошь эту сестры давно хранили и промеж собой передавали. Старшая, Зина, ее у татарина купила. Деньги, что мать с отцом отложили на «черный день», все потратила да еще отцовский землемерный прибор отдала, трандолит этот или как его.

— Отчего так?

— Был у Зины жених из кустарей. Я что его почти не помню. Чернявый, вроде как цыган, а глаза синие. Хотели они со старшей сестрой обжениться. Кольца уже купили, да, видно, не судьба. Погиб парень. Зина после этого сама не своя. И времени много прошло, а она забыть жениха никак не может. Снится он ей ночами и на улице средь бела дня является. Изнемогла вся, осунулась. Потом вроде притерпелась. Как раз и революция подоспела. Народ, из тех, что побогаче, начал с мест насиженных сниматься. Очень комиссаров боялись. Тут, ровно черт из омута, выскакивает этот прощелыга. Морда бандитская, глаза косые. Хочешь, говорит, жениха вернуть? Ну и пошло поехало. Продал он Зине брошь и, что делать с ней, разъяснил. Так и появился в доме помощник. Что ни прикажешь ему — все делает. Столы стулья ладит, воду таскает, за огородом ухаживает. Сестры ему одежду покупали, телегу отцовскую дали, чтоб он на ней дрова возил. Еще всякие небылицы про батрака своего придумали. Чтоб соседей обмануть. И Яше велели так же говорить, если вдруг спросит кто. Только каждая сестра что-нибудь свое к этим басням добавляла, вот он теперь и путается. То ему палец фашист отрезал, то на рыбалке отморозил.

Как там у них с Зиной было, про то я не знаю. Меня в Липецк к родственникам отправили. Время что голодное. Вернулась домой уже после войны. Зинаиду не застала. Умерла она в сорок пятом. Из всех нас она одна батрака любила. Остальные так... пользовались, даже имени не спрашивали. Яшей прозвали, заместо умершего пса. Вот через это нам и кара.

— А машина у него откуда?

— Это Вариного мужа «Волга». Она брошь прятала, пока супруг не преставился. Ну а как схоронили — принялась батрака звать. Думала, не придет, а он тут как тут. В ворота стучит. Тут уж Варвара весь свой характер показала. Гоняла его каждый день, да еще

бранила на чем свет стоит. Муж□то, вишь как, от нее сначала в бутылку прятался, а потом и вовсе в могилке схоронился, так она себе нового нашла.

— Скажите, а те фигурки, что в Вариной комнате, вам батрак вырезал?

— Какие фигурки? — заморгала тетка. — Костяные, что ль? Да нет. Это мне Егорка притащил вместо платы за самогон. Говорил, семейная ценность, мол, от прадеда перешло. Хотел даже выкупить их потом. Да бутылка□то она, вестимо, сильнее мужика.

— Егорка ваш в больнице лежит. Его собаки порвали.

— Собаки! — ахнула тетка, — Да что ж это, да как же! Значит, теперь и ко мне придут.

— Те собаки настоящие были, всамделишные, им через забор не пролезть. А вот Яша ваш — мертвец, вроде упыря, и если его не успокоить, тогда он из вас точно жизнь вытянет, через страхи, через сны. Да кто его знает как?

— Может, и мертвец. Ведь не может человек столько по земле ходить, — часто закивала тетка.

— Вам нужно позвать его сюда. Прямо сейчас! — выпалил я и сам испугался своих слов. Однако что□то внутри меня говорило, что это были верные слова.

— Варя сказывала, нельзя его среди ночи звать, — испуганно прошептала тетка.

— Вот, возьмите. — Не слушая возражений, я протянул брошь женщине. — Вам нужно только позвать батрака, а затем уничтожить палец. Лучше всего сожгите его в АГВ. Дальше я сам справлюсь. Прошу вас, быстрее!

— Какой самостоятельный! — покачала головой тетка. — Весь в деда!

Я боялся, что она начнет спорить, но Клавдия послушно открыла брошь, и я снова стал свидетелем отвратительного зрелища призыва мертвеца.

Не дожидаясь, пока желтая «Волга» окажется у ворот, я бросился в комнату тети Вари. Мой план был прост: собрать все оставшиеся фигурки и разом передать их Белоглазому, а затем рассказать ему все, что я узнал.

В темноте задевая за углы, я принялся собирать фигурки в кучу и тут только понял, что мне некуда их положить. Единственной подходящей емкостью была фанерная коробка из□под теодолита. С коробкой в руках я вернулся в горницу, и тут за окном раздался шорох щебня под колесами авто. Мертвые ездят быстро.

Я прошел через темную трапезную, миновал коридор. За неплотно прикрытой дверью в кухню вспыхивали синие отблески. Тетка «оживила» АГВ. Интересно, она уже сожгла палец? Вот и поросшая замками дверь. Как же мне не хотелось выходить за порог. В этой чуждой темноте вся моя солнечная московская жизнь казалась чем□то невообразимо далеким, словно веселая история из книжки□малышки. Там, на улице меня ожидало страшное, небывалое создание, чудовищное в своем всепоглощающем неприкаянном одиночестве. Забытое, искалеченное и... опасное.

Я отпер дверь и вышел в темноту. Зябкая влага тут же окутала меня так навязчиво и плотно, точно за ночь река поднялась в своем древнем русле и пошла на приступ прибрежных холмов.

В этом призрачном подобии воды я поплыл вниз по ступенькам и спустился во двор.

Что□то теплое прикоснулось к ноге. Я опустил голову. Мой приятель белый кот явился на завтрак.

— А□а, это ты.

Я хотел погладить старого знакомого, но сделать это с коробкой в руках было непросто. Едва я наклонился, фигурки внутри издали глухой перестук. В то же мгновение пушистый зверек у моих ног выгнулся дугой и яростно зашипел. Я резко выпрямился, всматриваясь в неясные контуры окружающих предметов.

Между черной громадой овина и причудливым извивом старой груши возникла чернильная тень. Вначале бесформенная, она быстро сгустилась, принимая контуры человеческой фигуры. Никаких подробностей видно не было, только силуэт в синем сумраке да жуткие светляки белесых глаз. Муло пришел сам. Трехметровый забор больше не являлся

для него преградой. Я не был готов к этому и совершенно не знал, что делать дальше.

Яша шагнул во двор и внезапно поблек, словно кадр на бракованной пленке, а затем вдруг оказался в нескольких местах одновременно. Вот он стоит у груши, а вот идет ко мне через двор, поднимается по ступеням и выступает из□за угла.

Я застыл в изумлении и страхе, выставив перед собой коробку, точно щит.

— Ты! Я знаю тебя! — Голос звучал у меня из□за спины, но я боялся обернуться.

— Ты — маленький лгун! — Муло сказал это мягко, даже нежно.

Тонкие пальцы сцапали меня за плечо. Ощущение было такое, словно в кожу вгрызается огромная ледяная пиявка. Естественное телесное тепло извлекли из меня, точно воду из чайника. Руки отнялись, чужие, холодные, упали вдоль тела, и коробка с надписью «Т. е. о. д. о. л и. т. ъ» рухнула на камни двора. С тихим печальным стуком белые фигурки покинули свое пристанище.

Сквозь наползающее студеное забытие я видел, как муло неряшливой черной кляксой стремительно перетек к рассыпанным по двору поделкам. Темное пятно сгустилось и вдруг осыпалось, точно пыль или песок, открывая фигуру водителя. Яша протянул руки и осторожно коснулся одной из фигурок. Я разглядел мимолетную зеленую вспышку, подобие видимого электрического разряда, внезапно возникшую между мастером и его изделием.

Муло опустил на колени и принялся перебирать фигурки, одни откладывал, из других формировал маленькие группки. Сейчас он напоминал ребенка, получившего подарок на кремлевской елке и выбирающего конфеты повкуснее.

Водитель постоянно что□то бормотал:

— Этого? Этого за целковый отдам, а этих двух берите за четыре... — Он вдруг вскочил и с учтивым полупоклоном протянул фигурку кому□то невидимому. — Это тебе, принцесса. Подарок. На счастье, на легкую судьбу! Сестре своей старшей от Степы Василькова привет передай. Запомнила?

«Степа! Степан. Вот настоящее имя мастера!» Я попытался сдвинуться с места и почувствовал, что оцепенение постепенно отступает.

Муло тем временем взялся за другую фигурку и тут же отпустил ее, с криком схватившись за голову.

— Больно! — всхлипнул мастер. — Ай, как больно! — Он отнял руки от затылка, разглядывая их. — Кровь! У меня голова в крови. Отчего, а?

— Это кум вас ударил! — прохрипел я, пытаюсь совладать с непослушным языком. — А потом Фролка с прадедом Егорки дом подожгли, а вы... вас в яму положили.

— Помню... — тихо сказал муло, — помню холод, и темноту, и огонь высоко□высоко.

— Это пол горел, я видел. Вы тогда... вы умерли, Степан.

— Видел?! — взревел водитель, — Значит, ты был там? Ты виноват во всем!

— Нет! — в ужасе закричал я, — Это было не взаправду. Во сне!

— Жизнь — это сон, — сказал муло, — горький сон. Я проснулся. Сейчас и ты проснешься!

Он мог двигаться куда быстрее, но шел ко мне нарочито медленно. Темный покров окутал тело водителя до пояса.

Я попытался и уперся в стену дома. «Не получилось», — пронеслось у меня в голове. В ужасе я стал шарить по карманам, пытаюсь найти камень или мелкую монетку. Хотя что□нибудь. Кинуть в надвигающегося монстра. Отвлечь его, а затем бежать. Куда угодно, только подальше от этих холодных рук, от этих белых глаз. Внезапно пальцы нащупали в кармане тонкий уголок сложенной бумаги. Счастливый Билет! Я рефлекторно сжал этот ненадежный оберег. Где□то в глубине моего скованного ужасом сознания зародилась и окрепла беспочвенная детская надежда на счастливый финал. Я зажмурился, но оказалось, что мои веки вдруг стали прозрачными. Плоскость двора, контуры овина и груши исчезли. В серой пустоте ко мне приближался муло, молодой мастер в кожаном переднике, с перекошенным злобой лицом. В его руке холодно и хищно поблескивал инструмент. Вот сейчас он подойдет и начнет вырезать по живому.

Внезапно между мной и мертвецом возникла маленькая девочка в голубом платице и легкой белой шляпке, из-под которой выглядывали локоны коротких светлых волос.

— Принцесса? Клавдия? Неужели это ты? — Мертвый резчик остановился. — Что ты здесь делаешь?

— Моя сестра просила позвать тебя в гости, — зазвенел валдайским колокольчиком голос маленькой модницы.

Мне показалось, что от ее слов серый сумрак вокруг немного посветлел. Из пустоты проступили контуры овина, флигеля, каменная тропка. Они казались новыми, ухоженными.

— Зина? Зина звала меня, — неуверенно произнес мастер.

— Идем со мной. — Девочка протянула ему тонкую, точно фарфоровую, руку.

Мужчина осторожно взял маленькую ладошку. Вместе они пересекли двор, направляясь к длинному столу, стоящему в тени старой груши. Там вокруг самовара собрались дети землемера. Я разглядел веселые лица Нины и Светланы, Варвару с сурово поджатыми губами. А вот и глава семьи вместе с супругой. Они точно сошли с семейного фото. Навстречу мастеру поднялась статная, удивительно красивая женщина. Зинаида...

Крупная холодная капля упала мне на лоб, и я невольно открыл глаза. Странное видение исчезло. Я находился во дворе. Передо мной лежала пустая коробка. Фигурки исчезли вместе с мастером. Дождь усиливался, барабанил по камням двора, по крыше старого дома. Небо больше не держало слез. Над долиной Ельчика хлестнула сверкающая плеть небесного огня. Тяжкий удар грома не заставил себя ждать. Вслед за этим на Елец, обгоняя рассвет, рухнула стена неистового ливня.

Я моментально промок до нитки и поспешил в дом. На кухне было тепло. Колонна АГВ излучала жар. В полумраке я увидел лежащую на полу тетю Клаву.

Я бросился к ней, наклонился, прислушиваясь. Клавдия была жива.

Карина Андреевна очень удивилась моему визиту. К счастью, она не спала и быстро поняла, что хочет от нее мокрый настырный мальчишка. На мой вопрос, умеет ли она водить машину, пожилая женщина даже немного обиделась. «Я ветеран труда! — с достоинством заявила она. — Двенадцать лет автобус водила, а с вашей „Волгой“ как-нибудь справлюсь».

Мы мчались через просыпающийся город. Вдоль улиц, навстречу нам, бурля и вскипая водоворотами, струились бурые потоки воды. Казалось, что город ворочается под этим холодным душем, сбрасывая с натруженных плеч ношу застоявшегося, перебродившего времени. Внезапно сквозь пелену ливня пробились жемчужные лучи восходящего солнца, и мы — люди, машины, деревья, дома — на мгновение словно зависли в этой сверкающей прелюдии нового дня.

Я сидел на заднем сиденье. Голова тети Клавы покоилась на моих коленях. Белый калач в завитках коротких седых волос. На виске пульсировала маленькая синеватая жилка.

* * *

Мы с бабушкой вернулись в Москву. Я вырос, окончил институт, устроился на работу. Давняя история почти забылась. Лишь изредка вспоминал я то странное лето, сонные улицы Ельца и могучий ливень, смывающий старое время. Вести от родственников доходили с редкими телефонными звонками и открытками к праздникам. Старый дом продали, и тетя Клава переехала в другой город. Вовка пошел по военной стезе, стал офицером. О цыганском сказителе мне ничего узнать не удалось.

Вчера ко мне в дверь позвонили. Когда я вышел на лестничную клетку, там было пусто. Вдруг что-то привлекло мое внимание. На нижней ступеньке лестницы стояла маленькая костяная фигурка — бегущий конь.

Майк Гельприн

Последний вампир

Я вхожу в класс, спотыкаюсь о порог и с трудом сохраняю равновесие.

В группе раздаются привычные смешки — в прошлый раз я, помнится, действительно □таки навернулся. Ловлю падающие очки, цепляю их на нос и иду к доске. На ней надпись: «Птицерон — болван». Птицерон — это я, Андрей Иванович Птицын. Кличку придумал душа группы, староста и гитарист Женька Басов, надпись сделана им же. Женька трижды пересдавал мне речи Цицерона, и, следовательно, надпись справедливая. Стираю ее тряпкой и поворачиваюсь к аудитории. На мне синий пиджак, приобретенный в комиссионке пятнадцать лет назад, мятые брюки в клетку оттуда же и красно □желтый с обезьянами галстук. Рубашка фирмы «Ну, погоди» под стать галстуку и лакированные ботинки с острым носком времен НЭПа.

Я слегка неказист, немного лопоух, зато сильно плешив, с единственной прядью волос, зализанной на макушку. Довершают мой облик очки с перевязанной изолентой правой дужкой. Они, как правило, сидят на самом кончике носа и постоянно падают.

Такую внешность я использую последние восемьдесят — девяносто лет. Правда, когда в начале века я преподавал античную историю в Сорбонне, пиджак и брюки принадлежали одному и тому же костюму, французы более строги к таким вещам. На истфаке московского университета подобные тонкости этикета соблюдать не обязательно.

Сегодня я веду семинар в четвертой А группе, моей любимой. Тема — Рим времен Тита Флавия. Традиционно начинаю с вопроса.

На передней парте развалился красавчик Роберто Союза по кличке Мучача. Он из Южной Америки, страны, впрочем, не помню, но это и не важно. Мучача — отменный кобель и гроза первокурсниц, влюбчивый, как мартовский кот. Если бы не я, количество абортот среди студенток, сделанных по его вине, могло бы побить все рекорды. Мучаче я предлагаю поделиться знаниями об отношениях Тита с иудейской принцессой Береникой.

Знаний у бедняги нет, но ему они и не обязательны, поскольку навряд ли производство конопли в Венесуэле или Боливии сильно зависит от деятельности Тита. Мучача тем не менее встает и героически пытается выплыть. В течение минуты я терпеливо выслушиваю версию о коварно соблазненной Титом невинной Беренике. Мучача входит в раж, приплетая по ходу дела недоброй памяти императора Суллу и не менее недоброй памяти разбойника Спартака.

Наконец я прекращаю издевательство над истиной, ставлю Мучаче заслуженную четверку и передаю Беренику Леночке Кругловой. Леночка — отличница, она безукоризненно пересказывает учебник. Молодец, пять, несмотря на то что содержание учебника по достоверности недалеко ушло от версии латиноамериканца. Я сам отнял у Тита любовь к длинноволосой еврейке и поэтому могу свидетельствовать о происходящих событиях куда лучше, чем доморощенный историк, использовавший напрочь лживые воспоминания придворного шута Иоськи Флавия.

Тит любил иудейскую царевну самозабвенно, до безумия, отдавая этому чувству всю мощь своей незаурядной натуры прирожденного государственного мужа и полководца. Но любовь эта могла привести к непоправимым последствиям для империи, и, забирая ее, я чуть не плакал от жалости. Любовь Тита была настолько сильна, что мне хватило ее на несколько лет жизни, не то что похотливые потуги Мучачи, от которых уже на третий день можно с голоду загнуться.

Глядя поверх очков, я обвожу глазами группу и одновременно прикидываю, что в ней произошло по моей части. Во втором ряду справа сидит Натка Миклютина — моя любимица. Как жаль, что только моя. У Натки близорукие серые глаза вполлица, веснушки и склонность к полноте. Еще у нее отличные стихи, которые она никому, кроме меня, не показывает. А еще у нее удивительная способность чувствовать. Натка живет недалеко от моего дома. Безотцовщина, мать работает библиотекарем в районке, они еле сводят концы с концами. Натка часто бывает у меня, я пою ее жасминовым китайским чаем, и мы до хрипоты спорим

об античных временах. Иногда Натка поражает меня — недавно она предположила, что Афродита, наградив Елену любовью к Парису, забрала эту любовь у кого-то другого. Я опешил и спросил, с чего она это взяла. Натка покраснела и долго молчала, размышляя, стоит ли меня посвящать и не сочту ли я ее сумасшедшей. Я не торопил и ждал.

— Извините, Андрей Иванович, — сказала она наконец, — я не могу ответить, я просто это чувствую.

Я перевел разговор на другую тему, и вскоре Натка спохватилась и побежала домой. Допивая остывший чай, я вспоминал, как спешил тогда в Спарту, чтобы отнять у жены Менелая проклятый дар, и как успел лишь увидеть исчезающие на горизонте паруса троянских судов.

Да, у Натки по моей части ничего, как обычно. Зато вокруг Леночки Кругловой — хоть отбавляй. Да и немудрено. Профессорская дочка, отличница, морда лица — о-го-го, и фигурка — застрелись, а темперамент, как у течной сучки. Половина институтских жеребцов вокруг нее гарцует. Только и знает девка, что из постели в постель прыгать. А вот для меня у нее — ничего, пустышка бесчувственная. Нет, чувствует она, конечно, дай бог каждому, только не те эти чувства, что составляют мой рацион, — я не питаюсь похотью, вожделением и оргазмами, мне нужна только любовь. Ну на худой конец влюбленность, вон как у Мучачи. Но не чувственное наслаждение развратной самки — от него у меня только обмен веществ нарушается да сыпь по всему телу.

Женька Басов влюблен в Леночку по-настоящему, со страданиями, бессонными ночами и запоями. Я от него регулярно подпитываюсь, и ему легче становится. А то вон прошлой осенью, когда группа с летней практики вернулась, на Женьку смотреть страшно было. Высох парень весь от любви да Ленкиного непотребства.

Рассказываю про смерть Тита и перехожу на одну из самых отвратительных тем — Рим времен правления мерзавца Домициана. К счастью, в самом начале мою речь обрывает звонок.

Захожу в класс, зацепившись полкой пиджака за дверной косяк и чудом поймав очки. Прохожу к доске, стираю надпись «Птицерон — козел» и оглядываю присутствующих. В группе — новенький, и я невольно задерживаю на нем взгляд. Да, нечего сказать, красавец парень, смуглое волевое лицо, брови вразлет. Смоляные, зачесанные назад волосы открывают высокий лоб. Крепкий к тому же, мышцы перекачиваются под рукавами спортивной рубашки.

— Представьтесь, — говорю, — вьюноша.

— Ринат Алаутдинов, — встает он, — переведен из башкирского универа, извините, университета в связи...

— Хорошо, Ринат, — прерываю я его, — останьтесь после занятий, пожалуйста, мы побеседуем. Надеюсь, у вас есть время.

— Да, конечно, — говорит он, — с удовольствием.

После звонка мы остаемся в опустевшей аудитории вдвоем. Ринат ко всему оказывается спортсменом, мастером спорта по дзюдо и разрядником по теннису. Мне все больше нравится этот парень, хотя я подозреваю, что в античной истории тот же Мучача даст ему сотню очков форы. Я завожу разговор про древних историков. Он подхватывает, мы проходимся по Плутарху, переходим к Тациту, от него к Светонию. Парень обнаруживает знакомство со всеми тремя. Я не замечаю, как не на шутку увлекаюсь беседой. От римлян мы переходим к грекам, перемываем кости Софоклу и Еврипиду, после чего возвращаемся обратно в Рим. Дуэтом ругаем Тиберия, сочувствуем Отону и Гальбе и наконец умолкаем. Я в полном восторге и вижу, что Ринат тоже доволен. Я жму ему руку, и мы на этом прощаемся.

Захожу в класс, умудрившись ни обо что не споткнуться. Стираю с доски «Птицерон — деградант» и оборачиваюсь лицом к классу. У меня возникает чувство, как у голодного

оборванца, неожиданно попавшего на вечеринку со шведским столом, ломящимся от жратвы. Я даже зажмуриваю глаза, пытаюсь разобраться в насыщающих воздух чувствах. Этим немедленно пользуется Женька. Оттопырив уши на манер Чебурашки и приладив на нос невесть откуда взявшийся складной театральный бинокль, он строит страшную рожу и машет руками, изображая полет. Это, конечно, я, Птицерон — деградант. Группа заходится со смеху, сквозь прищур я отлично вижу, что не хохочут только трое.

Ринат и Натка не вызывают у меня удивления, но вот почему так серьезна обычно готовая прыснуть от выставленного указательного пальца Леночка? Причина, впрочем, находится сразу — Леночка влюблена. Объект приложения тоже определяется легко, и это, конечно же, не выделяющийся ради нее Женька. Я открываю глаза, бинокль падает с Женькиного носа и летит на пол. А я смотрю на Натку и не верю своим повидавшим крим и рым глазам — передо мной очевидный, сформировавшийся и набирающий силу любовный треугольник.

Отменяю опрос и начинаю разговор про императора Адриана. Похоже, эта тема представляет интерес разве что для меня самого. Бросаю Адриана на полдороге, сажусь за стол и вызываю к доске Мучачу. Даже тот бред, который он несет, не способен отвлечь меня от того, что происходит в классе. Ставлю Мучаче дежурную четверку и вызываю Круглову. На моей памяти это первый раз, когда Леночка элементарно не готова. Я решаю пощадить Натку. Вышедший к доске Ринат бойко клеймит Домициана и его присных, но делает это на автомате. Под конец он начинает путаться в именах. Звонок.

Захожу в класс, пребольно ушибившись о ручку двери. Привычно иду к доске стирать надпись. Надписи нет. Причина налицо, и лицо это — Женькино, на нем красуется сказочный фингал, как раз под правым глазом. Атмосфера накалена до предела, у меня начинается легкое головокружение от избытка окружающей пищи. Ринат с Леночкой переместились на камчатку. Он держит ее за руку, при всем честном народе. В классе присутствует все что угодно, кроме интереса к Древнему Риму.

Я объявляю амнистию. Говорю, что семинар отменяется ввиду некоего моего недомогания. Распускаю группу.

Вечером у меня гостя. Я наливаю Натке дежурный чай и прошу ее почитать стихи. Она отказывается, тогда я берусь за гомеровскую «Илиаду». На момент похищения Елены Натка уже с трудом сдерживает слезы. Я захлопываю книгу.

— Рассказывай, девочка, — говорю я.

— Нечего рассказывать, Андрей Иванович. — Наткины щеки становятся пунцовыми, даже веснушек не видно.

Только теперь я обращаю внимание, насколько она похудела — склонность к полноте исчезла без следа, передо мной стройная, даже худощавая девушка с огромными глазами на осунувшемся лице.

— Нечего рассказывать, — повторяет она. — Вас уже пригласили на свадьбу?

— Какую свадьбу? — делано удивляюсь я. — Ты что же, выходишь замуж, моя принцесса?

Эта фраза ее добивает. Натка плачет в три ручья, а я смотрю на нее. Я могу освободить ее от этого за минуту. Привычная для меня процедура, и все — я исцелю ее от первой и неразделенной любви, причем с несомненной пользой для себя.

— Свадьбы не будет, Ната, — говорю я.

— Что вы сказали, Андрей Иванович? — Натка отнимает руки от заплаканного лица. — Что вы сейчас сказали?

— Я сказал, что свадьбы не будет, — твердо повторяю я. — Ты поняла? Не будет. А сейчас иди, пожалуйста, домой, я должен подумать.

Она уходит. На манер утопающего, хватящегося за протянутую соломинку, Натка цепляется сейчас за слова старого чудака и маразматика. Я остаюсь один.

Я один вот уже больше пяти веков. Когда-то моя раса была многочисленна. Мы умели то, что было недоступно простым смертным. Мы умели брать человеческие чувства и, питаясь ими, жили вечно. Я и мои братья и сестры. Одни из нас брали силу, другие — ненависть, третьи — стойкость, мужество, выносливость, отвагу. И лишь очень немногие брали любовь. Люди обожествляли нас, молились и строили нам храмы. Потому что мы умели не только брать, обратная сторона также была в наших силах. Мы могли отдавать, но отдавали мы только избранным, самым достойным или тем, кто помогал нам достичь наших целей. Потому что, отдавая чувство, мы должны были взять его у людей в сотни раз больше, и основная часть исчезала бесследно во время передачи. Моя сестра Афродита отняла любовь у граждан трех греческих городов для того, чтобы одарить ею Елену. Другие мои родичи отнимали силу у сотен троянских воинов, чтобы дать ее Ахиллесу, и у сотен греков, чтобы одарить ею Гектора.

Нас больше нет. С упадком Греции и Рима нас объявили врагами рода человеческого. О нас слагали дурацкие легенды. Пошла злая молва, что мы якобы наводим порчи, пьем кровь, встаем из гробов по ночам. Нас стали называть вампирами, вурдалаками, упырями. Нас отлавливали и истребляли. Осиновые колья, серебряные пули... Я потерял последнего брата больше пятисот лет назад. И вот с тех пор я один, и шестой век скрываюсь под нелепой личиной, чтобы избежать разоблачения.

Я выхожу из дому и иду по сонному городу. Я забираю любовь. Беру у тех, кто ее недостойн. Беру у неверных мужей, спешащих домой под женино крыло от не менее неверных любовниц. Беру у случайных клиентов дорогих и дешевых шлюх. Беру у привалившегося к фонарному столбу сутенера и запирающего водочный ларек торгаша. Я беру любовь у сотен людей. У каждого понемногу — настоящей любви в них нет, есть только ее суррогат, но я беру то, что есть.

Я хожу по городу всю ночь и под утро полон любовью почти под завязку. Тогда я направляюсь в университет.

Я вхожу в класс, нет, не вхожу, влетаю энергетическим вихрем. Они все передо мной, вся группа, моя любимая четвертая А. Я прошу, нет, приказываю всем встать. Они подчиняются. Я вызываю их к доске одного за другим, смотрю им в глаза и выпроваживаю за дверь. И я забираю. Нет больше любви у Ленки Кругловой. Не меньше месяца пройдет, прежде чем Мучача трахнет очередную первокурсницу. Поживи хотя бы несколько недель спокойно, Женька.

В результате в классе остаются только Натка и Ринат. И я забираю у Рината его любовь, забираю всю, без остатку. И возвращаю обратно вместе со всем тем, что забрал до этого.

Я спотыкаюсь на ровном месте и чуть не падаю. Очки слетают у меня с носа и разбиваются. Я хватаюсь за стол, чтобы не свалиться.

— Идите, дети, — говорю я, — идите.

На свадьбе шумно и яблоку некуда упасть. Гости уже порядком поднагрузились, да и я, признаться, не удержался. Женька встает, его качает из стороны в сторону. Он вынимает из кармана исписанный лист бумаги и требует тишины.

Женька произносит речь. Я не слушаю, я смотрю на молодых. Смотрю в ошалевшие от счастья огромные Наткины глаза, в не менее счастливые глаза Рината.

— Да будет ваш союз скреплен священными узами, — орет между тем подвыпивший Женька, — узами Гименея!

Я вздрагиваю. Меня только что назвали по имени, впервые за последние две тысячи лет.

Сергей Чекмаев, Пауль Госсен Готик-блюз

Сначала дорога петляла меж невысоких оград общинных выпасов. Пожухлая осенняя трава и изъеденные непогодой замшелые камни навевали уныние. Потом луга закончились, дорога пошла на подъем, с каждым новым поворотом становясь все хуже и хуже. Вместе с ней на горные склоны карабкался лес. Осенний лес — темный и пустой, с голыми ветками, холодным туманным маревом у земли и запахом прелых листьев.

Темно-вишневый «мерседес» не первой свежести неспешно накручивал километры серпантина. В уютном, теплом салоне совсем не хотелось думать, что вокруг царит промозглая осенняя сырость. Звук мотора глушило разухабистое диско местной радиостанции. Девушка, сидящая за рулем, покачивала головой в такт музыке.

Неожиданно приемник замолк, послышался треск помех.

— Мартин! Оставь, пожалуйста. Хорошая музыка...

— Что в ней хорошего? От нее уже зубы ломит. Подожди, сейчас найду чего-нибудь получше.

Прокрутив ручку настройки почти до конца шкалы, Мартин остановился. Салон заполнили мрачные хоралы какого-то классического произведения.

— Вот, — удовлетворенно сказал он, — другое дело. Угадаешь, чья музыка?

— Ну-у... Вивальди?

— Да-а, Линда... Ты, конечно, моя старшая сестра, но иногда я поражаюсь твоей необразованности. Это Вагнер, опера «Гибель богов», тетралогия «Кольцо Нибелунга». Помнишь, как там начинается?

Линда поморщилась: опять Вагнер! Вот от кого зубы сводит! Но Мартин от него без ума. Сейчас еще «Песнь о Нибелунгах» начнет цитировать.

— ...А Зигфрид Нидерландский созвал бойцов своих, собрались они вскоре в доспехах боевых...

Ну, точно!

— Ты прямо помешался на этих мифах!

— Тебя послушать, так я на всем помешался. На мифах, на путешествиях, на вампирах...

— А что, разве нет? Если б не твои вампиры, поперлись бы мы в эту глушь, как же!

Линда тут же пожалела о своих словах. Доктор Валленштейн просил быть с Мартином помягче, не волновать его, стараться во всем потакать брату: «Когда медицина бессильна, любовь и внимание родных иногда творят чудеса, фрау Келлер...»

— Они не мои, Линда. — Холодный голос брата заставил ее вздрогнуть. — Они просто есть. И это факт.

— Да нет никаких вампиров! Их не существует, пойми же наконец! — Линда уже не могла остановиться. Сколько раз возникал этот спор, и каждый раз она уступала, вспоминая слова доктора. Наверное, так будет и сегодня. Но ей просто нужно было выговориться. — Не су-ще-ст-ву-ет! Это не более чем старые европейские сказки, и в наше время верить в них по меньшей мере странно.

— Линда, ты же знаешь, у меня есть причины верить в существование вампиров.

— Ну да, старые хроники из разрушенной церкви, которые ты купил на распродаже в Аахене, и обгорелая копия какого-то трактата. Неизвестно, был ли он вообще, или тебе подсунули фальшивку. Ах да! Как я могла забыть! Плакаты деревенских ярмарок сорокалетний давности: «Усатая женщина, человек-дельфин и Настоящий Вампир!» Да еще эти дурацкие объявления в газетах — вот и все твои свидетельства.

Мартин хмыкнул:

— Тебе кажется, что этого мало?

— Да! Из-за трех пожелтевших бумажек мы пятый месяц ночуем по гостиницам! Тратим черт знает сколько сил неизвестно на что! Где мы только не побывали, разыскивая

твоих разлюбезных вампиров! И в Германии, и во Франции, и в Дании, и в Италии... Даже на Готланде. И все безрезультатно. Всякий раз вампиры оказывались фальшивыми. Нету их! Понимаешь — нет! Никто и никогда их не видел...

— Это ты так считаешь! А видели их многие. И тому есть доказательства.

— Многие — это кто?! Неграмотные суеверные крестьяне, которые считали сумасшедших старух ведьмами, а немых — пособниками дьявола?! Знаешь, я где-то читала, что когда медицина додумалась до кровопускания, практикующие в маленьких городках врачи не торопились пользоваться больных этим способом лечения. Они вполне обоснованно боялись, что их примут за вампиров и недолго думая сожгут на костре.

— Но ведь с чего-то эти суеверия начались! — Мартин победно посмотрел на сестру. — Не могли же они родиться на пустом месте. Значит, кто-то когда-то действительно видел вампира в действии, рассказал сыновьям, внукам. А потом уже история обросла кучей ненужных подробностей. Думаешь, Брэм Стокер выдумал своего Дракулу? А Грэмбук? Фрэнк де Лорка, например, перед смертью...

Мартин запнулся на полуслове, судорожно выхватил из кармана платок, прижал к губам. Через секунду рвущийся из легких кашель согнул его пополам. Платок моментально окрасился кровью. Мартин украдкой глянул на сестру — не видит ли.

Линда смотрела вперед: разбитая дорога петляла, то и дело под колеса попадались лужи, заполненные стылой осенней водой. Про платок она, конечно, знала. В такую погоду Мартину лучше было бы сидеть дома. А еще лучше — в больнице, откуда он сбежал полгода назад, когда все уже стало ясно. Но все равно куда как легче умирать в тепле и уюте, под присмотром врачей.

Но вслух она сказала о другом:

— Не знаю, как ты, но я никогда не видела ни одного вампира. Мы исколесили пол-Европы...

— Линда! — Мартин кашлянул в последний раз и обернулся к сестре, пряча платок. На щеках снова алел нездоровый румянец.

Линда упрямо мотнула головой:

— Двадцать восемь лет Линда! Не перебивай, дай мне сказать! Мы мотаемся по Европе, тратим отцовское наследство неизвестно на что! Хотя в твоем положении лучше расходовать деньги на врачей и лекарства, чем на поиски несуществующих вампиров!

— Ты не хуже меня знаешь, — произнес Мартин совсем тихо, — что лекарства мне не помогут.

Горный серпантин змеился по склонам, несколько раз машина ныряла в туннель. Вечереющее небо затянули тучи, видимость ухудшилась. Линда переключила фары на ближний свет и, несмотря на протесты Мартина, снизила скорость. Теперь старенький «мерседес» полз вперед не быстрее пешехода.

— Дай я поведу! С такой скоростью мы и через неделю не приедем!

— Нет уж. За руль ты больше не сядешь. Забыл, что было в прошлый раз?

По крыше забарабанили первые капли, мокрые дорожки расчертили лобовое стекло. Через несколько минут дождь пошел по-настоящему: обзор затянули косые струи. «Дворники» работали в полную силу и все равно не справлялись.

— Где же этот чертов замок? — выругался Мартин, глядя впереди. Развернул на коленях потрепанную карту и, подсвечивая фонариком, принялся водить пальцем по бумаге. Кашель поймал его неожиданно — Мартин едва успел прикрыть рот ладонью. На полях карты расплылось несколько кровавых пятен.

Линда снова сделала вид, что не заметила.

В свете фар мелькнула стершаяся вывеска.

— Останови!

Мартин опустил стекло, осветил фонариком угловатые, похожие на древние руны готические буквы. Указатель поставили очень и очень давно, дерево потемнело от времени, краска почти выцвела. Надпись читалась с трудом.

— Замок ван дер Моор, пятьсот метров. — Мартин довольно откинулся на сиденье. — Это он. Добрались.

Пожав плечами, Линда вздохнула. В смысле — ох уж эти твои вампиры!

Дорога вильнула еще раз, и наконец из-за поворота показался старый, изрядно посеченный дождями дом. Фары осветили его: угловатый, с мощными стенами, увенчанный башенками и флюгерами, он словно пришел из другой эпохи — Габсбурги, Тридцатилетняя война, ландскнехты... Узкие, как бойницы, окна закрыты ставнями. Лишь над парадной дверью горел одинокий фонарь.

— Какой же это замок? — сказала Линда. — Обычный дом, старый, конечно, но все равно просто дом. Тебя опять обманули.

— Останови, — коротко приказал Мартин. В его голосе явственно прозвучала злоба.

Скрипнув тормозами, машина остановилась. Линда нажала на клаксон.

— Тихо! Ты что!

— Если нас ждут...

— Помолчи.

Мартин, прищурившись, рассматривал дом, ноздри его расширились.

— Ты сам как вампир, — сказала Линда. — Может, мне имеет смысл тебя дожидаться?

— Линда! Мы же договорились!

— Да ты посмотри, какой дождь!

Мартин отмахнулся:

— Какая разница! Если у этой... ван дер Моор действительно есть настоящий вампир, то я останусь в доме надолго.

На секунду Линде показалось, что брат улыбается. Нет, ну что за ерунда мерещится в самом деле...

— А если вампира нет? — Она хотела добавить, что там, внутри *точно* нет никакого вампира, но сдержалась.

— Все равно я должен проверить. Ты себе даже не представляешь, что это такое — живой вампир!

— И не хочу...

— Вот и отлично. Поэтому возвращайся в гостиницу и ложись спать. А утром приедешь за мной. И не беспокойся. Если что, я всегда смогу заночевать у хозяйки. Думаю, от лишней двадцатки она не откажется.

— Но...

— Все, хватит! Не хочу больше ничего слушать! До завтра.

Мартин резко открыл дверь — в салон тут же ворвался сырой, холодный воздух, — схватил с заднего сиденья объемистую сумку и пошел к дому.

Линда некоторое время смотрела ему вслед. У самой двери Мартина снова согнул приступ кашля, она даже хотела выскочить на помощь. Но в этот момент брат обернулся, гневно махнул рукой: уезжай, мол.

Линда вздохнула, осторожно развернула «мерседес» на мокрой дороге и уехала.

Дождавшись, пока машина скроется за поворотом, Мартин позвонил в дверь. Где-то внутри дома задребезжал колокольчик — такие обычно ставят на входе в провинциальный паб. Минуты две ничего не было слышно, и Мартин хотел позвонить еще раз, но тут послышалось приглушенное шарканье, что-то звякнуло, и на уровне груди открылось маленькое окошечко.

— Фрау ван дер Моор? — спросил Мартин.

— А кто же еще! — Голос у хозяйки оказался хриплый, надтреснутый, как рупор довоенного патефона. — Слуг не держим. Это вы звонили мне вчера?

— Да, я, — нетерпеливо произнес Мартин. — Могу я войти?

За дверью немного помедлили, звякнуло еще раз, скрипнули петли, и дверь наконец отворилась. На пороге стояла заспанная, сердитая женщина лет сорока в самодельных

бигуди и застиранном халате.

— Мартин, да? Что-то вы припозднились.

— Простите, — неискренне сказал Мартин, — до вас очень тяжело добираться.

— Ладно, коли уж вы здесь — заходите.

Фрау ван дер Моор чуть посторонилась, пропуская Мартина в дом. За спиной гостя звякнула накинутая щеколда. Хозяйка подняла повыше допотопную масляную лампу, оглядела Мартина с ног до головы. Наверное, его внешний вид доверия не вызывал, потому что она нахмурилась и спросила:

— У вас с собой сумма, о которой мы договорились?

— Да, — ответил Мартин. — Показать?

— Пойдемте в гостиную.

Гостиная оказалась довольно большой комнатой, сверх меры захламленной мебелью, какими-то коробками и сундуками, да еще вдобавок довольно безыскусно драпированной дешевыми гардинами. Мартин мельком подумал, что «гостиная» — это, пожалуй, слишком громко сказано.

Фрау ван дер Моор поставила лампу на стол, подкрутила фитиль, отчего по гардинам запрыгали причудливые тени, и спросила:

— Итак?

Мартин достал из кармана деньги, развернул их веером, чтобы можно было разглядеть номинал купюр. Глаза фрау ван дер Моор широко раскрылись, она протянула руку, но Мартин прихлопнул пачку ладонью.

— Прежде чем я заплачу, — сказал он, — я хотел бы убедиться, что ваш вампир настоящий.

— Конечно настоящий, — ответила хозяйка. — Он достался мне в наследство. Мой дядя показывал его на ярмарках. Тогда были хорошие времена, не то что сейчас.

Люди верили в чертей, русалок и вампиров, и на этом можно было хорошо заработать...

— А где доказательства? — спросил Мартин.

— Какие вам нужны доказательства? Вампир впервые попал в этот дом молодым, восемнадцатилетним парнем. Прошло тридцать лет, а вампир молод, как и прежде.

— Все это, конечно, замечательно. Но это лишь слова. Я не могу их проверить. А мне нужны доказательства. Я не покупаю подделок.

— Хорошо. — Фрау ван дер Моор посмотрела на него, прищурилась и, как ему показалось, даже подмигнула. — Если вы удвоите сумму, я разрешу вам ударить вампира ножом прямо в сердце. Возможно, вы за этим сюда и приехали. Бывали такие случаи... Тогда вы убедитесь, что такие вещи ему не страшны.

Несколько секунд Мартин напряженно размышлял.

— Хорошо, я вам верю, — сказал он наконец. — Но тогда у меня к вам есть другое предложение. Я заплачу не в два раза, я заплачу в двадцать раз больше той суммы, о которой мы договорились...

Фрау ван дер Моор немигающим взглядом следила, как он вынимал из кармана деньги. Много. Пачку за пачкой.

— И вы мне позволите вонзить в вампира осиновый кол.

Хозяйка опешила. Но Мартин видел, что жадность постепенно пересиливала в ней испуг и осторожность.

— Вы хотите убить вампира? — тихо спросила она.

— Да, — спокойно ответил Мартин. — Я не люблю вампиров. В детстве меня чуть не укусил один из них, и я посвятил свою жизнь борьбе с ними.

Фрау ван дер Моор дернулась, хотела что-то сказать, но Мартин не дал ей произнести ни слова. Он говорил быстро и настойчиво:

— Вампиры — это зло, а зло надо уничтожать. А вы пытаетесь на нем заработать. Не буду взывать к вашей морали, просто подумайте, что случится, если вампир случайно

обретет свободу. Вам несдобровать. Или, например, окрестным жителям на пивном празднике придет в голову убить вампира и сжечь ваш дом.

Хозяйка вздрогнула еще раз.

— Что? Вы об этом никогда не задумывались? Так подумайте. Вы даете объявление в газетах уже тридцать лет. Согласен, газеты не местные. Но вы действительно уверены, что все ваши посетители после незабываемой встречи с вампиром держали язык за зубами? В любом городке у подножия достаточно дешевых пивных. Полагаете, что о вашем вампире еще не прослышала вся округа? Не знаю, не знаю... Я предлагаю решить этот вопрос раз и навсегда, да еще получить хорошие деньги. Вряд ли такой случай представится вам еще раз.

— Деньги действительно хорошие, — сказала хозяйка. — Но все же этот вампир единственный источник моих доходов... Мой муж рано умер и оставил только долги, лавка в городе приносит одни убытки...

Мартин кивнул: раз дело дошло до торга, значит, хозяйка уже почти согласилась.

— Подумайте, фрау ван дер Моор. Так ли много людей посещают ваш дом с целью взглянуть на вампира? Особенно в последнее время. Два-три визита в год? А может, и того меньше. Вампир — не Эйфелева башня, их время прошло. А я... — Он сделал паузу, аккуратно разложив пачки на столе. Хозяйка следила за ними как замороженная. — Я готов оплатить двадцать визитов. На десять лет вперед. Не прогадаете.

Но фрау ван дер Моор все никак не могла решиться. Ей почему-то казалось, что, поддайся она сейчас на уговоры странного незнакомца, — случится нечто непоправимое.

— Лавка приносит одни убытки... — повторила она. — Деньги разойдутся, а вампира больше не будет. И на что я тогда буду жить?

— Хорошо, — кивнул Мартин, — я удваиваю сумму.

Он достал из кармана еще несколько пачек, положил сверху.

— Здесь сумма, которую вы получите за сорок визитов. Пятнадцать, а то и двадцать лет спокойной жизни.

Без ночных страхов, когда любой скрип или шорох заставляет вздрагивать, без ожидания разъяренной толпы с факелами.

Фрау ван дер Моор жадно притянула деньги к себе. Пересчитала их дважды, медленно, внимательно рассматривая каждую купюру.

— Хорошо, я согласна.

Мартин улыбнулся: как всегда, стоит чуть напугать их, прибавить денег, и они соглашаются.

— Где он? В подвале?

— Да, — кивнула хозяйка, пряча купюры. — Вас проводить?

— Нет. — Мартин расстегнул молнию сумки, перевесил ее с плеча на шею, чтобы была под рукой. — Убийство, пусть и вампира, грязное дело. Мне не нужны свидетели.

— Вход в подвал справа за лестницей. Будьте осторожны. — Фрау ван дер Моор ничуть не выглядела обеспокоенной, но остатки воспитания, видимо, не позволяли ей молчать. — Вампир прикован к стене цепями. Но как-то ночью он смог вырваться и попытаться проникнуть в дом. Мы завалили дверь мебелью и дождались рассвета. Когда взошло солнце, мы открыли все ставни и впустили в подвал свет. Ожоги заставили вампира сдаться.

— Спасибо. Я справлюсь. Как его зовут?

— Никак. Дядя звал его Мюке. Это значит...

— Комар. — Мартин усмехнулся. — Я знаю. Ваш дядя был шутник.

По темной каменной лестнице Мартин спустился в затхлый чулан. По стенам тянулись полки с жестяными банками, старой и сломанной домашней утварью, ржавым садовым инструментом. У самого входа громоздился древний комод, увенчанный внушительным, хотя и потемневшим от времени зеркалом. Судя по всему, им дядя фрау ван дер Моор смог загнать вампира обратно в подвал. Точно напротив зеркала находилась дверь, заваленная, как баррикадой, всяким хламом.

Мартин хмыкнул: этим барахлом вампира не остановишь. Пинками расшвыряв коробки, Мартин откатил две бочки, набитые, судя по весу, камнями или железными чушками, убрал подпирающие дверь доски.

Засов показался ему слишком тяжелым. Он остановился перевести дух, и в этот момент раздирающий нутро кашель снова настиг его — Мартин едва успел прикрыть рот платком. Потеряв равновесие, он покачнулся вперед и уперся локтем в засов. Тот неожиданно поддался, и дверь распахнулась.

В подвале было темно. Мартин настороженно огляделся, повел фонариком по сторонам. У дальней стены луч наткнулся на человеческую фигуру, прикованную цепями к стене. Наткнулся и остановился, осветив вампира целиком.

— Ты и есть Мюке? — громко спросил Мартин.

Вампир поднял голову, в свете фонарика блеснули воспаленные глаза с узкими, вытянутыми зрачками. Фрау ван дер Моор не обманула — выглядел он действительно лет на восемнадцать, не больше. Совсем мальчишка. Его даже можно было назвать красивым, если бы не бледная синеватая кожа и нечесанные, свалывшиеся в колтуны волосы. На щеках багровели следы старых ожогов.

— У меня хороший слух, — сказал вампир. — Я слышал, как шел торг. Оказывается, моя жизнь стоит не так уж и дорого.

— Но ведь сам ты не собираешься отдавать ее задешево? — Мартин положил фонарь на полку перед собой, порылся в сумке, и в его руках появился осиновый кол, — Ты будешь сопротивляться, ты будешь рвать цепи, рычать и скалить клыки... Так?

Вампир какое-то время молчал.

— Кто ты такой? — спросил он наконец.

— Я охотник на вампиров, — ответил Мартин. — Про детство я, конечно, наврал. Бывают любители охоты на уток, бывают любители охоты на слонов. А я охочусь на вампиров. Я убил тридцать семь вампиров. Ты тридцать восьмой. Ты последний вампир, хотя, наверное, даже не подозреваешь об этом. Я внимательно изучил все объявления в газетах, предложений больше нет.

— Но какая же это охота, если я прикован к стене?

— Не тебе рассуждать о справедливости. — Мартин взвесил в руке осиновый кол и посмотрел на вампира так, что того передернуло. — Мне важен результат. Зло должно быть мертво. Все остальное не важно.

Мартин сделал шаг, другой, третий. Внезапно вампир дернулся, натянув цепи, в его глазах вспыхнула ярость.

— Да, — сказал Мартин, — я не ошибся. Ты будешь сражаться до последнего.

Вампир помотал головой.

— Это инстинкт. Вид твоей шеи вызывает слюноотделение. Вы, люди, — наша пища.

— Конечно. — Мартин улыбнулся. — На это я и рассчитывал. Я убил тридцать семь вампиров, и все они до последней секунды тянулись к моей шее. Так любовники тянутся друг к другу. Инстинкт размножения — главный инстинкт. А вы размножаетесь, кусая людей.

Глаза вампира продолжали гореть, но слушал он молча.

— Я убил тридцать семь вампиров, — снова повторил Мартин, — и ни одному из них я не позволил себя укусить. Это действительно несложно сделать, когда вампир прикован к стене. Но ты — последний, и сегодня все будет иначе.

Мартин отложил кол в сторону и принялся расстегивать ворот рубашки, внимательно следя за каждым движением вампира.

Тот отшатнулся от человека, испуганно прижался к стене.

— Что ты хочешь? — недоверчиво спросил он.

— Всего один укус, вот здесь, — ответил Мартин, хлопнув себя по шее.

Вампир зажмурился и помотал головой.

— Не отводи глаза. Не отводи глаза, я сказал! Ты укусишь меня, а потом я вобью в тебя

кол. Я болен, вампир, неизлечимо болен. Мне осталось месяц, может быть, два. Став вампиром, я излечусь — вампиры не болеют.

Я буду бессмертен. Вот только мне не нужны конкуренты, и поэтому ты сегодня умрешь. И не ты, а я стану последним вампиром. Ну же, кусай! Если ты все сделаешь хорошо, я подарю тебе быструю смерть.

— Уходи, — ответил вампир. — Убирайся прочь. Я не сделаю этого.

Мартин рассмеялся:

— Ты боишься? Не стоит. Я все равно убью тебя, но в первом случае ты умрешь, зная, что вас больше не осталось, что ты последний. А во втором случае ты умрешь не зря. Род вампиров будет продолжен.

Мартин медленно, шаг за шагом, двинулся к вампиру. Тот не отрываясь смотрел на человека, и чем дольше он на него смотрел, тем ярче разгорались его глаза, рот приоткрылся... и наконец стали видны клыки.

— Инстинкт размножения, — констатировал Мартин, все еще улыбаясь, но голос его казался холодным, как лед. Он снова хлопнул себя по шее. — Ну же, ведь тебе хочется. Я знаю, хочется. — Он придвинулся к вампиру, тот зарычал, с клыков потекла слюна. — Я знаю, ты все равно не сможешь удержаться...

Вампир резко оттолкнулся от стены...

— Спокойно, Мюке, — с презрением произнес Мартин.

Осиновый кол уперся вампиру в грудь: одно усилие, и он проткнет сердце.

— Спокойно. Вот я и поймал тебя. Не понимаешь? Теперь я знаю — ты настоящий. Все те, кого я убил раньше, были подделками. Они играли свою роль до последнего, но они не были вампирами. Не знаю, на что они надеялись. Может, рассчитывали на помощь своих хозяев, которые должны были остановить меня в последний момент. Но этого так ни разу и не случилось — я слишком хорошо платил. Или считали, что у меня не хватит сил или смелости. Но все они всего лишь играли свою роль. А мне нужен был вампир. Настоящий вампир. Ты, Мюке. Ты действительно последний. И если я убью тебя сейчас, то смогу умереть спокойно. Мне действительно осталось недолго, но ты умрешь раньше меня. И это будет хорошо.

Мартин упер ладони в основание кола:

— Готов?

Фрау ван дер Моор проводила Мартина до самых дверей. Он видел, что хозяйка хочет что-то спросить, но никак не решается.

— Вампир мертв. Все кончено.

— Вы убили его?

— Да, фрау ван дер Моор, — ответил Мартин. — Это было потрясающе. И вампир самый настоящий. Вы были совершенно правы, простите, что не поверил вам с самого начала. Как странно, что люди почти разучились в них верить.

— Вы легко с ним справились?

— Без проблем, — ответил Мартин. — От него осталась только горстка пепла. В вашем подвале даже не нужно прибираться.

Они вышли на крыльцо.

— На улице такой дождь, — сказала хозяйка. — Вы можете дожждаться утра в доме. Я постелю на диване в гостиной и не возьму с вас денег.

— Дождаться утра? — переспросил Мартин, подставляя лицо дождевым струям. — Нет, фрау ван дер Моор, утром я буду далеко отсюда.

— Что ж, тогда прощайте.

— Прощайте, фрау ван дер Моор.

С минуту за дверью грохотали засовы, наконец все стихло.

Мартин оглянулся на дом — окна все так же закрыты ставнями, но теперь погас даже фонарь у входа. Он усмехнулся, потер шею:

— Успел, дурачок.

Достав из кармана платок, какие-то медицинские пузырьки, флакон с таблетками, Мартин с гиканьем зашвырнул их в темноту.

— Успел. Бедняга Мюке... Предпоследний вампир.

Далия Трускиновская Шлюха

Ресторанный столик был на двоих. За ним и сидели двое — старший бухгалтер одной скромной провинциальной фирмы Иван Антонович Соколов и экономист оттуда же Игорь Петрович Босягин. Соколов был солидный мужчина под пятьдесят, Босягин — столь же солиден, но чуть за сорок.

И поди ж ты — разница в возрасте у них была лет пять, а как сказала на мировоззрении! Соколов пришел в ресторан, желая просто пообедать, — сегодня истекал срок их совместной командировки в этот почти европейский город, и они, подбивая бабки, не успели вовремя поесть. Так вот, Соколов хотел вкусно пообедать и немедленно идти в гостиницу. Они вылетали домой завтра, самым ранним рейсом, и встать должны были не позже половины шестого.

А юный Босягин пришел сюда не обедать, а ужинать. Вот так! Ужинать, наслаждаясь музыкой, обслугой, деликатесами, пивом... что там у них еще в преysкyранте? Может, и потанцевать, если будет кого пригласить. Может, и познакомиться с партнершей поближе. Может, и еще чего обломится. Он еще не чувствовал себя настолько дряхлым, этот шалунишка Босягин, чтобы в такой вечер мечтать о гостиничной тахте.

Оба командировочных заказали тем не менее один джентльменский набор, являвшийся для Соколова — обедом, а для Босягина — ужином. Салат «Летний», что-то экзотическое под майонезом, мясное ассорти, фирменный шницель с грибами, пива, фирменного же, два кувшина и одну на двоих мисочку с солеными орешками, которую и принесли им первой. Босягин грыз орешки и озирался охотничьим взором.

Вскоре он обнаружил искомое.

Неподалеку за таким же двухместным, прилепившимся к стене столиком сидели две нарядные женщины. Одна — маленькая блондинка, вся такая пушистая и шустрая, другая — темно-рыжая, с гладко зачесанными волосами, в обтягивающем, как чулок, платье. Рыжая ему понравилась больше. Босягин, мужчина крупный, чтоб не сказать — пузатый, женщин предпочитал своего роста, но тонких до невозможности. А эта была как раз такая.

После небольшого перерыва на эстрадку взобрался оркестр и, дожевывая, стал разбирать инструменты. Босягин, бросив шницель на середине, подобрался, готовясь к броску. Мало ли кто вздумает пригласить рыжую первым и оставить ее за собой на следующий танец? Главное было — схватить ее вовремя.

Ему это удалось.

Танцевали они молча. Странно, но лицо и повадка рыжей не располагали к заурядному трепу, а незаурядного ему сказать было нечего. Положение спасла пушистая подружка. Когда Босягин отвел свою даму на место, она встретила их, будто любимых друзей, вернувшихся из кругосветки. Босягин остался стоять у столика, а через несколько минут подозвал официанта и попросил поменять два двухместных столика на один нормальный.

Потом он знакомил с девочками Соколова. Соколов в восторг от этой затеи не пришел, даже явственно покрутил носом, а когда подружки смылись на минутку, сказал Босягину, что он об этих дамах думает.

Собственно, Босягин и сам это заподозрил — когда блондинка потребовала шампанского. Рыжей оно не понравилось, блондинка велела подать другую бутылку, и при этом обнаружилось ее близкое знакомство с официантами — она всех их звала по именам.

У Босягина было две логики. Одна — логика женатого человека, не обремененного лишними доходами. И другая — командировочная. Логика домашняя оперировала такими

категориями, как репутация и покой домашнего очага, банкнотами (на личные расходы) — не более сотни. Командировочная логика была совершенно анархична, принципа придерживалась следующего: «Однава живем!», и Босягин хоть сутки, а проводил в гусарской гульбе, не заботясь о последствиях, тем более что обратный билет уже лежал в кармане.

Так вот, командировочная логика внушила Босягину, что подвыпившие подружки во хмелю тем более очаровательны и сговорчивы, что непременно нужно уложить Соколова в постель к пушистой блондинке и что раз тебе, только что выдвинутому трехлитровый кувшин пива, с зазывным хохотом предлагают коктейль из шампанского с коньяком, то нужно пить и не кочевряжиться.

Когда они вчетвером оказались на ночной улице, блондинка уже пела громким и довольно фальшивым голосом, рыжая непременно желала танцевать на проезжей части, Соколов хотел продекламировать какое-то с детства любимое стихотворение, и вся эта художественная самодеятельность безмерно радовала Босягина.

Была, правда, мыслишка о том, что номер-то они с Соколовым занимают один на двоих и что никакой швейцар просто так не пустит их в этот номер с двумя пьяными бабами. Денег же они просадили прорву, Босягин выложил все подчистую, Соколов тоже шуршал последними бумажками, и сунуть швейцару в лапу уже было нечего...

Потом Босягин в каком-то сквере лез целоваться к рыжей, потом они оказались со своими поцелуями в телефонной будке и вообще за этим делом не заметили, куда это подевались Соколов и блондинка.

Босягин пытался прокрутить перед внутренним взором пленку с послересторанными шатаниями, но видел только два лица — рыжей и блондинки, два лица, прижавшихся щекой к щеке, и губы рыжей шевельнулись беззвучно, а блондинка опустила глаза и чуть заметно кивнула. Соколова же в этом кадре не было вовсе.

Безмерно обиженный на Соколова за его эгоизм, Босягин побрел туда, куда вела рыжая, — скорее всего, к ней домой. Девушка же развлекала его как могла — тараторила и сплясала-таки на безлюдной улице. Станный и жутковатый был у нее пляс, и меньше всего понравилось Босягину, как он вдруг прервался. Рыжая замерла в закрученной позе, словно вслушиваясь в ночь, и с ее лица сползла маска плясового пьяненького азарта, а прорезалось безумное напряжение — и обернулось гримасой нестерпимой боли. Но это длилось всего лишь две секунды, одну — напряжение, другую — боль.

Рыжая провела Босягина какими-то задворками и внезапно распахнула перед ним дверцу сарая. Без всяких раздумий Босягин вошел.

Сарай был такой, какому место на самой что ни на есть окраине, — с рухлядью, небольшим окошком, застекленным осколками, и поленницами вдоль стен. На полу лежал реликтовый матрас.

Если бы законная супруга Босягина предложила ему выполнить супружеский долг на таком вот матрасе, он бы потребовал развода. Но то была домашняя логика. А командировочная допускала и матрас, приютивший Бог весть сколько пьяных парочек. Потому Босягин сел, где велели, и только одна мысль смущала его — не раскошегариться бы настолько, чтобы раскидать по этой грязюке одежонку... И вообще — голым телом на такую мерзость?.. Брр...

Вдруг послышался гул, рев, в окошко хлынул свет и побежал, понесся по стенам. Босягин с трудом, но сообразил, что сарай стоит возле железной дороги и что это проносится ночной тяжелый состав.

Видимо, рыжая хорошо знала про этот эффект летящего света. Она закружилась в дьявольских лучах, и ее волосы, стянутые на затылке, вдруг оказались распущены и заплескались о плечи и спину. Потом и платье поползло с нее куда-то вниз, а под платьем не было решительно ничего, и Босягин нетерпеливо протянул руки. Он уже был готов! Но она все кружилась, то приближалась, то отступала, и платье тоже то всползло выше, то соскальзывало, обнажая то играющую спину, то маленькую грудь.

Потом рыжая решительно подсела к Босягину, легко толкнула его, он со смехом откинулся и распростерся на матрасе. Она же, прижимаясь, стала расстегивать на нем рубашку. Босягин вздохнул и позволил шалой волне захлестнуть себя.

Но было что-то странное в том, как вела себя эта знакомая по многим командировочным подвигам волна.

Босягин, конечно же, притянул к себе рыжую, конечно же, закрыл глаза и наугад тискал то грудь, то бедра, и раздвигал эти послушные бедра, и одновременно дергал молнию своих штанов... Все это он проделывал в обычном для таких ситуаций темпе, горя от нетерпения, и все же...

Должно быть, Босягин был недостаточно пьян. Он почувствовал, что та сила, которую он готовился сейчас употребить в дело, уже выходит из него ровными толчками, что его бедра уже колеблются, что дыхание уже ускорено... Но он отлично сознавал, что близость еще не наступила!

Босягин открыл глаза.

Он лежал на спине. Рубашка была расстегнута и сдернута с плеч. Рыжая стояла над ним на коленях, оседлав, но не соприкасаясь. Глаза ее были закрыты, но Босягин ощутил пронизавший накрашенные веки тяжелый и давящий взгляд. Руки женщины трепетали над его ключицами. Он увидел растопыренные пальцы и ощутил сотрясение тоненькой прослойки воздуха между ними и своей кожей.

Вдруг этот трепет и эти два прохладных пятна от ее ладоней на его коже сместились ближе к подмышкам. Босягин опять ощутил странные толчки, они и не прекращались, он продолжал с силой втискиваться в тело женщины, да только тела-то и не было! Ему стало страшновато, он захотел оттолкнуть рыжую, но рука не поднялась. Сила, сила с каждым толчком выходила из него! Силы оставалось ровно настолько, чтобы дышать и смотреть!

Босягин понял, что умирает.

Смерть была настолько некстати, не вовремя! Он не подготовился к мысли о ней долгими годами старости или месяцами болезни. Он был настолько здоров, что не считался с ее возможностью, кроме как в шутку, — мол, меня из этой траханой конторы только ногами вперед вынесут... В его жизни не было места этому жуткому, морозом по коже, словечку. Жена так же здорова и энергична, как он, бодры дети, бодры старики-родители и с той, и с другой стороны. Похоронных процессий — и то годами не встречал, они повывелись с улиц. Кладбище за городом... Чего же еще?..

И вот она пришла и ехидно на него уставилась — не ждал, дружочек ты мой? Уходит силушка-то, а за ней уйдет тепло из пальцев ног, из голеней, из бедер. Последним уйдет дыхание.

Босягин осознал все это мгновенно. И так же мгновенно понял, что нужно бороться! Не может же так быть, чтобы здоровый мужик вдруг взял и отдал Богу душу только потому, что рыжая ведьма водит над ним ладонями!

Но оттолкнуть он не мог. Крикнуть он не мог. Прекратить в себе эти омерзительные толчки он тоже не мог. Они все сильнее сотрясали безвольное тело.

Он уже не мог напрячь это тело.

Вдруг Босягин осознал, что он еще владеет дыханием. Это был единственный шанс. Он мог задержать дыхание, мог его чуть-чуть ускорить, мог сделать вдох поглубже... До сих пор он никогда не думал, как именно дышит, что там у него внутри расправляет складочки и сморщивается, но сейчас, сейчас...

Босягин молился собственному телу.

— Вот так, вот так... — беззвучно приговаривал он. — Еще, еще, миленькие мои, еще... Вот так, миленькие, держите, держите воздух... а теперь весь его, весь оттуда... набрались силы?.. Ну! Вот так, понемногу, вот так... до последнего уголочка... миленькие вы мои...

Перед его глазами возникла жуткая фигура из школьного кабинета гражданской обороны. Человеческий торс со снятой кожей и раздвинутыми пластами мускулов, чтобы

можно было увидеть внутренности. Пользовались этой гадостью, чтобы преподать правила первой медицинской помощи.

Сейчас Босягин был безмерно благодарен торсу — он мог зримо представить собственные легкие, он знал, куда посылает струи и струйки воздуха.

Вдруг он понял, что это — ненадолго. А ничего больше у него не было.

Рыжая уже не водила своими узкими холодными ладонями над его телом. Она прижала руки к его коже, она вжимала их все глубже. Босягин не мог стряхнуть их с себя, но, как ни странно, именно это движение ведьмы и не вызывало в нем особого протеста. Руки принялись слегка раскачивать его... Он почувствовал, что плывет, плывет...

Глаза сами закрылись.

Босягин понял, что смерть — это даже приятно. Боли нет, волнения нет, а есть легкое раскачивание, как в гамаке жарким летним днем, и такая же полнейшая бездумность, как в том гамаке.

И все же это была смерть, а он был — человек, имеющий одну святую обязанность — бороться за жизнь. Пусть даже такую нелепую, с двумя логиками и суетой сует. Все-таки это была его единственная жизнь. Другой не полагалось.

Босягин с трудом разлепил веки. Окошко посветлело.

Он не был суеверен, но его озарило — утро, крик петуха! Вот что спасет его от ведьмы! Она высосала всю его силу, но на это ей потребовалось время! А раз он еще жив, раз еще поднимаются веки и работает дыхание, значит, ей не хватит времени с ним справиться!

Сила вернется, все вернется, скорее бы утро! Ведь летняя ночь коротка... Они вышли из ресторана в полночь, с час слонялись непонятно где... сколько же теперь?

И тут ведьма открыла глаза.

Видимо, она не ожидала, что глаза Босягина тоже окажутся открыты. Ее руки замерли, колыхание прекратилось.

— Отдай! — потребовал взглядом Босягин.

— Нет! — Она едва заметно покачала головой.

— Отдай! — Все, что в нем оставалось от жизни, он вжал в этот неподвижный и настойчивый взгляд.

— Нет.

Его поразило ее измученное лицо. Ни злости, ни сатанинской ярости, ни звериной жажды — только настороженность и безмерная усталость. Она стояла на коленях, черное платье уже всползло вверх и прикрыло грудь, волосы висели, обрамляя тонкое лицо. Она прислушалась... и вдруг зарычала.

Это был нечеловеческий, звериный рык. Наверно, так проклинает тигрица убийцу своих тигрят. Сверкнули острые зубы ведьмы, лицо исказилось... и Босягин увидел невероятное.

Женщина распрямилась. Ее колени, упиравшиеся в его бока, поднялись вверх, и она повисла в воздухе, не касаясь пола, согнув в локтях дрожащие руки, сжав крошечные кулачки. Казалось, сейчас она резко оттолкнется руками от воздуха и пронзит потолок хилого сарая.

Но острые зубы ведьмы закусил нижнюю губу с кантиком лиловой помады. Медленно опустил женщина на грязный пол возле матраса, покачнувшись при этом, но устояв на высоких своих каблуках. Посмотрела на Босягина невидящим взглядом, повернулась и вышла.

Он не мог поверить в свою удачу. Вдруг дико забилось сердце. Перехватило дыхание, золотые солнца встали перед глазами. И тогда лишь он потерял сознание.

А женщина пересекала железную дорогу. Поблизости был разъезд, несколько веток стекалось и растекалось, женщина то и дело перешагивала через рельсы. Она могла преодолеть эти чертовы рельсы одним плавным прыжком, могла!.. И не могла.

Потом она торопливо шла пустыми улицами. Она могла взмыть в воздух, лечь на него и лететь стрелой, закладывая крутые виражи. Тело просилось взлететь. Но она сжимала

кулачки и ускоряла шаги, такие ничтожные, такие медлительные по сравнению с полетом. На полет она сейчас не имела права.

Женщина шла и экономила каждое движение. Перекресток она пересекла наискосок. В парке прошла прямо по газону.

Наконец она остановилась перед высоким зданием с казенными занавесками на окнах. Подняла голову, сразу нашла глазами полуоткрытое окно на четвертом этаже.

Оттолкнуться и... Нет. Нельзя.

И она обошла это здание, и вошла в неприметную дверь, и спустилась в подвал, и долго шла каким-то коридором, и выбралась на лестничную клетку, и поднялась на четвертый этаж пешком, хотя лифт здесь не выключали всю ночь. Но шум лифта мог привлечь внимание.

Она вошла в двухместную палату.

Одна постель была аккуратно убрана. На другой лежал человек лет тридцати, запрокинув голову, чуть заметно дыша. Рядом стояла капельница.

Ведьма взглянула на заотстрившееся лицо этого человека с влажной прядью темно-русых волос на лбу, на бледное любимое лицо, подошла, стала на колени и положила руки на грудь под больничной рубашкой с лиловыми метками.

Всю силу, и свою, и того безымянного, брошенного ею в сарае, она вливала в обессилившее, уставшее бороться со смертью тело, не допуская ни одной мысли, кроме мысли о спасительной силе. Ее должно было хватить! Ее было меньше, чем в прошлый раз, но должно было хватить!

Когда, открыв на секунду глаза, она убедилась, что синие тени уходят с любимого лица, мысль промелькнула, коротенькая, словно понимающая недопустимость сейчас долгих и плавных мыслей: «На сей раз успела...»

Когда он открыл глаза, она уже не в силах была пошевелиться — отдала все... Руки отяжелели, она и рада была бы убрать их с его груди, но никак не получалось.

— Это ты? — спросил он. — Как ты сюда попала, карантин же! Ты чего на коленях? Встань!

— Мне так нравится, — ответила она, боясь, что не услышит собственного голоса, однако он звучал, хоть и совсем слабо. — Как спал? Что тебе снилось?

— Чувь снилась. Во сне я чуть не умер. Такое ощущение, будто жизнь выходит из меня через две дырки — и угадай где! Возле подмышек. А потом жизнь вернулась через эти же дырки. Я совершенно четко ощущал это.

— Дырки в подмышках? Логика сна! — ответила женщина.

Не в состоянии удержать голову, она прилегла и ощутила щекой жар больничной простыни, которой полагалось быть холодной...

— Наверно, я умру во сне, — помолчав, сказал он. — Ну и что же, ничего страшного. Это безболезненно. Если это со мной случится, ты знай, что мне не было больно. Хорошо?

Она хотела ответить, как было между ними принято, в комически-ворчливом духе, но для этого неплохо было бы хотя бы видеть глаза собеседника. А она не могла сейчас смотреть ему в глаза, и не только из-за слабости.

— Удивительно, как тебя пропустили.

— А я через подвал. Вот когда тебя прооперируют и переведут в реанимацию — тогда будет труднее.

— Да, главное — дотянуть до операции, — согласился он. — А что так рано?

— Почувствовала, что тебе плохой сон снится. Нет, правда. Обыкновенная телепатия.

— Ты очень боишься, что я умру? — спросил он.

— Не говори глупостей. Пока я люблю тебя, ты не умрешь, — ответила она.

Сергей Жигарев
Отцы и овцы

Жарким летом 1860 года, в один из августовских дней, экипаж без фамильных гербов и знаков почтовой службы остановился у придорожного кабака, манящего пешеходов и проезжих размашисто намалеванным на вывеске обещанием утолить голод «быстро, вкусно, недорого». Это традиционное заклинание неизбежно встречалось каждому, кому довелось узнать ухабы и ямы российских дорог. Сидящий в карете путешественник таких достопримечательностей знал в избытке, но сейчас он велел кучеру сделать остановку, ведомый то ли чутьем на вкусные обеды, то ли внезапно пробудившимся аппетитом.

После того как осела пыль, поднятая копытами и колесами, из экипажа вышел молодой человек щеголеватого вида, и, случись здесь оказаться случайным зевакам, он непременно переменял бы тему их разговора с ходовых качеств кареты и пункта ее назначения на собственную персону. Внушительного роста и, как говорят в народе, косой сажени в плечах, молодой человек был облачен в костюм заграничного фасона и шляпу, должно быть, модную в иных краях — иначе объяснить ее наличие в гардеробе было никак невозможно. Путешественник чувствовал себя в модном европейском платье еще неловко, отчего движения его имели нескладный характер, однако об опрятности внешнего вида заботился и потому выбрал путь к месту предполагаемого обеда не самый короткий, но самый чистый. Преодолев его в несколько размашистых шагов, молодой человек распахнул дверь и вошел внутрь.

Вопреки ожиданиям, в доме стоял полумрак того распространенного вида, что сопутствует тайным сборищам и подозрительным лицам чаще, чем здоровой и вкусной пище. В тесном пространстве между стойкой и стенкой помещалось несколько дощатых столов, сейчас сдвинутых вместе и уставленных штофами разной величины. Сидевшие мужики были увлечены не столько питием, сколько спором, что путешественнику, пусть и вернувшемуся совсем недавно из□за границы, показалось сначала странным, а затем подозрительным.

Он не стал ждать, когда глаза привыкнут к слабому освещению, и, подойдя к стойке, окликнул, громко и властно, хозяина. Мужики изучающе смотрели на него и ждали — кто с любопытством, а кто уже и с нетерпением — того, что произойдет дальше.

Трактирщик не спешил выйти к незваному гостю, и тот перевел взгляд на уже смолкнувших спорщиков.

Верховодил ватагой старик, выделяющийся среди прочих седой курчавой бородой неухоженного вида, которая закрывала пол□лица. Из□под сросшихся широких бровей с вызовом глядели небольшие карие глаза, утомленные не то пережитым, не то содеянным; косой шрам от сабельного удара шел от левого уха, скрываясь под бородой.

Подле старика на лавке лежал мальчик. Спокойная поза выдавала в нем спящего, ничуть не потревоженного шумным застольным спором, разве что босые ступни время от времени заметно вздрагивали, будто мальчуган спотыкался во сне. Мужики, числом не более десяти, сидели за столами, уважительно освободив вокруг своего предводителя место. Одеты они были бедно. Впрочем, изношенная — местами до лохмотьев, местами до дыр — одежда их не тяготила. В отличие от пристального взгляда незнакомца.

Словно для острастки небольшой мужичок дикого вида и татарской наружности тайком от старика и прочих сотрапезников показал гостю из□под скатерти нож. Дело шло к забавам, касающимся не пищеварения, а кровообращения. Иной мог бы удивиться столь дерзкому поведению черни и поставить ее на место или поскорее уйти, чтобы избежать неприятностей, но молодой человек придерживался широких либеральных взглядов.

— Уснул он, что ли, подери его черт? — громко выразил он свое недовольство.

— Дак ведь он енто... — сидевший рядом с дедом подельник решил завести разговор, — отошел по хозяйству...

Нарочито угодливый, даже любезный тон его речи контрастировал со злой ухмылкой,

показавшейся на щербатом лице. Ходить вокруг да около мужик не стал и тем же тоном прямо заявил:

— А вашей милости, если угодно чего поесть, дальше ехать надо — там по дороге будет где.

— А что же вы сидите? — Путешественник благоразумно принял условия игры и предложенный ему выход: дело, отправившее его в дорогу, было несоизмеримо важнее поучения мужланов и даже со всей очевидностью сорванного обеда, но уйти из кабака он хотел сам, уважительно и без спешки.

— Так сказывали, к вечеру вернутся. Вот сидим ждем. Нам спешить без надобности.

— Передавайте хозяину, что никакой он не хозяин, если гостей не встречает, а изрядный болван, — Молодой человек еще раз окинул взглядом своих собеседников, встретился взглядом со стариком и улыбнулся, обнажив белые зубы. — А выдастся случай, я и сам его просвещу на сей счет.

Путешественник развернулся и вышел из кабацкого полумрака на свет. Выяснилось, что он успел обзавестись последователями.

— А вы, барин, куда едете□то? — Татарин прислонился к дверному косяку и крутил в руках нож. — Может, вам и подмога нужна попутная? А то ведь места□то у нас дикие и разбойников много.

— Замучаются пыль глотать, — жестко ответил молодой человек, раздосадованный несостоявшейся трапезой, и, положив себе при случае разобраться с этой странной гурьбой, велел кучеру трогать.

Имение, куда направлялся экипаж, находилось недалеко, и путешественник, которого подгоняли мысли о возможных результатах поездки, решил следовать далее без остановок.

Карета ехала по N□ской губернии, славной пасторальными видами, патриархальными нравами местного крестьянства и твердой губернаторской рукой, насаждающей порядок и одаряющей щедротами.

День был солнечным, безветренным и утомляюще душным. Разлитая в воздухе теплынь, более подобающая жаркому июлю, нежели последней декаде августа, теперь клонила в сон и оседала в пожухнувшей траве. Лесная полоса перешла в покошенные луга с россыпями запоздалых диких цветов. Поднимающийся ветер бережил верхушки деревьев, и тонкие березки провожали кронами его особо сильные порывы. Солнце близилось уже к горизонту, начинался закатный час, равноудаленный от дневных хлопот и ночных тревог.

Дорога ложилась под колеса, верстовые столбы скоро сменяли друг друга, и около полуночи экипаж прибыл в имение. Несмотря на поздний час, здание господского дома в усадьбе светилось яркими огнями. Вид дом имел малопримечательный и скорее архаический, нежели старинный. Однако впечатление он производил обустроенное и вполне живое.

Путешественнику приятно было бы думать, что огни и слышимые звуки хозяйственной суматохи имеют непосредственное отношение к его персоне, но он знал, что сейчас в доме были гости и поважнее.

Впрочем, его ждали. Когда карета подъехала к парадному крыльцу, навстречу ей вышли две фигуры. Та, что была пониже и поплотнее, бросилась к молодому человеку, едва он вышел из кареты, и заключила его в крепкие объятия. Облобызавшись с дороги, они отступили на шаг, чтобы окинуть друг друга цепкими взглядами.

— Ну здравствуй, Аркадий, — проговорил путешественник. — Не думал, что свидимся.

— Да, удивил ты нас своим сообщением. И обрадовал, конечно. — Встречавший улыбнулся. — Рад видеть тебя в добром здравии. Пойдем же в дом.

Он распорядился относительно багажа, и державшийся до сих пор поодаль слуга расторопно подхватил дорожную сумку и медицинский саквояж новоприбывшего. Они вошли в дом.

— Все ведь в сборе уже? — уточнил молодой человек.

— Все, все. Да нас немного. Главное, сам Федор Кузьмич пожаловал. — Аркадий особо выделил самого голосом, выразив крайнюю степень почтения. — Отдохнешь с дороги?

— Отдыхать потом будем. А пока дело надо делать. Да и негоже такую почтенную компанию заставлять ждать. — Он усмехнулся. — А то ведь заскучают господа.

Аркадий велел лакею снести вещи в гостевую комнату и предложил следовать за собой. Скучающих господ в зале было трое. Николай Петрович, хозяин имения, выглядевший чуть увеличенной и изношенной копией Аркадия, встал, чтобы поприветствовать гостя.

— Что же, рады, стало быть, дорогому другу! — Голос его был искренне радушен. — Евгений...

Он замялся, не зная, как продолжить представление.

— Пусть буду Васильев. Фамилию мою трепать не стоит, — ответил молодой человек. — Слухами, знаете ли, земля полнится. А у меня есть резоны в здешних краях сохранить инкогнито. Тем более что я здесь не единственный, кто скрывает свою персону.

Васильев посмотрел на сидевшего в углу старца благообразного вида. Тот опирался на посох, положив на него руки, и старательно изображал переходящего калику. Выходило плохо. Старец кивнул, приветствуя Васильева, но промолчал.

— Федор Кузьмич оказал нам честь, посетив наши края и наше имение, — объявил Николай Петрович. — А с братом моим вы уже, стало быть, знакомы.

— Знаком, — подтвердил Евгений, — Хотя события, последовавшие за нашим с Павлом Петровичем знакомством, нельзя признать располагающими к дальнейшему общению.

— Что бы там ни было между нами в прошлом, — Павел Петрович отложил сигару и встал из-за стола, так как счел нужным прояснить свою позицию относительно упомянутых событий, — лондонские colleagues рекомендовали вас наилучшим образом и просили отнестись к вашим словам со всевозможным вниманием, а потому, господа, — он со свойственным ему изяществом поклонился в сторону старца, — можете быть уверенными, что на мое мнение это не повлияет.

Николай Петрович вздохнул с облегчением и, заведя с любопытством замершего у открытых дверей слугу, поспешил организовать для гостей чаепитие:

— Приготовь нам, Петр, чаю. — Николай Петрович ненадолго задумался. — Что-нибудь из улунов. Тегуаньинь, стало быть.

Васильев осмотрелся в поисках стула и, выбрав один из числа стоявших у стены, выдвинул его на середину комнаты и уселся так, чтобы видеть и старца, и братьев.

— Что ж, господа, если с представлениями покончено, полагаю, мне следует перейти к сути дела. Я собрал вас здесь, чтобы обсудить некоторые вопросы, касающиеся будущего России и нашего сообщества.

Васильев выдержал театральную паузу, но ожидаемого эффекта от своих слов не дождался.

— Как вы знаете, английские друзья уполномочили меня представлять их интересы на территории Российской империи, и я надеюсь, что мы сможем принять здесь окончательное решение по тому предложению, которое...

Старец откашлялся, и чуткий Николай Петрович попросил перейти к сути дела.

— А дело, господа, заключается в том, что нам нужно решить, какое будущее мы хотим для нас и для России. Из Англии грядут большие перемены. Там был недавно опубликован научный труд, содержание которого произвело большое впечатление на английское общество и даже породило некоторые идеи, которые коренным образом изменят наше положение. И идеи эти я всецело разделяю...

— Об этих идеях мы с братом уже вдоволь наслушались. — Павел Петрович стряхнул пепел с сигары в стоявшую перед ним серебряную пепельницу в форме мужицкого лаптя. — Нигилист вы известный.

— Нигилизм предполагает отрицание, — Васильев помрачнел лицом, — а все, что я отрицал, умерло вместе со мной. Я дарвинист, причем убежденный.

На до сих пор безучастном лице старца отразилось непонимание, и Николай Петрович, на правах хозяина, попросил разъяснений.

— Суть дарвинизма, господа, заключается в том, что все живые существа на Земле, включая и человечество, и нас с вами, прошли тщательный природный отбор, который удостоверяет наш статус лучших и наиболее приспособленных. Сильнейших.

И сейчас мы находимся на верхней ступени *scala naturae*, являя собой совершеннейшие создания. Мы венчаем ту пирамиду, в основании которой мизгирь ловит мух в свои тенета и сам становится обедом для расторопного воробья.

— А на воробья, стало быть, охотится кошка, — продолжил мысль довольный собой Николай Петрович. — Складно у вас выходит.

Васильев кивнул ему и продолжил:

— Загвоздка заключается в том, что природные процессы продолжают и появлению все более совершенных, удивительных форм живых существ не будет конца. Уже в следующем веке или тысячелетии может появиться новый вид, который бросит вызов нашему господству.

— И на этот вызов мы непременно ответим. — В серебряный лапоть упала еще горстка пепла. — Если таков закон природы.

— Закон этот нам невыгоден и даже для нас опасен, а потому должен быть отменен. — Васильев увлекся и едва уже мог усидеть на стуле, — Зашоренное у вас мышление, так новых перспектив вам не увидеть.

— Вот вы нам эти перспективы, Евгений, и растолкуйте. — Николай Петрович, памятуя о прошлом, поспешил сгладить острые углы.

Васильев оглядел собравшихся, позволяя им проникнуться торжественностью момента.

— Если мы являемся в некоторой степени результатом природных воздействий, то, может быть, есть возможность и для воздействия обратной направленности. — Васильев возвысил голос, и сам впечатленный величием замысла. — Природа не храм, а мастерская. И что если нам перестроить ее под себя. Создать условия, оптимальные для нашего существования. Увеличить численность нашего вида.

— Перспективы, как я вижу, заманчивые — не поспоришь. — Павел Петрович кивнул, выражая крайнюю степень согласия, и отпил поданного лакеем чаю. — Вы, видно, Васильев, ждете вопросов о том, как нам этого добиться. И я вам, пожалуй, подыграю. Что же нам надлежит предпринять?

Васильев отставил чашку на край стола, за которым сидел Павел Петрович.

— А нам почти ничего делать и не придется. Сила, что под нами, сама все сделает. Если мы лишь немного ослабим ее узы.

— Это вы о крестьянском вопросе? Мужиков нам предлагаете освободить? — Павел Петрович, придерживающийся не столь либеральных взглядов, как его брат, изменился в лице.

— Не мужиков, народ. Все вы не хуже меня знаете, как нас кормит уставший, закабаленный, безропотный крестьянин. А дайте ему свободу, позвольте накормить себя досыта — и наш рацион незамедлительно улучшится. Снимите с него напрасные тяготы и покажите лучшее будущее для его детей, и он настроает их целую кучу. Прирост же кормовой базы позволит в разы увеличить нашу численность. Разве не этого мы хотим?

— Дать мужику волю? — Федор Кузьмич окатил громким басом всю залу. — Еще бунтов не хватает нашей многострадальной России и царствующей династии!

— Идеи эти сулят нам не бунты, а лишь усиление могущества и власти, — ответил Васильев. — Да и нет нужды иметь в собственности людей, если мы владеем и управляем их желаниями и помыслами. А это дело нам вполне по силам. Помяните мое слово, еще в героях у них окажемся. На то мы и отцы отечества, чтобы пасти народы и невидимой рукой управлять людскими массами.

— Отец нашелся! Больно молод для отцовства! — горячился старец. — Да вы не знаете русского мужика. А на уме у него лишь пить да воровать. Хотя дай мужику волю, и он

воровать перестанет — начнет грабить да жечь все вокруг. И ни своей, ни чужой крови он не боится. Вам такие потрясения нужны?

— Да что ему остается, кроме чарок да стопок? — всколыхнулся было Васильев.

— Ваши идеи русскому человеку чужды. Всю жизнь крестьянин только и делает, что ищет, кому подчиниться. И чем строже барин взыщет, тем милее мужику. — Павел Петрович заговорил хорошими эластическими словами. — В жизни он бессмысленно трепыхается, словно мошкара в солнечном луче. А раз своего смысла в его жизни нет, пусть нам послужит.

— Смысл ведь через свободу обретается, — сказал Васильев. — Хотя что они вам? Пустяк, мертвые души. А кто на самом деле мертв? Помещики богатство свое не земельными угодьями, а в душах меряют. А позаботиться об основе своего благосостоянии им ни милосердия, ни ума недостает.

— Что же, вы их до последней капли крови защищать будете? — полубопытствовал Павел Петрович. — Овцы они по природе своей. Смотреть не надо, что они упираются и чего они хотят. В качестве высших созданий мы имеем право действовать в своих интересах, без сострадания.

— Овцы сделали Англию великой европейской державой, — заметил Васильев. — И ради пользы дела пренебрегать ничем не следует.

Тем временем Федор Кузьмич взял себя в руки и примиряюще заявил:

— Вы меня поймите, я не сторонник крепостного рабства. В долгосрочной перспективе. Но сейчас это невозможно, недопустимо, преждевременно. Немедленное освобождение крестьян грозит России величайшими социальными катаклизмами и кровавой смутой. Мы должны воспитать в нашем крестьянстве моральное чувство и долг перед нами, и лишь тогда стоит нам задуматься об их освобождении. А до той поры предпочитаю видеть их в качестве овец, нежели убийц. Радоваться должны, что мы с них шерсть стрижем, — могли бы и на шубы пустить.

— Из романовских овец шубы хорошо делать, — блеснул практической сметкой Николай Петрович.

— Вы, вероятно, знаете, что и в высших кругах власти есть персоны, нам симпатизирующие. Отмена крепостного права неминуема. Так что перемены будут. Да, они будут постепенными, продуманными, поэтапными. Но неуклонными и последовательными, — твердо заявил Васильев. — Мы будем действовать прагматично, последовательно и терпеливо и создадим новую Россию. Мы все преодолеем, и будущее будет принадлежать нам. А если кто — да хоть никем не правящие правители — нашей работе будет пытаться мешать...

— Знаете что? — Федор Кузьмич перебил Васильева, и его рука нарисовала в воздухе загогулину неопределенной формы и устрашающего вида. — А давайте на время прекратим наш спор. Опасным вольнодумцем вы себя уже отменно зарекомендовали. Спишем это на дорожную усталость. Мне сдается, что разговора у нас сегодня уже не получится. Я думаю, что разговор этот нам сейчас и не нужен. Вы ступайте, Николай Петрович, распорядитесь, чтобы нашего гостя покормили ужином. Вы ведь, Евгений, так и не ели с дороги? А вы, Павел Петрович, будьте любезны остаться. Есть у меня к вам дело весьма деликатного свойства.

Участники встречи стали расходиться. Васильев еще раз окинул взглядом комнату перед уходом и остановил взор на благородного происхождения старце. Его красивая голова на белом фоне стены выглядела как голова мертвеца... Да он и был мертвец.

Лакей Петр, как и обещал заботливый хозяин, ждал подле дверей в гостевую комнату. Завидев приближающегося Васильева, он принял подобострастный вид и зачем-то дернул себя за ухо, в котором поблескивала изумрудная сережка.

— Ждем! — доложил он. — Рад буду вашей милости услужить. Вы же относительно ужина? Так не извольте! с беспокоиться. Все будет в лучшем виде.

Лакей потер привычную тонкую шею.

— Извольтесь в апартаменты пройти, там□с и отужинаете.

Наскоро перекусив, Васильев обрел благостное расположение духа и вспомнил события минувшего дня. Он панибратски шлепнул Петра, побледневшего от проявления барской любви, по плечу.

— Скажи□ка мне, Петр, — вальяжно вымолвил молодой человек, — что тут за шайка бродит? Шапки ни перед кем не ломают.

Он, как мог, описал встреченных им мужиков, и слуга от возможности угодить барину расплылся в довольной улыбке:

— Да как не знать□с? Их в наших краях все знают. — Петр рад был выслужиться. — Трифон у них верховодит. Он у нас за героя.

Васильев кивнул, поощряя лакея продолжить рассказ.

— Везде был, и в сите, и в решетке. Партизанил, когда француз пришел. А потом к регулярной армии прибил. Вроде сына полка у них был. Родителей у него не было, сиротой рос. Так он с ними до самого Парижа дошел. Посмотрел, значит, на их красивую жизнь, — Петр с завистью вздохнул, — через это и пострадал. Заболел Трифон там. Воль... Верь... Не помню, барин. Он сказывал, да я забыл. И мужиков заразил. Теперь вот с себе подобными по округе, как вы изволили метко подметить□с, шляется. И внучка своего немного таскает с собой. У того мамка здесь в усадьбе померла по малокровию, а отца и не видел никто. Теперь вот вместе гуляют, а я с ними по барским поручениям сношаюсь. Люди они дикие, но если подсобить в чем требуется, да за хорошую плату. Хорошо их знаю...

Васильев жестом остановил монолог, а потом придал ему другое направление:

— И как тебе, Петр, новая служба?

— Интереснее стало, барин. От обязанностей прежних меня освободили, я же тюпюрь доверенное лицо. — Петр дернул непокорный вихор, сплюнул в ладонь и старательно пригладил и без того зализанную прическу. — Большие я у этой службы для себя вижу перспективы.

— И не в тягость? — поинтересовался Васильев.

— Тяжело не жрамши□с землю пахать, а такая служба... — Лакей снова подергал себя за ухо. — Сам бы себе завидовал, если б знал, что бывает такое.

— Вот и ступай пока. А завтра меня разбудишь к трапезе.

Васильев прилег, не раздеваясь, на кровать, но сон не шел ему. Он посидел немного в одиночестве, а затем резко поднялся и отправился искать Аркадия.

Народ в усадьбе еще не спал, видимо привыкший к барским ночным бдениям. Дворовые бегали по каким□то хозяйственным надобностям. Аркадий с крыльца наблюдал за ними, опершись на деревянные перила. Васильев стал рядом.

— Не думал я, Аркадий, что свидимся с тобой, — повторил он. — А видишь, как оно вышло...

— Да я и вовсе думал, что ты уж на том свете. А ты, значит, выкарабкался... — Аркадий обратил к нему свое бледное лицо. — Впрочем, Катерина Сергеевна давно заметила, что ты хищник. И хоть ты, Евгений, в европейское платье переоделся, да суть прежняя осталась.

— Занятная наблюдательность. — Васильев ухмыльнулся. — Как, кстати, Катерина Сергеевна поживает?

— Спит Катерина, что с ней станет. И ты знай, мы от нее в тайне все держим. Смотри, Евгений, не проговорись.

— Буду нем, как могила. А что же... — Васильев оборвал себя на полуслове.

Аркадий, знавший, о ком заговорил его собеседник, ожидал продолжения, но тот молчал. Они постояли немного в тишине, затем Васильев легко откашлялся.

— Я, Аркадий, пожалуй, прогуляюсь. — Он сошел с крыльца и скрылся в темных аллеях.

Ночная прогулка среди садовых скульптур, белыми силуэтами указывающих ему дорогу по посыпанным гравием тропинкам, сняла дорожную усталость. Васильев подумал,

что начало переговоров он провалил безоговорочно и бездарно. Не следовало так увлекаться обсуждением пустякового вопроса.

Размышляя о переговорной тактике, он незаметно для себя забрался в самые глубины сада. Послышалось тихое шевеление трав, и на тропу прямо перед Васильевым выпрыгнула крупная лягушка. Прежняя жажда опытов давно уступила место жажде иного рода. Знать не хотелось, требовалось действовать. Он ловко шагнул вперед и придавил лягушку сапогом. Почувствовал ногой дрожание твари и надавил сильнее. Давил, пока оно не прекратилось. Затем Васильев вернулся в дом и крепко заснул.

Он проснулся вечером, бодрый и посвежевший. Наскоро перекусив с помощью Петра, Васильев прошел в зал, где уже хозяйничал Николай Петрович. Прежде он не уделил месту встречи внимания и теперь решил осмотреться. Заметно было, что просторное помещение совсем недавно приводили в порядок: полы свежевыкрашенны, высокие потолки ладно побелены. Стоящая вдоль стен мебель большей частью была старинной, но не ветхой. А несколько стульев и пару кресел явно поставили специально к приезду гостей. Должно быть, Николай Петрович занялся приготовлениями сразу после того, как английское и российское общества согласовали дату и место встречи и кандидатуру посланника.

Васильев подошел к книжному шкафу, надеясь узнать что-то новое о хозяевах дома. На полках преобладала русская периодика. В ожидании собеседников он наугад пролистал несколько книг.

За спиной деликатно кашлянули. Николай Петрович просил обождать еще несколько минут: у Федора Кузьмича возникла насущная потребность наскоро переговорить с Павлом Петровичем, причем обязательно в уединении.

— Вот вы умные книги читаете. — Васильев потряс в руках дряхлое издание Вольного экономического общества. — Господина Нартова статья о посеве леса вся в карандашных пометках. А результат где? Где посадки? Ни деревьев, ни леса не вижу.

Он для убедительности махнул рукой в сторону окна, где место леса занимали широко раскинувшиеся луга.

— Очень красноречиво. Давно известно, что в России знаниям, намерениям и действиям трудно свести знакомство друг с другом.

— Помилуйте, Евгений! — горячо запротестовал хозяин имения. — Вы же понимаете, что для нас это соображение имеет стратегический характер. Нам же обзор и простор нужен!

Васильев смутился, сознавая, что попал в собственные силки, и попросил чаю.

— Сегодня без чая, — столь же смущенно ответил Николай Петрович. — Федор Кузьмич распорядился.

В залу вошел старец, за ним следовал Павел Петрович, сменивший прежний костюм джентльмена на славянофильскую венгерку.

— Господа, — начал Васильев, — подозреваю, что вчера я невольно ввел вас в заблуждение. В таком случае прошу меня извинить. Сбили меня с толку. А вопрос, который мне поручено обсудить, касается русского крестьянства лишь в той степени, в которой оно является силой для предстоящих преобразований. Именно грядущие изменения являются предметом нашей встречи и, я надеюсь, наших договоренностей.

Он продолжал, оглядев собеседников и убедившись, что к его словам прислушиваются:

— Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? Стоит нам дать толчок развитию наук и механизмов, и весь мир придет в движение. Он будет перестраиваться заново, что избавит нас от назойливой опеки окружающей среды. Сначала мы захватим ее всю, не оставив на картах ни одного белого пятна, откуда нам могли бы бросить вызов. А затем обустроим по собственному вкусу. Для этого нам потребуется много рабочих рук — и умов. Пусть все совершат люди. Они будут действовать, не зная тех сил, которые приводят их в движение, и не различая той цели, к которой они влекутся. А мы пожнем плоды их трудов и насладимся их вкусом.

Васильев посмотрел на Федора Кузьмича.

— Действия европейских обществ уже привели к взлету науки и промышленности. А мы по-прежнему ютимся в своих лачугах из бревен и соломы. Пора воспрянуть и действовать! Английское общество ожидает, что российские коллеги присоединятся к их плану, всячески содействуя прогрессу и модернизации.

— Судьбы мира вы заранее предрешили, — не стал спорить Федор Кузьмич. — А что же Отечество? А как же благо России, в отцы которой вы набиваетесь?

— А что Россия? Я полагаю, в новом мире эта любовь к своим гробам неминуемо станет бесполезным пережитком, — ответил Васильев. — Нам надлежит встать над национальными границами ради общего блага.

— Позвольте, цель вы предлагаете славную, — присоединился к разговору Павел Петрович, — однако пути к ней неисповедимы. А нам необходимо понимать, где мы есть, куда ведет нас исторический путь, что будет за несколькими ближайшими поворотами. Чтобы не оказаться нам с этими идеями в глухом закоулке на сырой грунтовой дороге.

— А вы взгляните на это с другой стороны, — предложил Васильев Павлу Петровичу с опасной улыбкой. — Если мы не последуем примеру наших дальновидных коллег, сменится несколько людских поколений и отсталая Россия превратится в страну дикой охоты.

— И все же спешить не стоит, — заключил Федор Кузьмич. — Когда впереди еще столетия, можно спокойно ждать и не торопиться. Спешка и необдуманность в деле реформаторства не раз в нашей истории приводили к трагическим последствиям. Нам нужны стабильность и развитие без застоев и революций. А иначе овчинка выделки не стоит.

— Право слово, — снова начал горячиться Васильев, — складывается впечатление, что в русской крови есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс. Ничего такого не чувствовали? — поинтересовался он.

— Это для англичан все игра. А Россия — сила мирового масштаба. — Федор Кузьмич заметно рассердился. — И не считаться с нами нельзя: все-таки растянулись от Одера до Берингова пролива.

— А тогда я вас спрошу: где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь? Это вам не в ералаш играть. Реализация озвученных мною планов — дело решенное, и цель наша договориться о совместных и согласованных действиях. А вы, по извечной российской традиции, все сводите к силе и хотите посмотреть, кто кого одолеет, — с горечью высказал Васильев. — Договариваться надо, а не силой мериться. Ошибка и беда России не в том, что она считает себя силой, а в том, что она считает себя главенствующей силой.

— Таковы, стало быть, предложения и таков в самом общем виде план действий, — резюмировал Павел Петрович. — И кто же его помимо ваших английских друзей и наставников разделяет?

— Тут значение имеет, не кто разделяет, а кто и когда будет реализовывать. Впрочем, назову Александра Ивановича. Он сейчас в Лондоне и готов бить в колокол — будет поддерживать публично, насколько это в его силах. И граф вам небезызвестный. — Васильев двинул головой в сторону старца.

Федор Кузьмич оживился более чем за все время разговора.

— Вам следовало упомянуть об этом сразу и без промедлений. Ответьте, где вы встречались с его представителями?

— Видел графа собственной персоной, — несколько резко ответил Васильев, — заезжал в гости по его личному приглашению. Так что мы теперь с ним, можно сказать, приятельствуем. Граф просил вас засвидетельствовать его почтение. Благодарит вас за последовательную позицию по балканскому вопросу и русско-турецкую кампанию.

— Он известен как игрок опытный, стратегически мыслящий и дальновидный. — Федор Кузьмич стал размышлять вслух. — И что же он намерен предпринять?

Старец был искренне заинтересован.

— Граф наши идеи всецело разделяет, — видно было, что Васильеву доставляет удовольствие вытаскивать из рукава козырного туза, — и полностью поддерживает.

В иной момент разговора васьильевское «наши» не прошло бы мимо его собеседников незамеченным, но сейчас Федор Кузьмич был увлечен вновь открывшимися обстоятельствами, а Павел Петрович то посматривал на большие настенные часы, то вытаскивал из кармана золотой брегет. Что касается Николая Петровича, то он, как и прежде, почти не принимал в беседе участия, избрав для себя роль радушного хозяина.

— Он даже планирует в ближайшее время перебраться из своей карпатской глуши в Лондон, чтобы быть в центре разворачивающихся событий.

— Что ж, я дам распоряжения русскому консулу о всемерном содействии. — Федор Кузьмич заходил по комнате. — Если он решит отправиться морским путем, мы поможем ему быстрым кораблем и надежным капитаном.

Старец остановился напротив Павла Петровича.

— Стоит ли в таком случае нам торопиться с превентивными мерами? Мы могли бы вступить с графом в переписку для выяснения всех обстоятельств и его мотивов. И уже после принимать решения о способе действий.

Павел Петрович стоял, демонстрируя превосходную военную выучку. Он начал было отвечать, когда в дверь постучали.

Следом за громкими тревожными звуками в залу ворвался запыхавшийся лакей подшавевшего вида.

— Покорнейше прошу прощения, — от волнения усовершенствованный слуга забыл свой новомодный говор, — в докторе срочная надобность!

Он посмотрел на удобно расположившегося в кресле Васильева, рядом с которым стоял старец, обменявшийся быстрыми взглядами с Павлом Петровичем.

— Жар у мальчонки... Вы его видели... Да я вам рассказывал. Мечется в горячке, кожа горит. Хрипит да молчит. Как бы не случилось чего. Ничего ведь не помогает. Хотели уже за священником посылать, да я про вас вспомнил. Доктор же у нас есть! Уж не обессудьте, не дайте пропасть мальцу!

Петр закончил скороговорку и перевел дух. Васильев кивнул ему и присоединился к стоящим.

— Господа, обстоятельства вынуждают меня временно вас покинуть. Одна из так называемых вами овец требует моего внимания, а я пастух добрый. — Он едва ли не выхватил шляпу из рук подавшего ее Николая Петровича. — Вижу, дела наши пошли на лад. Надеюсь, мы обо всем договоримся по моему возвращению.

Федор Кузьмич невразумительно кивнул, то ли отпуская Васильева, то ли соглашаясь с ним, и проводил взглядом широкую спину доктора.

— Договоримся по возвращении, — повторил старец и посмотрел на Павла Петровича. — Дело решенное.

Между тем Васильев, выслушав сбивчивые извинения Петра за то, что прислали за доктором не экипаж, а телегу, и объяснения, какой он, доктор, их великодушный добродетель, уже отправлялся в путь.

Полная луна, повисшая в звездном небе, освещала им дорогу. Прохлада ночи забралась под модный костюм Васильева, и он уже пожалел, что не захватил с собой ни чего потеплее, ни чего покрепче.

Звуков, за исключением скрипа плохо смазанного колеса, не было. Даже болтливый обычно Петр молчал и сидел недвижимо, лишь изредка подергивая вожжи. Васильев погрузился в размышления, и думал он тяжело и упорно, будто корчюя мертвые старые пни.

Прибыли вскоре. Старик жил бирюком, изба его, крытая соломой, стояла у оврага поодаль от деревни. Васильев подхватил свой медицинский саквояж, пока лакей возился с каким-то длинным кожаным ящиком, должно быть, порядочного веса. Доктор вошел в темные сени, куда пробивался робкий свет лучины, и громогласно спросил:

— Где мальчик? Проведите меня к нему! Я хочу видеть этого...

От открывшейся его глазам картины он замолчал на полуслове, но вряд ли успел осознать это до того, как ему нанесли первый, еще не смертельный, удар.

— Барин, он личной аудиенции просит.

— Передай, что сейчас выйду. — Павел Петрович смочил лоб одеколоном и подхватил массивную трость с серебряным набалдашником. Разговаривать с чернью он не умел и не любил. Да и не понимал он ее никогда, но дело было исключительное.

Павел Петрович вышел на крыльцо для слуг. Было еще темно, мертвенно-бледный лунный свет истончался, растратив силу. Стоял тот предрассветный час, когда природа засыпает, давая недолгий покой дневным и ночным тварям. Российский джентльмен вдохнул воздушной свежести и снизошел до Трифона.

Тот стоял с непокрытой головой, собрав в кулак бороду, и, озираясь по сторонам, переминался с ноги на ногу.

— Дело сделано, барин. Пора расплачиваться.

— Как положено, тридцать? — с легкой улыбкой спросил Павел Петрович, отсчитывая монеты и не отводя пристального взгляда от неожиданно побагровевшего мужицкого лица.

— Осинушек окрест нет, — невпопад ответил Трифон, пока монеты ссыпались с барской белоснежной ладони в холщовый мешочек. — Далече ходили.

— Ладно, ступай. — Разговор уже надоел Павлу Петровичу, и он взмахом указал мужику идти прочь.

— Согрешил я. Да и у вас, баре, руки и уста все в крови. Нам доктор сказывал перед тем... — Трифон запнулся, — о ваших порядках.

И тут руки мужика удивили Павла Петровича. Одна из них — но не та, которой следовало бы, с маленьким тугим денежным мешком, а другая — скользнула за пазуху. И выскочила наружу, потянув за собой деревянный кол. Острый, успел заметить Павел Петрович за мгновение до того, как что-то юрко и зло укусило его левый висок. Мимо внутрь скользнули быстрые серые тени.

Дом горел, подожженный с подветренного угла по всем правилам партизанской науки. Вид огня обычно тревожил старика, и сейчас Трифон сидел к пламени спиной и старался унять ломоту в костях. Его ватага, не нуждавшаяся в наставлениях вожака, довершала дело. Мальчик, потрясенный пережитым и увиденным, тихо присел рядом. Старик положил руку, вновь почти безволосую, на плечо внуку и притянул его к себе, обнимая. Хотелось выть от неизбежного и, казалось, беспричинного горя, но Трифон сдержался. Он поднял глаза и посмотрел на кем-то расстеленное над ними бескрайнее небо, уже порванное вдали красными рубцами. Занималась алая заря.

Генри Лайон Олди **Сказки дедушки-вампира**

— Дедушка! Дедушка! Расскажи сказку! Дедушка!..

Крошки-упырешки веселой гурьбой влетели в склеп, и тот мгновенно наполнился их звонкими, жизнерадостными голосами.

— Деда! Сказку!..

Дедушка-вампир, кряхтя, сдвинул утепленную крышку гроба, с грустью посмотрел на недочитанную газету и послал всех к бабушке.

— А бабушка говорит, что она тебя в гробу видала, и ты там целый день лежишь со своей газетой и ничего ей по дому не помогаешь!..

— Ох, детки, — проворчал дедушка-вампир, садясь в домовине и поглаживая костлявой рукой кудрявые затылки внучат. — Сколько из меня крови ваша бабушка попила... Ну да ладно, это все присказка, а сказка будет впереди...

...В некотором царстве, некотором государстве, в тридевяти галактике на спиральном витке, у далекого созвездия Гончих Близнецов жили-были пришельцы. То есть сами себя они, конечно, пришельцами не считали и даже обижались, но раз уж к нам на Землю пришли

— значит, пришельцы, и все тут. Теперь не отвертятся.

Жили-были там неподалеку еще одни, полупришельцы, из Сигмы Козлолебеда, только те шли к нам, шли, да так и не дошли, потому и зовут их — полупришельцы, или даже недошельцы, и больше мы о них вспоминать не будем.

Так вот, эти самые, которые из Гончих Блинецов, а в просторечье — гоблинцы, были сплошь членистоногие, членистоносые, членистоухие, и весь этот многочлен равномерно зеленого цвета. И хотели они, стервецы, матушку нашу Землю вставить себе в Галапендрию (Галактическую Империю, по-гоблинцовому) в виде членика, да такого маленького, что ни в сказке сказать, ни пером описать, а все равно обидно.

Наши, земляне, их сперва послали куда следует — да только те слетали быстренько на подпространственных по указанному адресу и вернулись нервные, обозленные и в сопровождении трех крейсеров, двух линейных и группы мелкой поддержки. Вот тогда-то и пришлось по поводу членства принудительного собирать два секретных совещания.

Первое, ясное дело, в ООН. Русские с американцами кричат, что надо бы по агрессору ядерной дубиной шандарахнуть, а то сокращать дорого и жалко; а остальные ответных мер опасаются — и добро б еще по русским или дяде Сэму, а так ведь сгоряча и Люксембург какой-никакой зацепить могут!..

А второе совещание в Ватикане состоялось. И собрались на него иерархи христианские, а также всякие прочие с правом голоса совещательного, и порешили святые отцы паству свою, без различия вероисповедания, немедленно призвать к священной войне супротив антихриста членистого до победного конца, прости Господи...

Вот только гоблинцы, плесень зеленая, совещания эти оба просканировали и поразились немало, поскольку были поголовно отъявленные монархисты, атеисты, материалисты и полиморфисты.

Запросили они центральный бортовой компьютер, что по части примитивных культур считался большим докой, и с его подсказки объявили себя ангелами Господними — да иерархи тоже не лыком шиты! Мигом обман разоблачили, анафеме предали и по телевидению заявили, что наш Бог с нашим Дьяволом как-нибудь уж сами договорятся, без посредников самозванных!..

И созрел тогда у гоблинцов коварный план...

* * *

...В Риме, в соборе Святого Петра, шла проповедь. Его Святейшество папа Пий XXIV стоял на кафедре, и пятеро кардиналов шелестели вокруг понтифика малиновым шелком сутан.

— Близится Судный день, дети мои, и грядет...

Точную дату Судного дня папа Пий назвать не успел.

Входная дверь с грохотом распахнулась, лучи фонарей ударили в глаза главе христианского мира, и в проеме выросли гоблинцы с излучателями в верхних членах рук.

«Психообработка... — обреченно подумал папа Пий. — Галлюциногены, облучение, и через неделю я призову наивных верующих к отречению и смирению... Изыди, Сатана!..»

Его размышления прервал властный бас кардинала Лоренцо:

— На колени, дети мои!..

И когда агнцы божьи послушно рухнули на колени, его преосвященство неприлично задрал сутану и выхватил из-под нее старый добрый «узи» калибра девять миллиметров, оставшийся у кардинала со времен его службы в морской пехоте США.

— Аминь, сволочи!

Рука не подвела отставного сержанта Лоренцо. И святые с фресок Микеланджело с завистью покосились на новый аргумент в деле веры.

— Отпускаю тебе грехи твои. — Папа Пий торопливо осенил сообразительного прелата крестным знаменем и нырнул в дверцу за кафедрой.

...А потом мелькали повороты, тайные переходы, липла на потное лицо паутина тоннелей, и в конце концов понтифик осознал, что он один. Группа прикрытия — три кардинала помоложе и епископ Генуи — осталась далеко позади, и папа Пий, задыхаясь, бежал по ночному Риму, спотыкаясь о вывороченный булыжник окраин, пока не остановился у чугунной ограды кладбища Сан-Феличе.

— Неисповедимы пути Господни... — хрипло прошептало загнанное святейшество и потянуло на себя створку ворот.

Зловещий скрип распилил ночь надвое...

* * *

...Вампир Джованни, старожил кладбища Сан-Феличе, был крайне удивлен, обнаружив у своего родного склепа странного незнакомца.

«Зомби...» — подумал Джованни. Он слышал, что где-то в Африке у него есть родня, но внешний вид зомби представлял себе слабо, поскольку не выезжал никуда дальше Флоренции.

— Ты кто? — осторожно поинтересовался Джованни, прячась в тень и натягивая верхнюю губу на предательски блестящие клыки.

— Папа я... — донесся ответный вздох.

— Чей папа?

Джованни очень боялся шизофреников и маньяков, в последнее время зачистивших в места упокоения.

— Римский... Пий Двадцать четвертый. В общем, мое святейшество...

Джованни расслабился и вылез из укрытия. К обычным психам он всегда относился с симпатией.

— Очень приятно. А я — Джованни. Вампир. Какие проблемы, папа?

И затравленный понтифик, повинаясь неведомому порыву, рассказал ему все...

— Ну и что? — недоуменно пожал плечами Джованни в конце сбивчивого повествования. — Мне-то какая разница? Попил красной кровушки — теперь зеленую пить стану... Все разнообразие, а то желудок что-то пошаливать стал. Ведь знал же, что нельзя наркоманов трогать...

— Креста на тебе нет! — озлился папа Пий, хлопая тиарой оземь. — Как у тебя только язык повернулся!..

— Ты за язык мой не беспокойся! Он у меня поворотливый!.. А креста, понятное дело, нет, откуда ж ему взяться, кресту, ежели я — вампир?

— Ну вот! А я тебе о чем толкую?! Ты же наш, здешний, земных кровей... В смысле — нелюдь. Я, значит, людь, а ты — нелюдь. Единство и борьба противоположностей. А эти — пришельцы! Чужие то есть, инородцы!

— Инородцы?!

Хриплый запойный бас колыхнул воздух склепа, и в дверях возникла нечесаная голова с красным носом картошкой.

— Где инородцы?! Сарынь их на кичку!..

Надо заметить, что третьего дня к Джованни приехал погостить закадычный приятель — упырь Никодим из далекой Сибири. Как он там сохранялся в вечной мерзлоте и чем питался в своей тундре — этого никто доподлинно не знал, но отношение Никодима к инородцам было в упыристической среде притчей во языцех.

Джованни едва успел ввести друга в курс дела, как темень кладбища Сан-Феличе прорезали ослепительные лучи прожекторов.

— Это за мной, — сказал папа Пий, грустно глядя на патруль гоблинов. — Прощайте, ребята. Рад был познакомиться...

— Что?!

Грозный рев Никодима сотряс решетки ограды, и из-под его распахнувшегося савана

выглянул краешек тельняшки.

— Да чтобы мы своего, кровного, этим двоякодышащим отдали?! Век мне гроба не видать! Ваня, чего рот разинул — подымай ребят! Неча по склепам отсиживаться, когда Родина□мать зовет!..

— Си, синьор колонело! — вытянулся во фрунт просиявший Джованни и сломя голову кинулся к ближайшей усыпальнице, откуда высовывалась чья□то любопытная физиономия.

А Никодим уже выцарапывал на известке стены крупными буквами: «МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ!»

* * *

На следующее утро большинство газет вышло под заголовком: «Римское кладбище Сан□Феличе — последний оплот человечества!..»

И во многих газетных киосках мира по ночам слышались осторожные шаги, и отливающие алым глаза бегали по мелкому шрифту строчек...

Вскоре в Рим прибыла интернациональная бригада: Упырявичюс, Упыренко, д'Упырьяк, Упыридзе, Упыйр и интендант Вурдман. Последний немедленно переругался с Никодимом, не сойдясь во взглядах на распятие Христа, и папе Пию пришлось мирить скандалистов, ссылаясь на прецеденты из Ветхого и Нового Заветов.

Внутренние разногласия прервало появление полуроты гоблинов, встревоженных пропажей патруля. Они рассыпались цепью и принялись прочесывать кладбище в тщетной надежде найти и поставить на место строптивного наместника Святого Петра.

Понтифик был надежно укрыт в одной из усыпальниц, а патриоты переглянулись и принялись за работу.

Мраморные ангелы надгробий с любопытством наблюдали за происходящим в ночи, напоминавшим сцену из эротического фильма, которые ангелам смотреть не рекомендовалось. Всюду мелькали тени, они сплетались, падали в кусты сирени, из мрака доносились сосущие звуки, причмокивание, стоны и слабеющие возгласы на трех галактических наречиях...

Это повторялось несколько ночей подряд — дневные поиски неизменно терпели фиаско, а эксгумация не давала никакого результата, — и вскоре командование пришельцев забеспокоилось всерьез.

И было отчего...

Укушенные гоблинцы на следующий день становились убежденными пацифистами, отказывались строиться по росту, вели пораженческую агитацию, топили в сортирах казенное оружие и ко всем приставали со своими братскими поцелуями — что грозило эпидемией.

Тем временем Никодим и компания успели убедиться в том, что зеленая жидкость, текущая в венах оккупантов, похожа на ликер «бенедиктин» не только цветом. Это, видимо, было связано с системой кровообращения пришельцев, напоминавшей в разрезе змеевик.

Так или иначе вылазки участились, а в перерывах можно было видеть покачивающихся борцов за независимость и лично Никодима, пляшущего под колоратурное сопрано Джованни:

— Эх□ма, поживем,
Поживем, потом помрем!
После станем упырем —
В порошок врага сотрем!..

Потом Джованни сбивался на «Санта□Лючию» и лез к папе Пию с заверениями в дружбе до гроба.

На распоясавшихся упырей явно не было никакой управы, но понтифик понимал —

долго так продолжаться не может. Слишком хорошо был ему известен алчный и вероломный характер рода человеческого...

* * *

Папа как в воду смотрел. Через неделю явилась к пришельцам некая склизкая личность. Разговор проходил при закрытых дверях, но кто-то из гоблинцов по незнанию забыл запереть окно, и большая летучая мышь с подозрительно невинными глазками впорхнула в комнату и притаилась в углу за портретом Леонардо да Винчи.

— ...да ваши бластеры, господа, им ведь что мертвому припарки! Пульку из серебра вам надобно, колышек осиновый да чесночка связку! Так что меняемся, ваше многочисленство: — я вам технологию нужную, а вы мне — награду обещанную. Золотишко, брильянтики, а перво-наперво — цистерну коньяку самолучшего, да чтоб звездочек на пол галактики хватило!..

Мерзкий человечишка хихикал, плевался слюной, и каждым своим члеником внимали гоблинцы словам предателя...

* * *

— Кто там?! — в страхе воскликнул человек, садясь на смятой постели.

— Кто там, кто там... — пробурчали из темноты. — Мы там... Только уже не там, а тут...

Предатель мгновенно протрезвел, да все напрасно, потому что через секунду он сам уже был — «там».

Никодим отошел от кровати и долго отплевывался, полоща рот дареным коньяком.

* * *

...Гоблинцы старались вовсю. Спешно отливались драгоценные боеголовки, лазерные пилы валили осины одну за другой, на глайдерах устанавливались реактивные колометы — приближалось время решающей битвы.

* * *

— Плохи дела, папаша, — мрачно возвестил Никодим, вваливаясь в склеп, служивший резиденцией опальному понтифику. — Продали нас. Вредитель один, земля ему пухом... Теперь жди неприятностей.

— Передатчик бы нам, — вздохнул папа Пий. — Подмогу бы вызвали. Только где ее найдешь, подмогу эту?..

— Подмогу? — задумчиво оскалился Никодим. — Дело говоришь, батя... Вот только успеют ли? Ну да ладно, полезли наружу.

— А у вас что, и передатчик имеется?

— Имеется, имеется, — заверил папу вошедший Джованни. — Давайте, ваше святейшество, поторапливайтесь...

Через пять минут они уже стояли в западной части кладбища.

— Эй, Антонио! — постучал Джованни когтистым пальцем по одному из надгробий. — А ну вставай, проклятьем заклеянный!..

— Чего тебе? — донесся из-под земли недовольный голос.

— Говорю, вылезай! Голова твоя нужна!

— Как баб водить — так Антонио на стреме, а как голова... — забубнил под плитой сердитый Антонио, но Никодим перебил его:

— Слышь, Тоша, если ты немедленно не угомонишься и не вылезешь, я тебя лично за

ноги вытащу, и тебе тогда тот свет этим покажется...

Папа машинально перекрестился, и Джованни шарахнулся в сторону.

— Вот ведь приспичило, и отлежаться не дадут...

Плита приподнялась, и в чернильном проеме образовался сутулый скелет с кислым выражением черепа.

— Пойми, Тоша, — проникновенно заявил Никодим, — нам сейчас башковитый мужик во как нужен!..

— Да ладно, — застеснялся скелет. — Берите, раз надо...

И снял череп, протягивая его Никодиму.

— Где Вурдман?! — заорал довольный упырь, поглаживая Антонио по гладкой макушке. — Где эта морда...

— Сам дурак, — перебил его обидчивый Вурдман, появляясь неведь откуда. — Уже и родственников проведать нельзя... Держи, матерщинник!..

Никодим взял у него пару посеревших от времени берцовых костей и сложил весь комплект на плите.

— Связист! Давай сюда!

Прибежавший на крик тощий очкарик Упырявичюс ухмыльнулся, взял кости и принялся бодро отстукивать на широколобом черепе Антонио нечто среднее между морзянкой и тарантеллой.

— Да не колоти так — больно же! — поморщился череп, но на него не обратили никакого внимания, и он обиженно смолк.

Сигналы непокорного кладбища Сан-Феличе стремительно понеслись к Луне, отражаясь от ее диска и достигая в падении многих областей Земли; и в тех местах зашевелился рыхлый грунт, дрогнули древние курганы, закрипели прогнившие кресты и со скрежетом стали подниматься тяжелые могильные плиты...

* * *

— Полундра! — внезапно прервал Никодим сеанс связи. — На подходе оккупанты! Папу — в укрытие, остальным занять позиции! Не бойсь, братва, — хлебом зеленки напоследок!..

Спустя мгновение глайдеры противника уже утюжили серебряными пулями последний бастион свободомыслия. Рывками кассетные колометы, осина косила защитников одного за другим, и удушливое облако чесночного запаха поползло над трясущейся землей. Героические нетопыри бились грудью в защитные колпаки машин, и в сполохах стала отчетливо видна фигура Никодима, стоявшего под пулями в полный рост и выкрикивавшего сорванным голосом:

— Ни шагу назад! Велика Земля, а отступать некуда! Кто знает заклятия — сбивай паразитов!..

Высунувшийся Вурдман торопливо забормотал что-то на иврите, но это не возымело особого действия.

— Раскудрить твою через коромысло в бога душу мать триста тысяч раз едрену вошь тебе в крыло и кактус в глотку! — взревел разъяренный Никодим.

— Аминь, — робко добавил из склепа папа Пий.

Гремучая смесь иврита и латыни с чалдонским диалектом вынудила два глайдера взорваться прямо в воздухе.

— Парни! — неожиданно крикнул из окопа охрипший Упыренко. — Они пехом прут!..

— Вперед! — заорал Никодим, вспрыгивая на бруствер и разрывая на груди полуистлевшую тельняшку. — За мной, братва! Покажем членисторогим, как надо умирать во второй раз!..

И за широкой спиной Никодима встали во весь рост черноволосые вампиры Флоренции и Генуи, горбоносые упыри Балкан, усаые вурдалаки Малороссии и Карпат...

Они шли в свою последнюю атаку.

Многоголосый рев раскатился неподалеку за южными склепами, рев сотен глоток, и Никодим на мгновение обернулся — и застыл, недоуменно глядя на стройные колонны, марширующие к кладбищу Сан-Феличе от дальних холмов.

Они слышали. Они успели вовремя.

Якши Фуцзяни и Хэбея, зомби Бенина и зумбези низовий Конго, алмасты Бишкека и тэнгу Ямато, ракшасы Дели, гэ Ханоя, гули Саудовский Аравии, уаиги Осетии, ниррити Анголы, полтеники Болгарии, бхуты Малайзии и Индонезии...

— Наши... — шептал Никодим, закусив губу прокуренными клыками, и по небритым щекам его бежали слезы, — Наши идут... Вот она, международная солидарность, вот он, последний и решительный...

Джованни молился.

Ряды гоблинцов смешались, и пришельцы стали беспорядочно отступать к своим кораблям.

— Ага, гады, не нравится! — Никодим мертвой хваткой вцепился в обалдевшего от ужаса захватчика. — Пей до дна, ребята!..

Серое небо почти одновременно прочертило несколько огненных столбов — гоблинцы в панике стартовали, спеша унести дрожащие члены ног.

И тогда навстречу им побежал маленький лысый еврей, путающийся в длинных полах старомодного одеяния; а за ним, словно на привязи, неумолимо надвигался Огненный Столп Иеговы.

«Дядя...» — ошарашенно пискнул Вурдман, но великий каббалист раввин Арье-Лейб даже не обернулся, увлеченный преследованием.

Ослепительная вспышка озарила Землю, и с нашествием было покончено.

* * *

— А дальше?!

— Дальше...

Дедушка встал, и на его саване тускло блеснули медаль «За оборону Земли» и почетный знак «Вампир-ветеран».

— Дальше как обычно. И стали они жить-поживать...

— И гематоген жевать! — хором закончили сияющие внуки.

Дедушка счастливо улыбнулся и направился к наружной двери склепа, где в почтовом ящике его уже ждала корреспонденция: муниципальный еженедельник «Из жизни мертвых», научно-популярная брошюра «Светлая сторона склепа» и письмо.

Забрав почту, дедушка прошлепал к холодильнику и извлек из него пузатую бутылку с надписью на наклейке: «Кровь консервированная с адреналином. Пить охлажденной». Один из внуков потянулся было за другой бутылкой, с темно-зеленой жидкостью, но старый вурдалак строго одернул неслуха и захлопнул дверцу.

— Мал еще! Нечего к хмельному приучаться! Это от тех... залетных... Вроде контрибуции. Этим самым и берем...

Он приложился к первоначально выбранной посудине и, сделав основательный глоток, довольно крикнул:

— Хорошая штука, однако, с адреналинчиком. Бодрит! И для здоровья полезно...

Обиженный внук включил телевизор, и бодрый голос диктора сообщил:

— А сейчас в эфире передача «Для тех, кто не спит вечным сном...»

Дедушка расположился в кресле, убавил звук и распечатал письмо, написанное неустойчивым детским почерком и начинавшееся словами:

«Дорогой дедушка Никодим! Пишет тебе девочка Варя из твоего родного села Кукуйчиково. Я хочу быть такой, как ты, и когда вырасту большой...»

Ника Батхен

Будь человеком!

Дом купца Попеняки стоял на ушах. Жутко выл из своей конуры пес, жалобно квохтали куры, скисло все молоко в кладовке, и подгорел обед. Из прислуги в доме осталась одна кухарка — все остальные сбежали в страхе. Неделью назад полоумная старуха — кормилица впустила в дом неизвестного, благородного и прекрасного господина, приняв его за любовника покойной госпожи (когого батюшка нынешнего Попеняки сорок лет как тихонько утопил в нужнике). Господин сперва наградил старуху жадным поцелуем в обвисшую шейку, спустя двое суток явился снова — и очумевшие от ужаса слуги нашли поутру мертвым молоденького шалуна — приказчика. А теперь наступила очередь Марыси, прелестной, как коробка конфет, полнокровной и розовой младшей дочери купца. Старшая дочка, тощая и желчная Эльжбета, очевидно, не привлекла бы даже вампира, а вот малышке можно было готовить гроб и осиновый кол заранее... И ведь ни один караван не возьмет девчонку, которая приглянулась кровососу, ни один дом не откроет двери. А пока белоряски из городской управы примут и зафиксируют жалобу, пока соберут свой «летучий отряд», пока запасутся снадобьями и заточат серебряные кинжалы, клятая тварь высосет половину семьи так же смачно, как сам Попеняка высасывал (морщась и отплевываясь тайком — но положение требует) склизких заграницных улиток на ежегодном банкете. Враз поседевший от переживаний купец ходил взад — вперед по длинному коридору, уныло грыз семечки, спускался в подвал, любовался полными сундуками — деньги тлен, толку было всю жизнь копить. Каждый шорох, каждый скрип ставен, каждый стук в многострадальную, запертую на пять замков дверь заставлял несчастного отца вздрагивать...

Ночь сгустилась над черепичной высокой крышей купеческого жилища, крутанула громоздкий флюгер, шуганула мышей в кладовке, задула свечи в девичьих спальнях. Все затихло — даже звонкоголосые соловьи в саду замолчали, словно им запечатали клювы. Колыхаясь, как персик в желе, выплыла на небосклон сияющая луна, резкие полосы света и тени рассекли сумрак. Железный засов на окошке разогнулся словно бы сам собой.

— Меня пригласили войти в этот дом. — Глубокий, бархатистый голос спокойно, даже с ленцой выпускал на волю слова ритуала. — И я воспользуюсь своим правом. Откройся!

Кружевные занавески распахнулись от взмаха крыльев. Элегантный, безупречно одетый вампир неуловимым движением проник в девичью спальню и остановился подле кровати, целомудренно завешенной балдахином. Лунный луч сверкнул в крупном брильянте перстня, пробежался по запонкам, подсветил безупречные белоснежные клыки и набриолиненные усики кровососа. Бледный язык тронул алые губы в предвкушении редкого лакомства. Нет напитка вкусней, чем кровь девственницы, а прекрасная дочка купца наверняка еще не знала мужчины. Настоящего мужчины.

Алчущий вампир одним движением сдвинул балдахин к изголовью и замер, сраженный неземной, аппетитной прелестью. Золотые локоны девицы разметались по подушке, пышные перси круглились под ночной рубашкой тончайшего полотна, белая шейка выглядывала из выреза. Какое лакомство!

Девушка открыла глаза:

— Наконец ты пришел! Мой прекрасный герой, я ждала тебя целую жизнь!

Приосанившийся было вампир изумленно раскрыл глаза. Он такого еще не видел.

— Ты? Меня?

— Да, тебя, мой таинственный, предназначенный мне судьбой. — Девушка улыбнулась и потупилась.

Заинтригованный вампир присел на край кровати. Он слышал о человеческих женщинах, мечтающих о неземной страсти, ласках крылатого аманта и прекрасной любви, завершающейся поцелуем в шейку.

— И зачем же, очаровательное дитя, судьба послала тебе меня? Впрочем, ты еще так невинна и даже не...

Девушка заморгала пушистыми ресницами:

— Чтобы я спасла тебя, мой бесценный!

От разочарования вампир почувствовал себя еще голоднее. Размечтался, конечно. Начиталась проповедей, дурочка, сейчас обращать будет. Хорошо, хоть чеснока не наелась.

— И от чего же ты собралась спасать меня, крошка? Впрочем, это не важно — я голоден, и давно пора приступить. Посмотри, какие у дяди большие зубы!

Ничуть не испугавшись, девушка села на постели и обнажила шейку:

— Целуй, любимый! Твои жуткие зубы сразу станут нормальными.

— Это как?!

— Ты отведаешь нашей крови и станешь человеком. И конечно же, женишься на мне — своей спасительнице! — Продолжая улыбаться, девушка спустила рубашку с плеч.

У вампира пересохло во рту.

— А п□п□подробнее?

Сияющая девушка устроилась на постели, скрестив ноги, как Шахерезада.

— Наша фамилия — Попеняки. От «попенять».

— И?.. — Вампир уже с трудом говорил, ему хотелось поскорее вонзить клыки в эту нежную плоть, отведать пьянящей крови.

— Как□то ночью, сто двадцать шесть лет назад, в дом к нашей прапрапрабабушке Басе Пеняке, дочери почтенного продавца средств от всяческих кровососущих насекомых, явился некий прекрасный крылатый гость. Не сразу поняв свое счастье, прапрапрабабушка завизжала и обсыпала визитера особым секретным порошком от блох и вшей. А пока гость катался по спаленке и чихал — читала ему морали, объясняя, как дурно пить кровь и вламываться в опочивальни к незнакомым девушкам. Он все понял, полюбил бабушку, женился на ней, наплодил восемнадцать маленьких Попеняков, а когда деточки повзрослели, открыл секрет — что их кровь отныне стала волшебной. Она будет приманивать новых крылатых женихов девушкам нашего рода и спасать их от пагубной тяги к нездоровому питанию. А чтобы кровь лучше подействовала, надлежит осыпать жениха тем самым порошком. — С этими словами девушка добыла из выреза (где только помещался) пакетик с резким запахом чемерицы.

Вампир почувствовал, что аппетит у него почему□то пропал. Зато появилось сосущее, неприятное чувство тревоги.

— Ты воистину благородна, милая девушка. Я навещу тебя завтра утром, а нынче отлучусь, дабы подготовиться к нашей свадьбе.

— Ты такой душка! — Девушка попробовала поцеловать гостя, тот отшатнулся и отступил ближе к окну. — И застенчивый! А каким красавчиком ты станешь, когда отвалятся эти глупые крылья, и щеки порозовеют, и зубы станут нормальными, и твои прелестные глазки тоже!

Вампир попятился. Девушка продолжала:

— А какое богатое приданое выдаст нам батюшка Попеняка! Мы сыграем свадьбу на весь квартал, созовем всех соседей, обвенчаемся в церкви. А когда закончится медовый месяц, откроем съестную лавку, будем торговать пирогами и булочками, продавать редкостную настойку «Кровь юной девы» — в память о нашей встрече. Я нарожаю тебе восемнадцать маленьких розовых Попенячек, и все они будут звать тебя папой. Ты научишься спать в постели...

— В гробу я видел твою постель, дура! — огрызнулся вампир и вспрыгнул на подоконник.

Девушка всплеснула руками, пакетик упал, порошок рассыпался, по комнате распространился резкий запах (точнее, вонь). Вампир чихнул и вывалился во двор.

— Эй, куда ты, любимый?! Будь человеком, пришел — женись! А поцелова□а□а□ать?!!

Ответом девушке стали неразборчивая брань на вампирском и быстро удаляющееся хлопанье крыльев.

...Убедившись, что от вампира и следа не осталось, девица аккуратно закрыла окно на щеколду и быстро переоделась. Скинула ночнушку с подшитым бюстом, натянула светло-зеленую рубаху, темно-зеленые брюки, высокие сапоги. Из-под кровати достала походную куртку, рюкзачок и верный, окованный серебром меч. Маленький кинжальчик прятался в накладном бюсте, девица отцепила оружие и пристроила в ножны на поясе. Золотистые локоны полетели на кровать, коротко стриженные черные кудри шли молодой наемнице куда больше.

Захлопнув дверь девичьей спальни, воительница широким шагом прошла по коридору, спустилась по лестнице и оговоренным образом постучалась в подвал, где среди груды порезанного чеснока дрожали, сморкались и утирали слезы батюшка Попеняка, Марыся с Эльжбетой и верная кухарка.

— Пятьдесят золотых, хозяин. И гарантия — ни один вампир больше не войдет в этот дом!

Даниэль Клугер **Ночь Преображения**

Пробуждение было мучительным.

Пробуждение всегда мучительно, ибо вырывает из одного состояния и вталкивает в другое. Разрушает тончайшую ткань мира сновидений и заставляет испытать почти физическую боль от вторжения в грубый мир реальности.

Пробуждение всегда мучительно.

Даже для человека.

Энеи Хьонгари не был человеком. Вернее сказать, когда-то, много веков назад, — был. Не просто человеком, но владетельным энси города Сатракк. Пока не встретил девушку удивительной красоты. С этого все началось.

С той самой ночи, когда Хьонгари, владетельный энси Сатракка, отрекся от всего — ради ее красоты.

И еще — ради бессмертия. Страшного бессмертия. В ту ночь ее поцелуй — единственный поцелуй — погрузил его в сон. Спустя полвека наступило пробуждение — первое. Энси Хьонгари (мысленно он продолжал называть себя так) ощутил особого рода жажду. Он бодрствовал тогда до тех пор, пока новый энси Сатракка не устроил на него настоящую облаву, будто на дикого зверя. Это случилось после двенадцати дней бодрствования, постоянной жажды и попыток ее утоления. Двенадцать дней — двенадцать девушек, в основном крестьянских дочерей из окрестностей Сатракка. Их кровь была восхитительна, их посмертные судороги — прекрасны.

Охотники нового энси загнали сиятельного Хьонгари в развалины его собственного замка, в подземелье. Здесь он уснул. Еще на пятьдесят лет.

Потом новое пробуждение. Новая череда встреч. Новая охота и новый сон.

И так продолжалось уже свыше пятисот лет. Пятсот лет — десять пробуждение. Вернее, девять.

Десятое наступило сегодня.

За долгий период он научился не поддаваться немедленному желанию инстинкта — скорее найти жертву, скорее утолить жажду, о нет! Теперь он научился обращать собственное нетерпение в источник наслаждения. Теперь он умел ждать, умел превращать собственную охоту (и охоту на него, которой заканчивалось каждое его возвращение в реальный мир) в изысканную игру.

Пора было начинать ее.

Энси Хьонгари легко сдвинул каменную крышку саркофага и ступил на первую ступень полуразвалившейся каменной лестницы, ведущей из подземелья к новой жизни.

Солнце клонилось к закату. Вернее сказать, к закату клонилось первое солнце, Арсис — желтый карлик спектрального класса G2. Через четыре часа после того, как он скроется за грядой Больших Западных гор, должен взойти маленький бело-голубой Споур. И тотчас привычный, почти земной пейзаж преобразится в фантастический.

— Говорят, день Споура угнетающе действует даже на местных жителей, — сказала Марина.

Эл не ответил. Его безукоризненный профиль четко вырисовывался на фоне кроваво-красного окна. Марина вздохнула. Конечно, Эл может считаться идеальным спутником. Но совершенство утомляет. Сейчас она бы предпочла, чтобы ее сопровождал кто-то другой.

— Через три часа будем у замка, — сообщил Эл. — Рекомендую поспать.

Марина молча кивнула, послушно закрыла глаза. Дорога оказалась утомительной, более утомительной, чем она ожидала. Местные экипажи, весьма напоминавшие старинные земные кареты, выглядели подлинным произведением искусства. Но любоваться этим произведением в музее — одно, а протрястись на жестких деревянных скамьях по бездорожью добрых полдня — совсем другое. Рессоры и пневматические шины местным каретникам были неизвестны. Марина чувствовала, что ее тело превратилось в сплошной кровоподтек. С завистью подумала она об Эле: все-таки в некоторых случаях лучше быть андроидом, а не человеком. Увы, кому что суждено.

Карету продолжало трясти. Марина в некотором раздражении вспомнила Михая Эминеску, резидента Земли в этих местах. Резидент категорически возражал против ее самостоятельной поездки, тем более — под видом местной жительницы. Услышав о ее намерениях, он едва не задохнулся от возмущения. Марину тогда позабавил его гнев — учитывая, что у чиновника не было реальных возможностей ей помешать.

— Сравнительная этнография! Боже, какая чушь... Кто вам позволил все это?

— Мой дядя, — ответила Марина несколько обиженно. — И потом, сравнительная этнография вовсе не чушь.

— Я не об этом... — пробормотал Эминеску.

— Кроме того, я вовсе не собираюсь путешествовать в одиночку. Эл! — позвала она. Андроид, безучастно стоявший у резной, покрытой позолотой двери кабинета, послушно сделал несколько шагов. — Вот мой спутник. В его обществе, думаю, мне нечего опасаться. Дядя считает точно так же. Вторично ввернув упоминание о дяде, Марина рассчитывала, что оно подействует. Дядя возглавлял спецотдел Управления планет, то бишь был непосредственным начальником Эминеску. Так и произошло. Резидент некоторое время молчал, а потом, с сомнением окинув взглядом стройную фигуру Эла, задержался на шпаге и пистолетах, пристегнутых к портупее.

— Под чьим именем вы собираетесь путешествовать? — хмуро поинтересовался он, явно сдаваясь.

— Мне понравилось имя Кая. Кая дель Кай.

Лицо резидента выразило крайнюю степень изумления.

— Постойте, — сказал он, — и это тоже вам посоветовал ваш дядя?

— Нет, разумеется. — Марина засмеялась. — Я выбрала сама. А в чем дело? Что вам не нравится? По-моему, очень красивое имя. И звучит почти по-земному, разве нет?

— Вы сошли с ума, — убежденно сказал Эминеску. — Вы знаете, кем была Кая дель Кай?

Кая дель Кай — так звали девушку, любовь к которой превратила блестящего правителя и прославленного воина в кровожадное чудовище. Кая дель Кай была дочерью мрака, проклятой душой, принужденной вновь и вновь возвращаться за жертвами из черного пламени Преисподней. Марина прочла множество этих легенд.

— Я уверена в том, что она отнюдь не вымысел. Так же, как в земных легендах о вампире Дракуле лежит подлинная история трансильванского князя Влада Цепеша, в

истории Каи дель Кай преломились подлинные события. Слишком много деталей, полностью соответствующих жизни тысячелетней давности...

— Пятисотлетней, — механически поправил резидент.

— Ну да, пятьсот лет здесь — то же, что тысяча на Земле... — Она взмахнула длинными локонами, завитыми по последней местной моде. — Послушайте, кому какое дело до моего псевдонима? В конце концов, я могу подписываться как угодно. Редактору потребовалось что-то экзотичное и привычное одновременно. Он предложил к моей первой статье в качестве подписи имя кого-нибудь из легендарных персонажей. А теперь я и сама привыкла... — Марина улыбнулась с некоторой долей раздраженности. — Как вы не понимаете? Ведь это удивительное явление, которое позволяет строить самые смелые гипотезы! Когда мы говорим о параллелях в фольклоре различных земных народов — это одно. Но сейчас уже накопился колоссальный материал, свидетельствующий о параллелях в мифологиях, возникших у обитателей разных планет! Например, о вампирах — кровососущих мертвецах — существуют легенды у всех народов Земли. Никто не предполагал, что этот персонаж присутствует и в фольклоре иных галактических рас, причем исключительно гуманоидных. Ничего подобного в преданиях негуманоидных существ не существует. На этом основана очень изящная теория, которой я сейчас и занимаюсь, — вот уже несколько лет...

Резидент явно слушал ее вполуха, и Марина обиженно замолчала. Эминэску побарабанил пальцами по крышке стола.

— По крайней мере, постарайтесь не потерять персонатор, — хмуро произнес он, сдаваясь. — Если случится что-то непредвиденное, я должен знать, куда высылать спасателей. Вы можете назвать конечную цель вашей... гм... экспедиции?

— Сатракк, — ответила девушка. — Город Сатракк. Я хочу успеть на праздник Преображения. Насколько мне удалось выяснить, во время этого праздника воссоздаются некоторые исторические эпизоды, бывшие источником легенд. — Она показала миниатюрную видеокамеру, встроенную в медальон.

Резидент выразительно пожал плечами и отвернулся.

— Делайте, что хотите, — угрюмо пробормотал он.

* * *

Добравшись до города, энси Хьонгари замер от неожиданности. Менее всего он ожидал увидеть праздничное гулянье. В прежние пробуждения Сатракк представлял перед ним мрачноватым захолустьем. Хьонгари неслышной тенью скользил по пустым улицам, заглядывал в окна. Притихшие в тревожном ожидании дома казались пустыми, и он знал: их тревога и их ожидания были порождены страхом.

Страхом перед его появлением. Бывший энси Сатракка наслаждался этим чувством, оно было тонкой приправой к главному блюду. Даже охота, которой всегда заканчивалось Преображение, не лишала Хьонгари ощущения почти безграничной власти над горожанами. В том числе и над теми, кто преследовал его. На самом деле преследователи смертельно боялись преследуемого. Он всего лишь великодушно позволял им сопровождать его, великого властелина, на почтительном расстоянии — до порога подземелья.

Теперь же все выглядело более чем странно. Фейерверки настоящими водопадами огней цвели над некогда принадлежавшим ему городом. Улицы были заполнены причудливо наряженными горожанами — поющими, смеющимися, то и дело пускающимися в пляс под звуки множества оркестров.

На него же никто не обращал внимания. Энси Хьонгари был поражен. Окончательно же вывело его из себя открытие, сделанное спустя какое-то время из обрывков подслушанных им разговоров. Оказывается, за последние пятьдесят лет, за пятьдесят лет последнего сна его историю превратили в повод для веселого праздника. Нынешний энси Сатракка из собственной казны щедро оплачивал ставшее традиционным гулянье.

А кульминацией торжеств, привлекавших море туристов, была имитация Погони — его встречи с красавицей Каей дель Кай. Как и в подлинной истории, все завершалось поцелуем на пороге замка — бывшего замка Хьонгари.

Открытие разозлило и в то же время рассмешило энси Хьонгари. Превратить его жизнь в пошлый спектакль! Хорошо же...

Почему бы ему не принять участие? Сыграть самого себя?

Он даже остановился на мгновение. Это была отличная мысль. Энси Хьонгари в роли энси Хьонгари.

И поцелуй — о, конечно же, девушка получит поцелуй... Хьонгари улыбнулся. Такой поворот событий показался не менее увлекательным и изящным, нежели прежний. Игра — это замечательно. Он ускорил шаги и смешался с толпой, спешившей на площадь у ратуши.

* * *

От воспоминаний о неприятном разговоре с резидентом Марину отвлек тот факт, что экипаж поехал ровнее, реже подпрыгивая на колдобинах. Девушка выглянула в окошко. Оказалось, они свернули на широкий тракт, довольно оживленный.

— Праздник уже начался, — с некоторым разочарованием сказала она.

— Похоже на то, — согласился Эл. — Но совсем недавно. Не более получаса назад.

Карета проехала под высокой, разукрашенной огнями и цветами аркой. На арке дугой выгибалась надпись, сделанная стилизованными под архаику буквами: «Добро пожаловать на Праздник Преображения!»

— Остановимся у гостиницы. — Марина указала на двухэтажное крепкое строение.

У высокого крыльца топтались несколько утомленных на вид лошадей, чуть поодаль стояли дорожные коляски — добрый десяток.

Прежде чем согласиться, Эл внимательно осмотрел окрестности. Напротив гостиницы располагалось трехэтажное здание с часами — городская ратуша. Он кивнул.

Выйдя из кареты, девушка с любопытством осмотрелась. Сатракк более всего походил на небольшой городок эпохи покорения американского Дикого Запада — с изрядной толикой южноевропейских черт.

Улицы, ведущие к ратуше, были запружены празднично одетыми людьми. Некоторые костюмы выглядели весьма причудливо и вызывающе старомодно. Те из гуляющих, кто нарядился таким образом, составляли особые группы. Кроме старинных платьев они носили еще и маски — частью страшные, частью смешные.

Звучала музыка — для земного слуха непривычная. Высокие женские голоса составляли томительный, несколько заунывный фон, на котором вели прерывающуюся сухую дробь ударные инструменты. Каждый из инструментов вел свою ритмическую линию; тем не менее музыка не превращалась в какофонию, сохраняя странную стройность.

Марина надела заранее приготовленную легкую пластиковую полумаску.

— Пойдем, — бросила она своему невозмутимому спутнику, — Только, пожалуйста, Эл, не надо вмешиваться каждую секунду. Я взрослая девочка, опека мне не нужна.

— Как угодно. — Эл послушно отстал на несколько шагов.

Через мгновение толпа разъединила их. Марина не беспокоилась, она знала: андроид ни на миг не выпустит ее из поля зрения. Девушка приблизилась к одной из маскарадных групп. Ее приняли, сунули в руку белый цветок на длинном изумрудном стебле.

Марина убедилась в том, что наряд был выбран правильно: в группе оказались еще две девушки в точно таких же, как у нее, платьях и таких же белых полумасках. Одновременно она удовлетворенно отметила, что украшения соперниц изяществом заметно уступали ее украшениям.

Внезапно музыка смолкла. Высокий мужчина в черном плаще, скрывавшем фигуру, и черной полумаске поднес к губам раструб и громко прокричал:

— Преображение близко! Танцуйте, веселитесь! Он скоро явится!

На этот раз заигравшая музыка была ритмичнее и громче. Марину подхватили чьи-то руки, она закружилась в общем стремительном танце. Музыка становилась все громче, количество огней, вспыхивавших на высоких столбах, рассыпающихся искрами, увеличилось настолько, что вся площадь перед гостиницей была буквально залита светом.

Танец становился все быстрее, мелькающие огни превратились в бешено вращающиеся круги. Девушка почувствовала, что ноги ее словно отрываются от земли, казалось, еще несколько секунд такого танца — и она взлетит в воздух, над головами орущих, поющих, хлопающих горожан.

Она оглянулась на Эла. Андроид возвышался над толпой пляшущих на добрые полголовы. Его спокойные глаза неотрывно следили за ней.

Музыка внезапно оборвалась. Руки партнера разжались, Марина едва не упала.

— Выбор сделан! — весело крикнул глашатай. — Погоня начинается!

Вновь загремела музыка, пары понеслись в новом танцевальном вихре — все, кроме трех избранных. Подчиняясь указаниям глашатая в черном, Марина нырнула в ближайший проулок. То же сделали и остальные девушки в нарядах Каи дель Кай. Парни, изображавшие энси Хьонгари, ринулись за ними. Девушкам надлежало уйти как можно дальше от развалин старого замка, причудливой громадой нависавшего над площадью. С противоположной стороны, на одной из окраин был сооружен специальный, украшенный цветами и лентами помост, где победительницу (или победительниц) наградят памятным подарком от энси Сатракка.

Парни же должны были поймать избранниц и унести их к воротам замка Хьонгари. В этом случае пленница удостоивала своего похитителя поцелуем — под одобрительные крики присутствующих.

Все это Марине было хорошо известно, так что теперь она могла участвовать в театрализованной погоне, одновременно фиксируя камерой все происходящее. Идея использовать в качестве мини-камер шестые пальцы (обитатели Сатракка были шестипалыми) вполне себя оправдала. Прочие детали маскировки — зеленоватый отлив кожи, разрез глаз — разумеется, не были функциональными.

Хохочущие зеваки мешали преследователям, одновременно подсказывая девушкам, куда прятаться.

Происходящее больше напоминало детскую игру в прятки. Марина быстро утомилась и разочаровалась. Ее партнер-преследователь оказался неуклюжим и не весьма сообразительным увальнем.

Укрывшись за углом одного из домов на окраине, девушка наблюдала, как он растерянно топчется в нескольких шагах от нее, тяжело переводя дух. Сжалившись над ним, она уже решила выйти — тем более подходило время отъезда, — как вдруг чья-то рука крепко взяла ее за плечо и чей-то голос шепнул:

— Не угодно ли госпоже укрыться в моем жилище?

Оглянувшись, она увидела высокого худого человека, одетого так же, как преследователь с площади. Разница была лишь в том, что незнакомец не надел маску. Не дожидаясь ответа немного растерявшейся девушки, он молча взял ее за руку и быстро повел за собой. Марина не сопротивлялась. Это приключение казалось ей более занимательным, чем предыдущая буффонада.

Она не заметила, что Сатракк с его огнями и праздничной музыкой остался далеко позади. Незнакомец остановился, когда они достигли развалин старого замка.

— Мы пришли, — сказал он и пристально посмотрел ей в глаза.

Марина попыталась улыбнуться. От взгляда немигающих глаз у нее закружилась голова.

— Как вас зовут? — спросил незнакомец. Он едва шевелил тонкими губами, почти незаметными на лишенном каких бы то ни было красок лице.

— Кая, — ответила она. — Кая дель Кай.

— Мы пришли, — повторил он. — Мой замок к вашим услугам, госпожа дель Кай.

Его рука была холодна как лед. Марина попыталась освободиться. С тем же успехом она могла бы вырываться из стальных наручников.

Теперь ей вдруг стало страшно. Девушка беспомощно оглянулась. Тотчас на ее безмолвный призыв из тени шагнула рослая фигура андроида. Энеи взглянул на неожиданно появившегося защитника. Его брови удивленно поднялись. Не отпуская Марины, он небрежно взмахнул свободной рукой.

Марина испуганно вскрикнула. Могучий андроид от этого отлетел в сторону, нелепо болтая ногами. Его голова оказалась повернутой к туловищу под неестественным углом. Он слабо двигал руками вверх вниз — видимо, при ударе вышли из строя серверы конечностей.

При этом выражение его лица не изменилось — спокойная улыбка, безмятежный взгляд.

Похоже, бывший энси Сатракка сам несколько смутился странным видом поверженного противника. Впрочем, от удивления он оправился быстро.

— Нам сюда, — сказал он и легко распахнул тяжелую дверь.

Призрачный свет, лившийся изнутри, показался Марине куда страшнее всего остального. Повинуясь повелительному движению руки энси, девушка поднялась по винтовой лестнице вверх. Здесь ей стал понятен источник пугающе-призрачного света: он шел из огромного — во всю стену — окна. Вместо стекол в рамы были вставлены небольшие призмы, искрившиеся и переливавшиеся всеми оттенками голубого. Она отступила к окну. Хозяин жилища остановился у входа.

— Странно, — произнес он, словно обращаясь к самому себе. — У вас необычные черты. Разрез глаз... Форма ушей... Вам кто-нибудь говорил, что ваш облик странен?.. — Энси улыбнулся. — Прошу меня простить, госпожа... госпожа Кая. Наверное, я произвожу впечатление невоспитанного и бесцеремонного мужлана. Большую часть времени я провожу в полном одиночестве. Так вы говорите, вас зовут Кая? И ваш спутник... Он показался мне весьма странным, весьма. Госпожа Кая дель Кай. Темная красавица. Любопытно. Я знал одну даму, носившую такое же имя. Правда, это было чрезвычайно давно, чрезвычайно...

Его голос оказывал гипнотическое воздействие. Марина чувствовала, что тело наливается мягкой тяжестью, что она не может более сделать ни одного движения.

Она опустила на ковер, устилавший пол, с трудом удерживаясь, чтобы не закрыть глаза.

Улыбка склонившегося над ней энси была ослепительна и одновременно устрашающа. Остатками уходящего сознания Марина успела заметить выдающиеся чуть вперед острые клыки. А через мгновение — самое страшное в ее жизни — эти клыки впились в ее шею, туда, где пульсировала сонная артерия.

Вслед за испугом Марина ощутила удивительную легкость. Ее глаза закрывались, ей хотелось спать. И сон, протянувший к ней воздушные руки, был приятен и сладок. Теперь ей хотелось продлить это ощущение, клыки неземного вампира, сжимавшие ее артерию, стали казаться ласковым, приятно возбуждающим прикосновением...

Какой-то частичкой уходящего сознания она понимала, что испытывает те самые чувства, которые предания приписывали укушенным кровососущими чудовищами. И это понимание было самым страшным в ее ощущениях. Марина не могла противостоять болезненно-сладкому томлению. И анализировать она вскоре тоже уже была не в состоянии — только с нарастающим восторгом чувствовать, как тело ее стремится к перерождению...

Внезапно все закончилось. Хватка вампира ослабла. Марина услышала неясное восклицание и звук падающего тела. И тотчас ощутила сильную ноющую боль в шее. Она провела рукой. Пальцы испачкались кровью.

У нее закружилась голова. Она снова села на кровать, глядя на распростертое у ее ног тело.

По неподвижным глазам Марина поняла, что вампир мертв. По-настоящему мертв. На лице его застыло выражение странной смеси чувств — сильнейшей боли и не менее сильного удивления. Впрочем, лицо вскоре разгладилось и не выражало никаких чувств — полное

равнодушие, столь характерное для лиц покойников, умерших тихо в кругу близких людей.

С трудом выбравшись наружу, Марина прислонилась к холодной шершавой стене. Только здесь сознание оставило ее. Прежде чем провалиться в черноту глубокого обморока, она заметила два неподвижных огня — зеленый и красный, — но не успела понять, что они принадлежат зависшему над замком спасательному вертолету.

* * *

— Метаболизм, — сказал доктор. — Все дело в метаболизме. Кровь земных людей неприемлема для организмов расканцев. Собственно, и у нас бывают проблемы медицинского характера, когда человеку с одной группой крови переливают другую... — Он задумался. — Не удивлюсь, если в истории наших земных вампиров тоже обнаружится случай гибели какого-нибудь Дракулы оттого, что у его жертвы резус-фактор был положительным, в то время как у него самого — отрицательный. Или, скажем, четвертая группа крови. А? Что скажете? — Он вопросительно посмотрел на Марину.

По лицу девушки блуждало отрешенное выражение. Не отрывая взгляда от бело-голубого заката Споура, она рассеянно улыбнулась. Видимо, ее губы пересохли, она провела по ним кончиком языка и спросила, по-прежнему глядя в окно:

— А у вас какая группа, доктор?

— Что? — Доктор немного растерялся.

Марина рассмеялась, отошла от окна, приблизилась к врачу почти вплотную.

— Вы спасли мне жизнь. — Ее голос звучал негромко и так проникновенно, что доктор вдруг почувствовал, что у него горят щеки.

— Ну... — Он откашлялся, — Ничего особенного, это...

Он не договорил. Девушка порывисто обняла его и прильнула губами к его губам.

Их поцелуй длился много дольше, чем того требовали обстоятельства.

Наталья Резанова Песнь крови

Qu' emissi fuy de fadatx

*Sobr' un pueg au.*³

Гильем Аквитанский, сеньор де Ланже

Они остановились на опушке.

— Не стоит идти дальше. Не хочу, чтобы нас увидели, — сказала старшая из женщин.

— Что за беда! — фыркнула юная девушка. — Мы так одеты, что стража примет нас за простолудинок.

В своей наивности она не догадывалась, что именно этого и следует опасаться.

Женщина, не сдвигая капюшон плаща, смотрела из-под руки на башни замка, висевшего перед ними. День был солнечный, но ветреный, тени башен, казалось, колыхались на траве.

— Когда-то вокруг росли деревья, — проговорила она, — на которых Людовик Одиннадцатый, Великий Паук, приказывал вешать тех, кто вызвал его гнев. А когда придворные жаловались, что в замке из-за этого невыносимая вонь, он отвечал: «Труп врага всегда пахнет хорошо».

— Ах, крестная, что за ужасы вы говорите! К тому же это было так давно. Теперь Плесси-ле-Тур славен совсем другим.

— Ах да, ты начала рассказывать про королевские праздники, а я отвлеклась. Годы,

³ Мой дар — от феи-крестной из ночного леса (прованс.).

дитя мое, берут свое.... Итак, это было летом тысяча пятьсот семьдесят седьмого года?

— Да, его величество праздновал победу монсиньора принца над гугенотами при Шарите□сюр□Луар. Ах, крестная, если б вы не были за границей, вы бы непременно услышали. Во Франции только и толков было, что об этом празднике. Всем кавалерам было приказано нарядиться в женские платья, а дамам в мужские, и все наряды были пошиты из наилучшего зеленого шелка...

— Но тебя, дорогая, там не было.

— Конечно, — с возмущением сказала девушка. — Я была тогда дитятею, да ни одна порядочная барышня и не могла показаться там. Представьте — они пировали в саду, а за столами прислуживали придворные дамы, обнаженные по пояс! А то и больше... И вот она, — голос девушки наполнился ядом, — была среди этих дам. Тогда□то ее и стали называть Дианой, потому что сьер де Брантом сказал, будто тело у нее не хуже, чем у мраморной статуи Дианы□охотницы работы мастера Гужона. Диана, подумать только! И она еще сумела убедить батюшку, будто до замужества с дядей Анри, а потом с бароном де Люс вела чистую, непорочную жизнь. Это она□то! Фрейлина «летучего отряда» королевы□матери! Даже я в своей глуши знаю, что это значит!

— Успокойся, дитя мое. Мы поговорим об этом позже. Значат ли твои слова, что празднества в честь победы над гугенотами превратились в настоящую оргию?

Девушка не ответила, не совсем уверенная в значении слова «оргия».

— А три года спустя, — продолжала крестная, — в этом же замке была подписана конвенция с голландцами, по которой монсиньор принц становился протектором свободы Нидерландов... Правителем протестантского государства. Об этом слышала я и за границей.

— Но принц еще не получил короны. Во Фландрии война.

— Между тем пред ним маячат три короны. Он наследник французского престола, ему обещана корона Фландрии, и он собирается жениться на королеве английской. И короны эти призрачны. Ибо король Генрих в добром здравии, во Фландрии испанцы и гёзы исправно режут друг друга, а с Англией... Но об этом также позже.

— Ах, крестная, вы говорите о вещах, непонятных простой девушке.

— Ты — не простая девушка, Одиль.

— Я знаю. Я — старшая дочь графа де Монсоро, главного королевского ловчего.

— Что еще важнее, ты — моя крестница. И я сделаю все, дабы ты заняла подобающее тебе место.

* * *

Теперь Одиль де Шомб, дочери графа де Монсоро, казалось, что она была счастлива ровно до того дня, как ее отец женился на Франсуазе де Люс, урожденной де Меридор, известной также под прозвищем Диана. Мачеха не только лишила ее отцовской любви, но делала все, дабы Одиль не получила доступа в светское общество, не бывала в гостях, на балах и приемах и не нашла достойной партии. Между тем Одиль и раньше вела уединенный образ жизни, не покидая замка, окруженного лесами. Просто раньше, по малолетству, она не задумывалась о светских развлечениях и тем более о замужестве.

Однако Одиль была не так уж неправа. Мачеха действительно прилагала все усилия, чтобы достояние главного ловчего перешло к ее детям. А приданое и достойная партия должны были достаться дочери графини — Одетте, тоже пока не покидавшей имения, но лишь по малолетству. Поэтому Одиль отселили из замка в лесной домик, дабы она как можно реже попадалась на глаза отцу. В ее распоряжении была лишь одна старая, почти глухая служанка, ей приходилось перешивать обноски, оставшиеся от прежних времен, а уж о приличной обуви нечего было и заикаться. Словом, не жизнь, а пытка.

Однако и в этой тьме забрезжил луч света. Одиль почти не помнила свою крестную, госпожу Сен□Этьен. После смерти мужа, бывшего старым другом Шарля де Монсоро, она уехала в Италию. Теперь, по возвращении, она разыскала крестницу. Одиль было очень

стыдно, что эта строгая сухощавая женщина обнаружила ее в столь неприглядном виде. Но, похоже, госпожа Сен-Этьен ничуть не была шокирована. Она была внимательна к Одиль, расспрашивала, что произошло за годы ее отсутствия. Но рассказы Одиль непременно сводились к жалобам на ненавистную мачеху. Так было и после возвращения с прогулки к замку Плесси-ле-Тур, который крестная почему-то непременно хотела увидеть. Большую часть пути они проехали верхом — у Одиль, разумеется, не было выезда, но у крестной имелись лошади, которые появлялись и исчезали по ее приказу, — должно быть, были очень хорошо обучены.

Когда они вернулись в маленький домик близ берега Луары, оказалось, что старой Жакмете нечего подать на стол, кроме вареной фасоли. Одиль вновь испытала жгучий стыд и принялась оправдываться:

— Это все она! О, если бы вы знали, крестная, какая это злая и порочная женщина! Ведь она и здесь не прекратила распутничать! Получилось так, что отец прознал про одного из ее любовников — тот в письме своему сюзерену похвастался, а тот письмо передал его величеству, своему брату, а тот переслал его отцу. Отец, как и подобает, убил соблазнителя... ну, не сам убил, людей послал... Такая бойня была, ужас! А ее решил убить сам... А она стала уверять, что этот Бюсси ее оклеветал, похвастался ради красного словца. И отец ее простил. Простил! После всего, что она сделала!

Но госпожа Сен-Этьен, казалось, выловила из сбивчивого рассказа лишь одно слово.

— Так сюзереном был принц.

— Да, монсеньор принц.

— Почему же он сам не сообщил о предательстве твоему отцу?

— А он в Англию тогда уехал... свататься к королеве. Все говорят, что они поженятся. А ведь она на двадцать лет старше его, совсем старуха...

Одиль осеклась. Ее слова могли не понравиться крестной. Впрочем, госпожу де Сен-Этьен трудно было назвать старухой. И молодой тоже. Одиль не смогла бы определить, сколько ей лет. Более того — она затруднялась сказать, какого цвета у крестной глаза и волосы. Они словно бы постоянно меняли оттенки. Возможно, так представлялось из-за того, что госпожа Сен-Этьен не любила яркого света и предпочитала держаться в тени.

— От всей души надеюсь, что этот брак не состоится, — сказала она.

— Вам не нравится наш господин принц, крестная?

— Напротив, я всегда питала наилучшие чувства к владельцам Анжу, даже к нынешним, пусть этот Анжуйский дом и не подлинный.

— Что значит «не подлинный»?

— Видишь ли, дитя мое, было три Анжуйских дома. Первый, истинный, впоследствии принявший прозвище Плантагенетов, владел всем этим прекрасным краем. Плантагенеты выстроили здесь первые замки — из них же главной твердыней был тогда Ланже. Благодаря им долина Луары стала называться садом Франции. Они стали королями Иерусалимскими и владыками Британии, но Анжу и Турень потеряли. Этот род пресекался.

Все услышанное было для Одиль внове, и она слушала с некоторым изумлением. Для нее история начиналась с Франциска I, при котором служил ее дед.

— Второй Анжуйский дом происходил от корня Капетингов, — продолжала госпожа Сен-Этьен. — Он владел Сицилией и Неаполитанским королевством. Но род утратил свои владения и также вымер.

Валуа, придя к власти, придали титул герцога Анжуйского наследнику престола. Они — не настоящий Анжуйский дом, но могут им стать. Король Генрих Валуа обречен не иметь детей, стало быть, следующим королем станет его младший брат. Но только в том случае, если он не женится на королеве Англии. Елизавета, может, и не прочь пофлиртовать с молодым принцем, но ее окружение, в первую очередь государственный секретарь Уолсингем, ненавидит его. Они готовы на любое преступление, дабы не допустить этого брака. Да если даже это было и не так... Нельзя, чтоб Анжуйский дом мешал свою кровь с кровью Тюдоров, этих валлийских выскочек, уничтоживших последнего законного короля из

рода Плантагенетов!

— Вы говорите так непонятно, крестная.

— О, если ты хочешь достичь чего-то, тебе предстоит многое узнать... и многое совершить. Или тебя устраивает та жизнь, которую ты ведешь?

— Нет! — Одиль в гневе топнула ногой и тут же пожалела об этом — следовало поберечь обувь. — Я наследница старинного графского рода и должна получить все, что причитается мне по праву.

— Это нетрудно сделать. Ты прекрасна собою, дитя мое. Стоит тебе появиться на одном из балов, которые устраивает принц, и все глаза будут устремлены на тебя.

— Но, крестная, как я могу показаться на балу? У меня нет ни кареты, ни лошадей, ни свиты. Да что там! Посмотрите, в какие обноски я одета! Если каким-то чудом я попаду во дворец, слуги принца вытолкают меня, как замарашку.

— Это все нетрудно исправить.

— Вы можете привести меня в Анжерский замок?

— Нет, дитя мое. Когда-то я бывала там и даже жила.... Но теперь дорога туда мне закрыта.

— Вы гугенотка, крестная?

— Что? Ах, это... Ни в коем случае. Это учение отняло у нас, пожалуй, больше достойных, чем преследования инквизиции... Нет, дитя, я не могу привести тебя во дворец, но ты можешь заполучить все сама, если проявишь достаточно смелости.

— Скажите мне, что нужно сделать.

— Сознаешь ли ты, в каком краю живешь? Долина Луары — сад Франции, но что питает сады?

— Не знаю.

— Вода. Без нее сад был бы пустыней. Этот край процветает благодаря Луаре и прочим рекам и источникам. Они для здешней земли — что кровь для тела. Люди знали это в древности и почитали источники вод, а также божеств-покровителей. Со временем мужчины забыли об этом, но женщины по-прежнему приходили на перекрестки, совершали ритуалы и приносили жертвы.

Сердце Одиль болезненно сжалось. Язычество... Лучше бы крестная оказалась гугеноткой.

— Известно, — продолжала госпожа Сен-Этьен, — что примерно полвека назад одна чужестранка, которая воспитывалась здесь и знала древний обычай, воззвала к Силам и попросила корону для себя и своих потомков.

— И получила?

— Дитя мое, имя «Анна Болейн» тебе ничего не говорит?

Одиль покачала головой. Ее занимало совсем другое.

— Значит, просить можно обо всем?

— Да. Но ты получишь именно то, о чем просишь. Анна Болейн просила короны, а не благополучия и долгой жизни.

— Но вы так и не сказали мне, что я должна сделать.

— Я расскажу тебе об этом, когда ты придешь ко мне.

— В ваше имение? Я там никогда не была.

— Ты отправишься туда в канун полнолуния. Я живу в лесу Веррер-ан-Форез.

Одиль не сразу представила себе, где это. Потом догадалась. Госпожа Сен-Этьен не зря носила такую фамилию; ее владения располагались возле городка того же имени. Там же находился и лес Веррер.

— Это же так далеко!

— Не многим дальше, чем Плесси-ле-Тур.

— Но туда я ходила с вами.

— Там я тоже буду с тобой. Не бойся, тебя встретят и проводят. Если же испугаешься испить из чистого источника, пепел и зола на всю жизнь станут твоим уделом.

Дочь ловчего, привыкшая жить в глуши, Одиль не боялась леса. Но все равно ей было страшно. Гражданские войны, терзавшие Францию, не миновали и благословенную долину. Однако во владениях главного ловчего никто бы не посмел тронуть его дочь, страшись сурового нрава графа. Но что будет, если она повстречается с солдатами, не важно чьими — короля, Лиги или гугенотов? Или просто с охотниками?

При всей своей наивности она знала, что будет. И никто не подтвердит, что Одиль знатного рода, и красота не будет ей защитой, наоборот... Лучше десять раз повстречать в лесу голодного волка.

Но ни волков, ни охотников не было, а вот подошвы у туфель окончательно отвалились. Идти в них было невозможно, оставаться на месте — тоже, и Одиль пришлось сбросить проклятую обувь. Ступив босыми ногами на палую листву, в которой, как змеи, таились острые сучья, Одиль едва не заплакала от боли и унижения. В какой-то миг она готова была повернуть назад. Но нет. Если она, дочь графа де Монсоро, пустилась в путь, то дойдет до цели. И сделает все, чтобы ей более никогда не пришлось брести по темному лесу в страхе и одиночестве, рана ноги в кровь.

Совсем стемнело, и Одиль не представляла, куда идет. Проклятие! Ведь ее должны были встретить! Она не допускала мысли, что крестная обманула ее. Неужели она заблудилась? Ей снова стало страшно, особенно когда с ветки ближайшего дерева сорвался ворон и закружился над ее головой.

Одиль замахала руками, но настырная птица не улетала. Более того, словно бы на зов, слетелись другие вороны. Черный вихрь закружился во тьме, и кружилась голова от испуга... до того мгновения, когда Одиль вспомнила удивительно обученных лошадей крестной. Что если она и птиц сумела также обучить? И, уверяя, что Одиль встретят, имела в виду вовсе не людей?

Карканье прекратилось, и луна выкатилась из-за туч. Одиль невольно подняла голову и увидела на фоне белого диска черные силуэты. Тоже птицы. Но не вороны. Дочь ловчего не могла не опознать лебедей. А черными они кажутся, потому что ночь.

Вороны и лебеди... как странно.... Может быть, это знак? Решившись, Одиль пошла в ту сторону, куда летели лебеди. Вороны устремились туда же, снова подняв грай, и в карканье их Одиль слышалось одобрение.

Путь не стал легче, но страх ушел, и Одиль продвигалась гораздо быстрее. Временами ей чудилось, что она летит над травой. Да, под ногами была трава. Одиль выбежала на поляну... и вновь остановилась. Перед ней были развалины замка. Даже в сумраке можно было разглядеть, что разрушили его отнюдь не недавние войны. Древние камни заросли мхом и лишайником, оплетены плющом, выщерблены дождями и ветром.

— Это замок Веррер-ан-Форе, — услышала Одиль знакомый голос. — Он был построен Ренфруа Анжуйским восемьсот лет назад. — Госпожа Сен-Этьен вышла из-за разрушенной стены. — Здесь я нашла себе приют.

— Так ваш дом...

— Нет, не здесь.... Но ты выдержала испытание, и тебе нет нужды оставаться у этих развалин. Я провожу тебя и научу, что делать.

И они пошли вместе, и Одиль казалось, что кто-то еще сопровождает их. Тени мелькали между деревьев, кто-то шуршал в траве. Куницы, лисы? Может быть, за деревьями и в самом деле волки? Почему-то Одиль уже ничуть не было страшно. Другое занимало ее.

— Куда мы идем?

— К источнику... Сегодня ночь полнолуния. Луна правит приливами и отливами, а значит, всеми водами на земле, так же как она правит кровью в теле женщины. Нынешняя ночь — ночь обновления вод. Да станет она ночью обновления крови!

Серебристая полоса воды высветилась в лунных лучах. И еще стоячий камень, на котором были выбиты какие-то странные знаки — не французский язык, не латынь, они даже на буквы не были похожи. На камне была чаша, темная, грубая, а в ней — нож с изогнутым лезвием.

— Ты должна войти в источник, — сказал крестная.

Одиль послушалась приказа. Исколотым ступням было даже приятно прикосновение холодной воды. И ей не было жалко старого, истрепанного платья, заполоскавшегося по течению.

— Кровь, — произнесла крестная. — Кровь должна обновляться постоянно, иначе сила, заключенная в ней, исчезнет. Даже боги порой приходят к смертным, дабы смешать свою кровь с человеческой. И только клятвы на крови имеют силу.

Держа одной рукой нож, она зачерпнула воды из источника. Затем протянула нож и чашу Одиль.

— Ты должна пролить свою кровь в чашу.

Прежде чем принять дары, Одиль расстегнула ветхое платье. Задумалась, но лишь о том, где рана не будет видна. И полоснула себя под левой грудью. Охнула от боли, но темная кровь закапала в чашу, замутняя прозрачную воду.

Одиль сделала большой глоток и не почувствовала вкуса.

— А теперь проси, чего ты хочешь.

«Новое платье, — готова была перечислить Одиль, — новые туфли, карету, слуг, дворец, досыта есть каждый день...»

Но вместо этого она осипшим голосом произнесла:

— Я хочу стать принцессой.

Внезапно голова закружилась еще сильнее, чем прежде, Одиль охватила страшная слабость, и она едва не выронила нож и чашу. Но крестная забрала их и выпила то, что в чаше оставалось.

— Кровь обновилась, — выкрикнула она, — Жертва принята!

И полоснула ножом по завязкам своего плаща. Тот упал и растворился в воде, как чернильное пятно. Под плащом на госпоже Сен-Этьен ничего не было. И тело ее поражало совершенной, нечеловеческой красотой. Кожа была столь бела, что луна, казалось, сияла ее отраженным светом. И волосы, рассыпавшиеся до коленей, змеились по ветру, меняя оттенки в призрачном свете.

Затем она зачерпнула воды в чашу и плеснула ее на Одиль. Холод пробрал девушку до костей, но в этом было некое наслаждение. Она чувствовала себя так, словно ей дали выпить лучшего вина с виноградников Анжу.

Крестная воздела руки — и хлопанье множества крыльев было ей ответом. Птицы-проводяты, доселе парившие в вышине, по спирали стали спускаться к источнику. Они носились вокруг, вздымая воздух и воду, лебеди и вороны, и голова от этого кружилась еще больше, и Одиль с трудом осознала, что лебеди не выглядят черными, они и в самом деле черные. А затем они устремились к женщинам, обхватывая, обнимая их распростертыми крыльями; вороны — к госпоже Сен-Этьен, лебеди — к Одиль. Сердце Одиль забилося так отчаянно, что она потеряла сознание — или ей померещилось, а когда пришла в себя, то обнаружила, что не упала, а вот птицы исчезли. Самое же главное — одета Одиль была не в прежние обноски, а в роскошное черное платье из лионского шелка. Волосы сами собой сложились в замысловатую прическу, увенчанную током с лебедиными перьями, шею охватывало ожерелье из черного жемчуга.

Госпожа Сен-Этьен, стоявшая напротив, была в платье из рытого бархата, тоже черном, расшитом рубинами и гранатами. Станным образом подолы платьев не намокали в воде, но все же Одиль поспешила выбраться из ручья на берег.

При виде этой поспешности крестная рассмеялась:

— Да, верно, нам нужно торопиться. Идем же!

Когда они вернулись на поляну, там дожидалась карета, роскошнее которой Одиль

никогда не видела (впрочем, видела она не так уж много), запряженная черными лоснящимися лошадьми. Ее охраняли шестеро вооруженных слуг — нелишняя предосторожность в нынешнее опасное время. На боку у толстого кучера висел тесак, а за поясом был пистоль.

— Садись, дитя мое. Эта карета отвезет тебя в Анжер, на бал, что нынче дает принц Франсуа.

Один из слуг, спешившись, приоткрыл дверцу кареты. Одиль приподняла подол, чтобы ступить на лесенку, и остановилась.

— Все пропало, крестная. Я не могу ехать на бал босиком.

— Об этом мои слуги тоже позаботились. — Крестная протянула Одиль пару крохотных туфельек.

— Какие легкие!

— Да, дитя. Твои ноги устали и изранены, потому я даю тебе туфли из меха и пуха. В них тебе будет покойно. Поезжай, но помни: чтоб осуществилось твое желание, дано тебе три ночи, пока полная луна стоит высоко в небе. Обновлением крови моя сила увеличилась, но все же она имеет пределы, поэтому с рассветом ты должна возвращаться. Только когда принц назовет тебе своей невестой, чары закрепятся. Ты поняла меня? А теперь езжай.

* * *

Он не был писаным красавцем, Эркюль□Франсуа де Валуа, герцог Анжуйский и Алансонский, граф Фландрский, наследник французского престола. То есть от рождения, возможно, и был. Говорили, что в детстве он был сущим ангелочком и много превосходил миловидностью старших братьев. Но безжалостная оспа изрядно повредила этой миловидности. И столь же безжалостно смеялись над его рябинами враги, хотя, честно говоря, из каждой дюжины французов вряд ли у половины лица были не обезображены оспой. Да что враги! Королева английская прозвала своего молодого поклонника Принц□лягушонок. Но это его ничуть не смущало. Узкоплечий, рыжий, рябой, принц Франсуа не пропускал ни одной юбки. Ему даже приписывали связь с родной сестрой, прелестной, но легкомысленной Маргаритой Наваррской. Впрочем, то же самое болтали о Марго и других ее братьях, в том числе нынешнем короле — до того, как тот стал категорически предпочитать мужчин. Говорили, что Франсуа не обошел вниманием ни одну фрейлину «летучего отряда» своей матушки. А королеве Елизавете в знак галантного внимания он подарил подвеску в форме лягушонка, выточенного из изумруда. Надо сказать, что дамы не оставались равнодушны в ответ — ведь поведение принца составляло столь приятный контраст с нынешними привычками его величества! А королева в качестве ответной любезности не только украсила портретом Франсуа свой молитвенник, но и приказала отрубить руку наглому писаке, посмевавшему выпустить против принца злобный памфлет.

Что же тогда говорить о провинциальных красавицах! Все они пытались заслужить благосклонность его высочества, когда он приезжал в свои владения, столь откровенно, что принцу Франсуа это уже несколько прискучило. Но когда в разгар бала в зале появилась никому не известная красавица, скука принца испарилась сама собой. Роскошный черный наряд гостьи как нельзя лучше оттенял белую кожу, темные волосы и зеленые глаза. Походка ее была необыкновенно легка, и принц приглашал ее на один танец за другим. На вопрос, кто она, красавица ответила лишь, что род ее не уступит знатностью никому из собравшихся во дворце. Возможно, она преувеличивала, но в том, что незнакомка принадлежит к знати, у принца не было сомнений. Но почему же тогда он не встречал ее раньше? Представительницы знатнейших родов Франции были известны ему наперечет. Может быть, иностранка?

Дамы взирали на счастливицу, танцевавшую с принцем, с ревностью и завистью. Но некая пара глаз следила за Франсуа и его избранницей с особым вниманием. Статная

белокурая дама прикрывала лицо маской — на балах это допускалось. Она не танцевала, хотя немало кавалеров старались пригласить ее, в особенности на высокую вольту. Этот танец славен тем, что кавалер крепко обнимает даму и кружит ее, подняв над полом. Блондинка в маске была несколько полнее, чем требовали каноны красоты, установленные Екатериной Медичи для своих фрейлин (как известно, та, чью талию нельзя было свободно обхватить двумя ладонями, безжалостно изгонялась из рядов «летучего отряда»), но кавалеров именно это обстоятельство и привлекало. Однако, встретив взгляд из-под маски, они неизменно отступали.

Когда под утро, утомленный танцами, Франсуа отошел, дабы освежиться вином, красавица исчезла так же неожиданно, как появилась. Принц послал разузнать о ней своего лютниста Орильи, который совмещал, помимо сугубо музыкальной, должности секретаря, сводника и главы шпионской службы, но тот не смог ничего сказать точно.

— Ее выезд и в самом деле свидетельствует о богатстве и знатности. Но вот герб на карете стражники не смогли описать... Что вы хотите, монсеньор, солдатня... Одни утверждают, что на гербе была крылатая змея, а другие — черный лебедь. Крылатая змея, помнится, была в гербе у Лузиньянов, а лебедь есть в гербах многих родов, Баварского например... Правда, там он белый... Возможно, кто-то из католических князей Германии пытается начать с вами свою игру...

Но принц пропустил мимо ушей последнюю часть фразы.

— Лузиньяны? Короли Кипра? Но ведь род пресекся сто лет назад?

— Кажется, потомки по женской линии еще здравствуют... Если монсеньору угодно, я наведу справки.

Принц рассеянно кивнул.

— Странно. Ведь Лузиньяны всегда считались южанами, но они изначально из здешних краев... В родстве с первым Анжуйским домом, Плантагенетами, сьерами де Ланже... Кстати, — его мысли сделали скачок, — какое отношение к ним имеет Юбер Ланже, которого присылает к нам Вильгельм Оранский?

— Насколько мне известно, никакого. Он низкого происхождения, но имеет большое влияние среди гугенотов.

— Порученец Вильгельма Молчаливого, как же...

— И наставник Филипа Сидни, одного из вождей английских протестантов...

— ...а также зятя Уолсингема. Они оба беспрестанно настраивают против меня Елизавету. Если Ланже как-то сумеет повлиять на Сидни и Уолсингема, разъяснив им, что я — опора их единоверцев во Фландрии, возможно, вопрос о женитьбе сдвинется с мертвой точки...

Погрузившись в пучину политики, принц забыл о неизвестной красавице. А вот она о нем не забыла.

* * *

— Он мне не нравится. У него руки холодные. — Одиль фыркнула. — Принц-лягушонок!

Девушка не помнила, как оказалась дома. Должно быть, задремала в карете. А когда проснулась, то была в собственной постели, Жакмета возилась у очага. Крестная сидела в кресле, как прежде, кутаясь в плащ. Наряд из черного шелка исчез, лишь меховые туфельки стояли у постели.

Уже давно наступил день, но окна были прикрыты ставнями, и в доме царил полумрак.

— Ты хотела быть принцессой, значит, тебе нужно выйти замуж за принца. Франсуа Анжуйский — единственный принц крови во Франции, и он не женат. А что руки холодные, что поделать — у нынешних Валуа разжижена кровь. Ведь они изначально были слабой ветвью рода. Так же, как урбинские Медичи. Если бы королева Екатерина принадлежала к ветви нынешних герцогов Тосканских, потомков Большого Сатаны, это могло бы спасти ее

детей. Но смешение двух слабых ветвей губительно...

— Сатаны? — с тревогой спросила Одиль.

— Успокойся, дитя, это всего лишь прозвище Джованни деи Медичи, храбрейшего полководца. Если б он не погиб молодым, судьба Италии, а то и всей Европы могла быть иной. В его жилах текла сильная кровь, кровь матери, Тигрицы Романьи. Младшие Медичи, его потомки, стали Великими герцогами...

Одиль подивилась, что крестная с таким знанием говорит об истории чужой страны, но потом вспомнила, что госпожа Сен-Этьен долгое время прожила в Италии.

— Крестная, зачем вы уезжали? — неожиданно для себя спросила она.

— Я искала... Говорили, будто в Аквиле живут потомки первого Анжуйского дома. Но — увы — это оказалось лишь легендой. И мои надежды создать новый Анжуйский дом связаны лишь с тобой, Одиль. Подумай, разве это не великое предназначение? А что до прочего... Ты ведь помнишь сказку о принце-лягушонке?

— Конечно помню... — Одиль хотела сказать, что это всего лишь сказка, но осеклась. После того, что произошло вчера, говорить такое было по меньшей мере глупо.

— Вот видишь. Быть может, твоя любовь сможет превратить лягушонка в прекрасного принца.

Из-за ставен они не услышали приближавшегося цокота копыт и не увидели всадника. Когда в дверь забарабанили, Одиль сжалась под одеялом. Но после того как Жакмета открыла дверь и на пороге показался крепкий мужчина с лицом, изрезанным морщинами, и копной седых волос, она обрадовалась. Тому, что исчезло чудесное платье. Теперь он не сможет донести той, кто его послал. На всякий случай Одиль приспустила с постели край одеяла, чтоб закрыть туфли.

— Госпожа графиня послала меня осведомиться о здоровье мадемуазель.

Жакмета прокакала что-то в ответ насчет того, что мадемуазель лежит в постели и негоже мужчине входить в дом.

— Все равно я должен ее видеть.

Жакмета растопырила руки, чтоб перегородить дорогу, но вошедший решительно оттолкнул ее.

— Я здесь, Граншан, — слабым голосом отозвалась Одиль. — Я больна и не встаю с постели.

— Вот как? — Вошедший прищурился, словно пытался разглядеть, не подменили ли девушку. Затем его взгляд перебежал на госпожу Сен-Этьен. — А это еще кто?

— А вы кто, сударь, осмелюсь спросить?

— Это Граншан, дворецкий моей мачехи, — вместо него ответила Одиль.

— Я, сударь, бедная странница, собирала в лесу целебные травы. Эта добрая старушка позвала меня на помощь, когда ее госпожу поразила лихорадка. И я вторые сутки не отхожу от нее ни днем ни ночью.

— Стало быть, вторые сутки лежит... Что ж, моя милостивая госпожа выражает заботу о здоровье и пропитании своей подопечной. — Он извлек из-под плаща небольшой полотняный мешок, бросил его на пол и вышел.

Жакмета, кряхтя, подняла мешок, водрузила на стол и развязала. Одиль, приподнявшись в постели, глянула ей через плечо.

— Горох! — с отвращением произнесла она. — Этим она меня и кормит — горох, фасоль... Ее свиньи едят лучше, чем я.

— Ничего, дитя, тебе больше не придется есть эту грубую пищу.

— Но... по правде говоря, я совсем не голодна. — Удивительно — прошли почти сутки с тех пор, как Одиль ела в последний раз.

Крестная как будто угадала ее мысли.

— Так и должно быть. Это вновь обретенная тобой сила поддерживает тебя. Поднимайся, скоро вечер, и тебе снова пора ехать в Анжерский замок. Но можешь ли ты показаться в одном и том же платье? Нам следует придумать что-то новое.

Одиль села, подняла туфельки с пола.

— Крестная, если я буду идти через лес, они совсем износятся. И этот белый мех запачкается.

— Нет, ты уже прошла испытание, сегодня я буду с тобой, и тебе не придется сбивать ноги. А платье... Я придумала! Этот гадкий горох найдет себе применение. Прошлой ночью мы призывали моих птиц, но есть и другие, которых можно просто приманить. На балу на тебе будет новый наряд, переливчатый, как голубиная грудь!

* * *

— Он уже предложил тебе руку и сердце, дитя мое?

— Нет. Он только спрашивал, увидимся ли мы завтра... то есть уже сегодня.

— Странно. Раньше такие вещи делались быстрее. О чем же вы говорили?

— О разных вещах. О том, что он предполагал, будто я из Испании, ибо при испанском дворе принят черный цвет. Но теперь он так не думает. Спрашивал, не принадлежу ли я к одному из германских княжеских родов. Это его кровно затрагивает. Ведь Франсуа не только герцог Анжуйский и Туреньский и граф Фландрский, он еще маркиз Священной Римской империи Германской нации и герцог Люксембургский...

— Вот как? Зигфрид тоже был герцогом Люксембургским.

— Какой Зигфрид?

— Он правил через двести лет после Ренфруа и за двести лет до Фулька... Впрочем, я перебила тебя.

— Он спрашивал, буду ли я на вечерней службе в Анжерском соборе. Он то намерен там быть. Ведь враги вечно попрекают его тем, что он ради фламандской либо английской короны готов отречься от истинной веры. Потому принц вынужден поддерживать свою репутацию доброго католика. А потом приглашал меня в свои покои, говорил о каком-то кубке...

Госпожа де Сен-Этьен расхохоталась, запрокинув голову. Ибо поэты посвятили немало строк (пр процитировать кои не представляется здесь возможным) знаменитому кубку принца, на котором были изображены всевозможные любовные утехы людей, богов и животных, запечатленных в самых замысловатых позах. Дамы и девицы, получившие приглашение посмотреть на кубок, хорошо знали, что их ожидает.

— Я должна отказаться? — с трепетом спросила Одиль.

— Ни в коем случае. Сегодня последняя ночь, когда луна пребывает в полной силе, дальше она начнет убывать. Кубок — это хорошо, это правильно, он годится для обряда точно так же, как чаша на каменном алтаре.

— Мне что же, придется дать ему приворотное зелье?

— Зелье — это для слабых, не для таких, как мы. Достаточно будет воды того источника.

— Но как же я смогу пронести туда воду? Сначала я должна быть в соборе, а потом — на балу.

— Об этом позабочусь я. Сегодня я надеюсь увеличить свою силу. В собор мне, правда, все равно дорога закрыта, но во дворец я смогу проникнуть. А платье, — предвосхитила она очередной вопрос Одиль, — будет ярко-алым.

— Но, крестная, во Франции этот цвет присвоен только принцессам крови.

— Крови! — Госпожа Сен-Этьен вновь рассмеялась. — Именно так. Принцессой крови предстанешь ты нынче — только это будет моя кровь. Идем, нам нужно повторить обряд у источника. Но сегодня в чашу прольется моя кровь, не твоя. Она окрасит наряд принцессы лучше всякого пурпура.

* * *

Во Франции принцу приходилось доказывать, что он добрый католик, во Фландрии и Англии — что католическую веру он не ставит ни во что и ради пользы дела готов поступиться ею. В результате ему не доверяли ни католики, ни протестанты. И, пожалуй, не без оснований. В глубине души принц не имел никаких убеждений. Вообще — это очень удобно. Но иногда утомительно. Ибо во время церковных служб, будучи не в состоянии предаться молитвенному экстазу, как его старший брат, Франсуа скучал. И когда неизвестная красавица, явившаяся на вечернюю мессу, выразила восхищение красотами собора, он был рад отвлечься.

— О да, в моем городе Анжере есть на что посмотреть. Хоть этот собор весьма стар и выстроен во времена, что получили имя от варваров — готы, витражи в нем очень красивы. Им пятьсот лет, представьте себе. Теперь уж не делают таких.

— Они прекрасны, — отвечала зеленоглазая красавица. — Хотя, может быть, это игра света, мне кажется, вот то окно, слева, как будто отличается от других.

— Вы заметили? С этим окном связана прелюбопытнейшая сказка... Если вас развлечет это дурачество...

— Рада буду услышать от вас любую историю.

— Это было во времена Крестовых походов. Тогда один из графов, владевших этой долиной...

— Из первого Анжуйского дома?

— Верно. Имя его было Фульк, а который — не помню. Они чуть не все тогда брали это имя — Сокол.

Фульк Черный, Фульк Рыжий, Фульк Серый Плащ... Вечно я в этих Анжуйских Соколах путаюсь. И этот Фульк привез себе из Святой земли жену. Имя ее было Мелисанда, она была дочерью короля Иерусалимского. Говорят, по красоте не было ей равных в мире. И вообще не было у нее недостатков, кроме одного: она никогда не ходила к мессе. Когда после рождения третьего ребенка люди стали об этом судачить, муж все-таки принудил ее появиться в соборе. И когда священник призвал паству отречься от нечистого, графиня обратилась в крылатое чудовище и с ужасающим криком вылетела в окно, выбив стекло... Потому что Мелисанда была на самом деле дочерью Сатаны, а каким образом она сумела подменить подлинную принцессу или принять ее облик — никто не знает. А витраж пришлось, разумеется, заменить. Но вот что, сударыня, мне только что пришло в голову. Ведь потомки Плантагенетов от этого брака стали королями Англии. Неужели мне предстоит вступить в столь нечестивый союз?

— Храни вас от этого Господь, милый принц. К тому же Тюдоры не в родстве с Плантагенетами. Я это знаю точно.

— Вы слишком серьезно отнеслись к услышанному, дорогая. Это всего лишь глупая сказка темных времен. Правда, в Анжере почему-то все в нее верят. А, вот и месса окончилась. Надеюсь, сегодня вы не лишите меня своего общества столь внезапно?

— Что вы, милый принц. Если вы не против, сегодня я вновь буду вашей гостьей.

— Как я могу быть против? И вы откроете мне свое имя? Обещаю сохранить его в тайне.

— Да будет так, мой принц. Нынче ночью все откроется.

Она была исключительно хороша собой — и платье карминного цвета, присвоенного особам самого высокого ранга, красило ее еще больше. Рыжая Бесс тоже любила носить красное, и оно, надобно признаться, весьма ей к лицу, несмотря на возраст... Но сегодня принцу не хотелось думать о своей венценосной невесте. К тому же формальной помолвки ведь не было, да и будет ли? А зеленоглазая красавица... Если выяснится, что она и в самом деле представляет один из княжеских домов Германии — почему бы и нет? У императора Рудольфа нет детей, законных по крайней мере, здоровьем он не крепок, стало быть, через несколько лет германским князьям вновь придется избирать императора. Франсуа входит в число этих князей, пока чисто формально, но, если закрепиться в Германии как следует, можно вытянуть из политической колоды карту посильнее, чем Англия и, уж конечно,

раздираемая войной Фландрия. Не исключено, что электоры сами приглашают его вступить в игру. И приглашение это приятно во всех отношениях.

* * *

Теперь Одиль надеялась, что она уже освоилась во дворце. Ни скопление людей, взиравших на нее восхищенно или враждебно, ни пронзительная музыка, ни блеск свечей и факелов — ничто уже не смущало ее. Но она понимала, что испытания не закончены. Необходимо окончательно подчинить принца своей воле. А это возможно только с помощью крестной.

Она будет сегодня здесь. Но когда она появится? И как Одиль ее узнает?

Когда секретарь сообщил принцу, что некий мэтр Ланже сегодня же отбывает, Франсуа оставил спутницу, клятвенно заверив ее, что скоро вернется. (Он практически не лукавил. Ибо почти принял решение. Пусть провалятся к дьяволу Вильгельм Оранский и его порученец заодно.)

Одиль отошла к окну. Она была даже рада передышке и хотела обдумать дальнейшие действия. Но не успела. Кто-то тронул ее за руку. Одиль резко обернулась, и ей показалось, что она видит собственное отражение — черноволосую даму в багряном платье. Та протягивала Одиль хрустальный бокал.

— Крестная?

— Да, дитя. Ступай. Никто не заметит твоего отсутствия, я подменю тебя. Мой слуга проводит тебя до покоев принца. Вот вода из источника Люсен, выльешь ее в кубок, стоящий на столе. Когда придет принц, делай все, что он от тебя потребует. Не бойся утраты девства, это необходимо для достижения нашей цели. Когда это произойдет, обновление крови завершится. Я стану тобой, а ты мной.

— Вы... употребите какие-то чары, крестная?

— Да. Чары уже действуют. Ступай же, время не терпит.

И Одиль, взяв бокал, поспешила за провожатым — маленьким усадым человечком в ливрее цвета Анжуйского дома.

— Пусть уходит, — услышала госпожа Сен-Этьен незнакомый голос. — Несчастливая идиотка, она думала, что я ни о чем не догадаюсь!

Перед крестной стояла статная белокурая женщина в траурном лиловом платье. Она сняла маску, открыв лицо, бледное, с необычайно тонкой кожей — казалось, можно было видеть, как под ней переливается кровь. Глаза ее сверкали, словно черная яшма.

— Да, — после краткого молчания произнесла крестная. — Ты можешь видеть. На тебе печать.

— Я была избрана главой ковена долины Луары. И узнаю суккуба и вампира там, где их встречу.

Огни и музыка бала как бы отделились на недостижимое расстояние. Тьма сгустилась вокруг двух женщин. Только диск луны сиял в черном окне.

— Ты приносила жертвы на перекрестках и потому получила прозвище Ди-Ана, в честь Трехликой.

— Это так. И я узнала тебя, Мелисанда.

— Среди множества имен, что я носила, есть и это. Но те, кто учил тебя, — лишь ученицы моих учениц. Я уходила надолго, но я вернулась. И обычная ведьма не может бороться с Мер-Люс, дочерью Гилли Сидхеона и Пресайн из Туата Де Даннан. Мои звери и птицы сметут тебя в мгновение ока.

— Ведьма не может, — согласилась графиня. — Я сказала тебе, что была избрана главой ковена, но разве я утверждала, что ею осталась? В Святой католической Лиге мне разъяснили всю греховность моей прежней жизни и дали возможность ее искупить. Не только постом и ношением власяницы. — Она резко выбросила руку вперед, приложив ко лбу противницы то, что сжимала ранее в ладони. Крест, освященный самим папой, с

сильнейшими реликвиями из хранилищ Ватикана, вправленными в его концы. — Изыди, Мелисанда, от лица Франсуазы де Монсоро, тайной сестры ордена госпитальерок!

И тьма пала на них обеих, тьма, в которой раздался звон разбиваемого стекла, а затем пронзительный вопль. Те, кто смотрел на луну в полночный час, могли бы разглядеть силуэт на ее диске, но вряд ли сумели бы определить, чей это силуэт — черного лебедя или крылатой змеи.

А когда тьма рассеялась, гости принца сбежались полюбопытствовать, что произошло, и сам принц, расставшись с докучливым посетителем, также подошел к разбитому окну.

— Что случилось?

— Не стоит беспокоиться, — сказала графиня. — Сильный порыв ветра разбил стекло. Должно быть, близится гроза.

— Да, гроза... — Принц приложил руку к виску. Он помнил, что собирался с кем-то встретиться... с женщиной... может быть, с этой блондинкой?

— Сударыня, — сказал он, — я поражен в самое сердце. Но сдается мне, я вас уже видел.

— Возможно, — улыбаясь, сказала она.

— При дворе?

— Поищите хорошенько в своих воспоминаниях.

— Во Франции, в Наварре, во Фландрии?

— Может быть, вы видели меня во сне?

— Да, сударыня, такие ангельские лица, как ваше, встречаются только в сновидениях.

— А теперь дайте мне руку, и продолжим нашу беседу за танцем... А потом, может быть, где-нибудь еще.

И бал продолжался, и одни слуги спешили смести с паркета осколки стекла, а другие выгоняли из спальни принца невесть как затесавшуюся туда оборванку со включенными патлами. Она рыдала, прижимая к груди грубую глиняную плошку, и лепетала что-то насчет своего высокого происхождения. Но ей, разумеется, не поверили и спустили с лестницы, да так резко, что она оставила на ступеньке стоптанную меховую туфлю.

Эпилог

19 июня 1584 г. принц Франсуа Анжуйский скоропостижно скончался. По официальной версии — от малярии. Однако ходили слухи, будто ему поднесла отравленный персик графиня де Монсоро.

Лорда Фрэнсиса Уолсингема, главу «Интеллидженс сервис», никогда не подозревали в причастности к данному событию.

В любом случае это стало концом династии Валуа. Бездетный Генрих III завещал престол Генриху Наваррскому, который установил гражданский мир и поддержал политический союз с Англией.

Достоверно известно, что графиня де Монсоро дожила до преклонных лет, в полном согласии с супругом, окруженная многочисленным потомством.

Что касается Одиль, то, говорят, она стала одной из фавориток Генриха IV и получила титул принцессы. Но у веселого короля Анри было так много любовниц, что проверить, верно ли это, невозможно.

Юрий Гаврюченков Упырь

Если бы не тяжелые финансовые обстоятельства, последовавшие за развалом фирмы, я бы никогда не оказался в этой деревне, в грязном, тесном домишке с безнадёжным названием «изба». Пищей мне служат картошка и вермишель, а чтением — толстенная

черная Библия, врученная на вокзале свидетелем Иеговы. Другого имущества, кроме гардероба, от прошлой жизни у меня не осталось, а посуду и кухонную утварь я купил вместе с домом. Приходится жить здесь, деваться некуда, и теперь я медленно становлюсь крестьянином.

Поселение, где я обреченно вложил средства в недвижимость, относится к разряду переживших пик расцвета лет сто назад и ныне естественным образом угасающих. Тому есть памятные свидетельства. У реки, за околицей, изъязвленным перстом царской эпохи тычет в небо колокольня сгоревшей церкви. Красный кирпич и вымытые дождями остатки побелки придают ей отвратительное сходство с больной плотью, отчего церковь кажется живой. Ее осквернили и сожгли приехавшие на уборку урожая пэтэушники. Говорят, раскаленные купола две ночи светились во тьме, пока не рухнули прогоревшие железные балки. Случилось это в шестьдесят девятом году, а в семидесятом появился Петр Кузыка.

Этого нелюдимого старика я успел застать, при мне он и окончил дни жизни своей. Лет тридцать назад пришелец с диковинной румынской фамилией был злым и энергичным мужчиной, и председатель совхоза сразу назначил его бригадиром. Кузыка отстроился на окраине деревни, женился, и через год жена родила ему сына. Василий Кузыка характером удался в мать. Говорят, добрая была женщина, смиренная, она умерла задолго до моего переезда. Василий вырос тихим. Учился он в школе-интернате, отслужил в армии, однако в город не подался, а возвратился к родителям. Было ему двадцать семь, когда он женился. Два года светились в потемках души молодой невестки накаленные яростью купола ее терпения, пока железные балки нервов, подточенные огнем зловредности престарелого свекра, не рухнули. При каких обстоятельствах испустил дух Петр Кузыка, никому не ведомо. Приехавший из райцентра врач засвидетельствовал смерть от инфаркта. Старика похоронили на заброшенном кладбище у оскверненной церкви, где не погребали уже давно. Так меж покосившихся заржавевших оград, покрытых мхом и серым лишайником надгробий, возник свежий холмик с пахнущим смолою временным деревянным крестом. Поминки были смурными. Даже водка не веселила мужиков. Никто не любил Кузыку, и, кажется, со смертью старика надо всей деревней нависла туча неуверенности и боязни.

Месяца примерно полтора прошло со дня смерти Петра Кузыки. Мы справили по нем поминки на девять дней и на сорок. Василий оказался совестливым сыном. Он чтит память отца. Или, как будто заранее зная, ждал и опасался чего-то... Сейчас можно многое напридумывать, все будет соответствовать правде. Хотя кто будет читать записки коммерсанта, которого в свое время «окучили» бандиты и теперь он сам вынужден окучивать картошку на скудной почве Нечерноземья средней полосы России? Меня больше нет в сети Интернет, я ношу ватник и кирзовые сапоги, а кожаное пальто надеваю только зимой. Тогда ватник не продувает холодным злым ветром. Я пал очень низко. Мой скорбный пример может служить наукой другим желающим вкусить сомнительную сладость предпринимательского хлеба. А то, что я здесь наблюдаю и участником чего невольно стал сам, является в определенном смысле расплатой за непростительную беспечность, проявленную мной в лучшие дни.

Казалось бы, что может нарушить пасторальную скуку маленького села? Ни пожара, ни прочих бед. Главный скандалист — Петр Кузыка умер и не ругался больше ни с кем. Только жаворонки пели над могилой мерзкого старика. Но жарким летом високосного года смерти суждено было собрать обильную жатву. Нежданно-негаданно умер Иван Хомутов, здоровый мужик тридцати восьми лет. Тихо усоп. Жена его повторяла, что спать легли они вместе, а проснулась она одна. Иван был уже холодный. Должно быть, всю ночь на подушке рядом с ее головой лежала голова мертвого мужа, и бедная женщина, не подозревая, привычно обнимала рукою его коченеющую грудь.

Мы и поминок справить не успели, как почил старик Михайлов. Буквально угас, истаял, как свеча, всего недели за две. Кладбище под стенами оскверненной церкви запестрело свежими могилами. Следом скончалась тетка Наталья. Прямо на огороде. Ткнулась лицом в грядку, райцентровский врач сказал — острая сердечная недостаточность.

Скорбь накрыла деревню своей серой пеленой. В большом городе люди мрут куда чаще, но здесь напасть ощущается острее, все на виду. И одна смерть — событие, а тут сразу четыре! Горести обошли меня стороной. Я не жил десятилетиями рядом с этими людьми и не был, как многие из них, никому родней, пусть даже дальней. Однако я заметил то, чему никто не придавал значения: умирали соседи Кузыки, чьи дома стояли на краю деревни, у леса, будто коса смерти опустошающим взмахом — против часовой стрелки — выкосила жильцов трех ближайших участков. Пора было всерьез задуматься над причиной, как вдруг пастух Гена огорошил нас вестью, что видел Петра Кузыку.

Заночевав со стадом на дальнем выгоне, Гена перед рассветом откочевал к деревне. Овцы шли тихо, и он обогнал их. На опушке Гена заметил странную фигуру, бредущую от дома Кузыки в сторону церкви. У пастуха был острый глаз, и он отчетливо разглядел старого Кузыку, удаляющегося на кладбище. Гене никто не верил. Решили, что спьяну померещилось. Я самым внимательным образом выслушал его сбивчивый рассказ и спросил, крещеный ли он. Пастух закивал и показал серебряный крестик на грязном капроновом шнурке. По его словам, водки он не видел уже неделю. Я купил у него парной баранины и спровадил суеверного пастуха к совхозному стаду. А потом я пошел к Хомутовой.

Она старалась не показывать, что ей неприятны мои странные расспросы. Тем более что она и не знала ничего. Нет, Иван на сердце не жаловался. Недомогание? Да, появилась слабость дня за три до кончины... О Петре Кузыке не вспоминал? Нет!

От нее я направился к братьям Михайловым, недавно схоронившим отца. Там на меня поглядели неприветливо, поговорили коротко и сурово. Женатые братаны обитали в домах по соседству, так что беседа состоялась в большом семейном кругу. Суть ее можно свести к простому резюме: «А кому какое дело?» Рассказу глупого пастуха мне настоятельно порекомендовали не доверять. Спорить я не стал — Игнат и Валера были ребята крепкие. К родне Натальи Филатовой я заглядывать не стал.

Результат моих визитов последовал быстро и оказался совершенно не таким, как я предполагал. Я копался в огороде, пропалывал огурцы, когда со стороны леса быстрым шагом подошла к моему забору Валентина, супруга Василия Кузыки.

— Ты чего народ мутишь? — вместо приветствия спросила она.

Я счел нужным промолчать.

— Ходишь, вынохиваешь, — запальчиво продолжила Валентина. — Городская дурь из тебя не вышла, вот что. Будоражишь людей почему зря. Все тебе неймется. Из города выгнали, мало тебе? Нос суешь... Генки наслушался, и теперь баламутите на пару. Хватит. О себе подумай лучше.

— А что о себе? — спросил я.

— А ничего. Не простудись смотри. А то зачухнешь да помрешь! — Валентина рассмеялась, оскалившись, и вдруг, резво отпрянув от забора, пошла назад нервной, припрыгивающей походкой.

Разумеется, после такой беседы ни о какой прополке и речи быть не могло. Я занялся плотницкими работами. Забил гвоздями окна и вставил вторые рамы. Укрепил входную и внутреннюю двери. Смазал на них задвижки, а для внутренней вытесал крепкий засов. Успел до темноты. Ночь я встретил за чтением Ветхого Завета. Нет более душеспасительного занятия для одинокого мужчины в сельской глуши, где двигатель внутреннего сгорания и телевизор плотно соседствуют с древними суевериями, о которых не рекомендуется говорить вслух, потому что иногда они воплощаются. Под рукой был топор. Я с трудом разбирал мелкий шрифт карманной Библии, когда почувствовал, что на меня смотрят. Я поднял голову. В окне, еле видимое, белело страшное лицо мертвого Петра Кузыки, на него падал отсвет настольной лампы. Он поднял руку. Костяшками пальцев настойчиво побарабанил по стеклу. Требовал, чтобы его впустили. Я покачал головой. Наши взгляды встретились.

Однажды мне довелось видеть глаза трупа, это был мой компаньон, его застрелили. Но глаза Кузыки вовсе не были мертвыми. Они были застывшими, не влажными, но сухими глазами трупа, блестящими, словно хорошо отполированный камень, и глядели сквозь меня,

однако в них не было пустоты. Они выражали мысль! Существо, стоявшее по ту сторону окна, думало, чувствовало, хотя и не жило. Оно даже двигалось и, вероятно, было способно на осмысленные действия. И оно хотело общаться со мной.

— Я тебя не впускаю. Уходи! — приказал я.

Старик как-то странно помотал головой. Из рта его вырвалось невнятное мычание.

Я вдруг подумал, что мертвецу ничего не стоит сильным ударом проломить хрупкие двойные стекла и вторгнуться в мой дом, но именно этого он почему-то не мог. Ему требовалось мое разрешение. Осознание этого нахлынуло на меня освежающей волной, я глянул вниз и увидел, что вместо топора моя рука лежит на Библии, подаренной на вокзале свидетелем Иеговы. «Нет уж, — решил я, — что-то, а приглашать к себе в дом упыря я не буду!»

Я медленно поднял руку и перекрестил окно.

Кузыка еще некоторое время смотрел на меня, словно крестное знамение не оказывало на него никакого воздействия, а потом медленно отступил в темноту. Я слышал его шаги за стеной, как он, шурша травой, обходил дом, зачем-то скребся в дверь, потом перестал. Он не уходил, будто выжидал чего-то. Подмоги? Не знаю. Наконец его старческая поступь замерла вдали. Я представил, как он ходит по пустынной ночной деревне, освещенной луной, а в избах не спят люди, дрожат и молятся, справляя нужду под себя. И еще я понял, почему такая нервная стала Валентина. У нее почти до истерики дошло, а ведь она прибежала меня предупредить, но не могла сказать от чего. Каково ей сейчас?

Утром я помчался к Михайловым. Валеру я застал во дворе. Он посмотрел на меня чуточку с удивлением и — виновато. Он знал! Такое покорное у молчание меня взбесило, и я заорал. Можно сказать, что благим матом, если мат используется на благое дело. На вопли выскочил весь клан Михайловых, к забору припелся Игнат и встал рядом со мною, глядя в землю. Вскоре я выдохся и охрип.

— Пошли к Василию, — сказал я.

К дому Кузика мы шли молча. Говорить не хотелось, да и сказано было уже все. Зашли в сени, Валера постучался.

— Можно к вам? — требовательно спросил он и, не дожидаясь ответа, дернул дверь.

— Можно, — ответил Василий.

На кухне, у свежесмысленной русской печи, нас ждали Василий и Валентина.

— Давай рассказывай, — хмуро обронил Валера.

То, что Василий Кузыка поведал об отце, ужасало своей умопомрачительной сельской обыденностью. На третий день после смерти Петр Кузыка явился ночью к сыну и попросил впустить. Тот, естественно, не мог отказать. Старый Кузыка зашел в дом и сказал, что голоден. Валентина быстро накрыла на стол. Старик поел с хорошим аппетитом и ушел, ни сказав ни единого слова. Он стал приходить каждую ночь, его впускали и кормили. Об этом вскоре узнала вся деревня, но ничего не говорили между собой — боялись. Петр Кузыка при жизни был скверным человеком, а после смерти стал и вовсе упырем. Соседей он угробил за то, что они нередко вздорили раньше.

— Оправдание можно найти даже вурдалаку, — подвел я итог. — До других он пока не добрался, но это вовсе не значит, что не доберется и впредь. Вы намерены терпеть его и дальше? Вижу, намерены... Ну подумай, завелся в деревне упырь! Можно ночью из дома не выходить, можно переехать, в конце концов! Верно?

— Ты прав. Извини за вчерашнее, — сказала Валентина.

— Сегодня он к вам опять придет. Что думаете делать?

— Да ничего. Покормим, как всегда, — ответил Василий. И добавил: — Отец же.

Словно это его оправдывало.

Я поглядел на братьев Михайловых.

— А мы что? — потупился Игнат. — Надо, конечно, чего-то делать.

— Вы хоть на могилу к нему ходили? — осведомился я. — Землю смотрели? Может, он и не умер вовсе, а просто живет в лесу.

— Я часто хожу, — вступился Василий. — Нормальная земля, не тронута. Как мы его закопали, так и осталась.

— Ты сам в милицию пойдешь? — набрался храбрости Валера.

Я только сплюнул. Определенно, в милицию я больше не ходок. Я ей не верю. А наших тихих поселян туда на аркане не затащишь, у них вечные отговорки: ехать далеко да хозяйство не на кого оставить... то да се... Вместо милиции я отправился на кладбище. Могила Петра Кузыки уже поросла травой. Просевший холмик был заботливо выровнен, у креста лежали чуть увядшие цветы. Высокие красные стены церкви нависали пугающей кирпичной громадой. Без купола и креста она казалась большой грозной башней, скрывающей до наступления темноты злобный, тупой и почти осязаемый сгусток тени. Возвращаясь с погоста, я подумал, что только в земле оскверненного храма из недобрых умерших стариков выводятся упыри. Дома я стал торопливо заниматься хозяйством — надвигалась ночь.

Они пришли ко мне вчетвером: Петр Кузыка и его злокозненные соседи. Даже после смерти вурдалак сколотил в загробном мире свою бригаду. Они мотались под окнами белесыми чучелами. В деревне даже собаки не лаяли. Я понял, что им тоже страшно. И еще я понял, что мне надо возвращаться в город. Пусть без денег, но там я буду ходить по улицам без опаски. А работу себе найду...

Перед рассветом вурдалаки сгнули. Вслед за тем раздался великий грохот и сотрясение земли. «Уеду!» — окончательно решил я.

Утром, напоследок посетив кладбище, я надел кожаное пальто и отправился пешком на станцию. Идти было шестнадцать километров, но я надеялся поймать попутку. У околицы ко мне присоединилась Валентина. Она отправлялась в милицию. Это было уже бесполезно, потому что на рассвете рухнула церковь, навеки погребя под развалинами могилу упыря и всех его безвинных жертв, лунными ночами стремящихся прочь из своих тесных гробов.

Сергей Удалин **Большая разница**

Гайдуки нагрянули в Решинари в канун Георгиева дня перед самым рассветом. Быстренько окружили село, зажгли факелы и принялись под заливыстый, захлебывающийся собачий лай сгонять народ на площадь перед церковью. Впрочем, даже матерые сторожевые псы умолкали и пятились от плетня, когда мимо них проезжали два всадника на холеных мадьярских жеребцах.

Передний — кряжистый, усатый мужчина средних лет в ярко-красной бекеше и высокой меховой шапке — на ходу отдавал приказания. Но по тому, как он оглядывался на спутника, закутанного в черный шерстяной плащ безусого молодого человека с непокрытой головой, сразу становилось ясно, кто здесь главный. Волосы у безусого были ярко-рыжего цвета, и когда мимо пробежали гайдуки, казалось, что именно от головы начальника они и зажигали свои факелы.

Безусый всю дорогу молчал и лишь одобрительно кивал, наблюдая за действиями подчиненных. По всему видать, что управляться с селянами им не впервой. Угроза поджечь дом подгоняла даже самых неторопливых, и через четверть часа все жители села, от малых детей до немощных стариков, собрались на площади. Тут рыжеволосый спешился и наконец-то заговорил:

— Радуйтесь, селяне! С кровавыми убийцами Батори покончено навсегда. Новый господарь Трансильвании князь Ференц Ракоци скоро наведет здесь порядок, и вы заживете спокойно и счастливо. И в первую очередь он повелел извести всякую нечисть, которая развелась по всей стране при попустительстве злокозненного негодяя Габора Батори. Для этого он и прислал нас сюда из Клуж-Напоки.

Ну, старик, — обернулся он к старосте, не такому уж и дряхлому на вид бородачу, не успевшему впопыхах надеть безрукавку и теперь поеживающемуся от утренней

прохлады, — рассказывай, есть ли у вас в округе морои?

— Как не быть, — хмуро ответил тот. — Чай, не где-нибудь, а в Трансильвании живем.

— Чего ж ты тут стоишь? Показывай, где они хоронятся.

— Так, господин хороший, кабы мы это знали, давно бы сами справились, — виновато пробасил староста. — А те, кто знал, уже не расскажут.

Рыжеволосый зыркнул на него пронзительно-голубыми глазами, но затем самодовольно усмехнулся:

— Ну, старый, ты, видать, просто спрашивать не умеешь. Гляди, как это делается. — И он кивнул усатому, стоявшему по правую руку. — Начинай, хорунжий!

Разъяснений не требовалось. Дело было нехитрое и уже привычное. Гайдуки по одному подводили селян к хорунжему, а тот доставал из мешка головку чеснока и выдавал по дольке каждому испытуемому. Крестьяне морщились, но старательно прожевывали, после чего стражники отводили их в сторону.

Вдруг одна довольно миловидная девица с длинной черной косой, седьмая или восьмая по счету, поперхнулась, закашлялась и выплюнула чеснок на землю. Все замерли в испуге, даже собаки на мгновение перестали брехать. От неподвижного хищного взгляда рыжеволосого у многих по спине пробежал холодок.

— Повторить! — коротко распорядился он.

Хорунжий буквально вбил в рот несчастной новую порцию. Всхлипывая и пряча глаза, она все-таки разжевала едкую чесночину и после пристального осмотра — не утаила ли чего за щекой — заняла место среди прошедших испытание.

Зато следующий за ней тщедушный паренек даже не попытался попробовать чеснок на вкус. Отвернул голову, дернулся было бежать, но тут же забился в цепких руках гайдуков. По толпе прошелся ропот, но тут же утих от зычной команды рыжеволосого:

— Проверить!

Один из стражников поднес нож к горлу паренька, чтобы и не думал рыпаться, а второй резко дернул за ворот рубахи. На бледной, с синими прожилками шее только наметанный глаз смог бы разглядеть крошечные красные точки. Но гайдуки как раз и были народом бывалым.

— Укушенный, ваше благородие, — четко доложил тот, что рвал ворот.

Парнишка сразу обмяк и повалился бы на колени, если бы его все еще не удерживали под локти.

— Показывай, кто тебя кусал.

Крестьяне опять загудели, многие стали оглядываться по сторонам, но острые пики гайдуков убедили их, что лучше оставаться на месте. Да и укушенный в сопровождении четырех стражников, к всеобщему облегчению, направился не к ним, а в сторону кладбища.

Рыжеволосый с ними не пошел. Уже рассвело, и ему и отсюда было прекрасно видно, что творится за кладбищенской оградой. Паренек указал на старую, уже осыпавшуюся могилу с завалившимся набок крестом. Хорунжему принесли заранее заготовленный осиновый кол. Усатый воин долго примеривался, а потом воткнул заостренную палку в могильный холмик. Дюжий гайдук поднял над головой прихваченный в кузне молот. В этот момент с бугорка вновь посыпалась земля, крест накренился еще сильнее, и кое-кому из собравшихся на площади почудился короткий и глухой стон.

Гайдуку, видимо, тоже почудился, потому что ударить как следует у него не получилось. Кол углубился едва ли на локоть. Раздосадованный силач замахнулся снова и на этот раз приложился от души, с оттяжкой и уханьем. Но его голоса никто не расслышал.

Ни одна трембита не смогла бы издать звук такой высоты, какой разнесся над сельским кладбищем. И уж конечно, не было бы в нем такой боли, отчаяния, ярости, злобы и еще чего-то трудно уловимого. Наверное, обиды. Хотя кому и на кого тут следовало обижаться?

Народ на площади еще долго не мог прийти в себя. Мужчины и женщины одинаково тяжело вздыхали и истово крестились на купол церкви. И только появление гайдуков с укушенным вернуло их к действительности.

— Больше никого не знаешь? — со зловещей ухмылкой спросил у паренька рыжеволосый.

Тот отчаянно затряс головой, но так и не смог произнести ни слова.

— А если еще чесночку?

— Н□н□нет, н□не знаю, — выдавил□таки из себя несчастный.

— Ну и ладно, — с неожиданным равнодушием заключил предводитель гайдуков. — Уберите его, он мне больше не нужен.

Паренек приободрился и почти радостно зашагал за конвоирами. Но дошел только до хорунжего. Бывалый воин плавным бесшумным движением выдернул из ножен саблю и с одного удара снес бедняге голову. Очень аккуратно, отработанным, точным движением, так что даже кровь брызнула в противоположную от него сторону. Гайдуков тоже не замарало, привычные ко всему ребята на замедлили шаг и теперь направлялись к притихшей толпе, продолжающей осенять себя крестным знаменiem. Возмущаться жестокостью хорунжего никто и не думал. Все правильно — укушенный мороем после смерти сам мороем становится. А жить пареньку и так оставалось недолго — чахотку ни с чем не спутаешь.

Дознание продолжалось еще около часа. Выявили троих укушенных, обезвредили еще одно логово мороя. Но каждый раз толпа вздыхала все тише, крестилась не так истово и замерзала под взглядом рыжеволосого на все меньшее время. Наконец ему и самому надоело. Стариков и детей проверять и вовсе не стали.

— Заканчивай, — вполголоса приказал безусый хорунжему. — Скажи только, пусть хвороста принесут побольше и трупы жгут подальше от села. Не хватало еще аппетит себе испортить.

Он повернулся к старосте, подмигнул ему и весело спросил:

— Ну, старый, в дом□то пригласишь, за стол посадишь? Проголодался я что□то. А она, — рыжеволосый указал тонким пальцем с длинным, чуть загибающимся ногтем на ту девушку, что закашлялась от чеснока, — она мне за столом прислуживать будет. Ну, что встал□то? Дорогу показывай!

Он шутливо подтолкнул старика в спину и двинулся за ним следом, наступая черными остроносими сапогами на длинную утреннюю тень, тянущуюся от проводника. И только тут все заметили, что сам рыжеволосый тени не отбрасывает.

— Пресвятая Дева! — охнула немолодая дородная крестьянка, стоявшая у него за спиной. — Да он же сам... морой!

— Ты, тетка, о том, чего не понимаешь, лучше не болтай! — одернул ее дюжий гайдук, тот самый, что забивал кол в могилу. — Какой же он морой? Морой — это мертвые кровопийцы, из могил по ночам встающие. А их благородие — стригой. Стригой — они живые, солнечного света не боятся, и чесноком их не проймешь. И у нового господаря они в большой чести. Так что помалкивай, если хочешь до преклонных лет дожить.

— Да как же это? — не унималась женщина. — Он же дочку мою с собой увел! А ежели укусит?

— Знамо дело, укусит, — согласился гайдук. — Сам же сказал, что проголодался. А какой же барин кровушки крестьянской не любит? Так ведь не убьет же небось! Ничего, стерпит, привыкнет.

И стражник направился вслед за начальником. Пожилая крестьянка хотела еще что□то сказать, но передумала, подняла глаза к нему и зашептала молитву.

А в небе над освобожденной Трансильванией поднималось солнце новой счастливой жизни.

Виктор Точинов

Мальчик□Вампир

Утро, похожее на ночь, — светает поздно.

В подъезде старого фонда — пещерная тьма. Лампочка разбита или вывернута. Свет фонарей сочится с улицы и вязнет в липком темном воздухе.

Женщина. Немолодая, в руках две кошелки.

Спотыкается, глаза не приноровились к смене освещенности. Ступает осторожно, вытянутая рука шарит, ищет стенку. Спотыкается снова — на мягком. Испуганно вздрагивает. Кошка? Пьяный?

Проворно поднимается, нащупывая ногами ступени. Площадка, первая дверь — ее. Отпирает неловко, одной рукой, кошелки в другой. Шаг — и она на своей территории. Вспыхивает свет, груз опускается на пол. Оборачивается закрыть дверь и — зачем? зачем? ей ведь это не нужно, не интересно, она дошла, она дома... — поневоле бросает взгляд назад. Где споткнулась.

Рвущийся из двери неправильный прямоугольник света. В нем — там, на семь ступенек ниже — ноги. Пьяный?.. Нет. Ноги женские — ажурные колготочки, изящные полусапожки. Или пьяная, или...

Женщина не хочет этого, но делает шаг. Обратно, за порог. Граница света и тьмы резка, как шрам от бритвы. Шорох сзади и слева. «Кто, кто здесь?» Это не крик — испуганный шепот. Тот, кто во тьме, не отвечает. Он прыгает. Женщина сбита с ног. Успевает увидеть клоунскую маску лица — красное на белом. Огромный красный рот. Клоун грустен, и это не улыбка — это оскал. Больше женщина не успевает ничего.

За три квартала оттуда. Накануне. Вечер.

Левый угол рта приподнимала неприятная усмешка, обнажая длинный желтый, слегка изогнутый клык. Вниз по подбородку тянулась струйка темной венозной крови. Лицо — смесь туповатого инфантилизма и зверской, исконно животной жестокости.

Словом, клевая маска — Мальчик□Вампир, герой одноименного сериала, ничем не отличался от своего экранного прототипа. И стояла игрушка, надо думать, денег немаленьких. Но Эдик Захаров, щедрая душа, деньги никогда не считал и не жалел (отцовские, разумеется).

Оказалось, что снаружи маска Мальчика куда привлекательней, чем изнутри. Внутри она воняла резиной и липла к лицу. А глазные отверстия никак не хотели совпадать с глазами надевшего...

Посему игра в Мальчика□Вампира не затянулась — Борис и Танька, примерив личину, наотрез отказались исполнять главную роль. Подавляющим большинством голосов (три «за» при одном воздержавшемся) Вампиром был назначен Димка, сосед Эдика по площадке. Щуплый, невысокий парнишка — он был самым тихим и безответным в их маленькой компании.

Вдохнув, Димка снял очки и натянул маску.

Эдик погасил свет — игра началась. Со стороны это напоминало жмурки: Димка, и без того близорукий, мало что видел из□под маски в слабом свете уличных фонарей, сочащемся с улицы. И монстр в его исполнении неуверенно ковылял по Эдиковой квартире, расставив руки. Натыкался на мебель. Уныло завывал вампирским голосом. Сюжету это, в общем, соответствовало — теле□Мальчик был силен и свиреп, но несколько медлителен и неповоротлив.

Остальные прятались по углам, визжали и делали вид, что до смерти напуганы. Квартирка у Эдика была *не очень* (по мнению Таньки и Бориса) — всего четыре комнаты. Но просторная, в старом фонде, чуть не полторы сотни метров общей площади — играющим было где разгуляться.

Но главные герои подростковых игр и сериалов обязаны, попереживав и вдоволь натерпевшись страхов, побеждать прожорливую нечисть... Эдик, укрывшийся в тесном

закутке между музыкальным центром и компьютерным столиком, выбирал удобный момент для атаки малолетнего упыря.

— Ральф! Спаси меня, спаси, спаси□и□и... — Томным голоском Танька процитировала положительную героиню Луизу, отобедать которой Мальчику□Вампиру все никак не удавалось в добром десятке серий кряду.

Она, завизжав, увернулась от вурдалачьей лапы и протиснулась в убежище Эдика.

— Спаси□и□и!!! — Пронзительный визг перешагнул ультразвуковой барьер.

А Танька постаралась как можно плотнее прижаться грудью к плечу Эдика.

— Возвращайся в ад! — выкрикнул Ральф□Эдик ритуальную фразу и пронзил острым колом сердце ненасытного кровопийцы.

Ну не совсем пронзил и не совсем колом... Но конец принадлежавшей фокстерьеру Чарли палки□поноски весьма чувствительно ткнулся Димке в ребра, отбросив его и заставив совсем не наигранно вскрикнуть.

— Вампир повержен! — радостно объявил Борис и включил свет. Ему душераздирающий визг сестры успел порядком надоесть, и он мрачно□торжественным голосом добавил финальную реплику: — Но иногда они возвращаются...

— Еще разочек? — бодро предложил Эдик.

Димка, пытающийся восстановить дыхание после удара, молча покачал головой и стал стягивать маску.

— Ну ты салабон... — презрительно процедил Эдик. — Подумаешь, горе□то, тыкнули палкой разочек...

Других желающих побыть Мальчиком не нашлось.

Димка, кривясь от боли и массируя грудь, подошел к столу, низко наклонился и стал искать свои очки среди индийских статуэток, поиск которых в антикварных магазинах был любимым увлечением матери Эдика.

В прихожей раздался звонок.

— Ну вот... — обиженно надула губы Танька.

— Слишком рано, — усомнился Борис, бросив взгляд на украшавший запястье «Ролекс» (подарок отца на окончание седьмого класса). — И обещали позвонить, подъезжая...

Их с Танькой родители должны были приехать вместе с Эдиковыми с какой□то презентации и забрать чад от Захаровых. Эдик прислушался к доносящемуся из необъятной прихожей свирепому лаю Чарли и безапелляционно заявил:

— Не они. Чарли знаете какой сторож? Через две двери своих от чужих отличает!

Дверь приоткрылась на длину мощной хромированной цепочки. Бесцветный мужичок неопределенного возраста, щеголяющий в майке, шлепанцах и вытянутых на коленях тренировочных штанах, попытался подозрительно заглянуть в квартиру:

— У вас тут, эта, все в порядке? А то, эта, никак кричали...

— Играли мы. Иг□ра□ли. — Эдик повторил последнее слово с разбивкой на слоги, словно объяснял дефективному, и, широко распахнув глаза, уставился на пришельца: дескать, есть еще вопросы? А если нет, то проваливай.

Мужичка явно распирала длинная тирада о неуместности шумных игр в десять часов вечера, об общей развращенности молодого поколения вообще и дурных наклонностях Захарова□младшего в частности. Но связываться с Эдиком и его родителями он не решился.

— Ну ладно... — понуро начал что□то мямлить сосед, когда дверь с лязгом захлопнулась перед его носом.

— Чем займемся? — Прodelав ряд хитрых манипуляций с многочисленными замками, Эдик повернулся к компании.

— Может, кино посмотрим? — робко поинтересовался Димка.

Вне зависимости от показываемых фильмов ему нравился сам процесс созерцания огромного плоского экрана домашнего кинотеатра.

— Да сколько ж можно на него пялиться?... — недовольно протянул Борис.

Действительно, два с половиной часа из этого субботнего вечера у них занял просмотр очередных серий Мальчика-Вампира. (Отец Эдика, посмотрев как-то случайно минут пять любимый сериал сына, категорически запретил отпрыску даже приближаться к телевизору в часы и дни показа. О том, что можно купить подборку дисков и заниматься просмотром в любое удобное время, папа как-то не подумал.)

— Точно, у нас еще час с лишним... Сыграем еще во что-нибудь? — жизнерадостно предложил Эдик.

Танька промолчала. Уже несколько месяцев ей все сильнее хотелось поиграть с Эдиком в *другие игры*. Особенно после того, как задушевная подруга Иришка, раздуваясь от гордости и используя романские обороты, рассказала, как у нее произошло *это*. Танька же считала, что всегда и во всем первой среди подруг может быть только она...

Но Эдик, ее ровесник, оставался еще пацан пацаном — целовался с ней пару раз, но, похоже, просто из детского любопытства, — и все. Вот и сегодня: заманил с необычайно таинственным видом в чулан-кладовку и... продемонстрировал извлеченные из какого-то тайника два кошачьих скальпа — охота с подаренной отцом мощной пневмашкой увлекала его куда больше, чем общение с прекрасным полом в лице Таньки...

— Блин, совсем забыл! — хлопнул себя по лбу Эдик и выскочил в соседнюю комнату. — Во! В это мы и сыграем! — гордо объявил он, вернувшись через минуту-другую.

В руках у него была книга — старая, пожелтевшая, в мягкой потрепанной бумажной обложке.

— Что это? — подозрительно спросил Борис.

Книги как форма проведения досуга его совсем не привлекали.

— «По Флауэру и Тарханову», понял? — прочитал Эдик наверху обложки, где обычно ставится имя автора, и наставительно поднял палец вверх. — «Самоучитель гипнотизма» — прикинь, а? Самому можно научиться! «Какъ стать гипнотизеромъ. Заставьте окружающихъ подчиниться вашей воле», — с расстановкой, значительно, прочитал он еще ниже на обложке.

Заинтересованный Борис потянул самоучитель у него из рук. Подчинять других своей воле ему очень даже нравилось. Еще ниже на обложке змеились загадочно изогнутые буквы: «*Таинственная сила внушения*». И совсем внизу, мелким шрифтом:

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія 1-ой Спб. Трудовой Артели. — Лиговская, 31
1912

— Древняя, может, еще дореволюционная... — уважительно сказал Борис.

— Ты че, дурной? До революции царь был. А тут — трудовая артель. Сталинская, факт, — Эдик говорил твердо и уверенно.

Димка, смотревший на самоучитель из-за плеча Бориса, с сомнением покачал головой, но оставил мнение при себе. Он вообще предпочел бы сыграть во что-нибудь спокойное и безобидное. В шахматы, например.

— Я тут в главное уже въехал. Все просто... Берем блестящий предмет...

Выступать в роли гипнотизируемого (по книжке — *медиума*) Борис наотрез отказался. Он не слишком внимательно, перелистывая при этом книгу, смотрел, как Эдик водит взятой с отцовского стола золоченой зажигалкой перед носом глупо хихикающей Таньки, первого добровольца.

Взгляд Бориса зацепила картинка — несколько человек в старомодной одежде (дамы в юбках до пола, мужчины в светлых летних костюмах) окружили гипнотизера, вперившего магический взгляд в одного из них. Дело происходило на большой открытой летней веранде; гипнотизер выделялся среди всей компании черным фраком и необычайно внушительным видом — Эдику, в его тренировочном костюме, было до этого салонного мага далеко.

...Танька, одеревенело уставясь в одну точку, поднялась со стула и неподвижно

застыла.

— Ты балерина! Ты... ну эта... Волочкова, во! Танцуй! — Эдик командовал голосом повелительным и более низким, чем обычно разговаривал.

Танька начала выполнять какое-то движение, но не выдержала, громко расхохоталась, смеялась долго, до выступивших слез; не в силах ничего сказать, упала на диванчик и показывала на Эдика пальцем.

«...Выбрать одного, показавшегося по внешности наиболее способным к восприятию внушения...» — прочитал про себя Борис, спотыкаясь на ятях и твердых знаках.

Да уж, Танька у нас только по внешности и способная, да все что-то не на то способная, подумал Борис скептически, он вообще не сильно верил в гипноз, телепатию и прочую медитацию-левитацию...

— А что так слабо заказал, Эдичка? — Танька наконец просмеялась и игриво поглядывала на Эдика. — Мог бы уж попросить сразу танец со стриптизом...

«Тебе бы только сиськи кому показать, дура... — мысленно констатировал брат не состоявшейся Волочковой. — Достал этот придурок со своими идиотскими играми... Сейчас Димку начнет гипнотизировать, куда тот денется... Будет изображать для Эдика всякие фортели, он и без всякого гипноза тут по стойке „смирно“ стоит и по струнке ходит...»

Борис как в воду глядел. Эдик, не разочарованный первой неудачей, принялся за Димку. Новые опыты по проверке внушаемости прошли успешно: после уверений доморощенного мага в своей над ним власти Димка сначала не смог поднять руки с подлокотника кресла, а потом расцепить сцепленные пальцы — и весьма успешно при этом, по мнению Бориса, изображал легкий испуг и удивление. Довольный Эдик снова начал шаманить с отцовской зажигалкой.

— Смотри внимательно. Не отводи взгляда. Ты видишь только этот предмет и слышишь только мой голос. — Эдик говорил настойчиво, но монотонно; блестящая зажигалка покачивалась перед глазами Димки, медленно приближаясь к ним. — Твои руки отяжелели, ты не можешь их поднять. И не пытайся, твои глаза закрываются, ты засыпешь, но продолжаешь слышать мой голос...

Димка послушно прикрыл глаза и ровно задышал.

«Да уж, — решил Борис, чего бы ему не потешить Эдика, пока тот еще какую игру покруче не придумал...»

— Ты спишь, но продолжаешь слышать мой голос... Сейчас ты откроешь глаза и встанешь, но будешь продолжать спать... Встань! Открой глаза! Ты не видишь и не слышишь ничего вокруг, только мой голос, и делаешь только то, что скажу я...

Димка встал и открыл глаза. Танька, с любопытством наблюдавшая за этим камланием, удивилась, как он умудрился изобразить такой невидящий, абсолютно отсутствующий взгляд — глаза смотрели не на что-то одно в комнате, а вообще на все сразу и ни на что конкретно.

— Вытяни руки ладонями вперед! — (Димка вытянул.) — Сейчас я положу на них два предмета, они легкие, ты можешь держать их сколько угодно!

Эдик метнулся к подоконнику, тут же вернулся с двумя цветочными горшками и поставил их на подставленные ладони.

«Точнехонько по третьей главе шпарит, прямо из книжки», — догадался Борис.

А Эдик гордым жестом показал на застывшего статуей Димку.

— Ну и что тут такого? — разочарованно спросила Танька.

— А вот сама попробуй!

Эдик принес еще один горшок и поставил на ее ладонь.

Горшочек, как и те два, был не особенно большой и тяжелый, но верхушка цветка (Борис не знал его названия) колебалась из стороны в сторону, делая видимой мельчайшую дрожь ладони. Два первых стояли абсолютно неподвижно.

— Поняла? Под гипнозом знаешь сила какая? Цепи рвать можно...

Цепей, для проверки, под рукой не оказалось. Борис решил разоблачить шарлатанство

иным способом.

— Значит, ничего не видишь и не слышишь, — зловеще протянул он, надвигаясь на Димку; осторожно, двумя пальцами, снял с него очки и положил на стол. — Не видишь, значит...

Он широко размахнулся и ударил Димке в глаз, остановив летящий кулак в паре сантиметров от его лица. Никакой заметной реакции у Димки не было, и ни один листочек на цветах не дрогнул.

«Сейчас я его отучу прикидываться», — подумал Борис.

И сказал, подражая повелительному тону Эдика:

— Ты — собака! Вставай на четвереньки и лай!

Димка никак не отреагировал.

— Он сейчас только мой голос слышит, факт, — самодовольно объявил Эдик, снимая горшки.

В отличие от Таньки и ее брата он ничуть не сомневался в своих талантах гипнотизера. И прежним командным голосом повторил приказание Бориса.

Димка лаял размеренно, как заведенный, — один «гав» в две секунды. И, как ни странно, очень правдоподобно получалось: даже Чарли в прихожей захлебнулся в ответном лае, уверенный, что в доме чужая собака.

Эдик выбежал из комнаты, потащил упирающегося пса на кухню. И прикрыл все двери, находящиеся между Чарли и гостиной, где они развлекались.

— Замолкни, хватит, он ушел, — раздраженно сказала Танька, которой происходившее все меньше нравилось. — Замолкни, я сказала!

Димка продолжал монотонно твякать, из угла его рта тянулась липкая ниточка слюны... Вернулся Эдик; звуки, производимые Чарли, были теперь почти не слышны.

— Встань и не лай! Ты теперь не собака! — скомандовал Эдик и добавил нормальным голосом, обращаясь к друзьям: — Что бы еще придумать? Может, положим пятками и затылком на два стула — будет лежать прямо, не прогибаясь.

— Надо огнем прижечь. Он не должен ничего почувствовать... — громко и злорадно сказал Борис, внимательно вглядываясь в лицо Димки.

Он все-таки надеялся разоблачить шарлатанство. Но на лице и в пустых глазах Димки ничего не дрогнуло.

— А что, можно... легонько так, сигаретой... — оживился Эдик, двинувшись было к бару, где лежали отцовские запасы. Но тут его осенило: — Ты — Мальчик-Вампир! — заорал Эдик, — Сожри нас! Сожри!!!

И захохотал, жутко довольный выдумкой.

Плечи Димки опустились, он весь как-то сгорбился, ссутулился — кисти рук со скрюченными пальцами теперь почти касались коленей. Левая половина губы приподнялась, и Борису показалось, что появившийся клык длиннее обычного. Совсем чуть-чуть, но длиннее.

А Димка медленно, все с тем же пустым взглядом, двинулся на Эдика; пластика его движений напоминала сейчас теле-Вампира гораздо больше, чем полчаса назад, когда он был в маске. Эдик ухмыльнулся и приготовил свой «осиновый кол» — в смысле палку-поноску... Борису это совсем не понравилось, он почувствовал легкую тревогу, непонятно за кого: за Эдика? за Димку?

— Хватит! — Борис несколько даже неожиданно для себя самого шагнул вперед и преградил Димке дорогу.

Тот оттолкнул его в сторону. Оттолкнул? Черта с два, отшвырнул, как тряпичную куклу. Борис, на два года старше и на пятнадцать килограммов тяжелее Димки, с хрустом врезался в сервант, отлетев на три с лишним метра.

Звон разбитого стекла; сверху сыплется, чувствительно бьют по плечам и голове всякие безделушки; и боль, резкая боль в боку и плече.

«Убью уроды...» Борис пытается вскочить на ноги резко, рывком и немедленно

приступить к расправе — и стонет, едва удержавшись от крика, — что□то острое там, внутри, реагирует на каждое движение — пронзает грудь беспощадной болью, тут же отдающейся во всем теле...

По ушам бьет истошный визг Таньки. Борис поднимается — медленно, прижимая ладонь к ребрам. Боится даже глубоко вздохнуть и, только поднявшись, смотрит на Димку и Эдика.

Эдик лежит на спине. Не шевелится. Лица его не видно, лицо закрывает затылок Димки, стоящего над ним на четвереньках. Голова Димки быстро мотается из стороны в сторону. (Чарли, мелькает неуместная мысль, так Чарли, еще щенком, трепал шнурки на ботинках гостей...)

Борис шагает к ним, кривясь от боли и сильно наклонясь направо. И застывает... Нет! Не может быть! Показалось...

Не показалось.

Борис видит это, видит в неестественно ярких красках, как на экране разрегулированного телевизора: из□под Димкиной головы, снизу, там, где Эдик, далеко в сторону ударяет тугая ярко□алая струя, расплескавшись лужицей по паркету.

«Как же... надо скорей... это ведь... спятил... „скорую“... родители... скорей... заткнись, дура... зачем... спятил, точно спятил...»

Мысли Бориса мечутся стремительно, как рикошетирующие от стен пули, — осколки, обрывки, обломки мыслей. Но сам он застывает, парализованный нереальностью происходящего. Струя слабеет быстро, но кровавая лужа под головой Эдика растет...

Танька замолкает мгновенно и неожиданно, словно кто□то дернул рубильник воющей сирены, за спиной стук ее каблучков. Борис не оглядывается. Когда она смолкла, стали слышны другие звуки — причмокивание на фоне утробно□низкого урчания...

Борис хорошо помнит их — именно с таким звукорядом пожирал своих жертв Мальчик□Вампир в темноте подвала, чердака или кладбища (цензура не пропускала слишком натуральных кровавых сцен в подростковые сериалы).

Борис кричит — бессвязно, высоким голосом:

— Димка□а! Мудак! Ты... — Он осекается, потому что...

...Димка резко мотает головой, и кусок чего□то красного отлетает в сторону. С сырым шлепком прилипает к полу.

Взрывной позыв рвоты — в доли секунды она проходит путь от желудка к пытающимся что□то крикнуть губам. Борис корчится, пытаясь согнуться, но зазубренные ножи боли рвут грудь, и он стоит почти прямо, когда рот наполняется горячей едкой жижей, и она, лопнув на губах зловонным пузырем, льется на рубашку и на пол...

Мальчик□Вампир поднимается.

Залитое кровью лицо поворачивается к Борису.

Глаза пусты — ни следа ярости, гнева, ненависти или бешенства.

И это еще страшнее.

Окровавленный рот улыбается. Улыбка похожа на оскал. Рот полуоткрыт и внутри — на зубах, на языке, на деснах — тоже кровь. Борис хрипит, выплевывая остатки рвоты, разворачивается и бежит... нет, ковыляет... Сломанные ребра вновь включают свою мясорубку. Он спешит, сам не понимая куда, лишь бы не видеть эту кровавую маску и то, что лежит на полу...

Прихожая. Танька у дверей.

Она, как ни странно, не впала в безумную панику, застилающую все вокруг и не позволяющую бежать или сопротивляться. Она торопливо, ломая ногти, но вполне осмысленно возится с замками, запирающими входную дверь. Слышит за спиной шаги, вскрикивает коротко и отчаянно. Оборачивается, видит брата и, не теряя времени, вновь хватается за замки.

К Борису при виде сестры возвращается хоть какая□то способность говорить и думать — Танька реальная, настоящая, привычная. Не похожая на двух оставшихся за спиной

персонажей фильма ужасов.

— Эдик... там... Димка его... — Он пытается выкрикнуть это, но голос звучит слабо, затравленно; Борис не может набрать полную грудь воздуха и выплевывает короткие полупhrазы.

Танька, не слушая его, распахивает дверь — за ней другая, железная...

Слышны шаги в коротком, ведущем в гостиную коридорчике, — медленные, шаркающие, но уверенные шаги Мальчика-Вампира. Он никогда не соревновался с преследуемыми в спринте — страх, вяжущий по ногам и рукам страх позволял ему всегда добираться в конце концов до горла визжащих от ужаса жертв...

«Ну открывай же... — мысленно торопит Борис сестру. — Эдик не запирает, просто захлопнул... быстрее... быстрее же, дура...»

Замок с каким-то секретом, или же просто Танька не знает, где нажимать и что в какую сторону крутить; она бы разобралась, она бы обязательно разобралась, будь у нее хоть чуть времени, но времени нет.

— В комнату! Запремся, позвоним... — Она хватает Бориса за рукав (он оцепенело смотрит на дверь, на несколько миллиметров стали, отделяющих их от свободы) и буквально тащит за собой.

Он бежит медленно, еще сильнее кривясь на бок и шипя от боли.

Спальня родителей Эдика. Заперта! Дальше...

Они заскакивают в его комнату, в последнюю по коридору. Дверь довольно прочная, из мореного ореха, и (спасибо Эдику, отстоявшему у родителей святое право на личную жизнь) на ней тоже замочек — немудреный, запирающийся изнутри одним движением латунной шишечки — она поблескивает в сочащемся с улицы свете, искать на ощупь не приходится.

Танька запирается, едва ввалившись в комнату, — вовремя — за дверью шаги.

Радоваться рано, преграда хилая — верх двери застеклен. Стекло не сплошное — маленькие разноцветные толстые и мутные кусочки в прихотливо извивающемся деревянном переплете. Прежнему Димке не преодолеть бы эту преграду, но... Припереть чем-нибудь? Она не додумывает эту мысль...

— Свет, дура, свет!!! — задушенно, но достаточно громко хрипит брат, и Танька шарит у дверей в поисках выключателя.

«Телефон, бля, где у него телефон...» — Борис знает, что аппарата в комнате нет, но труба, Эдики коммуникатор, его не разрешали таскать в школу и большую часть времени он болтался здесь...

Специальный держатель на стене, справа от учебного стола, пуст. Раздолбай херов... Борис лихорадочно сбрасывает со стола кучу наваленной там всячины — бумаги разлетаются по комнате, дорогие игрушки падают и хрустят под ногами — и нет среди них только одной, самой сейчас нужной...

У Таньки, включившей свет, это действие словно отняло последней остаток воли — она стоит у двери, не в силах отойти и помочь Борису в поисках...

Дверная ручка яростно дергается вверх-вниз. Танька сбрасывает оцепенение.

— Димка! Ты меня слышишь?! Очнись, Димка, игра закончилась... Ты слышишь меня?! Проснись, ты же Димка, ты не Мальчик-Вампи-и-и-ир!!!

Ее голос, сначала трогательно-умоляющий, срывается на бешеный крик... И тут Борис смеется — жутким, квакающим смехом, перешедшим в стон боли:

— Хе-хе-хе-у-уй-а-а, бес... бесполезно... Он слышит только Эдика... а Эдик... хе-хе-ох-х...

Он перебрался от стола к стеллажу и бесцеремонно скидывает с него все на пол. Едва успевает поймать падающий кожаный футлярчик с коммуникатором — взрыв боли от резкого движения не может заглушить радость: сейчас, сейчас, он наберет две знакомые цифры, и все встанет на свои места, все вернется, психа заберут куда следует, через пару недель Эдик выйдет из больницы и с гордостью станет показывать украшающие мужчину шрамы, когда они со смехом начнут вспоминать происшедшее...

Коммуникатор у Эдика навороченный: хочешь — фотографируй, желаешь снять видеоролик — нет проблем, Интернет — легко и просто, гуляешь в незнакомом месте — не заблудишься, система глобального позиционирования всегда укажет правильный путь...

Но самое□то главное: как же по этой хрени звонить?!

«Сука□а□а!!! В вампиров ему играть... Не мог нормальной мобилой обойтись...» Борис безнадежно давит кнопки незнакомой модели, но на экранчике мигает лишь стандартная заставка «Яндекса»... Господи, ну всего□то набрать две цифры, всего прокричать десять слов...

Маленькое витражное стекло влетает внутрь комнаты. Рука с загнутыми крючками□пальцами ползет вниз, к замку...

Танька визжит. Отскакивает от дверей. Борис с размаху швыряет проклятый коммуникатор в окно — ни трещинки. Небьющиеся стеклопакеты, пропади они пропадом...

«Надо напасть, надо напасть сейчас, — мелькает у Бориса мысль при виде руки, с трудом проползающей, втискивающейся в узкое отверстие, — пока он застрял, неужели мы вдвоем...»

Он сам не верит себе и знает, что даже вдвоем они ничего не сделают.

— Кладовка, — выдыхает Танька в ухо жарким шепотом. — Он не найдет, он же ничего не соображает...

Кладовка — не то сильно разросшийся встроенный шкаф, не то чулан□недомерок — набита всяким барахлом. Здесь тесновато, могут стоять рядом двое, самое большее трое. На дверях, цельных и массивных дверях, ровесниках квартиры, — ни замка, ни задвижки...

...Танька жмет к нему в темноте, не обращает внимания на липкую, заблеванную рубашку; он отталкивает ее и шарит руками по стоящему на полу и на полках хламу...

«Подпереть... подпереть дверь... родители совсем скоро приедут... не сожрет же он их четверых разом...»

Под руки попадают лыжные палки, Борис лихорадочно пихает их в массивную дверную ручку, а в комнате щелкает замок и снова звучат шаги, — удивительно тяжелые для худенького двенадцатилетнего мальчика.

Может, он и не соображал ничего, этот Мальчик□Вампир, но инстинкт привел его безошибочно, напрямик к убежищу...

Дверь содрогается, с потолка сыпется мелкая штукатурная крошка.

«Дергай, дергай, только ручку оторвешь... — успокаивает себя Борис. — Попробуй□ка прогрызть эту дверку... Лишь бы выдержали палки... лишь бы выдержали...»

— Кол! — выкрикивает Танька, уже не таясь. — Нужен кол, он его не убьет, но хоть остановит...

Остановит... до следующей серии... Борис снова шарит по кладовке, ничего подходящего нет (а дверь ходит ходуном от постоянных рывков), пытается отломать доску от полки, но приколочено все на совесть. Ему кажется, что в кладовке стало светлей, он *видит* теперь то, что лихорадочно ощупывают пальцы. Он оборачивается — старые алюминиевые лыжные палки заметно изогнуты, дверь чуть приоткрылась, свет льется в щель шириной в два пальца... С каждым рывком щель растет...

Борис видит и хватает с пола маленькую, в три ступеньки, деревянную лесенку (доставать вещи с верхних полок? — не важно!) и с размаху бьет ею о стену. Потом еще, еще, еще... На боль в сломанных ребрах не обращает внимания. Радостно всхлипывает, когда в руках остается обломок лестницы с острым расщепленным концом.

Щель уже достаточно широка, можно просунуть хоть руку, хоть голову, но Мальчик□Вампир не спешит.

Борис сжимает кол, готовясь воткнуть его в *тварь* — не в Димку, слабака и неудачника, — в поганую кровожадную тварь. В Мальчика□Вампира. За секунду до того, как выпадают палки, согнутые в ломаную дугу, Борису представляется удивительно яркая картина: он стоит над проткнутым тщедушным тельцем и пытается объяснить приехавшей милиции, *кого* ему пришлось убить...

Мальчик□Вампир низко, очень низко пригибается и ныряет в полутьму кладовки. Борис промахивается и кричит, тут же захлебнувшись слабеющим хрипом. Танька вопит громко и долго, минуты две... Потом смолкает и она.

...Скрюченные окровавленные пальцы на удивление ловко справились с замком, не поддавшимся Таньке; Мальчик□Вампир бесшумно выскользнул на лестничную площадку. Он был очень несчастен — ничего не знающий и не помнящий о себе, не знающий вообще ничего, кроме терзающего голода, причиняющего постоянную невыносимую боль — боль, которую могла на короткое время приглушить только горячая человеческая кровь...

Внизу, у входной двери подъезда, раздались голоса, два мужских и два женских, — беззаботные, весело перекликающиеся... Левый угол рта Мальчика приподнялся в очень неприятной усмешке, обнажая длинный желтый, слегка изогнутый клык.

Елена Первушина Убежище. Ночь и день

Часть первая НОЧЬ. ГОНЕЦ

*Замерзший повод жжёт ладонь,
Угроз, команд не слышит конь,
И в лужах первый лед трещит,
Как в очаге огонь.*

Иосиф Бродский. Старинные английские песни

Даже здесь, в Лангедоке, весенние ночи бывают на удивление холодны. Я забыл перчатки, и сейчас руки так заоченели, что я не могу даже как следует дернуть за повод, и мой мерин плетется неторопливо, предоставленный сам себе. Нет, неправда. Все я могу. Просто я не хочу спешить, не хочу приезжать на место, не хочу передавать то, что мне поручено передать, и поэтому растираю руки и окоченевшие колени, но не подбираю повод и не даю коню шенкелей. Бывают вести, которые нелегко принести, даже если они тебя не касаются.

Впрочем, дорога здесь такая, что торопиться и в самом деле не стоит. Узкая каменистая тропа вьется по склону горы, взбираясь к каменному замку на утесе, и лучше дать волю коню — пусть сам решает, куда поставить ногу. Так что я не тороплюсь.

Но любая дорога рано или поздно кончается. Меня встречают с почетом и ведут сразу же наверх, в башню, в личные покои графа. Ему, в отличие от меня, не терпится выслушать новости. Мы проходим мимо большого зала, и я успеваю увидеть сидящую на возвышении графиню в алом платье, в ореоле золотистых волос, перехваченных тонким обручем, юношу в голубой накидке, с лютней, стоящего у камина, полудюжину гостей за длинным столом, нарядных мальчиков□слуг, снующих с чашами для омовения рук. Графиня тоже видит меня и привстает в кресле, но я поспешно делаю ей знак рукой, и она не менее поспешно отводит взор и вновь опускается на подушки.

Граф — мужчина во цвете лет, у него суровое лицо, твердый подбородок, осанка бывалого наездника и мозолистые руки настоящего воина. И еще я не вижу у него никакой магической ауры. Должно быть, он просто Защитник. Защитник существа, которое я видел внизу. И когда я понимаю это, я понимаю также, как трудно мне будет сказать те слова, что я привез с собой.

— Для меня большая честь приветствовать в своем доме посланника из Тулузы, — говорит он. — Садитесь ближе к огню, вы, верно, устали и продрогли с дороги. Сейчас я велю принести горячего вина.

Он отдает распоряжения слуге, и мы остаемся одни. Граф недовольно хмурится, потом улыбается.

— Прошу вас не судить о всей нашей семье по мне, — говорит он. — Я сознаю, что с моей стороны ужасно неучтиво торопить вас. И все же я так долго ждал известий из Тулузы. Надеюсь, вы простите мне мое нетерпение.

Что ж, оттягивать дальше нельзя.

— Я привез вам два известия, — говорю я. — Первое таково: в Лионе и Креси собираются войска. Лионским войском предводительствуют аббат Арно Амори, архиепископ Санса, епископы Отёна, Клермона и Невера, а также герцог Бургундский, графы Невера и Сент-Поля, Монфора и Бар-сюр-сен. Войско в Креси возглавляют архиепископ Бордо, епископы Ажена, Базаса и Каора, а также граф Овернский и виконт де Тюренн. У них под началом около шести тысяч воинов, численность же лионского войска мне неизвестна доподлинно. Они горят желанием очистить Тулузу и Лангедок от катарской ереси, а также покарать сеньоров, которые укрывают еретиков-альбигойцев.

— Чушь! — Граф раздраженно поводит головой. — Мы просвещенные люди и добрые католики. Зачем нам ввязываться в эту свару, что длится уже не первый десяток лет? Может быть, в одной из моих деревень и живут несколько этих, как там они их называют, совершенных, но это дело моих крестьян, а не мое.

— Боюсь, мой господин, что рыцари из Иль-де-Франса придерживаются иного мнения. Они раздражены убийством легата Пьера Кастельно и винят во всем графа Раймонда Тулузского. Кроме того, их, вне всяких сомнений, манят богатства Тулузы и Лангедока. Они намерены привести этот край к повиновению. Монфор — один из лучших полководцев нашего времени. Мне кажется, благоразумно было бы подготовиться к обороне и загодя подумать об отступлении.

— Чушь! — снова говорит граф. — Поверьте мне, мой любезный гость, это старая свара, и она снова кончится ничем. Мой дед присутствовал на диспуте в Ломбере, а отец — на диспуте в Альби. Они выпили немало вина, услышали немало красивых песен, уладили несколько тяжб и договорились о нескольких свадьбах. А до чего там договорились катарские проповедники с папскими легатами, им и дела не было. Бросьте пугать меня вашим Монфором и епископами, лучше скажите мне, каково второе известие.

— Повинуюсь вашей воле, мой господин. Совет Высших Магов Тулузы дает вам дозволение выступить против Джафрюэ де Палазоля из замка Зеленая Лоза. Ваш иск к нему признан законным и подлежащим удовлетворению. — Это те самые слова, которые мне так не хотелось произносить, и я, будь что будет, осмеливаюсь на неслыханную дерзость и добавляю к посланию Совета Магов Тулузы несколько слов: — Но ради безопасности и благополучия вас и вашей супруги молю вас также подумать о военном союзе против французов.

И я замолкаю. Я не могу сказать: «Мой господин, забудьте о вашей ненависти к соседу и о причинах, вызвавших ее. Мой господин, забудьте о вашей чести и добром имени вашей семьи, которые требуют не опускать меч, пока вы не покараете вашего соседа. Мой господин, не затевайте свару с возможным союзником, когда у ваших ворот враг». Только он сам может сказать это себе. А я и так уже сказал слишком много.

Но граф не замечает моей дерзости — он просто не слышит меня:

— Ну наконец-то, дружище! Вы не пожалеете, что доставили эту весть, — я щедро награжу вас. Наконец мои руки развязаны. Этот проклятый мужеложец Палазоль больше не будет позорить наш край! Мы сожжем его заживо, вместе со всеми его любимчиками, а тех, кто попытается бежать, мы вздернем на деревьях вокруг его замка или четвертуем!

* * *

Полчаса спустя, согретый вином, насытившийся жарким из зайца и одаренный прекрасным плащом на куньем меху, я спускаюсь во двор. Я тороплюсь уехать, что бы там себе ни думал мой мерин. Скоро рассвет, и я не хочу терять времени.

Но когда я прохожу по нижней галерее, графиня снова замечает и дает мне знак

остановиться. Я вхожу в зал и останавливаюсь на пороге, а она спускается с возвышения и идет ко мне. Пол усыпан тростником, но среди тростинок спрятались сухие стебельки цветов. Когда графиня наступает на них кончиком остроносой вышитой туфельки, они оживают, наполняются соком и раскрывают лепестки.

— Вы уже покидаете нас, господин посланник? — Ее голос нежен, как дыхание весны.

— С величайшим сожалением, госпожа моя.

Я кланяюсь и отступаю на шаг назад. Мне очень не хочется, чтобы она подошла слишком близко, чтобы моя способность подавлять магию вступила в свои права, чтобы мимолетное волшебство рассеялось и цветы под ее ногами увяли. Не хочется, чтобы она испугалась. Хотя вскоре ей все равно придется испугаться, но не сейчас.

— Вы привезли хорошие вести моему супругу?

— Не мне об этом судить, госпожа моя.

— И все же очень жаль, что вы вынуждены уехать так быстро.

— Если бы не клятвы, данные мною ранее, госпожа моя, я почел бы за величайшую честь остаться здесь и служить вам.

Когда я выезжаю из ворот замка, рассветное солнце бьет мне прямо в глаза. Несмотря на это, я от души прищипываю коня. Мне хочется уехать отсюда как можно скорее. Есть вещи, которые ты обязан сделать. Есть вести, которые ты обязан передать. Но когда все сделано, ты не обязан оставаться и смотреть, что из этого получится, иначе я давно уже превратился бы в соляной столб. Каждому дню — свои заботы. А у меня впереди еще очень много дней.

Часть вторая ДЕНЬ. УБЕЖИЩЕ

*Дорога в даль вольна бежать,
Кустам сам Бог велел дрожать.
А мы должны наш путь держать,
Наш путь держать, наш путь держать.*
Иосиф Бродский

Петербург — холодный город. Мне приходилось бывать за Полярным кругом в самый разгар полярной ночи. Там, конечно, тоже не жарко. Но стоит надеть шубу, и мороз бессилен. Разве что пощиплет щеки и заставит тереть нос. В Петербурге не то. Липкая влажная взвесь, которая вместо воздуха проникает сквозь рукава под одежду и не успокаивается, пока не прохватывает тебя холодом до костей. На улице ноябрь, за окном плюсовая температура, но холод выматывает так, что впору заплакать.

Я возвращаюсь с ночного дежурства. Мой троллейбус ползет по Невскому в сером рассветном полумраке. С Васильевского — к Лавре, «на Пески», как говорили в позапрошлом веке. Открывая на секунду глаза, я вижу в створе канала Грибоедова Спас на Крови — холодный камень сливается с холодным небом. Мне давно кажется, что в Петербурге дома, особенно старые, в союзе с болотом и против людей.

Я засовываю руки поглубже в рукава, обхватываю ладонями локти и вновь засыпаю. Несколько секунд полной тьмы и забытия. Пробуждаюсь, лишь когда троллейбус сворачивает с перспективы в плотную сеть Советских, бывших Рождественских, улиц. Сквозь ресницы вижу бедный по-осеннему, грязный садик, где некогда стоял на эшафоте Чернышевский. Наконец троллейбус делает широкое кольцо по площади и замирает у дома с башенкой. Приехали.

* * *

И все же я люблю эти утренние часы после дежурства, когда наша огромная коммунальная квартира пустеет и можно почувствовать себя одинокой и свободной — час

плескаться в горячей ванне, петь под душем, рассекать по коридору в розовом купальном халатике с тюрбаном из полотенца на голове, не торопясь готовить себе завтрак — греческий салат, гренки, кофе, и все это без чужих взглядов в спину, без въедливых вопросов, неизбежных ответов, надоевших и все же необходимых шуточек, разруливания назревающих кухонных разборок. Пустота! Свобода!

Поэтому, когда раздается звонок домофона, я от души надеюсь, что это очередной распространитель рекламных листовок — они дальше почтовых ящиков не поднимаются. Или на худой конец какой-нибудь проповедник — этих просто можно не дослушивать до конца. Но все не так. Я снимаю трубку, и незнакомый мужской голос, задыхаясь, произносит: «Убежище».

Пока он поднимается по лестнице, я успеваю натянуть спортивные штаны и футболку. При этом желудок уже крутит, а во рту появляется знакомый железистый привкус — и это плохо, это очень плохо, у меня было тяжелое дежурство в больнице, я устала, я хочу кофе и спать и совсем не хочу вписывать у себя очередного беглеца. Но разве у меня есть выбор?

Я открываю дверь. На вид моему гостю лет двадцать семь — тридцать. Бледное лицо с тонкими чертами, светлые волосы, светлые глаза.

— Как вас зовут?

— Андрей. Сомов, Андрей Васильевич. Паспорт... сейчас...

— Паспорт оставьте при себе. Идите за мной.

Я веду его в свои комнаты. Маленькая, та, что всецело принадлежит мне, выглядит довольно обжитой — диван-кровать, книжная полка, маленький телевизор на прикроватном столике, старинный будуарный столик с зеркалом (остался от предыдущей хозяйки комнаты), флакончики с духами, помадой и тушью, коробочки теней, цветы в вазе на холодильнике. Большая комната — собственно Убежище — расположена в башне, поэтому у нее пять стен и три больших окна. Здесь есть только раскладушка с матрасом, она стоит у стены, три стула да большой стол посреди комнаты. Сейчас на нем красуется мой бедный завтрак.

— Ну вот, Андрей, здесь вы будете жить, — говорю я. — Постельное белье получите позже. Ванная, туалет в конце коридора. А сейчас, если не возражаете, я все-таки поем. Кофе не предлагаю, уж не взыщите. Даже из вежливости.

— Да, конечно, нет, кофе не надо. — Он садится на раскладушку.

Вид как у пса, которого привезли из деревни в город, — обалделый и покорный. Интересно, как скоро за ним явятся? День сегодня пасмурный, может, и не будут дожидаться сумерек. Хорошо бы, а то вернутся с работы мои соседи, сразу догадаются, что у меня в комнате постоялец, начнутся расспросы, а мне это уже во как надоело.

— Так, Андрей, запомните. Правило номер один для таких, как вы: не кормиться в квартире, где живет хозяин Убежища. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Даже если будете умирать от голода — ползите на улицу, через два квартала есть пустой дом, там ночуют бомжи, всегда можно пожить. О своей безопасности во время кормежки, само собой, вы заботитесь сами. Но если попробуете выпить кого-нибудь здесь, вылетите сию же минуту. И больше того, всему вашему клану будет закрыт доступ в Убежища ближайшие триста лет. Это понятно?

— Да, спасибо, но... я не пью кровь.

Я встаю из-за стола, подхожу к двери в прихожую, распакиваю ее и говорю как можно спокойнее:

— Вон!

— Что? Но я...

— Вон! Правило номер ноль: никогда не держать хозяина Убежища за дурака, никогда не пытаться его обмануть. Вы его только что нарушили. Вон!

— Но я... говорю правду.

— Угу, правду? Знаете, где мне эта ваша так называемая правда? Вот здесь. — Я провожу ладонью по горлу. — Думаете, хозяин Убежища не в состоянии распознать

вампира? Хотела бы я, чтобы все было именно так. Потому что пока вы здесь сидите, мне гарантированы и постоянная тошнота, и вкус кошачьей мочи во рту, хоть и не беременна и не пила вчера ни грамма. Так избавьте меня хотя бы от своего вранья.

В глубине души я чувствую жесточайшую обиду. Ну почему выжили именно они? Дело даже не в том, что в двух шагах от моего дома Институт переливания крови, и они там по ночам табунами пасутся. Поскандалят в очереди, порежут друг друга и — бегут в Убежище, опасаясь мести клана. Посидят, отдохнут, дождутся секундантов, договорятся о выкупе — и снова в очередь. Дело в другом — приходят только они. Духи леса, воды, полей давно уснули, я не ощущаю их присутствия последние сто лет, оборотни ютятся в заброшенных деревнях и редко сходятся, чтобы принести потомство. Еще лет сто, вымрут и они. А эти — пожалуйста, жиреют и процветают. Они даже стали модными. Гламурными и готичными. Не знаю, как там насчет гламура, а вот готские короли — что Теодорих, что Дезидарий — восстали бы из своих мраморных саркофагов, услышав, как имя их народа мешают с этой грязью, — это уж я вам гарантирую. Ну почему с каждым веком, с каждым новым воплощением моя работа становится все труднее и омерзительнее?

— Я говорю правду, — упрямо повторяет гость. — Да, вы правы, я вампир, но я не пью кровь. Уже три месяца.

* * *

Через пару часов их всех прорывает, и они начинают исповедоваться. Это полюбому, к бабке не ходи. Кто бы ни сидел у меня в Убежище — старый домовый, отказавшийся уступать место молодому, когда в дом перебралась новая семья, волк-оборотень, задравший добычу на чужой территории, водяная дева, которую едва не окрестил чересчур ретивый пастор, — все они, отдохнув и переведя дух, возникают на пороге моей комнаты и, заглядывая в глаза, начинают рассказывать, как дошли до жизни такой. Как будто мне интересно!

Правда, на этот раз мне действительно интересно. Потому что мой гость доказал свои абсурдные заявления делом — я принесла из кухни головку чеснока, протянула ему дольку, и он хоть и морщился, но покорно сжевал. И тогда у меня появилась надежда, настолько тонкая, чистая и безумная, что я даже облакаю ее в слова. Правда, когда я пригласила гостя разделить со мной завтрак, он отказался.

— Овощи, сыр, хлеб — это для меня слишком. Я так до рассвета из туалета не выйду. Вегетарианцем мне никогда не бывать. В основном питаюсь слабо прожаренным мясом. Но могу обходиться без живой крови — это уже что-то, не так ли?

— И как же вас угораздило?

— Ну вообще-то это недешево стоило. К счастью, я в свое время сумел припрятать кое-что из семейных сбережений, вот и потряс копилку. Это генетическая терапия. Слышали про генномодифицированные овощи? Ну вот, я такой овощ. Один мой хороший приятель из Института переливания крови разработал вирус. Точнее, сначала он начал работать над генными модификациями, а потом стал моим хорошим приятелем. Словом, сейчас я заражен вирусом, он внедряется в мои клетки и меняет геном, так что мой желудочно-кишечный тракт начинает вырабатывать те же ферменты, что и у обычных людей. Но на ВИИ-инфекцию он не влияет. И... в общем, я то, что я есть. Повышенная чувствительность к прямому солнечному свету, сильная сонливость днем, аллергия на серебро. Но я не пью кровь. Это уже кое-что.

Тогда я не стала спрашивать больше, хоть мне и было любопытно. Знала, через час-другой, когда его немного отпустит, он мне выложит все в подробностях. И, разумеется, не ошиблась. Я давно уже не ошибаюсь в таких делах. Я пошла к себе, забралась под плед и попробовала уснуть. Разумеется, совершенно без толку, потому что эта подлая живучая надежда уже звенела у меня в ушах комариным звоном: «Неужели-неужели-неужели? Неужели впервые за много тысяч лет кто-то из них наконец понял, что нельзя жить, питаясь

чужой кровью, даже если называть это „особой культурой“, „ночной охотой“ или „иной стороной реальности“? Неужели ему хватило храбрости и упорства, чтобы придумать способ и вернуться сюда, на эту сторону? И неужели (неужели□неужели□неужели?) он сумел добраться невредимым до моего Убежища?»

* * *

Тут наш герой и возник на пороге. И начал рассказывать. Без предисловия и, что само собой разумеется, без приглашения. И конечно, не про то, про что мне действительно хотелось услышать, а про свою горькую судьбину. Был он мальчиком из хорошей семьи и родился что□то около 1790 года. Родовое имение под Орлом, матушка, сестры, качели в саду, рыжий пес по кличке Верный. Потом, само собой, — Петербург, офицерство, манеж, балы, шпоры, страстное пожатие нежной ручки между второй и третьей кадрилию, котильонная болтовня. Потом была война, был Смоленск, были кочковатое поле, обжигающе□холодная земля, обжигающий свинец где□то под сердцем.

И была Она. Она была славной маркитанткой славной французской армии, звали ее Жюли. Она подалась вслед за победоносными войсками, потому что предположила, что в общей суматохе никому не будет интересно, что она будет делать с ранеными, оставшимися на поле боя под покровом ночи. Первое время все так и было. Однако она была не слишком разборчива, пила кровь и у своих, и у чужих, и солдаты стали что□то подозревать. Тогда она решила удариться в бег, и юный граф Андрей Сомов стал для нее пропуском в новую жизнь. Она утатила его с того холодного поля, где он уже совсем было собрался честно отдать Богу душу, спрятала в разоренной деревне, выходила, выпила своей кровью, сделала его тем же, кем была сама, охотилась для него, пока он еще был слаб, и, как ни крути, спасла ему жизнь. Поэтому, когда война закончилась, он увез ее в свое имение, и она стала его «мадамой», его «баринской барыней», потом они начали переезжать с места на место, чтобы замести следы, а так как след за ними тянулся кровавый и вонючий, то переезжать приходилось довольно часто и выбирать для житья все более глухие места.

«Это было по□настоящему тяжело, — говорит Андрей. — Возможно, вы слышали о селе Старый Мултан и про того нищего — кажется, его фамилия была Матюнин. Одиннадцать крестьян□вотяков обвинили в ритуальном жертвоприношении. Некий вятский священник даже выступил в печати с якобы собранными им доказательствами распространенных человеческих жертвоприношений у вотяков. „Московские ведомости“, „Новое время“ и другие издания, занимавшиеся травлей инородцев вообще, тут же принялись раздувать эту историю. Было невыносимо стыдно читать все это да еще обсуждать с важным видом где□нибудь на балу у генерал□губернатора. И еще эта шестилетняя грузинская девочка, в ее смерти обвинили евреев. Это было действительно тяжело, отвратительно тяжело. Юлия воспринимала это проще, но, в конце концов, это была не ее земля, не ее соплеменники, да и жила она уже достаточно долго такой жизнью, чтобы привыкнуть ко всему. И все же я еще тогда решил, что так не может продолжаться всю мою жизнь.

Потом в годы революции уехали из Крыма на одном из последних пароходов. Поселились во Франции, снова много странствовали, после реформ Горбачева вернулись в Россию, осели в Петербурге».

И наконец, когда он выговорился, я задаю единственно важный вопрос:

— Тот врач... Как скоро твой клан сможет на него выйти?

— Что? А, вот вы о чем. Да нет, все в порядке. Мы же знали, что может случиться так, что меня раскроют. Мы договорились — если что, я ему бросаю эсэмэску, и он сразу уезжает из города. Я сразу же отослал, как только понял, что пора бежать.

— Ну и молодец.

* * *

В награду за хорошие известия я даже сходила в магазин, купила свиной вырезки и пожарила ее на решетке. В квартиру начинают возвращаться жильцы — девчонки□студентки пришли из института (опять прогуливают последнюю «пару»), молодая мама привела дочку из садика. Увидев, как я достаю свинину из духовки, они озадаченно переглядываются — обычно я не большая любительница мяса. «У меня сегодня маленький праздник, — говорю я. — Приехала в этот город ровно семь лет назад. Вечером придут гости — посидим, выпьем немного». И предъявляю им бутылку красного вина, которую тоже купила в магазине. Соседки понимающе кивают, но в гости не набиваются, знают, что я никогда и никого к себе не приглашаю.

— А ты правда здесь семь лет? — спрашивает Андрей, когда я возвращаюсь в комнату.

Они все об этом спрашивают. После исповеди им становится легче и хочется ответить любезностью на любезность. Я уже давно поняла, что проще отвечать на их вопросы, — тогда они отстанут быстрее.

— На самом деле около семисот, — говорю я.

— Ух ты! — улыбается он. — А... вообще?

— А вообще примерно с тех пор, как неандертальцы стали строить первые святилища из костей мамонта и пещерного медведя. Но я, как и ты, все время переезжаю.

— И... есть другие, как ты?

— Наверное. Но мы не встречаемся — нам нечего друг другу сказать. Знаешь ли, посиделки древних стариков и старушек вроде нас — не самое веселое времяпрепровождение.

— А... у тебя никогда не бывает семьи?

Я пожимаю плечами:

— Разумеется, никогда. Представь себе мужчину, который видит, как жена по ночам пускает в дом разных подозрительных личностей, и не задает вопросов. Представь себе ребенка, растущего в такой семье. Никогда. А теперь ешь.

Он покорно грызет мясо. Ест он смешно. Сразу видно, что за двести лет своей ночной жизни он практически разучился жевать. Никто не говорил, что будет легко.

— Да, — говорит он наконец, справившись с куском мяса, — теперь понятно. Вот ты сказала, что тебя тошнит, когда ты меня видишь. А у нас другое. У нас настоящий культ древности, и мы можем ее чувствовать. Я когда поднялся по лестнице и тебя увидел, мне на колени встать захотелось. Прямо там, среди пыли и окурков. Потому что это... такое чувство... Будто стоишь перед великаном. В этом и есть твоя сила?

— Нет, — отвечаю я. — Это побочный эффект. А сила в том, что в моем присутствии никто не может пользоваться магией. Вы с секундантом не сможете устроить поединок в Убежище. Вам придется договариваться.

— А если мы не сможем договориться?

— Тогда тебе придется сидеть здесь до скончания века. Или уйти. Я — это просто Убежище, пойми. Ничего больше. Просто место, где можно встретиться и поговорить.

* * *

Я не спрашиваю его, почему он решил изменить себя, — это и так понятно, да, в общем□то, и не слишком интересно. Я спрашиваю — трудно ли это.

— Конечно трудно, — говорит Андрей. — Даже не физически, хотя физически тоже трудно, желудок отвык, он отказывается принимать нормальную пищу, просит вкусенького. Я купил книжку о диете, которую назначают больным, с прооперированным желудком или кишечником, и питался по тем схемам: бульоны, отвары, очень□очень долго, очень□очень медленно. Но это все ерунда, уж чего□чего, а времени и терпения у меня хоть отбавляй. Но психологически еще труднее. У нас же вся жизнь заточена под охоту. Днем все время клонит в сон, а ночью, знаешь ли, библиотеки и концертные залы не работают. Или идешь на

вечеринку, или шатаешься по улицам, в любом случае кровь уже горит и рот полон слюны, даже если сыт — азарт не даст остановиться. Телевизор включать нельзя — уже через пять минут хочется съесть всех, кого ты там видишь, просто выпить до дна и выбросить шелуху. Впрочем, иногда, когда становилось совсем туго, я смотрел фильмы про природу Би-би-си или «Дискавери» — фильм за фильмом, час за часом, ночь напролет до полного осоловления. Помогало. И потом голод. Это смешно. Я поел, я сыт, но голод не в желудке, а в голове. Если я не крался за жертвой, не чувствовал, как она билась, не слышал ее стонов, рассудок просто отказывается признавать, что тело сыто. Он требует: «Иди и убей, иначе не будешь спать спокойно». И еще это презрение к жертвам, к тем, к обычным, молодежь зовет их диким словом «терпицы». Я никогда не думал прежде, что это так легко перенять, что оно пускает такие глубокие корни. Что так легко и естественно чувствовать себя выше других и так трудно отказаться от этого. Наверное, тут мог бы помочь психолог, но к какому психологу пойдешь с такими проблемами? В таком деле и два человека — много, а три — уже непростительно много. Кирилл, доктор, он советовал мне посмотреть программу анонимных алкоголиков. Я смотрел их сайт. Они пишут, что нужно найти всех, кому причинил зло, и попросить прощения. Для меня это был бы невероятный труд, но я думаю, рано или поздно придется. Иначе я действительно не смогу смотреть на себя в зеркало.

* * *

Секундант является уже под вечер. Я его знаю — это сам глава клана. Впрочем, ничего удивительного — могу представить себе, какой у них поднялся переполох, когда они всё узнали. Я открываю дверь. Секундант застывает на пороге, потом медленно, не сводя с меня глаз, как-то боком-боком протискивается в дверной проем. Видимо, тот самый побочный эффект, о котором говорил Андрей. Что ж, хорошо, в данном случае он работает на нас.

Если вы думаете, что верховный вампир Центрального района выглядит как какой-нибудь весь из себя депутат или бизнесмен, то ничего подобного. Возможно, в новостройках или где-нибудь в Москве это действительно так — такие у них представления о солидности и значительности. Наш питерский вампир не особо старается — на нем довольно-таки обшарпанная курточка, пиджачок с растянутыми локтями, орденская планка на пиджаке — правда, все медали юбилейные, — тяжелая деревянная палка-трость, темные очки. Он и в самом деле пережил здесь блокаду, и я никогда не спрашиваю у него, как именно пережил, — это из тех вещей, которые я слишком хорошо себе представляю, а потому не хочу знать.

Я ставлю на стол бокалы. Андрей открывает бутылку, разливает вино. Я достаю конфеты в вазочке, печенье, вываливаю в салатницу купленный в магазине готовый салат — на случай, если соседи заглянут за солью или за спичками, они любят заглядывать в такие моменты. Потом мы втроем садимся за стол.

— Я предлагаю такой вариант: ты возвращаешься к нам, а за это мы не трогаем врача, — говорит секундант сразу, без подготовки.

Он слишком встревожен, чтобы ходить вокруг да около. Голос у него хриплый и по-старчески дребезжащий, но мне приходится закусить губу и повыше поднять подбородок, чтобы справиться с собой. Это голос вампира — очень старого и очень сильного вампира, и меня от него трясет.

— Если вы тронете врача, я тут же сдам его убийц, — не раздумывая, отвечает Андрей и, обернувшись ко мне, добавляет: — Вы ведь разрешите мне воспользоваться телефоном?

— Конечно, — киваю я. — Больше того, я провожу вас до отделения милиции, если будет нужно написать заявление.

— Это вы называете нейтралитетом?! — грозно скрипит секундант.

— Вот именно. — Я смотрю ему прямо в глаза, потому что, если перестану контролировать его взгляд, не выдержу, брошу все и побегу в ванную. — Именно это я и

называю нейтралитетом. Убийства для утоления голода — здесь я ничего не могу поделать, люди должны разбираться с этим сами, но, если речь идет об убийстве из мести или о политическом убийстве, я не буду оставаться в стороне. Возможно, вы не представляете до конца, что будет, если вы превратите охоту в войну, но я прекрасно себе это представляю. Видела много раз и не хочу видеть снова.

Приходится щегольнуть древностью своего происхождения. Может быть, это произведет впечатление?

Если и производит, то совсем не такое, какого я ожидала. Старый вампир отводит взгляд от меня и сосредоточивается на Андрее.

— Ну что ж, — говорит он, медленно растягивая слова, будто в самом деле не знает, что делать дальше. — Если нам не удалось договориться, мне придется просить.

И вдруг он соскальзывает со стула и оказывается на полу, на коленях перед Андреем. Андрей невольно отшатывается, но старик хватает его за запястья.

— Мальчик, — говорит он, — послушай, мальчик. Ты ведь в самом деле не хочешь этого. Ты ведь не хочешь погубить тысячелетнюю культуру ради каприза, прихоти, дурного настроения? Что с тобой? Ты поссорился со своей девочкой? Поверь мне, это пройдет, ты и не вспомнишь. Все как-нибудь уладится, и я тебе помогу, но не совершай непоправимых поступков.

— Да не собираюсь я ничего разрушать, — в сердцах говорит Андрей, пытаюсь освободиться от его железной хватки. — И встаньте наконец, зачем вы паясничаете? Я просто хочу уйти, хочу вернуться, хочу стать тем, кем был прежде. Я никого не позову за собой, уж поверьте.

— Ничего ты не понимаешь, мальчик, — говорит старик устало, но так и не поднимается с коленей. — Может быть, сейчас за тобой никто не пойдет. Может быть, следующий дезертир появится через сто лет. Но для нас с тобой сто лет — не такой уж и долгий срок.

— Для вас, но не для меня, — говорит Андрей, и ему даже удается улыбнуться.

— Для меня, — подтверждает старик, — Я оттого и стал главой клана, что думаю о будущем. Что с нами будет, если мы превратимся в этаким охотничий клуб, куда можно войти и выйти? Может, мне начать собирать членские взносы? Может, развернуть рекламную кампанию? Ты думаешь, я не вижу, каков нынешний мир, где все продается, где все напоказ и все понарошку? Ты думаешь, я не вижу, как этот мир стремится разжесть стены нашей твердыни? Ты думаешь, я это допущу?

Он встает на ноги и отряхивает колени.

Андрей что-то пытается объяснить или возразить, но старик взмахом руки заставляет его замолчать:

— У тебя есть время до утра. Если ты вернешься, я забуду обо всем и сделаю вид, что ничего не было. Если предпочтешь прятаться за юбкой, имей в виду, что прятаться придется всю жизнь. Мы будем следить за тобой. Будь осторожен.

И он уходит, не прощаясь. Но хотя бы — о спасибо! спасибо! — не хлопает дверью. А то соседи подумали бы невесть что.

* * *

— Кажется, я втянул вас в неприятности, — говорит со вздохом Андрей. — Поверьте, я не хотел.

Я качаю головой:

— Только себя самого. Мне он ничего не сможет сделать — разве что забить палкой в темном переулке. Да и тут я бы на него не поставила — без своей особой силы он довольно хлипкий старичок, и здоровая женщина вроде меня справится с ним без особого труда. И главное — он не решится враждовать со мной. Без Убежища его молодые горячие парни быстро заедят друг друга. Клань, посягнувшие на Хозяина Убежища, не выживают — это

ему хорошо известно. Так что думай о себе.

— За себя я уже все решил. Только мне, видимо, в самом деле придется какое-то время пожить у вас — пока не соображу еще что-нибудь.

— Милости просим, — улыбаюсь я. — И не думай, что будешь чем-то обязан мне. Это просто моя работа.

Я выпиваю вино из всех трех бокалов и иду на кухню мыть посуду. Я изо всех сил стараюсь не показать ему, насколько я рада. Старик прав в одном — там, где появился один дезертир, рано или поздно появятся и другие. И если Андрею удастся уйти из клана — это будет значить, что лазейка есть. А значит, настоящие люди, волею судьбы ставшие не на ту сторону, неизбежно будут уходить, возвращаться, оставляя всякую шваль, не способную самоорганизоваться. И через много-много веков Ночные Охотники постепенно начнут вырождаться, потом рассеются и наконец исчезнут, как исчезли многие существа, обитавшие на земле до них. И может быть, тогда в один прекрасный день я наконец пойму, что моя работа окончена и наступило время отдыха.

Завтра нужно будет что-нибудь соврать соседям про Андрея. Впрочем, они и так все поймут — по-своему, но это не важно. Завтра. Утро вечера мудренее.

* * *

Когда я возвращаюсь из кухни, Андрей говорит по мобильнику, и я сразу проскальзываю к себе в комнату, чтобы ему не мешать. Но стенки у нас тонкие, и я все слышу.

— Да... Да, это я... Нет, все так и есть... Нет, Юля, ты не права... Нет, поверь мне, это не так... Да... Да, ты ошибаешься... Да, мне очень жаль, но... Нет... Нет, никогда... Нет... Да... Да, конечно... Да, мне очень жаль... Нет... Нет... Ну не надо, прошу тебя... Да... Да, помню... Да, хорошо... Конечно... Нет, подожди... Прошу тебя, подожди... Да... Конечно... Хорошо... Хорошо, я приеду... Я сейчас приеду... Слышишь?... Ну конечно... Ну хорошо, конечно, хорошо... Сейчас... Ладно, пока.

И он снова возникает у меня на пороге — незванный, как несколько часов назад.

— Извините, но... Помните, вы сказали, что, если мы ни о чем не договоримся, я могу остаться или уйти.

— Все правильно.

— Так вот, я, кажется, должен уйти. Я... я ошибся. Я не подумал, что есть обязательства, которые нельзя нарушать, независимо от того, на какой ты стороне. Это было очень глупо. Извините, я, наверное, пойду.

— Конечно, ты прав.

* * *

Я выхожу в коридор, чтобы закрыть за Андреем дверь. Моя соседка-студентка выходит на порог своей комнаты и останавливается, пристально вглядываясь мне в лицо. Ей интересно, сильно ли я разочарована тем, что мой гость уходит.

На самом деле я действительно разочарована, хоть это и глупо. Очень глупо ждать, что все будет быстро и просто. Но я устала. Сегодня был тяжелый день.

«Ничего, — говорю я себе. — Когда-нибудь в следующий раз. Просто я стала к этому на один день ближе».

Юрий Гаврюченков
Ганс & roses

Ганс стоял у входа в гостиницу и ждал Трилиссера. За пазухой, как кошка, грелся

АКСУ. Под нейлоновой «дутой» курткой его не было видно. Ганс караулил клиента. Он выбрал удачный момент: Трилиссер приехал на переговоры и почти всю охрану оставил в Москве. Бизнесмен был труслив, но скуп и оплачивать авиабилеты для всей гвардии не взялся. Быстро в Питер, там все бегом, переночевать в отеле, ознакомиться за ночь с бумагами, утром подписать договор — и назад! На своей земле Трилиссер был неуязвим, а здесь его бери смело. Так Гансу сказал Старый, а у него был надежный источник информации.

Синий «Вольво □940» остановился у входа. Меньше чем через минуту за гостиничными дверями замаячили фигуры бизнесмена и пары его охранников. Приближаясь к дверям, фигуры становились четче, уже можно было различить, кто из них цель. И вот они вышли. Одним быстрым движением Ганс расстегнул кнопки на куртке. Автомат сам упал в руки. Передний секьюрити схватился за кобуру, но пистолет еще надо было достать и зарядить, а «Калашников» давно был готов к бою. Короткой очередью Ганс скосил охранника. Выронив ПМ, тот сломался в поясе и упал. Чуть отступив и прижав АКСУ к животу, Ганс стегнул по второму телохранителю. Положил насмерть. «Вольво □940» с позорной торопливой вальяжностью рванул по дуге от отеля и поспешил наутек.

Трилиссер словно превратился в соляной столб. Он не был готов к такому обороту дела и потерялся. Вытаращенными глазами бизнесмен ошалело смотрел прямо на убийцу, но не видел его. Ганс крепче перехватил цевье и с близкого расстояния засадил в корпус клиента длинную очередь. Снизу вверх и сверху вниз. По вертикали! Пули вспороли Трилссера от паха до закладки на галстук и обратно. Плотная туша бизнесмена содрогнулась, сразу даже не почувствовав влетающий в нее свинец. Тонкие, как иглы, пули 5,45 мм прошивали его насквозь. Трилиссер рухнул во весь рост, брюхо не давало ему согнуться. Ганс подскочил к умирающему бизнесмену и завершил операцию контрольной очередью в голову. Он никогда не стрелял одиночными, а только длинными очередями. За это братва прозвала его Гансом, как того пулеметчика, что прокручивал на дискотеке новые диски.

Три выстрела, пришедшиеся в центр лица, превратили его в страшную маску. Струя пороховых газов, бьющая почти в упор, вздула кожу и выдавила глаза. Пули рикошетили об асфальт, всякий раз подкидывая голову. «Готов», — понял Ганс и глянул исподлобья на вход в отель. За стеклянными дверями трусливо маячили туши гостиничной охраны.

— Нечего смотреть! — крикнул Ганс и высадил по ним весь остаток рожка, дробя в блестящую кашу небьющееся стекло, но взял повыше голов, чтобы не грохнуть кого □нибудь ненароком. Гостиничных быков ему не заказывали, а сверх плана никого не стоило валить.

Сделав свое дело, он скрылся во дворах между серенькими пятиэтажками.

* * *

Пацаны знали Вадима Петровича как чекиста старой закалки. Его не брали ни перестройка, ни реформы, а тут он вдруг сдал, будто заболел. Но его здоровье было тут ни при чем — беда случилась с дочерью. Она хотела обрести вечную жизнь, но вместо этого погубила свою бессмертную душу. Несчастный отец говорил о ней как о мертвой, вернее, как о прекрасной усопшей — именно так показалось Гансу. На других пацанов семейная драма, казалось, не произвела никакого впечатления: Автоматчик с безучастным видом тянул кока □колу, а Мандарин жрал апельсины. Лирические отступления их не интересовали. Но тут Вадим Петрович перешел к делу.

Старый выслушал заказ, сочувственно кивая. Расчетливый ум засиженного уголовника был занят не столько суммой оплаты, сколько перспективами дальнейшей работы. Поймать на крючок полковника столичного управления ФСБ было его мечтой, а заказ повязывал Вадима Петровича с бандитами кровью убиенных жертв. Он хотел уничтожения религиозной секты, исповедующей таинственный деструктивный культ. Секта объявилась в Москве недавно, и компетентные органы не успели взять ее на карандаш. Это позволяло Вадиму Петровичу настаивать на полном истреблении адептов новой веры — все они были

иногогородними.

— Сделаем, — кивнул Старый, тыча в пепельницу окурком. Ему было безразлично, на кого принимать заказ: на сектантов, протестантов или православных христиан.

Договорившись, полковник ФСБ вытащил из карманов пальто четыре увесистые пачки.

— Вот, — сказал он, обводя взглядом уставившихся на упаковки пацанов. — Стрелять будете только вот этим! Стволы под них найдутся? Хорошо. Впрочем, другого калибра все равно нет, не сделали.

«7,62 миллиметра, — смекнул Ганс, пачки были непривычно большими, — под АКМ».

— Цените, — кивнул на патроны фээсбэшник. — Большой раритет, между прочим.

— А чего в них такого особенного? — поинтересовался Старый. — Они что, золотые?

— Серебряные, — холодно ответил Вадим Петрович. — Поэтому использовать будете только их.

Автоматчик разорвал пачку и высыпал на стол патроны. Пули были серыми — настоящее потемневшее от времени серебро, не покрытое защитным слоем лака.

— Серебряные, — протянул Мандарин. — Мы на оборотней, что ли, собрались?

— Сектанты не оборотни, — неловко отведя глаза, сообщил полковник ФСБ. — Они — вампиры.

* * *

В доме номер тринадцать по улице Черепанова сектанты откупили половину шестого этажа и поставили на лестничной клетке железную дверь, отгородив себе еще кусочек полезного пространства. У нее и собрались пацаны во главе с Вадимом Петровичем.

— Времени у нас предостаточно, — наставлял фээсбэшник, пока Мандарин колдовал над замком. — С момента первого выстрела будет минуты полторы. Пока соседи в милицию позвонят да пока самая ближайшая машина подъедет, это если поблизости окажется такая машина... В общем, времени — завались. Мы будем действовать быстро: проходим по комнатам — сектанты три квартиры соединили вместе — и мочим всех, кого увидим. Без разбора!

— Господь на том свете рассортирует! — хмыкнул Автоматчик и передернул затвор.

В этот момент Мандарин справился с замком.

Киллеры ввалились в подобие прихожей, куда выходили двери трех квартир. Ганс углядел слева хлипкую дверь из крашеного оргалита и пнул ее со всей силы. Косяк содрогнулся, но выдержал. Тут же по ней врезал каблуком Автоматчик. Дверь распахнулась, словно выбитая пушечным ядром. Гангстеры влетели в коридор, Мандарин дернул на себя дверь в ванную — никого, Вадим Петрович проверил комнату.

— Пошли! — махнул он братве дальше по коридору, тускло освещенному из дальнего конца.

Автоматчик и Ганс, обогнав его, влетели в следующую квартиру — они соединялись широким проемом в стене.

Тут им повезло. Автоматчик увидел метнувшуюся к окну тень и нажал на спусковой крючок. АКМ стукнул дважды, Автоматчик берег патроны. Тень переломилась в поясе, ее отнесло на стену — тяжелые пули 7,62 мм обладали неплохой ударной силой. Ганс подскочил к упавшему, перевернул ногой, заглянул в лицо. Это был пожилой бородатый мужчина с мешками под глазами, нижняя челюсть отвисла, из густой волосни проглядывали длинные белые клыки.

«Точно, вампир! — подумал Ганс. — Гадость какая!» Он пропустил Вадима Петровича и ринулся следом. Впереди грохнули в два ствола Автоматчик и Мандарин.

Сектантов истребили безжалостно и быстро. Серебряные пули скосили намертво всех, не разбирая, кто вампир, а кто нет. Гансу пострелять так и не удалось. Бандиты выбрались на лестничную площадку, оставив за собой изрешеченную пулями квартиру и шесть трупов. На все у них ушло девяносто четыре секунды.

* * *

Вадим Петрович спал тревожно, нервно, без сновидений. Он пробудился среди ночи, как теперь случалось с ним не раз. Сел на кровати, включил торшер, закурил.

После смерти жены ему довелось воспитывать дочь самому, а это было нелегко — много времени уделялось работе. И вот не уследил: проклятая секта засосала дочь и не желала возвращать, даже полностью прекратив свое паразитическое существование. Вадим Петрович ненавидел вампиров, белых братьев, свидетелей Иеговы, остальных потерпевших и вообще всяческие конфессии. Союзы и партии он тоже ненавидел.

Дочь! Он прошел к дальней комнате и остановился перед железной дверью с глазком. Окно в комнате было заклеено газетой и защищено толстыми прутьями решетки, приваренной изнутри. Вадим Петрович заглянул в глазок. По комнате быстро метнулась почти бестелесная тень. Существо, содержащееся за дверью, лишь внешне напоминало дочь, но в остальном уже не имело ничего человеческого.

Вадим Петрович хотел произнести ее имя — и не смог! У нее теперь не было имени. Прислонившись к двери, он тихо заплакал, поначалу не обращая внимания на приятный запах, достигший его ноздрей.

* * *

Ганс и Автоматчик заехали к Старому в полдень, как условились накануне. На звонок никто не открывал. Автоматчик рефлекторно подергал ручку, и дверь легко отворилась. Гангстеры, малость оторопев, переглянулись. Незапертая дверь не сулила ничего хорошего. Они осторожно вошли в квартиру.

— Старый! — на всякий случай позвал Ганс. — Это мы пришли.

Старого они нашли в гостиной. Он лежал лицом вниз, будто заснул, выбрав неудачное место, как это случается с перепоя. Но он не спал. В этом Ганс убедился, присев на корточки и качнув Старого за плечо. Его голова резко откинулась, открыв черную дыру глотки. Она была почти целиком отгрызена чьими-то острыми зубами и держалась на куске кожи.

— Крови нету, — прошептал Автоматчик, — ни капли, ты посмотри!.. Будто ее всю выпили.

— Мы — следующие, — смекнул Ганс и быстро поднялся. — Надо взять Мандарина и навестить Вадима Петровича. Это сделали сектанты. Кажется, мы кого-то упустили.

* * *

Гангстеры впервые были в квартире офицера госбезопасности, но никому из них даже в голову прийти не могло, что там есть своя маленькая тюрьма.

— Слушай, — изумленно протянул Мандарин, заглядывая в дальнюю комнату, железная дверь была распахнута настежь, — это че, получается, что у всех чекистов дома устроен КПЗ?

— Наверное. — Автоматчик заглянул в глазок. — С умом устроено, всегда можно подшнифтить, а вот кормушки нет — странно, как он эзков кормил?

Гангстеры топтались по квартире Вадима Петровича без всякой опаски. Сам фээсбэшник неподвижно сидел на кровати и глядел в стену пустыми глазами зомби. Он был жив, но на вопросы не отвечал. Даже Автоматчик, предложивший братве после неудачной попытки разговорить чекиста спилить ему зубы напильником, отбросил затею как заведомо напрасную. Трое киллеров, оставшиеся без пахана, действовали энергично и решительно. Приехали к Вадиму Петровичу домой и нашли дверь незапертой. Вошли. И теперь осматривались и удивлялись.

— Камера на одно посадочное место. — Ганс подошел к окну и дернул решетку. — Что

он там про свою дочь говорил?

— Что она с сектантами... это... — Автоматчик запнулся, потому что не смог вспомнить ничего определенного об участии чекистской дочки, а сам Вадим Петрович ничего конкретного не сказал.

— Что она душу бессмертную погубила, — напряг извилины Мандарин.

— Точно, — обвел взглядом комнату□камеру Ганс. — Здесь□то он ее и держал, она тоже стала вампиром.

Ему показалось, будто в воздухе пахло розами. Розы Ганс любил пуще других цветов.

— Пахнет апельсинами, — пробормотал Мандарин. — Пойду открою.

Автоматчику казалось, будто пахнет мясом. Жареным и очень вкусным. Зачарованно улыбаясь, он двинулся в прихожую вслед за Мандарином. Тот уже возился с замком. Дверь распахнулась, на пороге промелькнула быстрая беззвучная тень. Пленный мясным ароматом, Автоматчик стоял и смотрел, как девушка прилипла к шее Мандарина, энергично двигая челюстями. Раздалось жадное, утробное чмокание. Вскоре и сам Автоматчик почувствовал укус.

Из коридора донесся шум, возня, какие□то странные звуки. Обоняя душистые розы, Ганс все же не терял головы. Под курткой у него грелся АКМС с полным рожком серебряных патронов. И когда из прихожей вдруг появилась девушка с окровавленным ртом, Ганс одним быстрым движением расстегнул молнию на куртке, скинул флажок предохранителя и полоснул в цель. Он привык стрелять длинными очередями, от которых не мог увернуться даже самый ловкий вампир. Девушку отбросило в коридор. Она упала и теперь уже по□настоящему умерла.

Откинув для надежности плечевой упор АКМС, Ганс подошел к прекрасной усопшей. Грудь и живот ее были изорваны пулями. «Готова», — понял Ганс, не переставая нюхать невидимые розы, хотя в комнате жутко воняло порохом. Ощувив движение за спиной, он обернулся, но выстрелить не успел. Массивные острые клыки Вадима Петровича перекусили ему хребет и в несколько рывков почти отгрызли шею.

* * *

Государственные награды офицерам ФСБ президент вручал лично. На закрытом торжественном собрании в Колонном зале Кремля присутствовали заслуженные офицеры старой, брежневской закалки. В кругу доверенных лиц президент обходился без охраны за спиной. У президента было хорошее настроение. Ему казалось, будто в воздухе заметно пахнет корюшкой. Характерный такой запах жареных огурцов... Он заставил президента расслабиться и заулыбаться. Подошла очередь высокого полковника, изо рта которого, как вдруг заметил президент, выглядывают длинные белые клыки. Однако эта странность не насторожила его, наоборот, побудила ласково улыбнуться. Запах и полковник с клыками были тесно связаны, что только порадовало главу государства. В Москве не было корюшки, а президент очень ее любил.

Мария Акимова

Охота

Меня трясло. Озноб поднимался из живота, морским ежом раздувался в груди, драл горло. Литры выпитого кофе не разогнали его, только сердце колотилось, будто решилось вырваться и облететь город. Казалось, все кругом догадываются... Да что там, знают: погода тут ни при чем, все куда чуднее. Я втянул голову в плечи. Кулаки утонули в заледеневших карманах, а подбородок врезался в жесткий край воротника, но теплее не стало.

Человеческая река, плотно обхватывая со всех сторон, перекатывала, трепала, ни на секунду не давая прерваться болезненной дрожи. Кто□то обгонял меня, задевая плечами, кто□то дышал в затылок. Бежали, ползли, семенили все эти усталые, бодрые, борзые,

невидимые. Людей было уже слишком много. Таких рассеянных, таких податливых. И они пахли... Чертовски приятно.

От боли перехватило дыхание. Я сбился с шага, и немедленно налетели, обругали и помчались дальше, оставив на моей одежде свои запахи. А если попросту толкнуть кого-нибудь, будто бы случайно? Человек ведь может пораниться? И тогда предложить ему платок... И тогда... Только нет платка.

Мои выдохи все больше походили на рык или вой. Еще чуть-чуть, и услышат. Бросятся в стороны. Кто-нибудь завопит. Чего пялитесь? Никого не трогаю. Такой же, как все. Ничем не отличаюсь.

Надо было вырваться, отойти в сторону. Дать себе передышку и перестать озирааться. Знаю, что на самом деле безразличен им всем. Пока держу себя, никому нет дела. Пока держу, они и не смотрят на меня. Но все равно так отчетливо ощущались на затылке чужие взгляды, словно кто-то целился из дустволки.

На последнем повороте, у самого входа в кафе стена была измазана кровью. Бурые пятна на светлой извеске, смазанные полосы и засохший отпечаток ладони — наверное, пьяному дали в лицо. И он стоял, пошатываясь, стирал вязкую, густую жижу с лица. Давился ею. Держался за угол, чтобы не упасть, и метил, метил все кругом своею кровью.

Едва удержался, чтобы не вцепиться зубами в кусок мокрой стены. С ума я сойду...

Ксения сидела у заиндеветшего окна. Одинокaя чашка кофе. Полная окурков пепельница. Официант устал бегать, отчаялся и оставил посетительницу в компании пустых пачек и пустых размышлений. Не успев толком оглядеться, я понял, что ничего не изменилось. Ксюша не улыбнулась мне, напряглась. Зажженная сигарета сломалась в пальцах и немедленно была заменена новой.

Ни слова о моем опоздании, поэтому я не стал извиняться. Сел напротив, так чтобы мы и случайно не коснулись друг друга.

— Совсем зима... Так некстати.

Реплика не требовала ответа. Мне, видимо, отводилась роль молчаливого статиста. Я плотнее запахнул куртку и замер. Маленький зал мягким полумраком окутывал наши фигуры. За пределами световых полос угадывались движения персонала, но ни их самих, ни голосов. Бал привидений.

— Не думай, пожалуйста, что я нашла кого-то лучше. Это нелегко объяснить...

Огонек сигареты вздрогнул.

Что тут объяснять? Я пришел в глупой надежде, что она придумает невероятный, нереальный выход. Или решит оставить все как есть. Или... просто не будет меня бояться. Хотя бы это. За пять лет я, наверное, заслужил такую малость.

Впрочем, все равно. С того момента, как она заперлась в ванной и кричала: «Уходи!», все пошло прахом и перестало иметь значение.

За окном тяжелый снег мелькал в желтых пятнах фонарей и превращался в грязные лужи. Тучи переплетались над крышами домов стаями китов, обезумевших от брачных игр. Небо осыпалось на землю, обесценивая любые разговоры накануне конца.

Не стоило мне приходить.

— Я не могу больше с тобой быть. Ты не *такой*, понимаешь. — Она впервые подняла глаза. — Понимаешь?

Мой выход: меланхолично пожать плечами, кивнуть и внимать дальше. Ее бледная с синими прожилками рука грубо затушила окурок. У нее теплые мягкие руки и очень тонкая кожа на запястьях. И если... Рот наполнился горькой слюной. Опираясь на столешницу, я поднялся. Глянь-ка, испугалась. Где бы ты сейчас прятаться стала? Под салфеткой? И не надо в меня палочками целиться, не страшно — я же не ролл с огурцом. Что угодно, но только не он.

Толчками просыпался голод. В глазах темнело. Заставил себя успокоиться и молча выйти. Кажется, она меня все-таки позвала. Кажется, это уже не имело значения.

Воздух вливался в легкие пузырящимся шампанским, от холода ломило зубы. До чего

приятное ощущение свободы. «Ты не такой, понимаешь?» Кому же понимать, если не мне?

Черно-белый газетный лист пролетел над моей головой флагом финиша. И старта.

Станция была пуста.

Он с тревогой посмотрел через плечо. Но увидеть меня не смог. Оказалось, стать невидимым легко: достаточно самому поверить, что ты пустое место.

Голод тяжело ворочался внутри, подгоняя и не давая расслабиться. Светлый затылок парня удалялся, но время терпело. Некуда мне торопиться.

Он мог сесть в вагон подъехавшего поезда или побежать на эскалатор. Или... что угодно. Черт возьми, я же не желал ему зла!

Эхо двух медленных шагов замерло под сводами — он остановился, чтобы заменить батарейки в плеере. Поезд с гулом ушел.

Я оттолкнулся от стены. Сердце рвано меняло ритм, подстраиваясь под его частоту. Здесь ни-ко-го. Это всего лишь морок. Тень. Наглый серый призрак, которому захотелось погулять. Воздух со свистом вырывался сквозь сжатые зубы, он слышал мое дыхание сквозь треск динамиков, но, словно во сне, оцепенел и никак не мог повернуться. А я теперь стоял слишком близко, чтобы отпустить его.

Клыки мягко вошли в кожу, несколько капель скатилось на пол. Я впился в горячую, терпкую плоть, перекачивая во рту коктейль из сладкой крови, солоноватого пота и жестких ниток свитера. В голове прояснилось. Каждая черточка реальности обозначилась ярко и сочно. Гранитные стены запестрели несчетными оттенками серого. Провода в туннелях загудели изумительной музыкой. Долгожданное воскрешение. Мама моя дорогая, как же долго я сам себе мешал жить.

— СТОЙ! — взорвалось за спиной.

Чертями из табакерки из-за газетного ларька выскочили трое. В воздухе запахло серебром и святой водой. Не вовремя как. Я отбросил обмякшее тело и, не раздумывая, прыгнул с перрона. Стараясь не коснуться рельсов, нырнул в темноту туннеля. Что-то ударилось совсем рядом, в облицовку. Осколки керамики и бетона осыпались на грязные пути. Почти попали, но «почти» не в счет.

Дура в спецовке заткнулась, как только Влад сунул ей сто зеленых «рупий». Повращала глазами, пораздвигалась для приличия, но быстро усекла, что больше не обломится. А красные корки Ильюхи намекнули на то, что и это могут обратно забрать.

— Коза. — Влад сплюнул на пол, раздраженно, но без особой злобы глядя вслед станционной смотрительше.

— А ты как хотел? — отозвался Илья. Удостоверение пожарной охраны водоканала, отработав свое, исчезло в бесконечных карманах его необъятной куртки. — Следом на рельсы скакнуть, резвый ты наш?

«Резвый» скис. Убежать от поезда он не смог бы и в пору спортивной юности, а тем более сейчас, набрав пару десятков килограммов пусть мышечной, но массы. Но все лучше, чем Илон-бульон — как был по малолетству шарик, так с годами в дирижабль и вырос.

— Ладно, замяли. У вас там чё? — обернулся Влад к третьему компаньону, который не участвовал в переговорах с властями, а взял на себя роль полевой сестры и бинтовал «приманку».

Издавека «сладкая парочка» напоминала двух забулдыг, один из которых не вовремя решил присесть. И утеплить горлышко. Бедняга. Где только откопался такой придурок, чтоб добровольно подставиться? Станный тип. Да и тот, что его притащил, не лучше. Владу не нравился отблеск святости, то и дело проступавший на морде тощего Ловца. Ловец, бля. Ни имени, ни фамилии, одни кликухи позорные. Провалит дело волонтер идейный.

— Ну, чё? — повторил здоровяк, подойдя к нему.

— Все в порядке, — ровным голосом отозвался Ловец, — артерия не задета, можно продолжать.

— Продолжать... — Влад оглянулся на давнего кореша. — Оне продолжать желают.

Илья посмотрел на часы, нарочито зевнул и пожал плечами:

— Не сегодня, настойчивые наши. Зверек ушел, следы затерялись во мраке подземном.

— Не срослось, — перевел Влад. — Закругляемся. Вон твой дружок посинел ужо. И я не позарился бы.

— Я нормально. — Белобрысый открыл глаза и неуклюже поднялся. Стоял нетвердо, рюхал по одежке тряпочкой — от сора чистился.

Герои комсомольцы. Зои Космодемьянские, глядите. Блин, ну говорил же Ильену: не берем в компанию кого попало. Ни веселья, ни азарта, дурь одна. Башки две, а дурь одна. Здоровая и тупая. Ну на фига орать было? Подобрались бы молча, сделали свое дело и по домам с трофеями. Нет, твою мать: «Всем выйти под лампу для лучшей освещенности». И в красивую позу. Хорошо, лошадей в метро не пускают, для полной феерии Ловец приволок бы парочку. К гадалке не ходи.

— А у нас не лошади — ослы.

Илья ткнул друга в плечо, понимая, что тот с досады накручивает себя и дело скоро обернется дракой. Тогда отмазываться придется и деньгами, и звонками, и выбитыми зубами. Влад заглох, уступая.

— Все можно исправить. — Ловец распрямился длинной угловатой жердью. — Зверь голоден, он вернется к своей жертве.

— Ага, как же!

Илья повысил голос, оттесняя Влада и напоминая, кто в команде старший.

— Это, изобретательные наши, красивая теория. Убийцы не всегда возвращаются. Если они с мозгами, конечно.

— Он вернется, — уверенно отозвался новичок и многозначительно поправил духовую трубку, спрятанную в длиннополом пальто.

Влад картинно закатил глаза. Противно было признавать, но настойчивость урода ему чем-то нравилась. Да и обидно было так тупо потерять хороший вечер. Тем более когда еще найдется приманка-камикадзе? Даже две приманки. На немой вопрос здоровяка толстяк кивнул с едва заметной усмешкой.

Голод не прошел, но успокоился. Я летел вперед, чувствуя изумительную ясность в голове и легкость в ногах. Неяркие лампочки, навинченные по стенам, делали вид, что разгоняют мрак, но и без них путь был отчетлив, как днем.

После темноты туннеля свет станции переливался северным сиянием. Я подтянулся, запрыгнул на перрон, стряхнул с куртки пыль и, не торопясь, пересел на другую линию. И все...

...Два раза ко мне подходила дежурная, и оба раза пришлось ее убеждать, что не сплю и не собираюсь. Уходить не хотелось, да и вряд ли меня искали в метро. Кем бы там они ни были.

Во рту держался вкус чужой жизни. Это словно быть собой и еще кем-то. Кем-то лучше, сильнее, умнее. Сверхсобой. Ощущение трепетало огоньком свечного огарка и готово было вот-вот погаснуть. Накатывала тоска, едва слышный голосок внутри твердил: «Это не ты, это твоя одержимость. Тебя больше нет».

Нет меня? Врешь, присмотришься получше. Ничего не изменилось, только теплее стало. Теперь я понимаю, что все это время лишал себя собственной жизни. Своей дорожки в бредовом никчемном мире, где тебя кинут, стоит только рассмотреть, что ты не такой. Да пожалуйста! Валите! Кому вы нужны? Только таким же слепым мышам. Сбивайтесь в стайки, так вас легче ловить.

Нет меня? Да и не нужно! Я был никем, а стал... «Всем?» — насмешливо прозвучало внутри.

Скамья рядом скрипнула, и через мгновение приятный женский голос запел что-то трогательное про облака и дорогу под ними. Пел для себя — во весь голос, но неясно

произносятся слова и целые строчки. Я открыл глаза, девушка на другом краю сидела, запрокинув голову и сцепив на коленях пальцы с обкусанными ногтями. Вдруг оборвав куплет, она посмотрела на меня:

— У вас несчастное лицо. Вы заболели?

Я покачал головой:

— Скорее, потерялся.

— Где?

— Не помню.

Пол расплывался, туман снова повис перед глазами, и лица девушки было почти не разглядеть — только два темных глаза и дрожащая жилка на шее. Жар подкатил к голове и выступил испариной на висках. Я поднялся.

— Вспоминайте, а то никогда не найдете. И простудитесь.

Она стащила с плеч толстый шерстяной шарф, подошла и старательно обмотала его вокруг моей шеи. От ее кожи тонко пахло фиалками. Я сжал кулаки и провел языком по пересохшим губам. Не надо, милая. Убегай. Беги и не оглядывайся. Девчонка смотрела, не мигая, но не с испугом, а жалостливо. И новый «я» съежился, забился глубже, а идиотский голос в голове, напротив, окреп и сделался невыносимым.

Нет. Не сейчас. Не хочу. Поздно. Отступая прочь, я искал выхода, возврата к силе и бесшабашной воле. Надо обратно. Надо туда, где тот. Не мог он уйти далеко.

Девчонка запела что-то вовсе невозможное: то ли псалом, то ли похожую хрень. Хватит с меня музыки. Я заскочил в ближайший вагон и отшатнулся от окна, когда сумасшедшая дура перекрестила меня вслед.

— А он допрет, где искать?

— Не сомневайтесь, нюх у него должен быть отличный.

— И слух, наверное, тоже, ученые мои.

— Да, заткнулись по-бырому. Эй, козленок в молоке, стони менее пафосно.

Он ушел. Как? Куда?! Его не увезли, следы отчетливо рисовались на шершавом камне. Вот здесь стояли трое, а тут он. Потом все вместе пошли к выходу. Вместе... Но они же могли расстаться. Почему бы нет?

Я бежал вверх по эскалатору. Сил почти не осталось, кололо в боку, воздух рвал легкие. Мне не нравится быть таким. Не хочу! Где ты? Где?

Рядом.

Морозный воздух нес вонь машинного масла, химической грязи, гари, мерзкой жратвы и людей. Чужих ненужных людей. До поры ненужных и чужих. Только до своего часа.

Тоненький знакомый аромат едва пробивался сквозь эту какофонию. Я поймал его, уцепился, ноги сами понесли по следу.

Темный переулочек манил к себе. Но дважды обострившееся чутье уводило прочь. И трижды голод возвращал обратно. Ветер кидал в спину ошметки снега, толкал вперед. Кровь манила. Только проверить. Заглянуть — и назад. Вдруг его и нет там. Одним глазом. Только заглянуть.

Ботинок увяз в невидимой трещине. Что-то ударило под колено. Я полетел лицом вперед. Попытался приземлиться на бок. Темная фигура, короткий замах и боль в ребрах. Еще удар, и меня перевернуло навзничь.

Диковинная, витая трость острым наконечником уперлась в мою грудь. Замутило от запаха мокрого серебра. Зря потратились — подошел бы любой металл. Гвоздь, арматура, вилка — все равно. Они и пахнут одинаково — горечью, кровью и страхом. И жгутся. Никакая одежда не спасает.

Я пытался сильнее вжаться в землю.

— Ну, набегался, неугомонный наш? — Толстяк, вдавивший меня в слякоть, звучал добродушно, но глаза были под стать палке. Такой не отпустит. Такой даже не отвернется.

Второго — огромного качка — мое ерзанье веселило, будто только за этим они устроили засаду. А последний — самый гадкий, зализанный и смердящий «высшим промыслом» — вынул из коробка три спички и, обломав одну, зажал их в кулаке.

— Вот и все, паря, — наигранно посетовал здоровый.

«Вот и все», — отозвалось в голове.

— Оружие на землю! — рывкнули из-за спин злые, казенные голоса. — На землю, я сказал! Толстый, тебе говорю! Оружие на землю, руки держать на виду.

Две фигуры перекрыли выход в проулок — мужчина и женщина в синей форме без погон и знаков различия. Только на левых рукавах нашивки с белым единорогом. Два «макара» смотрели в упор на моих преследователей, которые стушевались и растерянно расступились.

Мужчина в форме, не опуская взгляда, бормотал в рацию: «Трое. Вооружены. Возможно сопротивление».

— Эй, чуваки, какое сопротивление? Спокойно, мы же свои. — Арбалет качка уткнулся в сугроб.

— Тамбовские волки тебе свои, — презрительно бросил «форменный».

Его напарница носком сапога отпихнула в сторону и арбалет, и длинную трубку, а трость одним движением вырвала из цепких пальцев владельца. Дышать стало легче. Женщина внимательно осмотрела деревяшку, понажимала на выступы, хмыкнула и чему-то улыбнулась.

— Затейники. Борис, держи их на прицеле, от греха. Старший инспектор Фролова. Ваши документы.

— Инспектор *чего?* — Здоровяк попытался перехватить инициативу, поигрывая мышцами и включая обаяние на полную мощность.

— Всего, — отрезала женщина и едва уловимым движением оказалась так близко, что тот без труда мог разглядеть сетку морщин вокруг ее злых и уставших глаз. — Документы.

— Да какие вам документы, господа хорошие? Такие пойдут? — Удостоверение в пальцах толстяка казалось крошечным и хрупким, из него, ни на что не намекая, торчал уголок зеленой купюры.

— Такими ты можешь подтереться, — осклабился Борис. — Нет у них ничего, Лессана Олеговна. Дело само шьется.

— Какое дело?! — вдруг заорал длинный, брызжа слюной. Все вздрогнули — голос звучал, будто звук пилы, застревающей в сыром бревне. — Куда вы лезете?! Зенки раскройте! Это ж тварь, нелюдь! Он вас сожрет, не подавится! Давить таких надо! А вы валите, не мешайте!

— Ясно, документов нет, сопротивление налицо, — спокойно отозвалась женщина. — Зови мальчиков, Боренька. Нашли мы браконьеров.

«Мальчики» в привычной и понятной форме цвета маус вульгарис стремительно заполнили все свободное пространство. Не вступая в переговоры, они легко скрутили мужчин и под короткие, но емкие понукания потащили их прочь. Те опомниться не успели, один только толстяк все кричал: «Ну, какое сопротивление, гражданка начальница. Почти сам иду».

Я старался не бросаться в глаза и не попадать под ноги. Надеяться на то, что обо мне забудут, было наивно. Но все-таки... Вдруг... Устал я... От слабости делалось тошно. Глаза закрывались...

О, прозвучало над моей головой, — как плохо. Он по ходу дела голодный. Вон, почти отключился. Нет, Боря, намордника не надо. Так справимся. Вот ведь говнюки, едва до смерти пубертата не загоняли!

— Чего, настоящий? Ого!

— Первый раз? Ну, вот гляди: клыки только прорезались, десны розовые. Щенок совсем. — Чужие пальцы хватали за лицо, оттягивали губы, сквозь дремоту я пытался сбросить их, но женский голос только смеялся. — Строптивый, гляди-ка.

— Может, зря все? Он агрессивный, похоже, все одно на усыпление.

— Там посмотрим. Тесты сделаем, проверим. Смотри, крепкий какой. Хороший. Ты попрочней клетку носи.

Железо окружило, навалилось запахом и жаром. Я ежилась, задерживал дыхание и все пытался сказать о том, что мне больно. Но они словно не слышали. Или не понимали человеческой речи.

Майк Гельперин, Александр Габриэль Персональный вампир

Впервые я увидел его... Нет, не так. Сначала я его не увидел, почувствовал.

Была бедовая, разухабистая вечеринка в мою честь. Справляли в «Анне Керн» на Арбате, заведении вычурном, помпезном и претендующем на причастность к литературе. Хмельной Марат, перекрывая шквалы музыки, орал невразумительные тосты. Инга хмурилась, катала в ладонях бокал с замысловатым, в три цвета, коктейлем. А расхристанный дерганый парень на сцене хрипло вбивал в микрофон «Разрешите мне зайти с козырей».

Разрешите мне зайти с козырей, разрешите мне уйти с молотка и остаться возле ваших дверей — не навечно, а хотя бы пока. Я пытался отыскать в речке брод, но — глубокая повсюду вода... Мой знакомый от ворот поворот по старинке не ведет никуда.

Я слышал этот шлягер в сотый, в тысячный раз. В миллионный. Я давно уже перестал воспринимать слова. Они больше не были моими, написанными десять лет назад за ночь. В ту чудовищную, жуткую ночь, когда Инга сказала, что от меня уходит. Слова, наотмашь саданув по болевым центрам, разодрав гортань и разворотив слезные железы, вырвались из меня, отвесили на прощание пощечину и ушли жить собственной, не забитой алкоголем и дурью, не заляпанной изменами и выбросами тестостерона жизнью. Через месяц они, умопившись между нотными строками, оделись в музыку и разлетелись по стране. Динамики, заходясь от натуги, швыряли из себя наружу переставшие быть моими слова, и те вторгались, вламывались, ввинчивались людям в ушные раковины, плутали в извилинах мозга и по ним скатывались вниз, в область сердца, туда, где, по слухам, живет душа.

И чем дальше — тем больнее тоска, тем безверие сильнее и острее... Разрешите мне уйти с молотка. Разрешите мне зайти с козырей.

В тот момент, когда Марат, осатанев от собственного многословия, бросил идиотский тост и проорал наконец «Выпьем, мать вашу»... Когда Инга залпом опорожнила хрустальную усыпальницу трехцветной экзотики... Когда расхристанный парень на сцене харкнул в микрофон последним переставшим быть моим словом, а музыка, дрогнув в конвульсивном спазме, умерла... В этот самый момент я почувствовал на себе взгляд. Нет, скорее это был не взгляд, а прострел. Нечто циничное, вкрадчивое нащупало меня, ехидно цокнуло языком, ухмыльнулось, на мгновение замерло, а затем, размахнувшись, полоснуло по груди хирургическим ланцетом и отсекло сердце. Ухватило его, выдрало аорту, извлекло наружу и принялось изучать.

Я поперхнулся «Немировым», задохнулся страхом и болью. Ополовиненная рюмка выпала из ладони, остатки водки плеснули на скатерть. Сумрачный ресторанный зал накренился вдруг, закачался, и я лихорадочно вцепился в край стола дрожащими пальцами, чтобы не упасть.

— Олег, что с тобой? Олег! — метнулся ко мне Марат.

Мир поплыл. Кто-то хлопал меня по спине, кто-то кричал, что нужно врача, кто-то тыкался кромкой бокала с водой в губы, но все это оставило меня безучастным. Неспособный даже двинуться, не в силах вымолвить слова, я завороченно смотрел, как сумрак в дальнем углу зала сгустился и затвердел. Из серого он стал черным и замер, но потом закачался, разбух, за клубился белесым дымом. И из него, из этого вязкого, шевелящегося марева, словно цирковой фокусник после пиротехнического трюка,

материализовался вдруг человек.

Он шел через зал ко мне, длинный, черный, с расплывшимся, смазанным дымным пятном на месте лица. Он подкрадывался неслышными медленными шажками, и я, спеленутый ужасом, оцепенело глядел на него. А потом... потом я его узнал.

— Олег! — наконец ворвался мне в уши заполошный голос Марата. — Оле□е□е□е□е!

Я судорожно выдохнул. Меня отпустило, зал перестал качаться и крениться, струйки дыма развеялись, и предметы обрели устойчивость. Придурковато лыбясь мясистыми губами на худосочном бескровном лице, ко мне двигалась вовсе не демоническая личность, а самая что ни на есть заурядная. Мой бывший сокурсник по филфаку МГУ, страшный зануда, наглец и патологический двоечник Витька Лопухов, по кличке Лопух. Я припомнил, что в последний раз видел Витьку уже после выпуска, лет эдак пятнадцать назад. И было это на собрании литкружка, откуда Лопуха после долгих мучений наконец выперли за чудовищную, едва ли не фантастическую бездарность.

Не прекращая лыбиться, Лопух приблизился, без спроса уселся на свободное место за столом, не глядя двинул к себе пустую рюмку и вопросительно уставился на меня. Был он в черном, пижонистого покроя пиджаке и черной же с высоким воротом рубашке. Узкий белоснежный галстук разметочной полосой на гудронном шоссе пробежал от ворота к ремню.

— Олег, кто это? — растерянно спросил Марат. — Тебе лучше, Олег?

Я мотнул головой, разгоняя остатки морока. Звуки и краски вернулись, в голове устаканилось, а незванные мои визитеры, страх в обнимку с ужасом, откланялись и убрались прочь. Мой друг Марат, единственный, верный и настоящий, тот, который с детства, который навсегда, сжимая мне предплечье, тревожно заглядывал в глаза.

— Всё, я уже в порядке, — выдохнул я, — спасибо, дружище. Видимо, временная слабость... Знакомьтесь. Марат Дорофеев, композитор. Виктор Лопухов, э□э... — Я замялся, не имея ни малейшего представления, чем Лопух добывает себе хлеб насущный.

— Безработный, — помог определиться Витька. — Профессионал. Мне здесь сегодня нальют?

— А собственно... — Я вновь замялся. Проклятая интеллигентность не позволяла спросить, что он, собственно, делает в банкетном зале, закрытом по поводу праздника в мою честь. В список приглашенных Лопуха я точно не включал, да и неудивительно, сто лет прожил без такого гостя и еще двести бы сдюжил без малейшего сожаления.

— А собственно, я пришел тебя поздравить. Бунинскую премию не каждый день ведь вручают, не так ли? — Витька, по□прежнему глядя мне в глаза, нашарил на столе бутылку водки и плеснул в рюмку. — Хочу с тобой выпить, ты, надеюсь, не против? И вообще, не дело, что мы столько не виделись, друг мой Олег Вронский. Но ничего, я теперь буду у тебя частым гостем.

— В каком смысле? — спросил я ошеломленно.

— В прямом. — Лопух опрокинул рюмку в губастый рот. — С сегодняшнего дня можешь считать меня своим куратором.

— Что? Кем считать?

— Ты не расслышал? Ку□ра□то□ром. Твоя баба? — кивнул он на Ингу.

— Вот что, куратор, — сказал я со злостью, — тебе не кажется, что это не твое дело?

— Кажется, — признался Лопух и поднялся. — Или не кажется. Что ж, приятно было повидаться.

Он повернулся ко мне спиной и двинулся на выход. Поравнявшись с ярко освещенной сценой, обернулся. И все с той же придурковатой улыбкой подмигнул мне.

— Станный тип, — меланхолично проговорила со своего места Инга. — Неприятный, и взгляд у него нехороший, мертвый какой□то взгляд, пустой и стылый.

Я вернулся домой под утро, пьяный, усталый и злой. Сонная Москва студила мне лицо

всхрапами октябрьского ветра, и плакала редкой слезой последних листьев сутулая береза во дворе.

Я поднялся в лифте на шестой, нашарил в кармане ключ и, взглянув на выдавшую виды дерматиновую обивку квартирной двери, замер. Пришпиленный за угол кнопкой, косо свисал с нее заляпанный красным лист белой бумаги в линейку. Я сорвал лист, брезгливо взял его за края и вгляделся.

Жутким, корявым почерком, записанный в строчку, на листе был выведен отрывок из моего раннего стихотворения «Бессмертный». Буквы кривлялись, корчились, а я вновь и вновь одурело перечитывал то, что издавна знал наизусть.

Хоть говорил великий Ом про значимость сопротивления, но — подгибаются колени, когда заходит Некто в дом; когда заходит Некто в дом, ища ягненка на закланье, и пахнет гнилью и дождем его свистящее дыханье; «Колгейтом» чищены клыки, на лбу тату из трех шестерок; он приближается, как морок несочинившейся строки; и нет спасения уже, как рыбе, брошенной на сушу; и кошки — те, что на душе скребли, — вконец порвали душу.

Внизу, там, где стихи заканчивались, вместо последней точки стоял размашистый росчерк во всю ширину листа. И прямо под ним, нечисто красным по грязно белому, наискось от левого нижнего угла и вверх щерилась кровавой киноварью подпись: «Куратор».

Ровно в полдень будильник вышиб меня из сна пронзительным, надрывно истеричным звонком. Я от души саданул кулаком по кнопке и сполз с кровати на пол. Голова раскалывалась так, что впору было мечтать о гильотине, глотка отзывалась немилосердной засухой, а тело — ознобом и ломотой во всех суставах и сочленениях. С грехом пополам я доковылял до кухни. Холодильник, скорбно заурчав пустым простуженным нутром, с неохотой расстался с початой чекушкой, своим единственным достоянием. В три глотка я ее опростал, занюхал несвежим кухонным полотенцем и поплелся в ванную.

С полчаса, отмокая от вчерашнего под тепловатыми шадящими струями, я клял куратора придурка Лопуха вместе с его кретинскими выходками. Затем вылез и, оскальзываясь на щербатых плитках кафеля, прошлепал обратно на кухню. До концерта оставалось всего четыре жалких часа, за это время мне предстояло или привести себя в норму, или отказаться от выступления.

Кряхтя, я забрался на табурет, распахнул дверцу кухонного шкафа и вслепую нащупал на верхней полке пакетик со спасением. Смахнул его в подставленную ладонь, слез и, преодолевая дрожь в руках, замастырил косяк. В пять жадных затяжек его скурил и потом долго сидел на полу, закрыв глаза, поджав по татарски ноги и привалившись спиной к обшарпанной, с облупившейся ядовито салатной краской стене.

— Полный аншлаг, — закатив глаза, приветствовал меня конференсье. — Полный, Олег Ильич, не помню, когда такое было.

Через расщелину между бархатными створками раздвижного занавеса я заглянул в зал. Застывший в ожидании третьего звонка, он действительно был полон. Редкие припозднившиеся, подгоняемые сердитым шепотом билетеров, поспешно пробирались по рядам.

— Ну, с Богом, Олег Ильич. — Конференсье поправил бордовый галстук бабочку и с последней трелью звонка пошел на сцену. — Сейчас перед вами выступит, — донеслось до меня оттуда, — человек, которого недаром называют «Поэтической Лирой России». Человек, чьи стихи знают, любят и читают повсеместно люди всех возрастов. Человек, сочинивший слова для песен, которые слушают в Таганроге и Пскове, в Уренгое и Южно-Сахалинске, на мысе Дежнева и на Кольском полуострове, в горах Алтая и в поволжских степях. И вот сегодня этот человек у нас здесь. Обладатель многочисленных литературных премий, лауреат международных поэтических фестивалей в Варшаве, Бостоне, Риме и других культурных центрах мира, заслуженный деятель искусств Российской Федерации Олег

Вронский. Просим!

Свет ramпы хлестанул меня по глазам. Зажмурившись, я пересек сцену, встал к микрофону и коротко кивнул в зал.

— «Двадцать восемь капель корвалола», — бросил я в темную его тишину. — С этой вещи я начинаю все свои выступления.

Перебои жизненного соло лечатся испытанным плацебо: 28 капель корвалола и дождем сочащееся небо... Памяти незримая петарда россыпью колючих многоточий выстрелит в районе миокарда и отпустит на исходе ночи...

Сочиненье стихов... Зачем?!

И на кой совершенство слога?! —

недоказанных теорем

остается не так уж много.

Слишком хожена эта гать

и протоптаны эти стежки...

Унизительно — подбирать

со столов опустевших крошки.

Мне б исчезнуть в мельканье лиц,

в шевеленье житейской пены,

но невидимый миру шприц

мне стихи загоняет в вены...

Ночью все так выпукло и четко делится на дебет и на кредит; только сердце, шалая подлодка, глубиной непознанною бредит... Стая истин, спаянная в узел, ставшая докучливою ношей, острыми рапирами иллюзий тычется в предсердья и подвздошье...

Сочиненье стихов... К чему?!

Что изменится в мире этом?! —

все из света уйдет во тьму,

чтобы вновь обернуться светом.

И за краткий житейский миг,

напоенный мечтой о чуде,

я не стану скоплением книг,

что до дыр зачитают люди...

Ночью так враждуется с собою! И от изголовья до изножья время захудалою арбою тянется по мраку бездорожья. Нет стихов, ирапнельных многоточий; только холод стен да холод пола. Все, что я хочу от этой ночи, — 28 капель корвалола...

К концу первой части я поймал кураж. Стихи, мои стихи, то единственное, что создал нищий, непутевый горький алкаш и подсевший на анашу и герыч торчок Олег Вронский. Стихи, то единственное, что у меня есть, то, ради чего я живу, то, ради чего только и стоит жить... Я дарил стихи, награждал ими, священнодействовал. Я делился с миром тем, что в муках и корчах рожала моя изнасилованная жаждой творить, беременная рифмой душа.

Я увидел его, едва зажгли лампы. Увидел, и кураж ушел, удрал, вылетел из меня, как воздух из сдутого резинового клоуна. В первом ряду, развалившись в кресле и закинув ногу на ногу, на меня с фирменной придурковатой ухмылкой пялился поганым взглядом мой самозванный куратор, губастый наглец и хам Витька Лопухов, по кличке Лопух.левой рукой он обнимал за плечи волшебной, ослепительной красоты брюнетку. Всмотревшись, я узнал ее. Влажными чувственными глазами из□под длиннющих загнутых ресниц меня небрежно разглядывала госпожа Диана Клишук, секс□символ России, певица и исполнительница главной роли в побившем рекорды кассовых сборов кинематографическом шедевре «Очи черные». Жуткий контраст между ее красотой и отталкивающей блекло□худосочной рожей Лопухова всадил мне чугунной душой под сердце, свингом заехал в живот и добавил в солнечное. Я едва сдержал рвотный спазм и опрометью метнулся со сцены вон.

Не знаю, как удалось продержаться вторую часть. Я запинаясь, путаясь в словах, мямлил. Зал поначалу терпел, но потом зашелся недовольным гулом, к которому вскорости

добавился галерочный свист. Когда я покидал сцену, свистели и улюлюкали уже отовсюду.

Витька Лопухов ждал меня на выходе, вальяжно привалившись спиной к колонне и с ленцой поковыривая во рту зубочисткой. Я споткнулся на ровном месте, с трудом удержал равновесие. Лопух отделился от колонны и вразвалку двинулся ко мне, протягивая на ходу руку.

— Ты какого черта меня преследуешь?! — заорал на него я. — Мы с тобой никакие не друзья, понял?! Чтоб я не видел тебя больше, урод!

— Ну ну, полегче, Олежек. — Лопух убрал руку, и придурковатая ухмылка появилась вновь. — Ходить на представления никому не запрещено, не так ли? И потом, с чего ты взял, что преследую?

— А что, нет?

— Нет, конечно. Я тебя всего лишь курирую. Вот привел посмотреть на тебя смазливую провинциалочку.

— Это Диану Клищук ты называешь провинциалкой?

— Конечно. Откуда она там, из Рязани, что ли? Или из Конотопа? — Ухмылка внезапно слетела у Витьки с лица. — Хочешь ее?

— Что о о о?!

— Ты не понял? Я спросил, хочешь ли ты эту телку. Она выделяет неплохие фортеля в койке.

— Идиот. — Я обогнул Лопуха и отчаянно замахал рукой подъехавшему к входу такси.

Звонок в дверь раздался через полчаса после того, как я, разбитый и вымотанный, добрался до своей захлавленной, пятый год мечтающей о ремонте квартиры.

Я глянул в глазок, затем лихорадочно распахнул дверь. На пороге стояла Диана Клищук.

— Вы ко мне? — запинаясь, промямлил я.

— К вам.

— Входите, пожалуйста. — Я немного очухался. — Сейчас соображу чаю. Извините, здесь неубрано, и потом... Не уверен, что у меня есть хоть какой-либо десерт. Но если вы подождете, я мигом сбегаю в булочную. Она тут недалеко, за углом.

— Не надо в булочную. — Диана сбросила мне на руки куртку. — Повесьте, пожалуйста, куда-нибудь. У вас есть контрацептивы?

— Что?..

— Я спросила, есть ли у вас презервативы. Не захватила с собой, а без них я не лягу.

Через час она ушла, на прощание холодно чмокнув меня в щеку. То, что между нами произошло, было ужасно, отвратительно и постыдно. Диана Клищук, «Очи черные», секс-символ России, неожиданным и непрошеным подарком свалившаяся в мою постель. Она отработала роль, понял я. Роль второго плана — бесчувственной и бесстыдной дешевой шлюхи. И отработала эту роль бездарно.

Неправда, что стихи пишутся, лишь когда к поэту приходит вдохновение. Когда приходит отвращение, они пишутся тоже. Только другие.

Ни с людьми не сдружившись, ни с блогами, неприглядный в своем постоянстве, ты — в холодном своем монологе, в неуютном своем воздыханстве. Как кому, а калекам калеково — ненавидеть свою оболочку... Ты хотел бы ужаться в молекулу, в никому не заметную точку. С зазеркальной сроднившийся дымкою, ты никем и ничем не согрелся, чтоб остаться навек невидимкою из фантазий маэстро Уэллса...

К полуночи я дошел до ручки. Опустошенный и выхолощенный, раздавленный навалившейся мутной пустотой, прибитый высосавшим жизненные соки разочарованием, я доплелся до телефона. К счастью, у меня было лекарство. Моя безотказная палочка-выручалочка, мой персональный ангел-хранитель. Тот, который с детства. Который навсегда. Верный и надежный. Мой единственный настоящий друг.

— Мне плохо, — сказал я в трубку. — Мне очень, очень скверно, Марат. Приезжай.

Телефон трезвонил не переставая, упорно вгоняя мне в черепную коробку длинные, истошные назойливые гудки. Похмельный сон не хотел отпускать, он цеплялся за меня мохнатыми когтистыми лапами, обволакивал вязким винным туманом. Я скорчился, забился в подушку и натянул на голову одеяло, но настырные звонки подобрались, прицелились, насквозь прострелили ткань и войлок и бесцеремонно выдернули меня из сна. Вяло бранясь про себя, я потащился к телефону.

— Ну, как она? — не утруждая себя приветствиями, осведомился глумливый голос.

— Какая «она»?! — завелся я. — Кто говорит?

— Не узнал? — Голос в трубке хихикнул. — А это между тем твой куратор.

— Ты... ты... знаешь что... — Я осекся. Злость душила меня, не давая выхода словам, забывая их на взлете обратно в глотку.

— Пока не знаю, — ернически признался собеседник. — Но ты ведь расскажешь мне, не правда ли? Итак, понравилась ли тебе брюнеточка?

— Да пошел ты.

— Уже иду, — отозвался голос в трубке. Глумливые нотки из него вдруг исчезли. — Жди гостя, через десять минут буду. Нам надо поговорить.

— Я не желаю с тобой разговаривать! — заорал я. — Ты понял? Ты...

Трубка ответила короткими гудками.

Ровно через десять минут я открыл Лопухову дверь. Молча отстранился, пропуская внутрь. Злость и неприязнь душили меня, я собирался высказать все, что о нем думаю, и выставить его за порог.

— Ну и бардак, — брезгливо сказал визитер, оглядевшись. — Даже хуже, чем я предполагал. Да и хозяин выглядит под стать обиталищу. Что, друг мой Олежка, была бурная ночь? На вот, поправься.

Витька извлек из-за пазухи черного, до пят, плаща поллитровку и протянул мне. Я сглотнул слюну. Выпить мне было нужно, необходимо. Проклятие, я не хотел брать водку из его рук! Я...

— Пойдем на кухню, — сказал я угрюмо. — Стаканы сейчас соображу. Зажрать только нечем.

— Я не собираюсь зажирать, — с прежней брезгливостью сообщил Лопух. — И пить не стану. Но ты давай, не стесняйся. Опохмелись, а потом мы поговорим. У меня к тебе предложение.

Я сидел на незастеленной кровати, исподлобья глядел на развалившегося в продавленном велюровом кресле Лопуха и мучительно размышлял, издевается он надо мной или говорит всерьез. То, что он назвал предложением, было нелепо. Это было несуразно и дико, ничего более идиотского я в жизни не слыхал.

— Ты шутишь? — робко спросил я наконец.

— Нисколько. Я делаю тебе предложение. Коммерческое, если угодно. Я забираю то, что у тебя есть, и плачу за это. Сделка пожизненная, если я откажусь от своих обязательств, соглашение немедленно потеряет силу и товар к тебе вернется.

— А если от обязательств откажусь я? — спросил я туповато.

— Тебе этого сделать не удастся. Сделка односторонняя, продавец расстается с товаром навсегда, отказаться может лишь покупатель. Только такого еще не случалось. И, думаю, не случится.

— Витя, у тебя в роду психи были?

Он заливисто рассмеялся. Мясистые губы ходуном заходили на узком, обтянутом бледной кожей костистом лице.

— Психи, — выговорил он, отреготав. — У меня. Психи. Смешно. В общем, так, Вронский. Не будем толочь воду в ступе. Я составляю купчую, ты подписываешь. Через десять дней, в ночь полнолуния, как велит древний обычай. Ты добровольно отдаешь мне то,

что досталось тебе по недоразумению, я в ответ обеспечиваю тебя до конца жизни. Деньги неограниченно. Тряпки, тачки, цапки — какие пожелаешь. Бабы — любые. Хочешь, можешь укладывать их в койку штабелями, хочешь — в розницу. А хочешь — к тебе вернется эта, как ее, Инга. Ты ведь, по сути, однолюб, Вронский?

— Откуда ты знаешь про Ингу?

— А я все о тебе знаю, Олежка. Все. — Лопух одарил меня своей обычной придурковатой ухмылкой. — Кураторам пристало знать о подопечных все.

— С каких дел ты вообще называешь себя моим куратором?

— Я не называю. — Ухмылка исчезла. — Я и есть твой куратор. Тот, который полагается каждому из вас.

— Каких еще «вас»?

— Вас. Ошибок природы. Тех, которые переступили черту, забравшись слишком далеко.

Я поднялся и двинулся на кухню. Налил до краев в стакан, залпом его опорожнил и потащился обратно в спальню. Лопух сидел в прежней позе на прежнем месте.

— Вот что, куратор, — сказал я, постаравшись вложить в последнее слово по максимуму сарказма. — Я думаю, что ты псих. Но это не важно. Талант — мой, тебе понятно? Мой. Ни в шутку, ни всерьез я не собираюсь им торговать. Никаких купчих подписывать не стану. Понял? Теперь можешь убираться вместе со своими деньгами, бабами и тачками. Которые, ко всему прочему, наверняка липа.

— Ну□ну, — лениво сказал Лопух и потянулся в кресле. — Вчера я продемонстрировал тебе кое□какие свои возможности. У тебя ведь таких телок не было, Вронский, а? Несмотря на известность, признание, талант. — На слове «талант» он усилил голос. — И не будет. Кому нужен нищий, дерганный, вечно пьяный или обдолбанный поэтишка□неудачник. У которого ни рожна, ни хрена и долгов мошна. Который систематически спускает гонорары и премии на водку и ширево. Который живет в свинарнике. У которого никого нет. Ни жены, ни детей, ни родственников. Даже друзей нет, одни собутыльники да еще кучка подхалимствующих графоманов.

— Это у тебя нет! — Я был уже на грани истерики, — Понял, ты?! У тебя никого нет и не будет, и у таких, как ты. О таком друге, как у меня, ты можешь лишь мечтать.

— Это тот чернявый, что ли? — спросил Витька насмешливо. — Как его, Марат? Который оплачивает твои счета в кабаках в обмен на право сочинять дрянную музыку на твои стихи. Это его ты называешь другом?

— А пошел бы ты на...

— Что ж, — Лопух бросил взгляд на часы и поднялся, — я и не сомневался, что ты откажешься, Вронский. Ничего, время у нас с тобой есть. И будь уверен — я найду средства тебя убедить.

Это случилось на третий день, в полдень. Я вернулся домой из издательства, где выклянчил у редактора аванс за новый цикл сонетов, к которому еще не приступал. Аванса едва хватило, чтобы отдать половину долга Вагизу и выцыганить у него два грамма дури под обещание в ближайшее время вернуть остальное. Телефонный звонок застал меня за прокаливанием ложки с дозой над огнем спиртовки.

— Олег. — Голос Инги в трубке казался далеким и неживым. — Ты уже знаешь?

— Что знаю?

— Марат.

— Что Марат?

— Марата больше нет.

— Что□о□о□о□о□о?!

— Он погиб. Я только что говорила со следователем или каким□то другим милицейским чином. Сначала он обрывал телефон тебе, но не дозвонился.

Трубка выпала у меня из ладони и повисла, маятником раскачиваясь на проводе. Я зацепил сердцем осколок разорвавшейся в груди мины. Взрывной волной меня отбросило к

стене, вмазало, вбило в нее и швырнуло на пол. Задыхаясь, ловя воздух судорожно распахнутым ртом, я тщился оттолкнуть, отринуть от себя рвущиеся из телефонной трубки слова, вернуть их обратно в нее, забить в микрофон и никогда не выпускать наружу.

— Застрелен, когда садился в машину. На Краснопресненской, — неслись на меня в атаку проговариваемые Ингиным голосом фразы. — Скончался на месте. По факту возбуждено. Похороны в пятницу. На Ваганьковском.

Я шел за гробом, струи мелкого косого дождя мешались у меня на щеках со слезами и скатывались в рот солоновато-горьким настоем.

Марат. Верный и безотказный. Тот, кто являлся по первому зову, принося с собой понимание и даря утешение. Тот, который щедро делился всем, что имел. Который наряжал мои стихи в музыку, награждая их второй жизнью. Марат. Веселый, громкоголосый, удачливый. Единственный друг. Тот, который с детства. Который навсегда.

Он никогда ничего не брал, только дарил. У меня и братья-то было нечего. Как там сказала эта сволочь: «Ни рожна, ни хрена и долгов мошна». Так и есть, но последний свой долг отдать я сумел. У меня было чем расплатиться. Стихами, моими стихами, единственным, что я знал и умел.

Как так выходит, что в людском гурте, где все мы разнородно непохожи, от нас уходят первым делом те, которые нам ближе и дороже? Бессильно слово выразить протест — кто слышит нас в пчелиных наших сотах?! Но вновь на нас проводит жуткий тест садист, живущий в облачных высотах. И тех, кто близок нам, его резон с лица земли сметает, как цунами. А дальше — большие. Грозовой озон сгущается, сгущается над нами... И вроде не проклятье и не сглаз, но не спастись и не сорвать стоп-краны. И вырваны из нас кусочки нас. И ни за что не заживают раны.

В тот момент, когда последние комья земли забили разъявленное жерло могилы, в этот самый момент я осознал, что остался один. Что теперь у меня действительно никого нет. И не будет.

— Ну что? — Лопух сидел, развалившись, в том же самом продавленном велюровом кресле в спальне и изучающе глядел на меня. — Нужны еще доказательства или теперь веришь?

— Что значит «теперь»?

— Ты изрядно отупел от водки, Вронский. Теперь значит теперь. Веришь или хочешь, чтобы твоя Инга отправилась вслед за чернявым?

— Так это что... Это, хочешь сказать, ты... его... Марата?..

— Ну а кто еще? — хохотнул Лопухов. — Не дух же святой.

Я закрыл глаза. Посидел с полминуты молча, затем, оттолкнувшись от пола, бросился на него. Рванулся к нему, метя сжатыми до судорог кулаками в ненавистную губастую блеклую рожу. И — мир взорвался у меня перед глазами и померк.

Очнувшись, я обнаружил Лопуха в том же кресле.

— Очухался? — небрежно спросил он. — Хочу кое-что тебе показать, погляди.

Лениво потянувшись к письменному столу, он ухватил декоративную малахитовую чернильницу, доставшуюся мне год назад в награду за победу в поэтическом конкурсе. Подбросил чернильницу в воздух и наотмашь рубанул ребром ладони. Я вскрикнул — минерал с треском раскололся и полудюжиной обломков разлетелся по сторонам.

— Так что не вздумай дергаться, дурачок, — прокомментировал гибель чернильницы Лопух. — Садись, поговорим. Ты так и не ответил на мой вопрос. Теперь веришь?

— Кто ты?

— Какая разница. Тебе это без надобности.

— Я хочу знать, кто хочет купить мою душу.

Он рассмеялся. Заливисто и громко, как тогда, восемь дней назад, после моего вопроса, были ли у него в роду психи.

— Душу, — замотал он головой, покончив с гоготом. — Нашел Мефистофеля. Я не имею ничего общего с адом, Вронский. И душа твоя мне совершенно ни к чему. Тем более что и не душа вовсе, а так, душонка. Мне нужно лишь то, о чем сказал. То, что досталось тебе по ошибке, в результате дурного выверта природы. Твой так называемый талант. И всё. Только это.

— Я не отдам талант неизвестно кому.

— Боишься, что попадет в дурные руки? — Лопух коротко хохотнул. — Ладно, изволь. Я — не человек. Моя раса и древнее, и мудрее, и во много раз достойнее вашей.

— Какая раса? О чем ты? — спросил я, запинаясь. Я боялся, элементарно боялся его и того, что услышал. Меня било, колотило от страха.

— Ты не понял? Плохо быть туповатым. Моя раса. Та, которую недалекие хоминиды... сапиенсы как только ни называли и о которой каких только благоглупостей ни городили по невежеству своему и дремучести. Впрочем, что с вас взять. Ты можешь называть меня так же, как прочие. Вампиром. А хочешь — вурдалаком, упырем, нежитью, мне без разницы.

— Ты — вампир? — ошалело пробормотал я. — Что за бред? Ты встаешь из гроба по ночам и пьешь кровь?

— Болван, — сказал Лопухов сердито. — Это вымыслы ваших невежественных кликуш. Которые, сталкиваясь с чем-то, что не в силах объяснить, рьят это в мистическую чепуху. Мы берем от вас то, в чем нуждаемся, без всякого кровопийства. И без всякого сопротивления с вашей стороны. Нас мало, так что вы даже не замечаете, что кто-то пользуется вами и вашими дутыми ценностями. Деньги, техника, механизмы, ваши дома и дворцы, ваши женщины, мы интересуемся всем этим в основном из любопытства да еще от привычки к приличной жизни. На самом деле нам интересно совершенно другое. То, чем природа незаслуженно и несправедливо обделила нашу расу и по недоразумению наградила некоторых из вас.

— Талантом?

— Им. Забрать талант силой ни один из нас не может. Увы. Мы вынуждены унижаться и вступать в сделки, чтобы получить то, что принадлежит нам по праву.

«Вот оно как, — подумал я. — Вот, значит, какой поганый, гнусный расклад. Высшая раса... Надо же, до чего поразительный мерзкий гнилой ублюдок».

— И что, — я больше не боялся, страх ушел, теперь меня разбирало лишь любопытство напополам с гадливостью, — были люди, отдавшие вам талант?

— Конечно. Все те, о которых говорили или говорят, что «списался», «выложился», «халтурит». Очередная человеческая глупость. Эти люди признаны, богаты, счастливы и живут в ладу с собой. Не говоря о том, что не терзаются творческими муками.

— Надо понимать, были и другие? — спросил я осторожно. — Те, которые отказались?

— Глупцы были, есть и будут всегда.

— И кто же эти глупцы?

— Зачем тебе? Впрочем, пожалуйста. Ваше все не отдал причитающееся с него.

— Что?

— Опять не понял? Это ведь не мы, а вы называете «вашим все» курчавого недоноска. Трус, скандалист и бабник Пушкин отказал моему сородичу Дантесу. За что и получил свое. Лермонтов отказал Мартынову, Есенин — тому, кого из страха называл черным человеком. Высоцкий... Впрочем, этот список можно продолжать долго, среди вас глупцов всегда было больше, чем существ разумных.

— А ведь вы завидуете, — бросил я ему в лицо. — Никакая вы не высшая раса. Вы попросту бездельники. Нахлебники, паразиты. И — циничные холодные убийцы. Завистливые. И бездарные. Ты завидуешь мне, как когда-то твой поганый сородич завидовал Пушкину.

Он помолчал, глядя мне в глаза. Потом сказал:

— Я мог бы прихлопнуть тебя прямо сейчас, походя. Но не стану. Пускай будет

по твоему, хочешь считать, что мной движет зависть, — исполать тебе. В общем, так, — Лопухов хмыкнул, — поэт. Сутки тебе сроку. Завтра наступает ночь полнолуния. К этому времени ты подпишешь. — Он бросил на стол конверт. — В полночь выйдешь из дому и под светом полной луны передашь бумагу мне.

— А если не подпишу? Ты вызовешь меня на дуэль? Удавишь? Или пристрелишь, как Марата?

— Я подумаю над наказанием, — усмехнулся Лопухов. — Не волнуйся, без него не останешься.

Он поднялся и двинулся на выход.

Я вскрыл конверт и извлек из него сложенный вдвое лист плотной гербовой бумаги.

«Я, Вронский Олег Ильич, — читал я записанные витиеватой вязью строки, — тридцати девяти годов от роду, по доброй воле расстаюсь в пользу владельца сей бумаги с принадлежащим мне доселе свойством сочинять. Взамен...»

Я механически пробежал глазами длинный, полагающийся мне по условиям купчей список материальных благ.

Деньги. Жилища. Автомобили. Путешествия. Рестораны. Наркотики. Женщины. И главное — Инга. Та, в которую был влюблен с юношеских лет и которую любил и поныне. Та, которая не смогла со мной жить, как и любая другая бы на ее месте. Интересно, как эта вампирская дрянь принудит ее ко мне вернуться. Я вспомнил холодные, черные, пустые глаза на волшебной, ослепительной красоты лице Дианы Клищук. Какая сила заставила ее приехать тогда ко мне подобно дешевой шлюхе?.. С Ингой этот номер не пройдет, она не поддастся, не станет, она не...

Пройдет, понял я внезапно, еще как пройдет. Я привыкну. К тому, что рядом чужая холодная женщина, которую по привычке буду считать своей. А возможно, и не привыкну, но не смогу от нее отказаться, даже если этот вампирский ублюдок зомбирует ее, как Диану.

Выбора нет, осознал я. Нету. Ни на йоту. С одной стороны — богатство, признание и любимая женщина. С другой — ничего, кроме скоропостижной смерти. Хорошо еще, если только моей, ведь вампир вскользь пригрозил отправить вслед за Маратом Ингу.

Я просидел, уставившись на купчую, целые сутки. Когда до полуночи осталось меньше получаса, достал из ящика письменного стола шариковую ручку. Поставил подпись и дату. Набросил куртку и сунул ноги в осенние туфли.

Я выбрался из дому наружу. Было тепло, мягкий ласковый ветер обдувал щеки. Полная луна серебрила голые ветки сутулой березы во дворе.

Из подворотни появилась и двинулась мне навстречу человеческая фигура. Не человеческая, понял я секунду спустя. И даже так, слитно: нечеловеческая. Как он тогда сказал?.. «Каждому из вас полагается свой куратор». Свой вампир. Персональный.

У каждого Пушкина есть свой Дантес. У каждого Моцарта — Сальери.

Ты пишешь, пишешь... После — снова пьешь и новой ложью умножаешь ложь, и новый день похож на предыдущий. Душа болит, как снятая с креста, а будущее — тишь да чернота, когда гадаешь на кофейной гуще. Твой маятник однажды завели, в дорогу снарядили корабли и обрубил юности канаты; ты плыл и плыл. Ржавели якоря. Зарей сменялась новая заря, но порта своего координаты ты позабыл. Застрял на ста ветрах. Мечты сгорели, обратились в прах, осели на коралловые рифы. Дрейфуя от экватора до льдин, ты — глупо и бессмысленно один. Тебе остались сны. И ром. И рифмы. А кто-то неучтенный на борту уже подводит жирную черту под именем и под судьбой твоею. И воздуха осталось — полглотка. А то, что не окончена строка — Бог с нею.

Вот и все... Мой персональный вампир приближался, между нами оставался десяток шагов.

— Не отдам! — заорал я ему в бледную, худосочную губастую рожу. — Понял, ты, как тебя, упырь, нежить! Не отдам! — Я рванул купчую раз, другой, и ветер подхватил и

закружил обрывки.

Не отда□а□а□а□ам! Не отда□а... Не от... Не...

Виктор Точинов, Надежда Штайн Вампиры в Мэне

1

— Ставлю десять долларов против одного, что это мой клиент, — сказал Кеннеди. — Такой встревоженный вид может быть только у человека, вчера узнавшего, что стараниями его личного бухгалтера на счетах не осталось ни цента...

Возможно, Кеннеди был прав. Лицо индивида, приближавшегося к входной двери, казалось весьма мрачным. Мое настроение тоже было не самым радужным. Ждущие помощи от детектива Кеннеди посетители к нам нет□нет да и заходили. А услугами доктора Блэкмор, независимого эксперта в области судебной медицины, в последнюю неделю никто не интересовался. Я начинала чувствовать себя нахлебницей.

— Чем же он нам заплатит — без цента на счету? — спросила я как можно более ехидно. — Принимаю пари. Этому человеку наверняка нужно независимое заключение о причинах смерти кота, отравленного злокозненной соседкой. И идет он к доктору Блэкмор.

Прошрое такое дельце принесло нам семьсот долларов. Удивительно, до чего жители Новой Англии порой привязаны к своим домашним любимцам...

Меж тем ставший объектом пари молодой человек поднялся на три ступени крыльца, взялся за ручку, нерешительно потянул... Заперто. Поискал взглядом кнопку звонка, надавил.

— Вы к кому и по какому вопросу? — осведомился в микрофон Кеннеди.

Динамик над входной дверью прогрохотал его слова голосом сержанта□писаря, узревшего в полковой канцелярии зеленого новобранца.

— К мистеру Кеннеди, — ответил посетитель, разом похоронив мои надежды на десять долларов. — Ведь это детективное агентство «Бейкер□стрит»?

— «Бейкер□стрит, 221», — поправила его я, заняв место у микрофона.

Дистанционно управляемый замок двери лязгнул. Переключив монитор на внутреннее наблюдение, я увидела, как миссис Хагерсон провожает гостя в переднюю, как он торопливо освобождается от плаща и шляпы — на вид весьма дорогих и стильных.

Кеннеди тем временем столь же торопливо стянул белый халат, в котором изображал ассистента доктора Блэкмор. Затем налег плечом на стенной шкаф — полки его были уставлены неработающими микроскопами, лабораторной посудой, книгами по судебной медицине, но настоящим гвоздем этой маленькой выставки стал ископаемый череп с засевшим в нем каменным томагавком. И череп, на деле пластиковый, и пробившее его орудие я приобрела в одном магазинчике сувениров за девятнадцать долларов девяносто центов.

Шкаф повернулся вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов. Столь же кардинально изменилось содержимое полок двуликого предмета мебелировки. Теперь их украшали труды по юриспруденции, коллекция курительных трубок, изображения чьих□то отпечатков пальцев, увеличенные до размера тридцать пять на сорок девять... Немалую часть полок занимали папки□скоросшиватели, надписи на корешках которых гласили: «Алмаз Раджи», «Пропавший бейсболист», «Голубой карбункул», «Союз рыжих», «Дело „пестрых“», «Десять негритят», «Семеро задушенных и один утонувший в мазуте» и т. д. Все названия «дел» были бессовестным плагиатом, но Кеннеди регулярно ставил десять долларов против одного на то, что очередной клиент этого не поймет. Когда сумма убытков достигла семи долларов, я прекратила принимать ставки. Как все□таки деградирует нация от комиксов и сериалов...

Кеннеди, закончив преображение кабинета, удалился в соседнее помещение. Я заняла

место за секретарским столом, забарабанив пальцами по клавиатуре компьютера. Показухой это отнюдь не было — я запустила «Икс□скаута»...

2

Для начала молодой человек забыл представиться и с лёту стал излагать мне стопроцентно лживую историю о своем якобы приятеле, который якобы попросил помочь в одном запутанном деле, в связи с чем он, наш посетитель, очень желает увидеть мистера Кеннеди...

— Вам придется несколько минут подождать, — сказала я с непреклонной любезностью, продолжая свои манипуляции с клавиатурой. — Мистер Кеннеди в настоящий момент занят — проводит следственный эксперимент.

Из□за двери, в подтверждение моих слов, раздавались частые выстрелы.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Посетитель бухнулся в кресло и начал нервно постукивать пальцами по столу. Стрельба за дверью не смолкала.

Клиента, по моему мнению, надо правильно ориентировать с самого начала. Что это за частный детектив, к которому на прием можно угодить запросто, как пьяному в полицейский участок? И у которого ты первый за два дня посетитель? Несолидно. Да и «Икс□скаут» работает быстро, но не мгновенно.

— Кстати, вы забыли представиться, — напомнила я.

— Смит, Джон Смит, — выпалил молодой человек, не задумываясь.

Мое мнение о его интеллекте резко упало. Какая наивность! Ничего, скоро мы с Кеннеди его немного удивим...

Стрельба наконец стихла. Собственно, следственный эксперимент заключался в том, что Кеннеди выбивал пулями на особой, не дающей рикошетов доске что□либо патристичное, типа «US FOREVER»...

Дверь распахнулась. Широкими шагами вышел Кеннеди — с дымящимся пистолетом в руке. Как мы убедились, дымящееся оружие на большинство клиентов действует безотказно. К сожалению, современные нитропороха почти не дают дыма. Приходится после стрельбы заталкивать в дуло пропитанную бромом ватку и капать туда же несколько капель нашатырного спирта, наглядно опровергая пословицу о том, что дыма без огня не бывает.

Но сегодня у Кеннеди явно дрогнула рука. Переборщил с дозировкой. Ствол «зиг□зауэра» напоминал носик давно и успешно кипящего чайника — даже раздавался легкий посвист. Облако белесого дыма росло.

Кеннеди торопливо запихал пистолет в сейф, плотно прикрыл дверцу. Бросил отрывисто:

— Всё, как я и думал. Это все□таки убийство. Пуля дважды отрикошетила от стен — и ударила в грудь на излете, даже не порвав одежду. Но кардиостимулятор от этого толчка вышел из строя... Доктор Блэкмор, отправьте, пожалуйста, отчет о проделанной работе мистеру Гейтсу и приложите счет на семнадцать тысяч долларов. Плюс стоимость двух коробок патронов.

Потрясенный клиент издал невнятный звук. Кеннеди повернулся к нему, словно лишь сейчас заметив.

— Добрый день. Чем могу вам помочь?

— Здравствуйте, меня зовут Боб Смит, — пролепетал молодой человек, напрочь позабыв, что только что представился Джоном. И по второму заходу начал излагать историю о своем якобы приятеле...

— Достаточно! — остановил его Кеннеди после второй фразы. — Боюсь, мой юный друг, вы недооцениваете возможности дедуктивного метода...

Уже восседая за своим столом в огромном кресле с резной спинкой (на вид очень внушительном, но для использования по прямому назначению весьма неудобном), он

продолжил психологическую обработку, впериw взгляд в нервное лицо клиента:

— ...между тем для человека, владеющего упомянутым методом, фиговый листочек вашей спешно выдуманной легенды насквозь прозрачен. Не подлежит сомнению, что проблемы возникли не у вашего мифического приятеля, а именно у вас. Так□так... что же у вас могло стрястись... Судя по внешнему виду, человек вы достаточно обеспеченный... Приехали отнюдь не издадека, откуда□то поблизости... Новая Англия... А если точнее — штат Мэн. Не так ли?

Молодой человек кивнул. Вид у него уже был достаточно потрясенный.

— Мистер Кеннеди, но как вы...

— Элементарно, мой друг, элементарно. Вот здесь, юноша, — он постучал себя по лбу, — есть несколько миллионов сереньких клеточек! — (*«Миллиардов, Кеннеди, миллиардов!» — хотелось крикнуть мне.*) — И я умею заставить работать каждую из них!

Клиент не заметил ни грубой ошибки в численной оценке мозгового потенциала Кеннеди, ни явного плагиата. Кеннеди снизошел до конкретных объяснений:

— Опустите глаза, мой юный друг! Видите вон то крохотное пятнышко глины на вашем левом ботинке? В моей коллекции есть образцы почв со всего Атлантического побережья, и не только... Штат Мэн, никакого сомнения. Причем его западная часть. Округ Гейри, скажем...

В эту секунду мне показалось, что обитатель округа Гейри станет□таки сегодня моим клиентом. Что вывих его устремившейся к полу челюсти срочно потребует врачебного вмешательства.

— Я даже рискну назвать город: Кервуд. Я не сильно ошибся?

— Но, мистер Кеннеди, каким... — Ошарашенный житель Кервуда наконец□то совладал со своей челюстью.

— Пустяки, элементарно. Но какие же проблемы могли возникнуть в вашем тихом и мирном городке? Так□так...

И Кеннеди сделал вид, что уставился орлиным взглядом на юношу.

На самом деле он, скосив глаза, считывал информацию с врезанного в столешницу плоского экрана, укрытого за массивным письменным прибором и взгляду клиентов недоступного.

Дело в том, что ручка на нашей двери не простая. Функция открывания□закрывания для нее не главная. Гораздо более важное назначение этой псевдоручки — снять отпечатки пальцев, которые почти мгновенно сканируются и передаются в компьютер. Ну а дальше уж в дело вступает «Икс□скаут». У этой небольшой, но крайне наглой пиратской программы отношения с федеральной дактилотекой и базами данных прочих федеральных ведомств примерно такие же, как у юркого флибустьерского брига с неповоротливыми купеческими галеонами...

Конечно, возможны осечки. Всегда есть вероятность натолкнуться на клиента, не проходившего дактилоскопирование. Но подавляющее большинство граждан США или служили в армии, или когда□либо имели конфликты с законом, пусть и самые незначительные. Либо оформляли лицензию на оружие, либо... В общем, оказаться вне поля зрения «Икс□скаута» шансов у них не много.

На мой дисплей выводилась та же информация, что и у Кеннеди. И при желании я могла не хуже него продемонстрировать чудеса дедукции потрясенному мистеру Кристоферу Дж. Т. Рокстону — именно так идентифицировал «Икс□скаут» нашего «Джона□Боба Смита»...

Кеннеди тем временем продолжал потрясать и изумлять:

— Судя по некоторым физиометрическим данным, смелости и решительности вам не занимать... Возможны конфликты с законом... Хотя... Пожалуй, нет... Ничего столь серьезного, что потребовало бы вмешательства специалиста высшей квалификации... — Кеннеди сделал короткую паузу и изобразил легчайший поклон в сторону клиента, не оставляющий сомнений в том, кто тут пресловутый специалист. Продолжил: — Скорее

всего, пара случаев езды в нетрезвом виде, не более того, — не так ли, мистер... хм... Смит?

Смит □ Рокстон молча кивнул. Дар речи вновь его покинул.

Кеннеди продолжал строить дедукции на основе ползущего по экрану досье. Там данные полицейского управления тем временем сменились тайнами, сокрытыми в файлах системы медицинского страхования.

— Со здоровьем — как очевидно любому наблюдательному человеку — у вас полный порядок. Разве что... да, пожалуй, возможны легкие проблемы с желудком... Не то, не то... На работе... Да, на работе у вас тоже всё прекрасно. Судя по вашей манере сидеть в кресле, вы наверняка занимаете не рядовую должность... Очевидно, в филиале крупной корпорации... Что □ то связанное с машиностроением? Хотя нет, скорее электричество... Энергетика, не так ли?

Кристофер (согласно досье, действительно являвшийся вице □ президентом «Энергетической Компании Западного Мэна») встал и начал нервно расхаживать по кабинету, явно заподозрив, что Кеннеди из его манеры сидеть в кресле выведет еще какую □ либо дедукцию. О внеслужебных отношениях с секретаршей, например.

— Но на службе у вас все в порядке... Значит, проблема в личной жизни... В семейной...

Тут Кеннеди вступил на зыбкую почву. Данные о семейной жизни Рокстона «Иск □ скаут» раскопать не сумел. Но, если судить по реакции клиента, Кеннеди опять попал в точку.

— Женились вы, судя по всему, недавно... — начал Кеннеди. Дедукция была его личная, но не Бог весть какая сложная — блеск новенького обручального кольца на пальце вице □ президента был виден издали...

И тут Кеннеди удивил. Не только Рокстона — тот, похоже, постепенно терял способность удивляться, — но и меня.

— Как я понимаю, проблемы связаны с вашей молодой супругой. Давно между вами произошел разрыв?

— Три дня назад... Но как, черт возьми... — ошарашенно произнес Крис Рокстон.

— Действительно, Кеннеди, даже мне не уследить за вашим полетом мысли, — не менее ошарашенно встряла я.

— Элементарно, друзья мои, элементарно. Пятно от утюга на вашей левой брючине, мистер... э □ э □ э... Смит, мог оставить лишь человек, впервые взявший в руки это несложное орудие.

Я с трудом подавила улыбку. Неделю назад Кеннеди решился сам погладить костюм — его приходящая домработница приболела. В результате смелого эксперимента костюм отправился в мусорный контейнер, а мой коллега щеголял теперь в новенькой «тройке»...

3

Массированная артподготовка достигла цели.

Клиент, отбросив свое наивное инкогнито, без споров подписал договор об оказании детективных услуг. Без споров заполнил чек; по слухам, дела у энергетиков Новой Англии шли сейчас неплохо, и Кеннеди не стал мелочиться, запрашивая сумму аванса.

Главное было сделано. И мне казалось, что остались пустяки: выслушать печальную повесть обманутого мужа, пообещать разузнать всю подноготную, за пару сотен нанять детектива из агентства «Отелло» — эти парни собаку съели, фиксируя на пленку неверных жен *in flagranti*.⁴ В общем, рутина...

Но всё оказалось не так просто.

Для начала Кристофер Дж. Т. Рокстон доказал, что удивлять и ошарашивать здесь

⁴ На месте преступления (*лат.*).

умеет не только Кеннеди.

— Проблема в следующем, — сказал наш гость, сразу взяв быка за рога. — Моя жена — вампир. И я не знаю, что мне делать...

Надо отдать должное моему коллеге. Он не стал намекать на не совсем адекватное восприятие действительности Кристофером, явно вызванное переутомлением на ниве снабжения жителей Западного Мэна электроэнергией. Лишь спросил деловито:

— Какой вампир? Вампирус вульгарис? Или классический некровампиризм по трансильванскому типу? Или, может быть, вы имели в виду вампира энергетического?

— Не знаю... — сказал клиент растерянно. — Не энергетический, это точно... А чем отличаются те, которые вульгарисы, от некротрансильванцев?

Кеннеди тут же отпасовал мяч мне:

— Моя коллега и ассистент, доктор Блэкмор, объяснит вам всё гораздо лучше.

Я сказала:

— Вампирус вульгарис — это вполне живые люди, страдающие достаточно редкой, но отнюдь не уникальной болезнью. Их организм испытывает непреодолимую тягу к крови — как правило, психосоматического характера, но иногда этиология заболевания связана с нехваткой железа в организме. При своевременном обращении к врачу чаще всего удастся избежать эксцессов. Самый простой вариант: вы договоритесь на ближайшей бойне и будете получать к каждому завтраку вашей супруги стакан свежей бычьей крови. А миссис Рокстон, естественно, скажете, что кровь человеческая, донорская, с великими трудами и затратами добытая в центре переливания... Острота проблемы будет снята, и затем, после надлежащих анализов и тщательной работы психолога...

Тут клиент прервал меня:

— Боюсь, доктор Блэкмор, что психолог уже не поможет. И бычья кровь не поможет...

— Были криминальные случаи? — быстро спросил Кеннеди.

Рокстон вопрос проигнорировал. Спросил сам:

— А что там с Трансильванией?

— Ну, если вы смотрели фильмы ужасов на эту тему, то должны иметь хотя бы общее представление, — сказала я. — Классические вампиры — это некробиотическая форма квазизизни, поддерживающая существование употреблением крови жертв... Официальная наука считает классических некровампиров мифом, и основания для подобного скепсиса имеются веские. Вы хотите сказать, что ваша супруга скончалась, была похоронена и... — Я сделала паузу.

— Нет, она не скончалась... — ответил Кристофер. — Тоже не подходит... Но ведь существуют вампиры не умиравшие? Но и не безобидные больные, которых можно обмануть бычьей кровью?

— Вполне возможно. Но тогда тяга к питью крови, надо полагать, есть побочный симптом некоего иного заболевания или мутации. Необходимы серьезные исследования. Может быть, мистер Рокстон, вы расскажете всё по порядку?

И он рассказал.

4

Как выяснилось, наш клиент вступил в законный брак с мисс Люси Харкер семь месяцев назад. И жених, и невеста принадлежали к состоятельным новоанглийским семействам, к аристократии Мэна, ведущей свои родословные от пассажиров «Мейфлауэра». Как ни странно, это не был династический брак, задуманный родными без согласия молодых; отнюдь нет — Крис и Люси встретились почти случайно, полюбили друг друга — просто так удачно сложилось, что никаких препятствий к их союзу не оказалось...

(Да уж, случайность, подумала я. Когда один и тот же круг людей толчется на одних и тех же великосветских раутах, отдыхает на одних и тех же курортах, отправляет детей на учебу в одни и те же элитные заведения, — отчего бы и не встретиться

«случайно» молодым людям... Вот если бы наследник английского престола где-нибудь случайно встретил молоденькую прачку-эмигрантку и влюбился — это, я понимаю, случайность так случайность...)

Как бы то ни было, никаких препятствий со стороны родителей для молодых не обнаружилось. Впрочем, за три года до свадьбы Люси осиротела — отец и мать погибли в автокатастрофе. Старший же брат ее, Артур, оказался паршивой овцой в почтенном новоанглийском стаде; несколько лет пропадал неведомо где, и слухи о его жизненных перипетиях доходили не самые благоприятные. Свою долю отцовского наследства Артур получил, не появляясь в Мэне, и, судя по всему, успешно промотал. На свадьбу сестры он тоже не приехал.

Обездоленной сиротой Люси Харкер отнюдь себя не чувствовала — и она сама, и ее унаследованное состояние находились под опекой дяди с материнской стороны, джентльмена весьма почтенного и прекрасно ладившего с племянницей. Опека должна была продолжаться до совершеннолетия либо брака Люси. Брак случился раньше.

Семейная жизнь наладилась легко — у обеспеченных людей чаще всего именно так и происходит. Молодые купили дом в Кервуде — премильный особнячок в неовикторианском стиле; карьера Кристофера развивалась удачно и стремительно, Люси нигде не работала, активно участвовала в нескольких благотворительных программах и занималась — больше для удовольствия, чем по необходимости, — домашним хозяйством.

(Да, подумала я, в первый год семейной жизни влюбленная девочка вполне могла находить удовольствие в том, чтобы погладить брюки мужа. Даже его носки могла постирать с большим энтузиазмом. Несколько лет спустя мнение супругов об этих маленьких семейных радостях обычно кардинально меняется. И хорошо, если есть деньги для найма прислуги... А если денег нет?)

В общем, все шло прекрасно, когда четыре месяца назад...

— Четыре месяца назад, — сказал счастливый молодожен, — в Кервуде совершенно неожиданно появился мой шурин, Артур Харкер.

— И стал просить у вас денег, — вновь решил блеснуть дедукцией Кеннеди.

На сей раз у моего коллеги не выгорело.

— Нет, кое-какие средства у него были, — отверг догадку Рокстон. — По крайней мере, просьб о материальной помощи я не слышал. Скорее — о моральной поддержке. Как дал мне понять Арт, он более чем достаточно повидал и испытал, с лихвой утолив присущую ему с детства тягу к авантурным приключениям. И решил вернуться к оседлой жизни, восстановить старые связи, занять подобающее его происхождению место в обществе...

— Понятно, — прокомментировал Кеннеди. — Как хиппи шестидесятых, которые отправляли в мусорный бак лохмотья и хайратники, остригали патлы — и спокойно занимали отцовские кресла в советах директоров.

Так оно всё и было. Первую неделю Артур прожил у сестры и зятя, затем обзавелся собственным приличным жильем в Кервуде. И стал — при активной помощи очарованного им Кристофера — неторопливо и упорно отвоевывать причитающееся место под солнцем. И в общем ему это удалось. Родные и знакомые покойных Харкеров — старших поверили — таки в исправление и перерождение блудного сына — двери лучших домов Мэна оказались для Артура открыты. Судя по всему, не за горами был и откормленный телец — вскоре ожидалось назначение Артура Харкера на теплое место в руководстве одного из старейших и почтеннейших мэнских банков — место, которое ввиду старости и болезни должен был освободить член родственного клана Рокстонов... Образование Артура лежало как раз в области экономики, менеджмента и права и позволяло рассчитывать на не менее успешную карьеру, чем у Кристофера.

— А потом стряслась эта кошмарная история, — с дрожью в голосе поведал Рокстон. — И втравил меня в нее именно Арт...

Тут следует отметить один момент. Прямо о нем Рокстон не говорил. Но судя по тому, как он выражался об Артуре Харкере, этот решительный тридцатилетний красавец со

шрамом на виске, испытывавший множество самых захватывающих приключений и охотно о них рассказывающий, произвел глубочайшее впечатление на нашего клиента, выросшего, прямо скажем, в тепличных условиях. Кристофер, как мне показалось, просто боготворил шурина. И весьма скоро после знакомства они стали неразлучными друзьями.

— А спустя некоторое время я заметил неладное, — рассказывал Рокстон. — Иногда Арт пропадал вечерами непонятно где. Иногда уезжал на день□другой, причем поводы у этих поездок были, мягко говоря, не совсем убедительные... И у меня возникло нехорошее подозрение: прежняя жизнь никак не хочет отпустить из своих объятий Арта — вернее, дружки, оставшиеся от той жизни... И я спросил честно и открыто: в чем дело? Не нужна ли моя помощь?

Артур не сразу, но рассказал зятю, в чем дело. В услышанное было трудно поверить. Оказывается, Артур Харкер давно, еще с последнего курса университета, состоит членом некоей секретной, немногочисленной и глубоко законспирированной организации...

— Нет, нет, мистер Кеннеди, это совсем не то, о чем вы сейчас подумали и о чем подумал тогда я... Не террористы, и не наркомафия, и не клуб каких□нибудь извращенцев...

— С кем же угораздило связаться вашего шурина?

— С ОХОТНИКАМИ НА ВАМПИРОВ!!!

Мы с Кеннеди переглянулись. Последовала короткая немая сцена. Затем зять охотника□вампиборбца продолжил объяснения.

Естественно, сначала Рокстон в это не поверил. Хотя весьма любил на досуге полистать литературу о всевозможных паранормальных явлениях. Но — не поверил. Думал — хобби, игра, вроде многочисленных обществ охотящихся за тарелочками уфологов. Или шарлатанство — как возникшие кое□где организации, специализирующиеся на искоренении призраков и полтергейста, отнюдь не безвозмездном. Но дело оказалось куда более серьезным.

Рассказ Артура изобилдовал мелкими, вызывающими доверие подробностями. К этому прилагался немалый авторитет, который шурин успел заслужить у Кристофера.

В результате Рокстон, твердо решивший в начале разговора вырвать родственника из паутины прошлого, сам оказался в нее втянут. Предложил свою помощь — всё еще до конца не веря, всё еще считая увлекательной и захватывающей игрой.

— Понимаете, — уныло говорил он, — жизнь идет по замкнутому кругу, ничего нового. Тот же офис, те же заседания, те же бизнес□ланчи, те же презентации проектов и подписания документов... И после работы все одно и то же: клуб, гольф, воскресные барбекю и пикники с одними и теми же лицами... Тьфу!

Понятно... Тихое сонное болотце, а тут вдруг — интрига, тайна, грозящая схваткой с загадочным и кошмарным, при подспудном убеждении, что все это не всерьез, что никакой реальной опасности нет...

Закончилось тем, что Артур свел Кристофера с тремя коллегами□охотниками. Вампиборбцы скрывали лица под черными капюшонами с прорезями и именовали друг друга прозвищами. Неофит тоже вступил в их ряды инкогнито — пока что в статусе кандидата. И вместе с Артуром стал порой уезжать на день□другой или изредка пропадать вечерами...

— Поначалу, в первый месяц, ничего серьезного не случалось, — продолжал свою повесть горе□охотник. — Следы, на которые выходили наши коллеги, оказывались ложными. Тесты — у них, доктор Блэкмор, есть специальные тест□системы, позволяющие определять вампиров, представляете? — тесты показывали отрицательные результаты. Я постепенно начал терять интерес к игре, ночные поездки с замаскированными лицами увлекали всё меньше, и тут, и тут... Боже, если бы я знал, чем все закончится...

дорогу Кристофер запомнил более чем смутно. Отъехали недалеко, миль на пятьдесят, но по второстепенным трассам, часто сворачивая вовсе уж на проселки. И место развернувшейся трагедии Рокстон точно назвать не мог. Где-то у границы штатов Мэн и Нью-Хемпшир — а может, уже и за границей. На перекрестке двух грунтовых дорог их поджидал «форд»-фургон с тремя коллегами-охотниками. Фоб, Юстас и Трувер — так они себя называли. Вернее, брат Фоб, брат Юстас и брат Трувер — вампироборцы считали себя повязанным кровью братством. Арт был братом Деймосом. Кристофера охотники называли Джун. Просто Джун, без «брат», — принести клятву и вступить в братство ему еще предстояло...

Судя по привезенному в фургоне снаряжению, на этот раз дичь была вычислена со стопроцентной уверенностью. Свежесрезанные осиновые колья, большие стеклянные емкости со святой водой, аэрозольные баллончики с чесночным экстрактом, специальные фонари, выдающие ультрафиолетовую составляющую солнечного спектра, причем куда более мощную, чем в естественном солнечном свете, который вампиры с неприязнью, но переносят...

Почему вампироборцы не использовали огнестрельное оружие с серебряными пулями, Рокстон объяснить нам не смог, сам не запомнил. Причину ему называли, но что-то мудреное и пересыпанное медицинскими терминами, связанное с метаболизмом вампиров... Неудачный же выстрел вообще мог привести к совершенно непредсказуемым мутациям вампирского организма. Устав категорически запрещал охотникам стрелять — даже для спасения собственной жизни... Джуну-Кристоферу подробностей не рассказали, но, очевидно, в свое время были попытки нарушения братьями этого жесткого правила. Закончилось всё, надо понимать, трагично, потому что теперь перед каждой акцией охотники обыскивали друг друга на предмет спрятанного огнестрельного оружия.

Они выпили — как всегда перед «делом» — по стакану святой воды, частично опустошив одну из емкостей. Обычная проверка чистоты собственных рядов. И пошли.

Целью похода оказалась полуразрушенная хибарка, явно нежилая. Лежка вампира находилась там. И до полуночи он не покинет ее. На часах было без четверти двенадцать...

На Кристофера Дж. Т. Рокстона, вице-президента «Энергетической Компании Западного Мэна», было жалко смотреть — сейчас, в офисе агентства «Бейкер-стрит, 221». Он побледнел, лицо покрылось бисеринками пота, голос дрожал и прерывался. Впрочем, я подозревала, что и у разрушенной хибары полтора месяца назад он выглядел не лучше... Но тогда имидж вице-президента несколько скрашивал капюшон с прорезями.

— Вы не представляете, что я там увидел, в этой хибарке... Не представляете... — стонал он, все никак не в силах шагнуть в своем рассказе через порог той хижины.

Я вклинилась в его монолог несколько провокационно, чтобы помочь юноше переступить порог, — и в прямом, и в переносном смысле. Сказала:

— Отчего же не представляем? Судя по самому первому сделанному вами заявлению, в хибарке обитала ваша супруга Люси Рокстон, в девичестве Харкер...

Аристократичный глянец мигом слетел с новоанглийского юноши. Он живо напомнил мне моего покойного отца — причем в момент, когда тот на пляже наступил босой пяткой не то на фалангу, не то на какое-то еще ядовито-кусачее членистоногое.

— ...!!!!!!⁵ — завопил наш клиент, подпрыгнув на два фута в высоту.

Впрочем, через несколько секунд новоанглийское воспитание взяло верх и он вернулся к цивилизованной манере беседы. Но порог перешагнул, что, собственно, от него и требовалось.

— Извините, доктор Блэкмор. Извините, мистер Кеннеди. Нервы. Нет, конечно же, Люси там не было. Но все равно я оказался потрясен. Та часть меня, которая действительно

⁵ Грубые ругательства (англ.).

верила, ожидала встретить кого-то вроде Удо Кира или Гэри Олдмана...⁶ Импозантного бледного джентльмена в старомодном плаще, с красноватыми глазами и белыми острыми зубами... Но там... Послушайте, у вас есть чего-нибудь выпить?

Кеннеди кивнул, подошел к двуликому шкафу и извлек громадный том — свод имевших место в штате Невада судебных прецедентов. У части страниц внутри фолианта была вырезана середина. Образовавшаяся полость скрывала плоскую бутылочку бренди. Надо же, я и понятия не имела про этот его тайник...

Хорошенько взбодрившись (содержимое бутылочки претерпело существенный ущерб), Кристофер продолжил:

— Вампир оказался женщиной! Впрочем, женственного в этой твари было мало... Отвратительное нечто, закутанное в лохмотья... Встретив днем, ее вполне можно было бы принять за нищую побродяжку. Смердящую, гнусную, но совсем не пугающую... А вот ночью...

Дальше события (если отбросить чересчур эмоциональные оценки мистера Рокстона) развивались так: Трувер и Артур-Деймос тут же направили на вампиршу свет двух фонарей — тех самых, с ультрафиолетовыми лучами. Ей это не понравилось — зашипела, забилась в угол, прикрываясь от света руками.

Опять ошибка, подумал тогда Рокстон, никак не желая признавать в нищенке посланницу дьявола. Но его спутники знали, что делали. К вампирше шагнул брат Фоб (или Юстас? — при одинаковых нарядах и схожем телосложении Кристофер их вечно путал) — шагнул и направил в ее лицо струю чесночного аэрозоля. Кровопийце это понравилось еще меньше. Она сначала отпрянула, а потом...

— Потом она попыталась его укусить!!! Представляете? Не ударить рукой, не пнуть ногой, как сделал бы любой нормальный человек... Вообще человек... Даже не оцарапать... У-КУ-СИТЬ!!! Он едва успел отдернуть руку, зубы щелкнули в считанных миллиметрах от нее. Вот тогда я впервые с ужасом заподозрил, что игры тут мало... Что все всерьез...

Но главная проверка, как знал Рокстон, — это святая вода. Применяемые тест-системы теоретически не способны были выдавать ошибки. Но на практике охотники за вампирами предпочитали дважды и трижды перестраховаться, чтобы не уничтожить невинного. Брат Трувер снял крышку с емкости — и очень быстро, не давая вампирше опомниться, окатил ее святой водой — всю, с ног до головы. Вылил не меньше галлона...

Дойдя в рассказе до этого места, молодой Рокстон вновь приложился к бутылочке — на этот раз не спрашивая дозволения. Неудивительно, что с такими наклонностями он попадался полиции за езду в нетрезвом виде...

— Боже, что тут было! Она взвыла, как тысяча демонов! Она каталась по земле и раздирала когтями свою кожу! А зловоние... Я только тогда понял, что значит выражение «адское зловоние» — в самом буквальном его смысле... Я подумал, что меня немедленно стошнит — прямо внутрь капюшона. Но каким-то чудом сдержался...

Всё было ясно. И охотники приступили к казни. Длинным, раздвоенным на конце осиновым колом брат Трувер прижал к земле ноги вампирши. Юстас (или Фоб?) и Артур-Деймос такими же кольями — руки. Трое крепких мужчин с трудом удерживали в неподвижности на вид тщедушное тело. Четвертый охотник, не то Фоб, не то Юстас, взял другой кол — укороченный и остро заточенный. Приставил к лохмотьям в районе сердца. Замахнулся кувалдой...

— Кровь ударила вверх фонтаном чуть ли не в ярд высотой! Причем — обратите внимание, доктор Блэкмор, — совершенно не людская кровь! *Черная!*

(Удивляться мне тут было нечему. Любая кровь в свете фонариков покажется темной, почти черной.)

Вампирша продолжала подергиваться, но уже конвульсивно. Охотники отпустили

⁶ Удо Кир, Гэри Олдман — известные актеры, исполнявшие роль графа Дракулы.

удерживавшие ее колья. И, один за другим, нанесли удары кувалдой по торчащему из сердца колу. Последним ударил Джун... Иначе говоря — Кристофер Дж. Т. Рокстон...

— Я был в полном шоке, мистер Кеннеди! Всё оказалось так неожиданно, так... Я просто не понимал, что делаю, зачем... Но чувствовал — это мой последний выезд на охоту. Если даже по земле и бродят такие твари — пусть ими занимаются профессионалы. Такие ощущения не для меня. Уж лучше скучать в офисе «Западной Энергетической»...

Тут же, у затихшего трупа, Рокстон встал на колени и принес клятву, повторяя ее вслед за Артуром, — сам не понимая, для чего это делает. Слов не запомнил. Лишь отложились в памяти, что за разглашение и отступничество сулились какие-то жуткие кары... Встав с коленей, Кристофер стал полноправным членом братства...

— В машине, на обратном пути, я вовсе не успокоился. Наоборот, вспоминал и вспоминал произошедшее, в самых мелких деталях, — и всё больше накручивал сам себя...

Артур, пытаясь вывести родственника из шока, дал выпить ему глоток виски — небольшой запас спиртного он всегда возил с собой. И стал рассказывать, как сам стал охотником восемь лет назад. Он тогда жил здесь, в Мэне, с тринадцатилетней сестрой и родителями — приехал из университета на каникулы... В то лето все и началось. В соседнем округе Кроули (именно там проживали Харкеры) начали исчезать дети. Один, второй, третий... Все грешили на сексуального маньяка, пока не нашли десятилетнюю девочку, без следов надругательства, но с разорванным горлом. Разорванным явно зубами... Артур, видевший себя в мечтах отнюдь не банковским юристом, но адвокатом по самым громким уголовным делам и зачитывавшийся романами о Перри Мейсоне, попытался провести самостоятельное расследование. И столкнулся на этой узкой тропинке с охотниками за вампирами... Так все и началось.

Того вампира, кстати, они не поймали — исчезновения детей прекратились. Но Артур уже втянулся, не мог остановиться... Карьера после университета пошла к чертям, родительское наследство большей частью ушло на нужды охотников... Сейчас, став старше и поняв, что никаких осиновых кольев не хватит, чтобы уничтожить все зло на земле, он и рад бы расстаться с братством, но опасается, что долго после такого шага не заживется...

Рокстон — не то от неторопливого рассказа, не то от виски — несколько успокоился. Но перед расставанием шурин вновь его огорошил. Протянул довольно большую коробку с карамелью. Карамелью на палочках. Сказал: «Возьми. По одной каждое утро. КАЖДОЕ! Без исключений... Мы все — кто принимал участие в казнях — так делаем. Случайно подцепленный латентный вирус может сидеть в организме годами, ничем себя не проявляя. Но если карамелька вдруг посинеет... Тогда возьми пистолет и пусти пулю в лоб. Немедленно. Пока еще остался человеком. Мне совсем не захочется охотиться на тебя, Крис...»

Кристофер прекрасно знал, что это за карамель. Предназначалась она для скрытого тестирования вампиров. Анализ проводился по слюне... Когда верхний, сладкий слой таял во рту, человек (или нечеловек) чувствовал дикую горечь и поневоле выплевывал леденец. У нелюдей выплюнутая конфета через пять минут принимала синеватый оттенок...

— Стало быть, — спросил Кеннеди, — несколько дней назад вы решили угостить тестирующим леденцом свою супругу?

6

— Не знаю, отдаете ли вы себе в этом отчет, — медленно сказал Кеннеди, — но вас втянули в убийство первой степени при отягчающих обстоятельствах — не больше и не меньше. Кем бы ни была та вампирша с точки зрения биологии — для закона она по-прежнему человек, гражданка США...

Наш клиент не смутился от подобного замечания. Он явно с детства рос в убеждении, что перед законом все равны, но новоанглийские аристократы гораздо равнее.

— Ерунда, — заявил он с великолепным апломбом. — Хороший адвокат не оставит от

обвинения против меня камня на камне. Гораздо важнее другое: что делать с Люси?

Как выяснилось, в первые дни напуганный Рокстон старательно сосал каждое утро карамель — до появления горечи. Потом с замиранием сердца ждал, не изменится ли цвет. И тщательно прятал коробку в своем домашнем кабинете.

Время шло. Цвет облизанных карамелек не менялся. На охоту «брата Джуна» больше не приглашали. И мало-помалу он успокоился. Кошмар в заброшенной хибаре стал казаться всего лишь страшным сном... Все чаще Кристофер забывал провести утреннее тестирование. Все чаще забывал спрятать коробку...

Все рухнуло пять дней назад.

Вечером в гостиной их дома он обнаружил лежавший на блюдечке облизанный леденец. Один из тех самых. Мутно-голубого цвета...

КОНФЕТА ПОБЫВАЛА ВО РТУ У ВАМПИРА!!!

Следствие оказалось недолгим. Люси, мило улыбаясь, призналась — леденец попробовала именно она. И поинтересовалась: где Крис умудрился купить эту гадость?

Как он сдержался, Бог знает. Деревянным голосом соврал, что в лавочке, торгующей пластиковыми фекалиями, пукающими подушечками и тому подобной ерундой... Она высказала все, что думает об изготовителях и продавцах подобной продукции. И о покупателях тоже.

Кристофер, не вступая в дискуссию, уехал на службу. Но западноэннской энергетике в тот день пришлось обойтись без руководства мистера Рокстона.

Первое, что пришло в голову, — ошибка теста. Конечно же ошибка! У кого-то, изготавливавшего конфету, дрогнула рука — всыпал не тот ингредиент или не в том количестве... Проверить гипотезу было проще простого — попросить у шурина святой воды и облить ею Люси.

Может, она посчитает это очередной дурацкой шуткой, может, даже обидится — не важно, способ помириться найдется. Рокстон стал уже было набирать номер Артура, но тут...

Но тут в памяти стали всплывать мелкие детали и детальки.

Очень странные...

Несколько раз за последние дни он замечал по утрам на жемчужных зубках Люси капельки крови. Она объясняла: с детства страдала кровоточивостью десен, говоря по науке — пародонтозом. Обычно все симптомы снимались зубной пастой — особой, придуманной их семейным врачом и приготовляемой на заказ в ее родном Кроули. Но сейчас никак не может найти, куда засунула коробку со своим запасом тюбиков... Направила внеочередной заказ домой, но пока пасту приготовят, пока пришлют...

Тогда Кристоферу эти слова жены отнюдь не казались подозрительными. Теперь же...

А еще он вспомнил, что и она тоже несколько раз куда-то пропадала вечерами. И — точь-в-точь как в случае с Артуром — объяснения ее не казались Рокстону убедительными... Теперь совсем не казались.

Арт! — понял вдруг Кристофер. Ведь тот стал охотником именно из-за того, что рядом с их домом (с домом Люси!) начали гибнуть дети. От зубов вампира...

Все казалось теперь ему странным и более чем подозрительным. Это нежелание жены подставлять яркому солнцу свою аристократично-белую кожу, эти темные очки, которые она не снимала летом...

И все-таки Рокстон никак не мог поверить, что Люси, его Люси...

Он ничего не сказал Артуру. Ничего не сказал другим охотникам (с ними «брат Джун» просто не имел связи). Он раздобыл немного святой воды — совсем капельку — в соседней церкви Святого Винсента... И добавил в утренний сок супруге...

ПОСЛЕ ЗАВТРАКА ЛЮСИ СТОШНИЛО!!!

Он почти уверился (а минуту спустя диаметрально изменил мнение), когда на следующий вечер, сразу после его возвращения с работы, к Рокстонам домой явился детектив Райзман из местной полиции. Лицо его показалось смутно знакомым, но лишь

после ухода детектива Рокстон вспомнил: именно Райзман год назад дважды штрафовал его за вождение в нетрезвом виде. («Я отнюдь не был пьян, поверьте, доктор Блэкмор, — принимал совсем по чуть-чуть на корпоративных вечеринках! Можно было бы провести независимую экспертизу, но я просто позвонил кому надо — и прыти у этого Райзмана живо поубавилось!»)

Детектив не стал припоминать былое. Сообщил, что в округе Гейри за последние недели исчезли — по одной — три девушки — старшеклассницы. Нет, трупы не найдены и оснований подозревать самое страшное нет, нынешняя молодежь сами знаете какая — вполне могли отправиться в путешествие с какими-нибудь парнями, не поставив в известность родителей... Но те волнуются, давят на полицию.

(«Интересные в полиции Кервуда порядки, — подумала я. — Один и тот же человек и штрафует водителей на дорогах, и занимается поиском пропавших подростков. Либо в тамошней полиции серьезная нехватка кадров, либо карьера Райзмана за этот год развивалась весьма динамично. Похоже, он хваткий парень...»)

Кристофер спросил настороженно: какое отношение к нему имеют эти исчезновения? Да никакого, успокоил Райзман. Рутинная проверка. Одну из девушек — некую Розу Джулини — в последний раз видели неподалеку от автостоянки «Бассет-клуба». Полиция опрашивает водителей всех стоявших там машин: не подвозил ли кто Розу? Среди прочих там стояла и машина вашей жены — красный «феррари»...

Выйдя в гостиную, Люси ответила коротко: девушку с такими приметами она не подвозила, даже не видела... Кристофер предельно внимательно наблюдал за молодой женой в эти секунды. Ни в голосе, ни в лице ничто не дрогнуло...

Больше вопросов Райзман не стал задавать. Кристофер догнал его уже на улице, у машины, и спросил: когда произошли эти три исчезновения? Детектив назвал три даты. Потом он уехал, а Рокстон тут же, под фонарем, вытащил из бумажника календарик. И стал восстанавливать в памяти числа, когда Люси загадочно отсутствовала...

ДАТЫ СОВПАЛИ!!! ВСЕ ДО ЕДИНОЙ!!!

Бледный и мрачный, он вернулся в дом. Люси, наоборот, была весела и оживлена, хотела что-то сказать мужу, но тут же осеклась, увидев его лицо...

— Вы высказали ей свои подозрения? — спросил Кеннеди, видя, что клиент замолчал, погружившись в свои мысли. — Или сразу связались с охотниками?

— Охотникам я ничего не говорил. До сих пор. Эти мясники тут же схватятся за свои колья... Люси сидит наверху, у себя, и не спускается вниз. Потому что внизу, в гостиной, постоянно дежурят два частных охранника — с вполне недвусмысленными инструкциями. Она, наверное, считает, что я обезумел от ревности, — в тот вечер она так и не смогла объяснить свои вечерние отлучки. Упорно молчала — и всё. Пусть считает... Может, это и к лучшему — если здесь какое-то дикое совпадение... Если же нет... если она... — Тут клиент сорвался на крик: — Я не знаю, что делать!!! Не знаю!!! Представляете, что будет, если я убью ее?! Или позволю убить охотникам?!

— Представляю, — сказал Кеннеди спокойно и тихо. — Даже самое доверчивое жюри присяжных не поверит, что ваша жена была вампиром. Особенно если прокурор представит дело так, что вы женились ради денег, а теперь избавились от постылой супруги. Наследство Харкеров — доля Люси — теперь ведь находится в вашей собственности?

— Не совсем... У нас раздельное владение имуществом, — понуро сказал Рокстон. — Но состояние Люси завещано мне. Плюс ее страховка — весьма приличная, смею заверить... Прокурору будет на чем строить обвинение...

«Черт возьми, — подумала я. — Прокурор, обвинение, деньги — и ни слова о том, что он ее любит и не верит во всю эту чертовщину...»

— Время не ждет, — сказал Кеннеди. — Нам немедленно надо вылетать в Мэн. Но никаких ритуальных казней. Если окажется, что ваша супруга действительно виновна в этих исчезновениях, ее изолируют и будут лечить. В конце концов, развода с невменяемой можно добиться достаточно просто...

Позднее Кеннеди признался мне, что в первый момент посчитал, что клиент несколько расцвел своей буйной фантазией реальное положение дел. Что штудирование паранормальных книжонок до добра не доводит. Что сцена казни в заброшенной хибарке чересчур отдает Голливудом и сочинена для придания весомости надуманным подозрениям...

Вообще□то Кеннеди ошибался очень редко.

Сейчас — как мы поняли позже — оказался именно такой случай.

Вскоре мистер Рокстон нас покинул, договорившись встретиться через полтора часа в аэропорту, перед посадкой на вечерний рейс на Бангор.

Кеннеди не стал терять времени.

— Собирайся, Элис. Не думаю, что наше пребывание в Мэне затянется. «Зиг□зауэр» да зубная щетка — вот и все, что тебе понадобится.

Он подошел к сейфу, намереваясь убрать туда договор и подписанный Рокстоном чек. Распахнул дверцу. Изнутри немедленно повалили клубы едкого белого дыма, заполнив весь кабинет...

Проклятие!

Мы совсем забыли про пистолет и нашу невинную химическую мистификацию!

Я — буквально на ощупь — включила принудительную вентиляцию на полную мощность. После чего мы — тоже на ощупь — выбрались в комнату, где Кеннеди проводил свой «следственный эксперимент». Как выяснилось, я немного ошиблась в своих догадках о его сути.

Вместо патриотической надписи типа «US FOREVER» доску украшала выбитая пулями сентенция:

КАУНТЕР — СКОТИНА

Мнение Кеннеди о его бывшем фэбээровском начальстве оказалось незаконченным — в последней букве не хватало двух точек.

— Патроны кончились... — виновато улыбнулся Кеннеди.

Я отошла на другой конец комнаты, достала оружие и исправила упущение.

Не люблю незавершенной работы.

7

На билетах Рокстон не стал экономить — в салоне VIP□класса никто, кроме нас троих, не летел. Действительно, в полете, длящемся чуть больше часа, вполне можно обойтись без этих удобств: улучшенной звукоизоляции, совершенно поглощающей звук двигателей, и арманьяка, подаваемого вместо традиционного в бизнес□классе виски, без укороченных до полного неприличия — по сравнению с другими салонами — юбок стюардесс...

Впрочем, одно преимущество VIP□класса — безлюдность — оказалось весьма полезным. Можно было продолжать разговор, не опасаясь вызвать нездоровое любопытство соседей. Кеннеди задавал вопросы — многочисленные и, на мой взгляд, достаточно бессистемные.

— Как я понял, ни одного из троих охотников вы опознать не сможете? Ни Фоба, ни Трувера, ни Юстаса?

— Не смогу. Ни разу не видел их без капюшонов.

— А по голосам?

— Также не смогу. Мы надевали на рот такую специальную повязку — дышать не мешает, но голос искажает сильно...

Рокстон прикрыл рот носовым платком и что□то глухо пробубнил сквозь него. В принципе, подобный голос опознать можно, если записать и обработать на специальной аппаратуре. Но захватить диктофон хотя бы на одну операцию Кристофер не озаботился.

— У вас еще остались тестирующие леденцы?

— Да, десятка два...

— Охотники знают о вашей поездке к нам?

— Не думаю... Все обставлено как командировка по делам «Западной Энергетической».

— Вы были знакомы хоть с одной из пропавших в Кервуде девочек?

— Нет. Мы, как бы лучше выразиться... В общем, я принадлежу к несколько иному социальному кругу.

— Какое образование у вашей супруги?

— Она не доучилась два года до диплома искусствоведа... В колледже Святой Инессы.

«Понятно, — подумала я. — Одно из самых элитных учебных заведений Новой Англии...»

— Бросила учебу?

— Нет, взяла годичный академический отпуск. Думает продолжить... Думала...

— У вас есть хорошие знакомые среди руководства вашей окружной больницы?

В ответе Кристофера прозвучала нотка спеси:

— Мистер Кеннеди, в Мэне у меня хорошие знакомые есть *езде*.

— Отлично. Проведем небольшое амбулаторное обследование миссис Рокстон — без излишней огласки и под руководством доктора Блэкмор. Следующий вопрос: в каких емкостях охотники хранят святую воду?

— Большие бутылки из очень толстого стекла, емкостью около галлона. Широкие горлышки, пробки не резьбовые — стеклянные, очень плотно притертые.

— Стекло прозрачное или коричневое?

— Прозрачное.

— И какая вода на вид?

— Обычная — вода как вода. На вкус — я ведь ее пил — приятная, свежая, словно ключевая...

— А где ее берут охотники?

— Не знаю... Надо думать, в одной из церквей...

— Осиновые колья они вырубали при вас?

— Нет, приносили готовые.

— Какие они на вид, опишите подробнее.

— Большие — те, которыми прижимают к земле вампира, — длинные, около пяти футов, раздвоенные на конце. Рогулька крепкая, надежная, с острыми концами.

— Кора снята?

— Нет. Только на коротких — на тех, которыми... Ну, вы понимаете... Те в полтора фута длиной, заточены и очищены крайне тщательно — ни единой неровности. Более того, покрыты лаком — на основе чесночного экстракта.

— Надо же, как все продумано... А куда вы подевали труп убитой вампириши? Так и оставили в хибарке?

— Нет. Там поблизости был какой-то обрыв... Я плохо разглядел в темноте, но, по-моему, внизу что-то журчало — ручей, речка... Туда мы ее и сбросили.

— Кол вынули?

— Ну что вы! Ведь тогда она... Ну, вы понимаете...

— Понимаю... Дядя Люси — тот, под опекой которого она состояла, — продолжает поддерживать с вами тесные отношения?

— Ну как сказать... Видимся раз в два-три месяца, перезваниваемся, обмениваемся открытками на Рождество. По большому счету близких отношений нет — формальная родственная вежливость.

Игра в вопросы-ответы прекратилась, только когда шасси самолета мягко коснулось посадочной полосы аэропорта Бангора, штат Мэн.

Спускаясь по трапу, я обратила внимание на повисшую в небе полную луну.

Близилась полночь.

8

Наш с Кеннеди приезд клиент решил по возможности законспирировать. Поэтому он не вызвал в аэропорт свою машину с водителем, и мы все втроем отправились на нанятом здесь же такси.

В дороге поговорить не удалось — использование перегородок, отделявших салон от водителя, в патриархальном Мэне не практиковалось. Доверчивые люди — ни один дорожащий жизнью и здоровьем нью-йоркский таксист просто не выехал бы из парка на смену без подобного приспособления...

Поговорить не удалось, но водителя — молодого и словоохотливого — мы наслушались вдоволь.

— Обратите внимание, леди и джентльмены, проезжаем историческое место, — вещал таксист. — Вот на этом пригорке попал под машину сам Стивен Кинг, знаете такого писателя? Хороший мой знакомый, тысячу раз его возил. Свойский парень, и на чаевые не скупился — сколько зацепит пальцами в бумажнике, столько и вытаскивает. Хотя, конечно, каких только гадостей про наш штат не пишет. Его почитаешь, так в Мэне под каждым кустом не вампир, так оборотень, не мутант, так маньяк-расчленитель... На худой конец тарелка инопланетная зарыта... А как он Салемс-Лот конкретно обгадил, не читали? Вампирский, дескать, городок. Теперь тамошних жителей даже в приличные мотели не пускают. Как прочитают в книге регистраций: Салемс-Лот — так тут же: мест нет! Только что были — и все кончились. Хотя... В общем, действительно есть что-то в тамошних людишках неприятное. У меня вон теща из Салемс-Лота. Глянешь на нее в профиль — ну натуральная вампирша! И дочка у нее вся в мамочку... И сосут, сосут мою кровушку...

Тут Кристофер не выдержал. Достал бумажник, явно страдающий избыточным весом и готовый лопнуть по швам. Не глядя, зацепил пальцами и вытащил достаточно много купюр. Положил на таксометр. И негромко прорычал:

— А теперь послушайте меня, мистер-р-р-р! Это — ваши чаевые. При одном условии: вы сейчас заткнетесь и будете молчать до конца поездки!

Подействовало мгновенно.

9

В Кервуд мы въехали глубокой ночью. Шофер, так и не проронивший ни слова, сгреб чаевые и газанул по пустынной улице. Рокстон повел нас с Кеннеди к своему дому — действительно премилому особнячку, — но отчего-то показавшемуся мне в свете фонарей загадочным и мрачным. Поневоле я ожидала неприятностей — и предчувствия меня не обманули.

Неприятности начались буквально от дверей — и глашатаями их выступили два рослых и мускулистых молодых человека. Охранники, догадалась я. Вид у молодых людей был растерянный.

— Мистер Рокстон, — немедленно заговорил один из них, — мы досконально выполняли все ваши инструкции, но пару часов назад услышали с улицы звук мотора — совсем рядом, Джим вышел пройтись вокруг дома и увидел...

Кристофер не дал ему договорить.

— Сбежала! — ахнул он и бросился на улицу.

Мы — за ним. Следом — охранники.

Из окна второго этажа свисала плетеная нейлоновая веревка. Толстая, почти канат. При минимальных спортивных навыках — а отчего и не быть им у молодой женщины, едва перешагнувшей двадцатилетний рубеж? — спуск по веревке особых затруднений не составил бы. Принадлежавшего Люси красного «фerrари» в гараже не оказалось...

— Вон отсюда! — рявкнул наниматель на охрану, не слушая попыток оправдаться. — Я воспользуюсь услугами другого агентства! Вон!

Прощтрафившиеся телохранители ретировались в ночь. А мы стали размышлять: где сейчас упущенный ими объект охраны? И самое главное — чем занимается?

10

В жизни аристократов, помимо массы неудобств, имеются и кое-какие преимущества. Одно из них состоит в реакции людей на ночные звонки аристократа — они тут же начинают уверять, что вовсе и не собирались спать, что просто задумались с закрытыми глазами и готовы оказать любую услугу, потребную уважаемому мистеру Рокстону.

В результате такой услужливости через сорок минут у дома вице-электрика штата Мэн стояли две машины — для меня и для Кеннеди, — лично доставленные владельцем бюро проката и его помощником. А спустя еще десять минут прибыл семейный врач Рокстонов — с историей болезни миссис Люси, на которую мне очень хотелось взглянуть. В полицию Кристофер, вопреки первоначальному намерению, звонить не стал. Как я уже говорила, трудностей в жизни аристократов тоже хватает, и боязнь вынести сор из избы — лишь одна из них.

Медицинская карточка миссис Рокстон меня не порадовала. Ничем серьезнее легких простуд за семь месяцев семейной жизни она не болела, амбулаторных обследований и функциональной диагностики не проходила, даже анализов не сдавала. Судя по всему, более подробная история болезни, со всеми былыми хворями, осталась в колледже Святой Инессы...

Разочарованная, я отправилась спать в гостевую комнату. Когда я уходила, Кеннеди закончил тиранить своими вопросами Кристофера и вместе с ним склонился над подробнейшей картой Мэна, пытаясь вычислить маршрут к месту казни вампирши. К Артуру Харкеру с этим вопросом его зять обратиться наотрез отказался. Видимо, он считал кары, сулимые за разглашение тайн братства охотников, отнюдь не пустой угрозой.

11

Спалось на новом месте неважно. Проснулась я, едва забрезжил рассвет.

Кеннеди по-прежнему находился в гостиной — осунувшийся, с темными кругами под глазами. Судя по всему, он так и не ложился. Кристофер дремал рядом на диванчике — прямо в одежде, прикрытый пледом.

— Я уезжаю, — вполголоса поставила я Кеннеди в известность. При крепко спящем клиенте играть в начальника и подчиненную необходимости не было.

— Куда?

— В колледж Святой Инессы. Тридцать миль — не дальний крюк. Они должны регулярно проводить медосмотры своих студентов. Хочу посмотреть данные анализов и функциональной диагностики Люси.

— Хорошо, поезжай. Постарайся вернуться пораньше.

— Как думаешь искать сбежавшую супругу?

— Никак. Вампир она или не вампир, но ночевать под кустом, вопреки мнению того таксиста, не будет. И в дешевом мотеле не будет. Не то воспитание. Или вернется сюда, или объявится в доме дяди. В последнем случае, думаю, сюда заявится нанятый ею адвокат по бракоразводным делам...

...Утренняя дорога оказалась пустынной. Я внимательно поглядывала по сторонам — у меня была совершенно иррациональная надежда случайно встретить Люси, знакомую мне лишь по фотографиям. Очень хотелось услышать ее независимую версию событий... Почему-то — чисто подсознательно — я была на стороне бедной девочки, а не ее мужа и садистов-охотников. Даже если с ней действительно происходит странное *нечто* — можно

представить, что творится на душе у бедняжки. Представить и постараться помочь...

Тень метнулась из кустов неожиданно. Я едва успела затормозить. Покрышки наверняка прочертили асфальт черным следом... Олень тоже остановился. Посмотрел на меня недоуменно и презрительно, как на представителя явно низшего, деградировавшего класса животных, утратившего в ходе эволюции рога и волосяной покров тела. Закончив осмотр, представитель отряда парнокопытных продолжил свой путь. Да, знаки «Осторожно — дикие животные!» не были на дорогах Мэна пустой формальностью...

Санта-Инесса, небольшой университетский городок, почти полностью состоящий из одноименного кампуса, уже проснулся. И я сразу направилась в тамошний медицинский центр, в который раз жалея об отсутствии в кармане удостоверения с большими буквами «FBI». При его наличии врачи делятся тайнами здоровья своих пациентов куда охотнее.

Но опасения были напрасны. Фамилию Рокстон здесь хорошо знали. Естественно, особой заслуги нашего вице-электрика в этом не было — просто ему повезло родиться в богатом и известном клане... Взглянув на копию договора, поручавшего «Бейкер-стрит» действовать в интересах мистера Кристофера Дж. Т. Рокстона, директор центра д-р Ли тут же предоставил в мое распоряжение свои картотеки, как бумажную, так и компьютерную. При желании я могла узнать всё о здоровье любой студентки и любого студента. Но меня интересовала лишь Люси Харкер.

Как я и подозревала, самое любопытное оказалось на бумажных носителях. Медсестры и ассистентки вечно ленятся расшифровывать и переносить в файлы трудночитаемые закорючки своих патронов. Впрочем, подумав: «любопытное» — я несколько поспешила. По большому счету ничего особенного в бумагах не было — обычный набор мелких недомоганий в принципе здоровой девушки. Результаты анализов и функциональной диагностики — в пределах нормы. Если внутри будущей миссис Рокстон действительно гнездились *нечто* — проявилось это лишь в Кервуде. В период учебы в колледже Святой Инессы никаких проблем с организмом у Люси не наблюдалось. Единственным, за что зацепился мой взгляд, оказалось относительно недавнее направление в Керритаунский госпиталь на ДЛТБ⁷ (в Санта-Инессе аппаратуры для этого не имелось). Очевидно, кое-какие проблемы у девочки таки обнаружились — по женской части. Но с патологической страстью к чужой крови никакой связи это иметь не могло...

На всякий случай, чтобы наверняка больше не ездить в Санта-Инессу, я отправилась в кампус и разыскала бывшее обиталище Люси. Соседка, Саманта Пик, прожившая с ней два года в одной комнате общежития, оказалась на месте. Она отличалась общительностью и словоохотливостью — ссылаться ни на ФБР, ни на клан Рокстонов не потребовалось.

Увы, ничего особо интересного мне услышать не удалось. Подозрительных деталей в поведении подруги Саманта не замечала. Люси Харкер не имела обыкновения где-то бродить ночами и возвращаться утром с окровавленными губами. То есть, конечно, порой она не ночевала в своей комнате, но причина тому нашлась вполне прозаическая: у Люси имелся бойфренд, тоже здешний студент, с медицинского факультета, на четыре года старше. По словам Саманты, этот бойфренд, Ник Андервуд, был на редкость талантливым парнем — обладатель именной стипендии, лауреат и дипломант всевозможных студенческих научных конкурсов и т. д. и т. п.

«Интересно, — подумала я, — знает ли Кристофер о добрых увлечениях жены?» Нам, по крайней мере, он об этом ничего не говорил... И спросила: как отнесся Ник к замужеству Люси? Саманта пожалала плечами. Если и страдал, то не слишком заметно для окружающих. Лишь еще больше ушел в научную работу. Парень к тому времени уже запатентовал несколько новых медицинских методик и активно искал спонсора для их внедрения. А не так давно получил диплом и уехал из Санта-Инессы.

Едва ли это имело отношение к нашему делу, но на всякий случай я попросила

⁷ ДЛТБ — диагностика и лечение трубного бесплодия.

позволения взглянуть на фотографию Андервуда, если таковая у Саманты найдется. Нашлась, и не одна. Какой-то пикник: озеро, сосны, Саманта, Люси, еще одна девушка — и трое парней. Ник Андервуд оказался среди них самым видным — высокий, почти двухметровый красавец-блондин...

Вот и верь после этого завистникам, твердящим, что гранит наук упорно грызут лишь жестоко обиженные природой по части мужской стати или женской красоты... Глупость какая! У меня, между прочим, четыре диплома, и все с отличием!

12

Когда я ехала обратно, на мобильный позвонил Кеннеди.

— Как успехи? — поинтересовался он.

Я коротко обрисовала ситуацию.

— Не стоило рыться в архивной пыли, — резюмировал Кеннеди. — Возвращайся, объект твоего научного интереса объявился лично.

— Вернулась?

— Да. Часа через два после твоего отъезда.

— И что?..

— А ничего. Прошла к себе наверх и заперлась. На все попытки Рокстона вступить в разговор ответила одной фразой, весьма холодно: она, дескать, взрослый человек и не потерпит вмешательства в свою жизнь свихнувшихся от ревности дебилов. Со мной тоже разговаривать не пожелала. Боюсь, в результате появления в обществе Кристофера мой рейтинг упал в глазах миссис Рокстон весьма низко.

«Нелегко будет убедить Люси пройти обследование», — подумала я. И спросила:

— Что предпринял Рокстон?

— Ты удивишься, Элис... ОН ПОЕХАЛ НА СЛУЖБУ! Сказал, что отсутствовать два дня подряд для человека его положения недопустимо!

М-да-а-а... Комментариев у меня не нашлось.

13

Кеннеди сидел в одиночестве в гостиной Рокстонов и куда-то названивал по телефону. Пользовался он при этом оправленной в золото записной книжкой, наверняка принадлежавшей хозяину дома. Рядом на столике — я удивилась — лежал пистолет.

— Ты опасаясь, что... — Я показала глазами на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Я опасюсь другого, — негромко ответил Кеннеди, — что Рокстон сообщит-таки охотникам или они как-то сами пронюхают... Ладно. Забирай Люси и отправляйся в окружную больницу — Кристофер обо всем договорился. А мне надо кое-куда прокатиться, по телефону всё разузнать не получается. Придется лично ознакомиться с некоторыми достопримечательностями штата Мэн. Жаль, знаменитый Салемс-Лот не по пути...

Легко Кеннеди было сказать: «Забирай Люси» — и укатить... На слабый стук в запертую дверь она не реагировала. На стук посильнее прокричала откуда-то издалека, из глубины своих апартаментов:

— Убирайся к чертям! Или я звоню в полицию и журналистам! Ты, конечно, отмажешься, но тебе ведь не понравится газетный скандал о сексуальных приставаниях самого мистера Рокстона к собственной жене?!

Как ни смешно, Люси была права. Законы штата Мэн вполне позволяли успешно обвинить мужа в сексуальных домогательствах, направленных на законную супругу. Dura lex...⁸

⁸ Начальные слова латинской поговорки «Закон суров, но он закон».

Перекрикиваться через дверь и пару комнат, объясняя Люси, что я вовсе не Кристофер и помогать ей не намерена, мне не хотелось. Чего доброго, действительно вызовет полицию. А если «сама миссис Рокстон» пожалуется местным копам, что я вломила в ее дом с целью ограбления, те сначала запишут меня в кутузку, надавав заодно по почкам, и лишь потом станут выяснять, кто я такая...

Оригинальный выход из тупиковой ситуации мелькнул мгновенным озарением. Я торопливо вышла из дому. Если только Рокстон... Так и есть! Толстенная веревка по-прежнему свисала из полуотворенного окна. А я в детстве недурно лазала по канату, да и в колледже не забросила этих упражнений...

...На фотографиях Люси Рокстон выглядела несколько симпатичнее. Вернувшись, она забыла смыть макияж, зато много плакала. А косметика даже лучших фирм выдерживает обильные потоки слез лишь в рекламных роликах...

— Кто вы такая?! — выкрикнула Люси. — Что вам надо?!

Ее рука поползла к мобильному телефону.

Я замерла, не делая резких движений. Вообще воздерживаясь от каких-либо движений. Сказала тихо и очень спокойно:

— Я ваш друг, Люси. Меня зовут Элис. Повторяю: *ваш* друг, а не мистера Рокстона. Я хочу вам помочь...

Слова в подобных ситуациях не слишком важны. Главное — ровный, успокаивающий тон.

На Люси он, похоже, не подействовал. Взгляд ее оставался неприязненным и настороженным, рука медленно ползла к телефону.

Пришлось добавить, надеясь, что выстрел наугад угодит в десятку:

— Я знаю, Люси, где вы бывали в те вечера. И ни в чем вас не обвиняю... Он действительно очень красивый и умный парень — трудно с таким расстаться сразу...

Попала!

Люси пересекла комнату настолько стремительным прыжком, что я с трудом удержалась от желания прикрыть локтем горло. Но она всего лишь прижалась к моей груди, орошая ее слезами. В неразборчивом всхлипывании можно было разобрать лишь отдельные слова:

— Я... а он... Понимаете, Элис... А он...

Какая все-таки еще девчонка... Надо будет приписать к счету Рокстона стоимость блузки. Отстирывать ее от растворенной в слезах косметики некогда, придется срочно купить новую.

Через час мы с Люси переступили порог больницы округа Гейри.

14

К вечеру диспозиция на семейном фронте Рокстонов наметилась следующая:

Люси вновь обосновалась у себя наверху, заперев дверь.

Вернувшийся со службы Кристофер сидел внизу, мрачно и неохотно отвечая на новые вопросы Кеннеди, тоже вернувшегося со своей экскурсии по памятным местам штата Мэн.

Я уныло и бесцельно слонялась по дому, ожидая, когда из больницы подвезут результаты анализов. Обследование Люси там провели по всем возможным параметрам и критериям, которые я только могла вспомнить, и времени это заняло немало. Лабораторный анализ карамели-тестера — им я занялась лично — ничего познавательного не принес. В качестве реагента использовалось неизвестное мне вещество, масс-спектрометр лишь приблизительно позволил судить о его составе, большие погрешности давала перемешанная с реагентом леденцовая масса...

Около семи вечера заскочил Артур Харкер — по-семейному, без предварительного звонка. И получил от ворот поворот: мистер и миссис Рокстон никого не принимают. Надеюсь, с ролью новой прислуги я справилась неплохо — прежнюю Кристофер рассчитал

немедленно по обнаружении посиневшего леденца... Разочарованный Артур удалился.

А спустя еще полчаса появился гость, которого пришлось такти принять, — детектив Райзман. Оказался он мужчиной среднего роста и худощавого сложения, со щегольскими рыжими усиками.

— Что на этот раз? — более чем неприязненно спросил его Рокстон.

Беседовали они наедине. Я, добросовестно исполняя роль прислуги, провела детектива в гостиную и удалилась в соседнюю комнату, где уже находился Кеннеди. Благодаря несложному техническому устройству, звукоулавливающая часть которого осталась в гостиной, и двум парам наушников мы прекрасно слышали весь разговор.

Как выяснилось из слов детектива, совершено новое преступление. На этот раз именно преступление, которое, без сомнения, всколыхнет весь штат, хотя пока что информация о нем в прессу не передавалась. Найдена двенадцатилетняя девочка с перегрызенным горлом. Заключение экспертов о следах укусов пока не готово, есть подозрения на бродячую — а то и на вполне домашнюю — собаку. Но... Словом, детектив Райзман очень хочет поговорить с миссис Рокстон. Потому что неподалеку от места находки трупа ночью снова видели «феррари». Цвета свидетель в темноте не разглядел. Вполне возможно, что красный...

Голос Рокстона прозвучал так, словно рот его обладателя был набит раскаленными добела железными шариками, обжигающими язык и нёбо дикой болью и заставляющими при этом говорить невнятно:

— Моя жена больна... Очень больна... Она ни с кем не может видаться... Я запрещаю вам...

Повисла долгая пауза. Потом детектив сказал:

— При всем моем уважении, мистер Рокстон... Но окружной прокурор тоже наверняка заинтересуется этим «феррари», то и дело появляющимся на горизонте. Заинтересуется и выпишет бумажку, позволяющую побеседовать с вашей супругой вне зависимости от ваших разрешений или запрещений.

Скрипнул стул. Раздался звук шагов. Детектив направился к выходу, не прощаясь.

Через несколько минут Кристофер мертвым голосом говорил нам:

— Полиция знает всё... Всё... Днем я позвонил шефу полиции, Голтуотеру, — он весьма дружен с моим отцом. Хотел узнать о тех трех девочках, о пропавших... И... и... Он ничего не сказал мне... Ничего... Лишь успокаивал: работаем, найдем, разберемся... Примерно так говорят с раковыми больными — не подозревающими, что у них рак... Они всё знают про Люси... Может быть, не имеют пока доказательств, но знают...

Он замолчал — надолго. Потом сказал:

— Я не переживу ее ареста и суда... Вся семья не переживет... Миссис Рокстон *не может* оказаться за решеткой с такими чудовищными обвинениями — чем бы ни закончился процесс... Выбора нет. Я звоню Артуру. Пусть вызывает охотников... Пусть забирают...

Я и сама была шокирована историей с загрызенной девочкой. Неужели Люси оказалась столь ловкой комедианткой? Впрочем, мне приходилось встречать дьявольски хитрых шизофреников, актерские способности которых могли бы принести им не один «Оскар» и «Глобус»...

— Звоните, — глухо сказал Кеннеди. — Другого выхода действительно нет... Но прошу — выждите час. Нам с доктором Блэкмор необходимо тоже подготовиться. Вот уж не думал, что доведется когда-либо увидеть казнь вампира...

— Не увидите, — сказал Рокстон. Голос его зазвучал куда тверже. — Никто вас зрителем не пустит. Разве что можете послушать с помощью этих ваших штучек...

Наблюдать кульминационную сцену своими глазами мне, к сожалению, не довелось. Поэтому попробую изложить ее в третьем лице.

Итак.

Близилась полночь. В обширной гостиной Рокстонов царил полумрак — лишь десяток свечей, расставленных тут и там, освещали ее.

Стояла тишина, нарушаемая тиканьем старинных напольных часов. Шестеро собравшихся молчали. Четверо из них — в длинных, до пола, черных плащах с глухими капюшонами — сидели на старинных стульях, расставленных вдоль одной из стен. Пятый, одетый точно так же, сидел рядом с обширным столом. Шестой лежал на этом столе, неясные контуры тела скрывались под черным покрывалом.

На другом столе — меньшего размера, стоявшем в углу, — были разложены принесенные братьями-охотниками орудия. Колья — длинные, раздвоенные, и короткие, гладко зачищенные. Фонари, аэрозольные баллончики. Стояла объемистая бутылка со святой водой.

Внезапно тело, накрытое черным покрывалом, задвигалось — все сильнее и сильнее. Покрывало сползло с одного конца, открыв взорам собравшихся женские ноги, обтянутые ажурными колготками. Грубая веревка, опутывающая щиколотки, резко контрастировала с этими ногами, на редкость стройными и привлекательными.

Человек, сидевший у стола, встал. Поправил покрывало. И — ударил ребром ладони шевелящуюся фигуру — в районе не то головы, не то шеи. Шевеление прекратилось.

Один из сидевшей у стены четверки обратился к нанесшему удар человеку. Голос был глухой, искаженный.

— Зачем ты призвал нас, брат Джун? Если тебе есть что сказать — говори.

Спрашивавший выделялся среди собратьев ростом и шириной плеч — возможно, поэтому он казался среди них главным.

— Мне есть что сказать, брат Трувер... — ответил Джун медленно. — Но мне очень тяжело говорить... И сначала я хочу спросить вас, братья... Приходилось ли вам сталкиваться с тем, что врагом оказывался близкий вам человек? Друг? Родственник? И если приходилось, то как поступали вы тогда?

Джун сделал два шага в сторону четверки. Простер руку в их сторону.

— Ответь ты, брат Трувер!

Трувер ответил, не размышляя:

— Приходилось, брат... Я встал на этот путь именно тогда, когда вампиром оказался мой родной брат... Узы родства были сильны, но кровь невинных взывала к мести сильнее. Я отдал его братии, скорбя и плача в душе. И сам принял участие в казни.

— Ты, брат Юстас?

— Ты опять ошибся, брат, — я Фоб. Но я отвечу тебе. Близкий друг, с которым мы делили горести и печали, оказался виновен в смерти семи человек. Он был казнен моей рукой.

— Ты, брат Юстас?

Речь Юстаса звучала проще, не так патетично и книжно, как у его собратьев, но столь же глухо и невнятно:

— Ну как тебе сказать, брат Джун... Чего не было, того не было. Не приходилось никого из близких как-то... Но если бы довелось — думаю, смог бы. А куда денешься? Устав есть Устав — не исполнишь, и живо самого...

— Ты, брат Деймос?

— У меня было подозрение, брат, очень сильное подозрение, что близкий мне человек стал вампиром. Тогда — несколько лет назад — оно не подтвердилось. Хотя и не опроверглось полностью. Тест дал неоднозначный результат. И она осталась жить...

— Мы ответили на твои вопросы, брат Джун, — произнес Трувер. — Пора и тебе раскрыть все карты.

— Хорошо. Но сначала последний вопрос. Здесь, перед нами, — человек, который мне близок и дорог. Которого мы казним после проверки святой водой — я уверен в ее результате. Ответьте мне, братья: могу ли я отдать его вам в руки, но сам не участвовать в

казни?

После короткого молчания за всех ответил Деймос:

— Нет, брат. Иначе в твоём сердце — хочешь ты этого или нет — когда-то поселится ненависть к нам. Единственное, что мы можем сделать, — это избавить тебя от первого удара. Как в случае с первой казненной вампиршей, ты можешь нанести лишь завершающий удар, уже не смертельный. Но ритуал есть ритуал — каждый из нас должен приложить руку.

Джун медленно наклонил голову. Потом подошел к меньшему столу, взял с него емкость со святой водой.

— Я отдаю вампира в ваши руки, братья! Он был дорог мне, и нас связывали родственные узы, но наш святой долг главнее. Берите его и исполните, что должны. Я называю его имя. Это брат Деймос, в миру известный как Артур Харкер!!!

Последние слова брат Джун буквально проревел.

Такого, похоже, не ожидал никто. Трое братьев недоуменно переглядывались, словно надеялись что-то разглядеть друг у друга под прорезями капюшонов. Деймос вскочил, нетвердо сделал несколько шагов по комнате.

— Ты сошел с ума, брат! — нервно выкрикнул он. — Ты спятил! Откуда ты это взял?!

— Я взял это из чашки кофе, которую ты не допил, брат! В ней был растолченный леденец!

Деймос метнулся к маленькому столу, вернулся обратно. Снова крикнул:

— Ты спятил! Это ошибка! В любых тестах случаются ошибки!

— Случаются, — не стал спорить Джун. — Но у нас есть способ проверить. — Он сорвал крышку с емкости. — Глотни-ка святой воды, брат!

И он сделал бутылкой резкое движение в сторону Деймоса. Тот, мгновенно отскочив, вжался в угол.

Остальные братья, похоже, не представляли, что делать. Нежданный экспромт поломал весь отрепетированный сценарий.

— Ты сбрендил, Крис! — визжал Артур-Деймос, враз позабыв о конспирации. — Я же пил святую воду! Пил! Совсем недавно, у тебя на глазах!

— Ты подменил стаканы, старый шулер. Глотни вот этой!

Он надвинулся на Деймоса и рявкнул (умудрившись сохранить при этом глухой и искаженный голос):

— Пей, или я волью ее тебе в глотку!

Но тут остальные охотники пришли наконец к какому-то решению. А может, то была личная инициатива брата Юстаса (настоящего, не того, который оказался Фобом). Как выяснилось, красиво говорить Юстас не умел, зато умел двигаться стремительно и бесшумно. Что и продемонстрировал: подскочил к столу, схватил кувалду и тут же обрушил ее на затылок Джуну...

«Бах!» — рявкнул выстрел, оглушительный в замкнутом помещении. Черное покрывало слетело на пол, как и обрывки фальшивой веревки. На большом столе вскочила на ноги молодая женщина ослепительной красоты — в коротенькой плиссированной юбке и белой блузке. Волосы ее в свете свечей отливали золотом. В каждой руке красавица держала по пистолету.

— Всем стоять! — крикнула она громко, но мелодично. — ФБР! Кто дернется — стреляю!

* * *

Как все уже догадались, это была я — доктор Элизабет Рейчел Блэкмор. Обожаю эффектно появляться на сцене. Про ФБР, правда, крикнула сгоряча, по привычке. Но ведь подействовало!

Немая сцена, к сожалению, не получилась.

Испортил ее брат Юстас, с воем ползающий по полу. Совсем не умел терпеть боль этот охотничек — моя пуля лишь чиркнула его по мякоти бедра, не задев ни кости, ни жизненно важных артерий.

Ему вторил Деймос, он же Артур Харкер. Выл и корчился на полу. Кувалда подстреленного мною Юстаса все-таки слегка задела капюшон и плечо Джуна. Часть святой воды выплеснулась — и, очевидно, кое-что угодило в прорези капюшона Деймоса. Теперь тот визжал, катался по полу и пытался разодрать ногтями не то плотную черную ткань, не то собственное лицо под ней. По гостинной волнами расходилось «адское зловоние» — правда, не столь сильное, как расписывал Кристофер.

— Помучайся, подонок, помучайся, — сказал Джун без всякой жалости. — Будешь знать, как поливать кислотой живых людей...

Он аккуратно поставил бутылку на стол, вновь притер крышку. Потом стянул капюшон, сорвал с нижней части лица плотно прилегающую повязку. И обратился к Фобу и Труверу, издающим какие-то невнятные звуки:

— Позвольте представиться, господа. Частный детектив Макс Кеннеди. Можно просто Кеннеди. — И повернулся ко мне: — Элис, дай мне, пожалуйста, пистолет. В компании этих молодых людей без него я чувствую себя неуютно.

Пока я бросала пистолет, а Кеннеди его ловил, молодой человек по прозвищу Фоб доказал, что сбрасывать его со счетов действительно рановато. Рука его метнулась под плащ. Надо думать, всерьез обыскивали охотники на предмет спрятанного оружия лишь Джуна.

«Бах! Бах!»

Две пули из моего «зиг-зауэра» пробили черный капюшон, не задев его обитателя.

— Ну давай, сынок! — ласково сказала я Фобу. — Доставай свою пукалку! Устроим дуэль по-техасски! И, клянусь шляпой Клинта Иствуда, твое брюхо станет неразрешимой загадкой для хирургов! Придется им сплавить тебя патологоанатомам!

— Хватит, Элис! — поморщился Кеннеди. И громко возвестил: — Да будет свет!

До чего все-таки он склонен к плагиату...

Свет вспыхнул. Одновременно на сцене появилось множество новых действующих лиц. Люди в полицейской форме и люди в сером камуфляже — без знаков различия, но с оружием, и люди в белых халатах, и люди с видеокамерами... Где-то на заднем плане маячил совершенно обалдевший Кристофер Дж. Т. Рокстон — без оружия и видеокамеры, но с моими туфлями в руках. Я сделала ему знак, чтобы подошел поближе. Стоять босиком перед честной компанией не хотелось...

— Отлично сработано, мистер Голтуотер! — сказал Кеннеди. — Я так опасался, что вы не выдержите и ворветесь раньше времени... Съемка прошла успешно?

— Вполне, — подтвердил шеф полиции Кервуда. — С нескольких точек. Присяжные обалдеют от этого готического ужастика.

— Подождите снимать с них капюшоны! — остановил Кеннеди людей в форме. — Через несколько минут! По одному и под камерами!

17

— А теперь, — Кеннеди посмотрел на запястье и поднял руку, — внимание!

Разноголосый гомон смолк. Старинные напольные часы начали отбивать время.

— Полночь! — провозгласил Кеннеди. — На любом приличном маскараде — время снимать все и всяческие маски! Камеры — на меня!

Он быстро приблизился к Деймосу (тот уже перестал выть и тихонько поскуливал) и сорвал капюшон. Сдернул закрывавшую рот повязку.

— Познакомьтесь: Артур Харкер, он же брат Деймос, он же Красавчик Арти — в Неваде он куда больше известен именно под этим прозвищем. Боюсь, в тюрьме ему дадут

другое: Уродец Арти. Соляная кислота не слишком подходящая замена лосьону для лица.

Артуру защелкнули наручники и вывели из гостиной. Сквозь раскрытую дверь было видно, как над его лицом захлопотали люди в белых халатах. Но если я хоть что-то понимаю в химических ожогах, Красавчиком ему действительно больше не бывать.

Кеннеди продолжал шоу:

— Номер второй нашей осенней коллекции — брат Юстас! Большой любитель бить кувалдой по затылкам! К сожалению, его настоящее имя осталось для меня загадкой... Может, кто-то из присутствующих мне поможет? — Второй капюшон отлетел в сторону.

Пресловутым «кем-то» оказался наш клиент мистер Рокстон.

— Фреди! — возопил он, — Ты что здесь... Это же мой собственный шофер, господа!

Юстас-Фреди не стал просвещать работодателя, что он здесь делает. Прохромал за дверь, прямиком в лапы белых халатов. Кровь из раны на его бедре почти не текла.

— Номер третий — брат Фоб! — продолжал изгаляться Кеннеди.

Фоб сидел под прицелом аж трех автоматических винтовок — его попытка затеять со мной техасскую дуэль не осталась без внимания.

— У меня есть догадки, — продолжал Кеннеди, — как его называли в детстве папа с мамой, но оставим зрителям интригу! Алле-гоп!!!

И он сдернул капюшон вместе с повязкой.

На этот раз не смог сдержать чувств шеф полиции.

— Райзман! Ах ты, ..., сучий ..., тебя в твоей матушки ... старого негра!!!

Так вот прямо и сказал, хотите верьте, хотите нет. Не из аристократов, сразу видно.

Детектива Райзмана — очевидно, теперь уже бывшего детектива — увели.

— А теперь жемчужина нашей коллекции! Брат Трувер! Музыка, туш!

Я уже догадалась, кто скрывается под этой маской. И, честно говоря, мне было его немного жалко. Им единственным из всей стаи двигали не только корысть, подлость и зависть...

Брат Трувер встал, выпрямился и сам снял капюшон.

— Пошел ты на... — сказал он Кеннеди. — Комедиант чертов!

И Ник Андервуд подставил запястья под браслеты наручников.

18

Разбор полетов состоялся спустя полтора часа в узком кругу.

Присутствовали: частный детектив Кеннеди, доктор Блэкмор, мистер Рокстон, шеф полиции Голтуотер и лейтенант полиции из Нью-Хемпшира по фамилии Лестрид — невысокий и невзрачный человек, чем-то напоминающий живущего впроголодь бульдога.

— Как я понимаю, — задумчиво говорил шеф полиции, — эту рыбу придется жарить вам, Лестрид. Мне по большому счету нечего предъявить нашей милой компании...

— Как? — удивился Кристофер. — А пропавшие девушки? А вчерашняя, растерзанная?

— Не было девушек — в смысле никуда не исчезали. И никто никого не растерзывал. Подлец Райзман просто пугал вас, подверстывая даты и время якобы исчезновений и растерзаний к отлучкам вашей жены... А мне, наоборот, напле! мистер Рокстон поехал умом на вампирских книжонках, везде ему чудятся упыри и их жертвы... Так что единственная козырная карта в рукаве у Лестрида.

— Именно, — радостно оскалился бульдогообразный лейтенант. — Хоть Кусачая Мэг и была полоумной и агрессивной нищенкой, но убивать ее не стоило... Присяжные обольются слезами, слушая, как пятеро молодых и здоровых ублюдков обливали кислотой и пронзали колом бедную старую больную женщину. Это, я думаю, пожизнен...

— Четверо ублюдков!!! — завопил Рокстон, перебив лейтенанта. — Не пятеро!!! Четверо!!! Разве вы не слышали, что сказал этот мерзавец Арт?! Мой удар ничего не значил!!!

— Слышали и записали, — успокоил Голтуотер. — Лейтенант просто оговорился. Конечно же, четверо ублюдков...

— Но вы к предварительному слушанию все же обзаведитесь хорошим адвокатом, — посоветовал Лестрид.

Очевидно, в Нью-Хемпшире клан Рокстонов был известен меньше, чем в Мэне.

— Обзаведусь, обзаведусь... — сказал Кристофер со снисходительно-барственным выражением. Казалось, еще чуть-чуть — и он покровительственно похлопает лейтенанта по щеке.

Я прикусила губу. И подумала: все-таки мы работали не только ради этого надутого индюка. Ради бедной девочки тоже...

— И все же, Кеннеди, не могли бы вы объяснить нам подноготную этой дикой истории? — спросил Голтуотер. — Как могли собраться вместе эти четверо? Ради чего они все затеяли? Как вы столь быстро, едва успев приехать, сумели раскрутить клубок?

— Честно говоря, первые подозрения, вполне потом подтвердившиеся, мелькнули у меня еще до отъезда из Провиденса. Ключевой сценой в рассказе нашего клиента была казнь псевдовампириши. А ключевой деталью в сцене — проверка с помощью «святой воды». Именно она окончательно убедила мистера Рокстона, а вот меня сразу заставила насторожиться. Все остальное — ерунда. Любой спящий и внезапно разбуженный человек будет стараться прикрыться и уклониться от бьющего в лицо света. Да и направленная в лицо струя чесночного аэрозоля ни у кого не вызовет положительных эмоций. Но вот «святая вода»... Мы с доктором Блэмор порой сами ставим невинные химические опыты; и едва я открыл сейф после ухода нашего клиента, тут-то меня и осенило... — *(Я незаметно улыбнулась, вспомнив, каким именно образом его осенило.)* — Инсценировка охотников, конечно, была рассчитана лишь на мистера Рокстона. Люди его общественного положения редко сводят счеты с удачливой соперницей или изменившей подругой, плеснув ей в лицо кислоту. Довольно легко было вычислить какую. Концентрированную соляную, аш-хлор. Прочие сильные кислоты весьма отличаются от воды по внешнему виду — они либо бесцветные, либо слишком вязкие и плотные... И действие соляной кислоты на кожу именно таково, как было описано, — сильнейшее жжение, поначалу без видимого глазу ожога, и весьма характерный резкий запах. То, что мистер Рокстон назвал «адским зловонием»...

— Подождите, — встрял вице-электрик. — А как же леденцы?

— Про леденцы все объяснит доктор Блэмор, когда до них дойдет черед. Итак, механика преступления стала ясна. Из рассказа клиента всплыл и главный подозреваемый — Артур Харкер. Первоначальная версия была проста. Я считал, что вам, мистер Рокстон, предстояло стать объектом банального шантажа. Характерная деталь — гладкий кол, да еще покрытый неким смазывающим веществом. Идеальная поверхность, чтобы оставить отпечатки пальцев.

— Но ведь... они тоже... — невнятно попытался спорить с профессионалом наивный клиент.

— Мистер Голтуотер, вы обнаружили на подушечках пальцев этой четверки защитную пленку? — спросил Кеннеди у шефа полиции. Тот кивнул. — Вот видите. На коле оставались *лишь ваши* отпечатки. И мне тогда казалось, что очень скоро у вас тем или иным способом потребуют денег. А эпизод с леденцом и вашей женой, думал я, — досадная случайность, не входившая в планы Артура. Неясно было только, зачем он вообще вручил вам ту коробку с карамелью... Но всё оказалось не так просто. Мистер Харкер не желал вытягивать из вас понемногу. Тем более что с богатым и влиятельным человеком такая игра весьма опасна. Он решил получить много и сразу — всё состояние Люси.

— Каким это образом?

— Унаследовать.

— Чушь... Наследник — я.

— Ошибаетесь. Убийца не может наследовать своей жертве — это объяснит вам любой начинающий адвокат. План был весьма изящен. Полностью задурив вам голову, подтолкнуть

к убийству жены. И тут же, со всеми уликами, сдать в руки правосудия. Чем бы ни закончился процесс — скорбящий брат вступил бы в права наследования.

— Зачем так сложно, Кеннеди? — спросил Лестрид. — Не проще ли было убить обоих самому? Или кого-то нанять?

— Очевидно, не проще. Харкер не так давно уже унаследовал весьма приличную сумму — после смерти родителей, в автомобиле которых вдруг отказали тормоза. Кстати, не мешает навести справки в Неваде. Не просыпался ли вдруг у Красавчика Арти интерес к ремонту автомобилей. Не заводил ли он знакомства среди автослесарей. Не закончил ли, часом, какие-нибудь курсы по авторемонту...

— Вы думаете?

— Не уверен. Но в любом случае смерть еще одной супружеской пары, вновь обогатившая Артура, вызвала бы подозрения. Его план, что ни говори, был изящнее.

— Зачем ему все это? — недоумевал Рокстон. — Ведь все у него шло хорошо, был принят в обществе, вот-вот сел бы в правление банка, мог жениться на девице нашего круга с хорошим приданым...

Ответ Кеннеди мне показался несколько натянутым:

— Ну-у-у... Надо думать, большую часть родительских денег он растранижил. А кресло в правлении без пакета акций за душой — не слишком надежная перспектива; случись на любом собрании акционеров какое-то столкновение клановых интересов — и бедным родственником легко могли пожертвовать... Да и принимать кого-то в доме — это одно, а выдавать дочь за человека без особых средств и с подмоченной репутацией — совсем другое...

А я подумала: этому сорвиголове и авантюристу попросту не хватало свежего воздуха в вашем подернутом ряской болоте. Да, Артур был способен на многое: на любую подлость и низость, на предательство и убийство... Не мог лишь прокладывать путь наверх медленно, шаг за шагом, глубоко пряча интриги под маской благопристойности, годами улыбаясь своим лютым врагам на светских раутах...

— Но как он умудрился собрать столь разнородную банду? — спросил Голтуотер. — В чем был интерес всех этих людей? Лишь в деньгах?

— Не только. Имелись и другие мотивы. У Красавчика весьма силен талант организатора — можете почитать досье о его невадских подвигах. И хорошее чутье на людей. Он безошибочно выбрал исполнителей, питавших к вам ненависть, мистер Рокстон. Например, ваш шофер...

— Фреди?! — возопил Кристофер. — Но за что?! Нигде и никогда он не заработал бы столько, сколько платил ему я!

— Возможно. Но сравнивал он свои доходы не со средним шоферским заработком, отнюдь нет. Скажите, вам ведь случалось давать кому-либо чаевые у него на глазах — так же, как тому таксисту, не считая? Или посылать его зимой за роскошнейшим букетом для Люси — стоимостью этак в половину его месячного жалованья?

Кристофер молча кивнул.

— Ну вот. Потому он вас и ненавидел. По-моему, это и называется классовой ненавистью. Что же касается Райзмана... Вспомните его первый визит, пять дней назад. А именно — лицо полицейского показалось вам смутно знакомым. Вы напряглись и раскопали в памяти: именно этот человек год назад дважды штрафовал вас на дороге! На самом деле воспоминания были чуть глубже. Не верю, мистер Рокстон, что вы сможете, например, вспомнить лицо портье, оформлявшего вам год назад номер в гостинице. Или лицо продавца в магазине, где вы покупали подарки к прошлому Рождеству... А тут вдруг всплыл из памяти какой-то полицейский... Попробуйте представьте себе это лицо еще раз — более молодым и без усов...

Экс-вампириборец наморщил лоб, представляя. Спросил неуверенно:

— Глиста?... — И сам себе ответил: — Глиста...

— Именно так. Ваш одноклассник Эбрахам Райзман, по прозвищу Глиста. С большим

трудом пристроенный своим отцом в вашу элитную школу... Надежды Райзмана — старшего на то, что сын с детства сведет дружбу с нужными людьми, не сбылись. Во время учебы Глиста служил вам козлом отпущения и мальчиком для битья, а после выпуска тут же был прочно забыт. Вы, мистер Рокстон, надо думать, были одним из главных объектов его зависти и ненависти... Он пытался мстить — глупо и мелко. Вычислив дни ваших корпоративных вечеринок, подстерегал вас на трассе, хотя в обязанности детектива это никак не входит. Возможно, думал довести дело до суда за вождение в нетрезвом виде. Но просчитался — оказалось достаточно одного вашего звонка, чтобы Райзману надели намордник. И он оказался бесценной находкой для шлифующего свой план Артура. Полагаю, именно Райзману надлежало бы арестовать вас сегодня. Над трупом жены, с окровавленным колом в руке... Вышел бы из комнаты в образе брата Фоба, а через минуту ворвался бы обратно в ипостаси полицейского...

— Но я бы все рассказал про них!

— Про кого? Про вампиров? Про охотников на них? Про братьев Трувера, Фоба и Юстаса? Вы не знали ни их имен, ни лиц, ни голосов... Присяжные посмеялись бы. Артур же наверняка сострепал себе железное алиби и доверительно сообщил бы суду, что давно замечал у своего зятя странные фантазии. И не раз заставлял его за чтением вампирских книжек... В вашей личной библиотеке, полагаю, изданий подобного рода в последнее время прибавилось? Да и раньше вы увлекались паранормальной литературой...

— А этот, четвертый верзила, как там его... Ну, в общем, Трувер?

— Здесь чуть сложнее, тут сплелось два мотива. Как выяснила доктор Блэкмор, у Ника Андервуда был роман с Люси — еще до ее замужества. Кроме того, он подавал очень большие надежды на научно-медицинском поприще. Ему нужен был капитал для раскрутки кое-каких своих идей. Думаю, приданое Люси вполне помогло бы совместить приятное с полезным. Потом появились вы, мистер Рокстон, — крахом завершилась и любовь, и научные планы. А потом подвернулся Артур, рыскающий по прошлому Люси в поисках сообщников...

Тут в разговор вмешалась я:

— Не верю, Кеннеди. Не верю, что он собирался хладнокровно лить кислоту на лицо девушки, которую любил...

— Все было немного по-другому. Ник — единственный из охотников, кто вел свою тайную игру за спиной Артура. Его задача была проста — кроме исполнения роли Трувера, он должен был два-три раза выманить из дому Люси. Расчет несложный: правду об этих встречах она мужу никогда не расскажет, а любую ложь легко разоблачить. Если отнести на эти же отрезки времени преступления мифического вампира, что было задачей Райзмана, то капкан для четы Рокстонов захлопнется. Но Андервуд, как я уже говорил, затеял свою игру. Зная, что сутки назад отношения Люси и Кристофера обострились до предела, Ник попытался в одиночку сгрести весь банк. Вернуть себе и женщину, и ее деньги и напоследок утопить соперника, дав наводку на мистера Рокстона в деле убийства нищенки из Нью-Хемпшира. Но не сложилось. Прошлую ночь они провели с Люси... Спокойно, Рокстон! Сядьте! Никакой измены, думаю, не было. Ник долго и упорно доказывал Люси, какая скотина ее муж, напоминал про былые их счастливые дни и предлагал вернуть их... Старания пропали втуне. Люси вернулась к вам, Рокстон.

«И совершенно напрасно», — подумала я. Кеннеди же тем временем продолжал:

— Тогда и только тогда Ник Андервуд решил мстить. Даже не столько сопернику, сколько вновь отвергнувшей его женщине. Вот, собственно, и вся психологическая подоплека событий...

— Подождите, подождите... — вспомнил шеф полиции. — А конфеты? Те чертовы леденцы? Как я понимаю, это выдумка Андервуда, как и трюк с кислотой. Но что они тестировали, черт меня раздери?! Не вампиризм же, в самом деле? Почему у жены во рту они синели, а у мужа нет? И как Харкер мог основывать план на случайной находке своей сестрой коробки с леденцами? Он-то, просчитывавший все до секунды и дюйма?

— Как много вопросов... — улыбнулся Кеннеди. — Я отвечу лишь на последний. Никакой коробки Люси не находила. Конфету — одну — положил на стол Артур, бывавший у Рокстонов запросто. Он знал, что сестра с детства любит леденцы и не удержится, попробует. Надо понимать, время визита просчитано было идеально — чтобы прислуга не успела убрать обсосанный леденец до возвращения хозяина дома. Зная воспитание Люси, Артур был уверен: выбрасывать что-либо в мусорное ведро она в жизни не отправится... А что касается происхождения леденцов — тут слово доктору Блэкмор.

И я взяла слово. Но начала рассказ не с конфет на палочке, а с Люси:

— Как вы знаете, господа, сегодня я пробыла почти четыре часа в окружной больнице Гейри вместе с миссис Рокстон. Были проведены все возможные на сегодняшний день исследования для выявления в ее организме каких-либо мутаций, патологий, изменений и отклонений от нормы. Результат более чем скромнен. Выявлена одна легкая патология, никак и ничему не угрожающая. И — одно вполне функциональное изменение.

— Что за патология?

— Что за изменение?

Рокстон и Лестрид задали эти вопросы дуэтом.

— Патология — легкая кровоточивость десен, иначе говоря, пародонтоз в довольно слабой форме, — ответила я. — А функциональное изменение — семинедельная беременность.

— КАК?! — завопил этот идиот. И вновь, как в «Бейкер-стрит», подпрыгнул на два фута. Нет, пожалуй, даже выше.

— А вот так! Вы тупица, Рокстон! Она хотела вас порадовать, рассказать вам всё, когда вы полезли к ней с бредовыми вампирскими подозрениями! Черт возьми, она почти год лечила трубное бесплодие — тайком от вас, тайком от всех! — и вылечила-таки... Вы идиот, Рокстон!

Я замолчала. Ничего говорить больше не хотелось.

— Леденцы... — мягко напомнил Кеннеди.

— Ну что леденцы... Я проверила по «Реферативному журналу университетов Мэна» — Ник Андервуд разработал новый тест на беременность, по содержанию мукоидов в слюне... Похожие были и раньше, но те отличались большими погрешностями... Артур Харкер и эту детальку приспособил в свою схему... Убил двух зайцев. Рокстон забеременеть не мог по определению, Артур же в случае чего получал сигнал — медлить нельзя, появление еще одного наследника не за горами.

— Постойте... — не понял Лестрид. — А если бы Люси не забеременела так вовремя? Ситуация бы подвисла?

— Не знаю... — устало сказала я, вставая. — Думайте сами... Уж как-нибудь Красавчик Арти извернулся бы...

Обстоятельно ответил Кеннеди:

— Многое выяснится после допросов «братьев». Но, мне кажется, про лечение Люси от бесплодия Харкер знал. Доктор Блэкмор, скорее всего, лишь повторила его путь в Санта-Инессе. А проведя разведку в госпитале Керритауна, Артур мог узнать и об *успехе* лечения. Думаю, этот факт весьма ускорил исполнение плана и породил кое-какие шероховатости, позволившие размотать клубок. При наличии большего времени, втягивая вас, Рокстон, в антивампирскую возню медленно и постепенно, он мог добиться того, что вам и в голову бы не пришло обратиться в «Бейкер-стрит»... Можно предположить, что Андервудом были созданы и другие тесты, не только леденцы, — ими Артур регулярно и тайно тестировал сестру. Получив положительный результат, немедленно начал действовать. Как попала ему на заметку нищенка из соседнего штата, имевшая обыкновение в драках с себе подобными пускать в ход зубы, я не знаю, но кандидаткой на роль вампириши в затеянном спектакле она стала идеальной...

Рокстон, долго молчавший и что-то обдумывавший, вдруг выдал:

— Всё это инсинуации, ничем не подкрепленные!

Тут я не выдержала. Не стала слушать и вышла из комнаты. В спину летел визгливый голос Рокстона:

— Во всем виноват проклятый Андервуд! Он пружина всего дела! Артур на скамье подсудимых — позор всему семейству, обоим семействам! Я не позволю...

19

Голос Рокстона становился слабее и стих совсем. Я поднялась по лестнице, постучала в дверь условным стуком. Люси открыла сразу, словно ждала меня под дверью. Наверное, так оно и было.

В комнате оказалось темно. Силуэт Люси вырисовывался на фоне окна. На фоне ночи и звезд...

— Ну что там, Элис?

Я — по возможности коротко — пересказала состоявшийся внизу разговор. Не скрывая ничего — ни того, что было, ни того, что могло произойти. С ней произойти.

Она молчала. Долго молчала. Потом мне показалось, что Люси тихо и горько рассмеялась. Лишь через секунду я поняла — это плач.

Потом она вновь оказалась у меня на груди, и пальцы ее вцепились мне в плечи, и новая блузка опять оказалась испорчена, но мне было наплевать, и снова можно было понять и разобрать очень немного: «Они... ну почему?... Они... Элис...» — но это было не важно, потому что порой женщины понимают друг друга без слов; моя рука гладила ее по волосам, и мне хотелось сказать: «Девочка, если сейчас ты задумаешься о семейной чести, или о будущем своего ребенка, или о нежелании ломать только-только налаженную жизнь, — и не сделаешь того, что должна, — то ты пропала, потому что он обязательно предаст тебя снова, предаст, когда некому будет тебя спасти и вытащить...» — но я промолчала, потому что сейчас она сделала бы все, что бы я ни сказала, сделала бы не задумываясь, а я не могла и не хотела решать за нее; потом я поняла, что она прижалась ко мне слишком плотно и что ее пальцы уже отнюдь не вцепились, и отнюдь не в плечи, и надо было осторожно отодвинуться, и тихонько сказать: «Не надо, девочка, не все мужчины такие свиньи, как эти трое, попавшиеся на твоём пути, раны заживут, и ты еще встретишь одного-единственного, и будешь счастлива...» — но я не отодвинулась и не сказала ничего, потому что губы были заняты другим, а отодвинуться от нее сейчас я просто не могла... Да и не хотела.

20

Когда спустя час с лишним я вернулась на первый этаж, разговор о преступлениях уже закончился. Начался разговор о деньгах.

Кристофер Дж. Т. Рокстон, надутый и обиженный, неприязненно спросил:

— Сколько я вам остался должен, мистер Кеннеди?

Кеннеди ответил не сразу. Закурил — впервые за вечер. Внимательно посмотрел на мою испорченную белоснежную блузку. Поднял взгляд вверх, словно хотел увидеть на потолке искомую цифру. А может, просто вспомнил про Люси...

И сказал:

— Помимо аванса и с учетом моего травмированного плеча, двух испорченных блузок доктора Блэкмор и нашего с ней совместного разочарования в людях, вы должны нам сто тысяч долларов, мистер Рокстон.

— СКОЛЬКО???

— Сто. Тысяч. Долларов.

— Вы спятили, Кеннеди!!! По вашей милости я сижу по уши в дерьме, моего шурина будут судить за убийство первой степени, моя жена была любовницей другого подсудимого, а вы требуете такие деньги? Вы не получите ни цента! НИ ЦЕНТА!!!

Кеннеди явно хотел что-то сказать, но не успел. В разговор неожиданно вступил

лейтенант Лестрид. Трах!!! — его кулак с грохотом опустился на стол. Пальцы другой руки стиснули плечо Рокстона. Судя по тому, как скривилось лицо Кристофера, сила у маленького лейтенанта была недюжинная.

— Слушай меня, спесивый индюк! — прошипел Лестрид. — Ты не сидишь по уши в дерьме! Ты изнутри набит дерьмом — действительно, по самые уши! Самым дерьмовым дерьмом!

Если бы Кристофера укусил за седалище собственный унитаз, он наверняка удивился бы меньше. Несомненно, с отпрыском клана Рокстонов никто и никогда не общался подобным образом. Голтуотер отвернулся в сторону — и я увидела, как он широко улыбается.

— Я не знаю, что за говенная ты шишка в своем Мэне! — продолжал лейтенант. — В Нью-Хемпшире ты никто и звать тебя никак! НИКТО!!! В Нью-Хемпшире ты хрен с горы Провидения! Тамошние газетчики кормятся с моей ладони — и их очень интересует, кто же прикончил Кусачую Мэг столь изуверским способом! И они узнают, если ты, дерьмоед, не расплатишься сей же момент с мистером Кеннеди, за уши вытянувшим тебя из газовой камеры! Попроси завтра с утра принести тебе «Конкордию-ньюс» и полюбуйся своей дебильной рожей во весь разворот!!!

Лейтенант сделал короткую паузу и прибавил удивительно спокойно:

— Значит, так. Я считаю до трех, а потом иду давать телефонное интервью. Раз...

Чек Рокстону пришлось заполнять трижды — руки дрожали.

Кеннеди внимательно оглядел подпись и аккуратно убрал чек в бумажник.

— Я человек небогатый, — сказал он и поглубже засунул бумажник во внутренний карман пиджака.

21

Ни единого слова о скандальном бракоразводном процессе Люси и Кристофера Рокстонов в газеты Мэна не попало. Я уже писала о том, что в жизни аристократов, помимо массы неудобств, имеются и кое-какие преимущества...

И еще.

Когда в нашу дверь звонят — сканер отпечатков вмонтирован теперь и в кнопку звонка тоже, — я все реже смотрю на монитор наружного обзора... Запускаю «Икс-скаут» и надеюсь, что на экране появятся слова: «Люси Имярек, 1982 г. р., в девичестве — Харкер, по первому мужу — Рокстон...»

Или просто четыре буквы: ЛЮСИ.

Святослав Логинов К вопросу о природе вампиров

Таким образом, признавая за литературой главное значение разъяснения жизненных явлений, мы требуем от неё одного качества, без которого в ней не может быть никаких достоинств, именно — ПРАВДЫ. Надо, чтобы факты, из которых исходит автор и которые он представляет нам, были представлены верно. Как скоро этого нет, литературное произведение теряет всякое значение, оно становится даже вредным, потому что служит не к просветлению человеческого сознания, а напротив, ещё к большему помрачению.

Н. А. Добролюбов

Протокол — орудие борьбы с вампирами, примитивный предшественник осинового кола.

Бестолковый словарь русского языка

Прежде всего честно предупреждаю, что текст этот строго секретен, его чтение смертельно опасно. Если у вас нет допуска, немедленно положите статью на место и никогда к ней не прикасайтесь. В противном случае — пеняйте на себя.

Дальнейшего можно было бы и вовсе не писать, всё равно никто не прочтёт, однако научная добросовестность требует, чтобы тема была раскрыта полностью.

О вампирах сложено множество баек и небылиц, о них ходит столько толков, что крупницы истины оказываются надёжно погребены под толщей сплетен, досужих разговоров и искусно запущенной дезинформации. Однако во всём разнообразии легенд и страшилок нетрудно выделить два отдельных направления.

1. Направление иронично□скептическое

По мнению адептов этого направления, вампиры окружают нас повсюду. Самые распространённые виды вампиров — комары и клопы. Реки крови проливает человечество в этой войне, но победы не видно. А ведь главные кровопийные отряды — москиты и прочие южные твари ещё, считайте, в дело не введены.

Пропаганда комаризма□вампиризма ведётся вовсю: широко известны рассказы о том, как басмачи связывали пыльношлемных комиссаров и оставляли их раздетыми в степи. И якобы утром в телах погибших не оставалось ни единой капли крови. Легенды эти выдаются за правду, однако, подумайте, ведь это физически и физиологически невозможно! Комар не высасывает кровь из человека и, следовательно, не может полностью обескровить труп.

То есть, рассказывая о комарах и летучих мышах, нас потчуют явной дезинформацией, причём дезинформацией тщательно спланированной и отличающейся широтой захвата — от якобы научных статей до фантастических романов. Вспомните Коровье Вязло — непроходимый комариный заповедник, созданный гением братьев Стругацких, а из другого произведения тех же авторов — угрюмого поджарого комара величиной с небольшого спаниеля. Нельзя также пройти мимо таинственных кровопросцев из толкиновской эпопеи. Автор этих строк также приложил руку к созданию кровопийственного реноме насекомых и рукокрылых, но я и не скрываю, что выполнял соцзаказ. Но Стругацкие? Но Толкин? На кого работаете, классики?

В любом случае околокомариные смехи отвлекают внимание людей от настоящей проблемы. Пока люди смеются над москитным вампиризмом, истинные вампиры могут чувствовать себя спокойно.

2. Направление мистически□бытовое

— Моя тётушка настоящий вампир! — без тени улыбки заявляет экзальтированная особа. — Стоит побыть рядом с ней пять минут, и у меня начинаются ужасные мигрени!.. И потом я целый день чувствую себя разбитой. А тётушка, напротив, цветёт и пахнет. Десять лет зараз скидывает, не меньше. Ясное дело, вампирша — насосётся и рада!

Подобные разговоры слышали все, причём говорится это на полном серьёзе, люди действительно верят в неких энергетических вампиров. И всё же ничего подобного в реальности нет. Явление существует, а энергетические вампиры — нет.

— Как же нет?! — закричит всякий мнительный гражданин. — Иной раз прямо в метро какой□нибудь мерзавец присосётся и всю энергию себе перекачает, так что потом ни работать, ни развлекаться, а только пластом лежать...

К сожалению, такие люди забывают, что человеческий организм и трансформаторная будка — немножко разные вещи. Энергию перекачивают на подстанциях, это хорошо изученный и достаточно грубый процесс. Энергия человека заключена в молекулах аденозинтрифосфата либо в жировом депо — и ту и другую никак не перекачаешь, не съевши самого человека. Существует, правда, ещё и тепловая энергия человеческого тела, но

о ней речь пойдёт ниже.

А что касается психической энергии, которую якобы жрут эмоциональные вампиры, то она так невелика, что серьёзно говорить о ней как об источнике жизненной силы может лишь очень ненаучный фантаст.

На самом деле человек, которого называют энергетическим вампиром, ничего не получает в результате своего гипотетического вампиризма. Представьте, что у вас обыкновеннейшая аллергия на пот или волосы кого-нибудь из ваших соседей. Пять минут разговора с этим, в общем-то, обычным человеком, и вы можете вызывать «неотложку». А потом будете искренне уверены, что хищник, притворившийся добрым знакомым, загрыз вас и обглодал чуть не до костей. Примерно та же картина будет и в случае психологической или иной несовместимости. Такой человек, не имея в виду ничего дурного и, главное, ничего не получая в результате взаимодействия с жертвой, способен дезорганизовать внутренний мир собеседника и посему вполне может быть принят за вампира. Однако он отнюдь не является вампиром, поскольку, повторяю, ничего не получает в результате своего неосознанного действия. Главное же, негативное воздействие такого псевдовампира строго избирательно: Фёдора он гробит, а для Фёклы этот же субъект самый желанный собеседник. Вампир так поступать не может, подобно клейпучке он пьёт всех.

Казалось бы, всё это очевидные вещи, однако перетолки об энергетических вампирах не утихают. Несомненно, такое может происходить, только если определённые и влиятельные круги проводят кампанию по муссированию и педалированию слухов.

Теперь пришла пора задать сакраментальный вопрос: «Quid prodest?» — кто и чего ради станет муссировать и тем более педальировать слухи, сплетни и детские страшилки?

Ответ однозначный: выгодно может быть только настоящим, реально существующим вампирам, которые таким образом отводят глаза своей слишком разумной пище. Утонув в море дезинформации, резонёрствующий обед уже не может отличить истину от вымысла и не верит в жестокую правду, подобно счастливому американскому телёнку, отрицающему существование мясокомбината в этом лучшем из миров.

Итак, какие же обрывки якобы необъяснимого мы можем найти в фольклоре и литературе разных стран? Именно эта информация, пусть искажённая иррационализмом и животным ужасом, может оказаться истинной.

Прежде всего вампир — это бывший человек, умерший, похороненный (обязательно похороненный!), но встающий из гроба, чтобы пить кровь добрых граждан. Вампир необычайно силен физически, обладает способностями оборотня, которыми, впрочем, пользуется, только уходя от опасности. Отметим одну интересную особенность: большинство вампиров при жизни были ординарными гражданами, богатых усыпальниц не имели и похоронены не в фамильных склепах, а на обычных кладбищах, то есть зарыты в землю. Однако на могилах мы не часто встречаем вывороченные плиты и кучи взрытого песка. То есть мертвец выходит наружу, заметным образом не тревожа почву.

Упыри нечувствительны к обычному оружию, нож и револьверные пули, конечно, оставляют на нём раны, которые бесследно затягиваются чуть ли не на глазах стрелявшего. Впрочем, имеется управа и на кровососов: они боятся серебра, избегают чеснока, осины и некоторых других растений, а прямые солнечные лучи причиняют им болезненные и трудно заживающие ожоги.

Молитвы, чудотворные иконы, отчитывания, экзорцизмы и прочая дребедень не оказывают на упыря никакого действия, обилие крестов на кладбищах ещё не остановило ни одного вурдалака, проникновенная молитва не уберегла ни единой невинной жертвы, а в повести Николая Гоголя «Вий» мы видим, как свободно хозяйничает в церкви нечисть и нежить. Случается, вампир побаивается распятия, серебряного крестика или святой воды, но в данном случае дело, конечно, не в гипотетической святости, а в общей нелюбви вампирьего племени к благородным металлам. Кроме того, вурдалаку неприятен дым от воскурения ладана.

Брэм Стокер, написавший скучный роман о господре Дракуле Задунайском, вынужден

был, чтобы окончательно не развалить сюжет, ввести тезис о необычайном долголетии вампиров, после чего многие сочинители подхватили эту идейку. Древнее зло всегда смотрится красиво, гипнотически привлекает взгляд, так что трудно понять, что именно притягивает читателя — зло или его древность. Что касается народных поверий и авторов достокеровского периода, то всегда и всюду живые люди помнят ночного убийцу живым человеком. То есть реальный срок существования вурдалака не слишком велик, во всяком случае он не только не превышает средней продолжительности жизни, но даже при самой удачной трансформации редко достигает двух десятков лет. Не возьмусь судить, случайно ли Стокер создал легенду о долговечности вампиров, или же выполнял заказ неизвестного нанимателя, но пущенная им дезинформация оказалась, в отличие от самих вампиров, на редкость живучей.

Чрезвычайно поучительным оказывается способ, при помощи которого люди становятся вурдалаками. Под покровом ночи вампир прокрадывается к облюбованной жертве, парализует её страхом или же иным способом лишает возможности защититься. Казалось бы, сейчас начнётся кровавое пиршество, однако, отпив несколько глотков крови, хищник отпускает несчастного. Кровопотеря оказывается достаточно большой, чтобы резистентность организма резко снизилась, укушенный чувствует слабость, кожа бледнеет, короче, налицо все признаки глубокого обескровливания. Однако затем вместо постепенного выздоровления врач наблюдает резкое ухудшение состояния. Необъяснимо повышается температура, хотя после обильного кровопускания этого можно добиться, лишь применив сильнодействующие препараты, больного бьёт озноб, усиливается тремор, затем наступает помрачение сознания... Средневековым врачам были хорошо известны эти симптомы: именно так реагируют на кровопускание чахоточные больные. И точно так же, как то случается с чахоточным больным, в скором времени наступает неизбежная смерть.

Кстати, до самой смерти ни один укушенный вампиром человек не испытывает ни малейшего стремления пить кровь ближних и рвать чужие глотки. Ужасы мучающегося сознания придуманы создателями фильма «Голод», а вернее — их нанимателями. Человек, скончавшийся от вампиризма, умирает как от всякой иной инфекционной болезни. А глубокая кровопотеря лишь подавляет защитные функции организма, приводя к стопроцентно летальным исходам.

Как видим, в витальной фазе ничего иррационального с будущим вампиром не происходит. Умершего хоронят, и лишь после сорокового дня в округе начинают твориться мрачные злодеяния. Свежая могила стоит как ни в чём не бывало, разве что рыхлая земля не спешит уплотняться и плита, против ожидания, не оседает, а в окрестных деревнях один за другим пропадают люди. Порой обескровленные трупы находят, и, если определяют виновника, следует расправа. Случается, лежащий в могиле труп, не мудрствуя лукаво, сжигают на костре. Это самый простой и надёжный способ, если, конечно, в гробу действительно лежит тот, кого ищут. Огонь вычищает всё. У западных славян, где вурдалаки вполне обычное явление, существовал жутковатый обряд перемывания костей. Труп расчленяют, вываривают в святой воде, а затем в новой порции святой воды перемывают кости, припоминая заодно злые и добрые поступки покойного. За доброе похваляют, за злое ругательски ругают, но не пропускают ничего. Сейчас обычай этот почти забыт, лишь застывшее словосочетание «перемывать косточки» напоминает о прежних временах.

Советуют также протыкать кровопийц осиновым колом, однако замечу, что это самый недейственный способ. Мне довелось видеть вампира, которого протыкали колом трижды, но он всё ещё продолжал функционировать.

Казалось бы, вурдалак оказывается подобием зомби, мертвеца, поднятого из могилы чёрным искусством жрецов вуду. Видим даже созвучие между славянским еловом «вурдалак» и афро-ямайским «вуду»... И тем не менее это не так. Упырей и зомби объединяет только то, что все они — вставшие из могил мертвецы. Зомби не способен к самостоятельному существованию, не умеет питаться и, строго говоря, не обладает даже начатками самосознания, хотя и помнит кое-что из прежней жизни. Зомби, по сути дела,

обычный разлагающийся труп, и едва запасы аденозинтрифосфата в его теле подойдут к концу, зомби перестаёт двигаться и даже хозяйская воля не может активизировать его. Вампир система куда более сложная и самостоятельная.

Однако прежде закончим рассмотрение процесса вампиризации умершего. Обращаю внимание тех, кто ещё не ухватил суть проблемы, что инфицирование вампиризмом протекает аналогично заражению любой контагиозной болезнью. Способы борьбы с вампирами также более всего напоминают старинные, тысячу раз опробованные методы обеззараживания. Огонь, препараты серебра, фитонциды чеснока, салициловая кислота из осиновой коры, бензойная кислота, образующаяся при каждении ладаном, ультрафиолетовая часть солнечного спектра — весь этот арсенал мало напоминает оружие, пригодное для борьбы с человеком или хищным зверем, так скорее можно управиться со стафилококком, плазмодием или риккетсией...

Хороша картинка: хищная риккетсия, рышущая вдоль кладбищенской ограды в ожидании запоздалого прохожего...

И всё же приходится признать, что вампиризм, упырьство и вурдалачество — это обычная инфекционная болезнь, бороться с которой должны врачи и фармакологи. Для успешного проведения санитарно-эпидемических мероприятий следует выделить возбудителя болезни или хотя бы уяснить его природу. Сделать это довольно трудно, ибо ещё ни разу в руки эпидемиологам не попадал подлинный вампир. И главное, неясным остаётся вопрос: что за странный латентный период переживает умерший, если позволителен подобный оксюморон, прежде чем тихой лунной ночью вылезет на поверхность в поисках тёплой крови. И вообще, как он вылезает, не тревожа могильной плиты и не взрывая землю?

И здесь следует обратиться к наукам весьма далёким от вампирологии и упыреведения, а именно к палеоботанике и палеонтологии.

Помню свои ощущения, когда я впервые увидел кусок окаменевшего дерева... Передо мной лежала трухлявая колода, полусгнившее бревно, которое, несомненно, можно было проткнуть пальцем. Уж в этом-то я понимал! — во всяком лесу можно без труда найти подобную редкость, и в юности я любил ударом сапога разбивать в прах некогда могучий ствол. Однако когда я подошёл и коснулся древесины ладонью, то ощутил под рукой холодный и твёрдый камень. Деревя не было, оставалась одна трухлявая видимость. За долгие годы каждая органическая молекула, всякий атом углерода оказались заменены кремнезёмом, но при этом образ прежнего дерева сохранился неизменным. Под микроскопом можно было наблюдать клетки, изучать тончайшее строение древесины, которой давным-давно нет.

Тот же процесс, но узко направленный и потому занимающий всего несколько недель, происходит и с телом погибшего от вурдалачьего укуса. Прозорливый прозектор, вздумавший искать инфицированные органы в теле упыря, упал бы в обморок, обнаружив, что каждая клетка бывшего тела, все мягкие ткани от гипофиза до аппендикса, заменены на вирулентную биомассу. Относительно неизменными остаются лишь крупные кости, те самые, что обычай позволял похоронить после перемывания в святой водице.

Итак, резюмируем: вампир представляет собой не живой организм и тем более не сверхъестественное некромантское творение, а колонию микроорганизмов. Как и все гнилостные бактерии *bacillum gematophilis* анаэробный микроорганизм, в результате чего вампир не может проводить на воздухе сколько-нибудь длительное время и большую часть суток вынужден лежать в могиле.

Замена мягких тканей гнилостными бактериями происходит с точностью, какая и не снилась ювелирам, в результате чего внешний вид покойного оказывается неизменным. Любопытно, что так называемая нетленность, служащая христианам доказательством святости покойника, есть не что иное, как искусственно остановленный процесс вампиризации тела. В присутствии кислорода процесс останавливается и недоделанный вампир почитается несостоявшимися жертвами в качестве святого. Заметим, что все подлинные мощи сильно заразны, касаться их в высшей степени опасно.

Сохранность внешней структуры тела приводит к тому, что вампир может функционировать аналогично живому человеку. Он осмысленно двигается, обладает всеми органами чувств, разговаривает и даже помнит кое-что из предыдущей жизни, ведь не просто внешний вид, но и каждый нейрон его тела повторили микроскопические копировщики. Таким образом, колония микроорганизмов оказывается великолепно адаптирована к окружающей среде. В отличие от бездумного пятна, распластавшегося по чашке Петри, вампир умеет целенаправленно добывать пищу и может в случае нужды постоять за себя.

Вместе с тем отдельные куски колонии обладают куда большей самостоятельностью, нежели части человеческого тела. Когда заботы велят нам оторваться от интересной книжки, мы не можем оставить перед пюпитром один глаз и один палец для перелистывания страниц и отправиться по магазинам в некомплекте. Для вампиров в этом нет ничего сложного, жаль, что они не читают книг, ибо умственные способности их заметно ослаблены.

Этой автономией объясняется практическая неуязвимость вурдалака (лишь фрактура кости может заметно ограничить подвижность могильного жителя), а также способ, которым он выходит из могилы, не сдвигая плиты и не разрывая землю. Оживший мертвец выбирается наружу по частям, а на вольном ветерке собирается в единое целое, подобно собранному джентльмену Амоса Тутуолы. Если почва не слишком плотная, то упырь предпочитает путешествовать под землёй, оставляя за собой горки чернозёма, которые обычно называют кротовыми кучами. Вообще под землёй мертвец чувствует себя вольготно: там мало кислорода, вызывающего отмирание внешнего слоя анаэробных бактерий, нет солнечного света, причиняющего колонии ожоги, нет там озона и фитонцидов, которыми напоён летний воздух. К тому же охотиться из-под земли гораздо удобнее. В вечерней полутьме из-под земли высывается синюшная рука, дёргает за пятку беспечного прохожего, после чего тёмная масса накрывает упавшего — короткий вскрик, а затем раздаются негромкие хлюпающие звуки, которые никому не дано услышать дважды.

Способность частей вампира к автономному существованию породила множество легенд о том, что якобы вампиры являются оборотнями. На самом деле никаких летучих мышей вампир не продуцирует, всегда оставаясь самим собой. Просто в тех случаях, когда приходится спасаться бегством, вампир может рассыпаться на мелкие части и бежать с поля боя пофрагментно. Знаменитая рука Геца фон Берлихенгена — одного из немногих аристократов, ставших вампиром, так и оставалась обычной рукой (слухи о её железной природе сильно преувеличены). Она могла ползать, перебирая пальчиками, она душила неловко подвернувшихся бедолаг, но, будучи лишённой органов питания (прочие части вампира уже были сожжены к тому времени), не могла воспользоваться плодами своих злодейств и в конце концов погибла от голода.

Питаться нормальным образом вампир не может. Его желудочно-кишечный тракт не выделяет пищеварительных ферментов, так что проглоченная пища не переваривается и проходит транзитом. Впрочем, вампиры по старой памяти любят пожевать, хотя почти не чувствуют вкуса. Так что пушкинский «красногубый вурдалак» может интереса ради поглотить косточку, но пользы она ему принесёт не больше, чем «Орбит без сахара» голодному эфиопу. Для полноценного питания вампирам, как и прочим колониям микроорганизмов, требуется питательный субстрат. Вспомним хотя бы скромного жителя наших кухонь — чайный гриб. Он не способен существовать самостоятельно и погибнет, если ему вовремя не долить сладкой водички и толики спитого чая. Вампир хищник, он, в отличие от чайного гриба, сам добывает пропитание, но и ему не годится кусок мяса, который он не в силах переварить. Требуется питательный раствор со строго определённым набором биохимических свойств. Нужно ли повторять, что этим раствором является человеческая кровь?

Именно в кровь проникает *bacillum gematophilis* при заражении вампиризмом, там вредная бактерия размножается, из крови извлекает питательные вещества. Впоследствии, организовавшись в колонию, нехороший прокариот продолжает требовать привычной пищи,

и смертельно опасная колония микроорганизмов, движимая неумолимым инстинктом, покидает домовину и ползёт на охоту.

Овладев жертвой, вурдалак прокусывает сонную артерию (единственные кости, подвергшиеся у вампира модификации, это зубы) и, захлёбываясь, торопливо глотает тёплую кровь. Усваивается кровь всем вурдалачьим нутром, после чего питательные вещества разносятся лимфой к самым отдалённым органам. Усваивать кровь внешней поверхностью тела вампир не может, поскольку снаружи он покрыт воскообразным налётом, предохраняющим псевдоплоть от действия воздуха. Как правило, погибший полностью обескровливается, не способен пережить инкубационный период и потому вампиром не становится. Лишь иногда, утолив первый голод, вампир способен отпустить жертву, не высосав всю кровь до последней капли. Обычно это происходит, если у вампира просыпаются артефактные остатки памяти и он узнаёт пойманного человека: друга, сына, любимую... Именно так появляются упырские династии и вурдалачьи семейства, терроризирующие округу. Нечто подобное блестяще изобразил малоизвестный французский писатель А. К. Толстой в повести «La famille du vourdalak».

Микробиологический комплекс сохраняет внешний вид человека и не разрастается бесконтрольно, однако с течением времени пища, несколько отличная от той, на которой вампир сформировался, оказывает негативное воздействие. Облик вампира начинает меняться, в нём проступают черты всех людей, когда-либо погубленных чудовищем. Личность вампира окончательно деградирует, а вместе с тем начинает распадаться и безупречное прежде тело. По округе бродит разлагающийся шизофреник, не слишком хорошо понимающий, что с ним творится, но от этого ничуть не менее опасный. Счастливы люди, что им дано видеть личину вампира лишь после того, как он прекратил функционировать: не многие смогли бы выдержать мёртвый взгляд и страшную мимику, за которой проглядывают лица десятков трагически погибших друзей.

С приближением старости вампир вступает в репродуктивную фазу некросуществования. Теперь не только родственник или добрый знакомый имеет шансы вырваться живым. Падает аппетит, наваливается апатия, вампир, отхлебнув крови и заразив человека, уползает в свою нору. Частенько подобные действия приводят к гибели кровопийцы, но своё дело он уже сделал, передав контагий по наследству. Случается, что упырь вторично умирает своей смертью, просто в одну прекрасную ночь он не может выбраться из-под могильной плиты, а в скором времени расплывается гнилотной лужей. Земля вокруг пропитывается заразой и ещё долгое время остаётся опасной. Кладбищенские вору редко болеют столбняком, куда чаще их подстерегает вампиризм. Впрочем, заражение наступает исключительно при непосредственном контакте земли с открытой ранкой, даром же кладбищенские землекопы работают только в перчатках.

На первый взгляд кажется, что мы достигли цели — уяснили природу вампиров. Ужас, летящий на крыльях ночи, оказался большим чайным грибом, хищной кефирной закваской. Вроде бы можно быть довольным. Однако вдумчивый наблюдатель заметит: «Неужто вся профессионально сделанная кампания лжи и дезинформации была спровоцирована и проведена чайными грибами? Как упыри могут из глубины могил дирижировать общественным мнением? Не по разуму задача!»

И впрямь умственно неполноценный *vampir vulgaris* при всём желании не мог бы уберечь себя. Современные методы дезинфекции далеко ушли от стародавнего перемывания костей, и у вампира не было бы ни одного шанса на посмертную жизнь, если бы за его спиной не стоял строгий, но рачительный хозяин. И, как ни странно, тоже вампир... Теперь займёмся этим последним.

Вспомним, что дезинформация о вампирах распадается на два разнящихся потока: иронично-скептический и мистически-бытовой. Первый, как выяснилось, высмеивает вполне реальное явление, уникальную форму существования анаэробных микроорганизмов. Вполне логично предположить, что за разговорами об энергетических вампирах также скрывается некая неприятная правда.

Эту разновидность вампиров вслед за Анджеем Сапковским и Сергеем Лукьяненко можно было бы назвать высшими вампирами, однако для них существует своё, особое название: термовампиры. Трудно сказать, являются ли эти существа колониями микроорганизмов, хотя автор склонен считать их таковыми. Термовампиры не испытывают панического ужаса при виде серебра, однако никогда не носят серебряных украшений. Серебряные с виду цепочка или кулон, которые можно порой видеть на вампире, всегда оказываются искусной подделкой, порой очень ценной, но не содержащей благородных металлов. Термовампир брезгливо сторонится плебея, нажравшегося лука или чеснока, но точно так же поступают многие жантильные личности, не имеющие никакого отношения ни к племени кровососущих, ни к термовампирам. И уж конечно, ни единый провизор не выдывал термовампира, покупающего в аптеке настойку пиона. Возможно, дело в том, что пион является рекордсменом по содержанию нелетучих фитонцидов, но не исключено и то, что культурному человеку, а термовампиры чуть не поголовно относятся к бомонду, воспитание просто не позволит надираться аптечными препаратами.

Любопытно, кстати, отношение кровопотребляющих вампиров к алкоголю. Спирт, как известно, сильное дезинфицирующее средство и полностью противопоказан микробиологическим системам. Поэтому пьяницы, гуляющие в ночи вдоль кладбища, чувствуют себя в полной безопасности. Увы, это опасное заблуждение, потому что термовампира наличие спирта в крови жертвы не только не останавливает, но и раззадоривает ещё больше. А вот примитивная *basillum gematofilis* действительно алкоголя боится. На эту тему среди термовампиров, являющихся интеллектуальной элитой вампирьего племени, ходит немало анекдотов. Вот один из них: «Шёл мужик ночью от круглосуточного ларька да и попал на зуб сосуну. Сосун кровушки нахлебался, размяк, прежнее припомнил. А прежнее — рядом лежит: три бутылочки с акцизной марочкой. Сосун взял их да разом и выкушал. С тех пор никто его не видал, только крест на могилке косо стоит, как пьяный, и перегаром по округе тянет. Видать, сосун до сих пор похмельем мучится».

Не смешно? Вот и мне не смешно. А вампиры хохочут — ажио заходятся. Очевидно, не всё так очевидно в этой простой, казалось бы, проблеме. Во всяком случае, термовампиры алкоголь употребляют, хотя очень ограниченно и только в виде сухих и десертных вин. Так что любитель «Кровавой Мэри» товарищ Упыревский, выведенный в повести Бориса Романовского, не имеет с действительностью ничего общего. Да и откуда знать правду автору фантастических историй?

Личная жизнь термовампира покрыта флёротом приватности, так что трудно сказать, болеют ли они, а если болеют, то принимают ли антибиотики и прочие смертельные для микрофлоры препараты. Во всяком случае, загорать термовампиры не любят, на пляжах их встретишь разве что ночью, хотя и солнцезащитной косметикой они пользуются весьма умеренно.

Теперь не мешало бы объяснить, что это такое — термовампиры, о которых, скорей всего, читатель и не слыхивал.

Внешне термовампир неотличимо похож на обычного человека, девушку или молодого человека анемичной наружности. Случается, он принимает образ немолодого человека, но это всегда худощавый и словно бы малохолдный гражданин. У термовампира много знакомых, но не бывает родственников, во всяком случае настоящих. Поэтому не стоит подозревать в вампиризме нелюбимую тётушку, свояченицу или кузину. Признать термовампира можно по руке, его ладонь всегда холодная и слегка влажная, руку термовампир подаёт нехотя, и рукопожатия от него не дождёшься, почувствуешь словно бы тряпку без малейших признаков жизни. Такое рукопожатие характерно для художников, берегущих пальцы. И так же как у живописца, в момент работы рука живописца преображается, обретая невиданную точность и силу.

Срок жизни термовампиров в точности не известен, однако, судя по некоторым данным, он ничем не ограничен. Хотя не исключено, что это также искусная деза, но, так

сказать, для внутреннего употребления. Зато лёгкость, с которой они меняют внешний облик, есть косвенное доказательство, что термовампиры не цельные организмы, а конгломераты микроорганизмов, возможно — симбиотические.

Любопытна гипотеза, высказанная известным биологом, членом-корреспондентом Академии наук Республики Татарстан Андреем Ермолаевым. Согласно этой гипотезе, термовампир является следующим шагом в процессе вампиризации некогда живого организма. В некоторых особых случаях может произойти заражение кровяного вампирососуда особого рода вирусами, которые, проникая в прокариотическую клетку, не убивают её, а начинают исполнять функции клеточного ядра, превращая таким образом анаэробную бактерию в примитивный эукариот. Переход на кислородное дыхание позволяет термовампиру значительную часть времени проводить среди людей и даже занимать государственные должности.

Никакими фактами эта гипотеза на настоящий момент не подтверждается, являясь чистой спекуляцией, однако она может стимулировать исследования в области вирусных инфекций и в частности — СПИДа. Ведь вполне логично предположить, что стремительное распространение синдрома приобретённого иммунодефицита есть следствие широкого проникновения термовампиров во все области общественной жизни.

Способ питания термовампиров разительно отличается от того, что мы привыкли называть вампиризмом. Я недаром только что употребил неологизм «живописец». Термовампир не пьёт крови, он вообще не забирает из человеческого организма никаких веществ, потребляя исключительно тепло человеческого тела. Происходит это следующим образом.

Тёмной зимней ночью, как правило ближе к утру, неурочному прохожему встречается юная девушка. Тонкое полупрозрачное личико, печальные глаза, худенькая девчоночья фигурка, скромный наряд... Что могло привести её на заметенную улицу в столь неподходящее время? На жрицу дешёвой любви она решительно не похожа, на подвыпившую искательницу приключений — тем более. Невольно хочется подойти, спросить, помочь... Иные, напротив, видят лёгкую и редкостную добычу. Но даже если прохожий остался равнодушен, пройти мимо ему не дадут. Девушка порывисто шагает вперёд, протягивает руки...

— Это ты? Здравствуй!

Единственное спасение в этой ситуации — засунуть руки в толстых перчатках поглубже в карманы, неприветливо буркнуть вслед за толстовским Невзоровым: «Вы обмишулились!» — и бежать, нелепо переваливаясь и надеясь, что не так-то просто выцарапать вас из драпового пальто, кашне и пушистой енотовой шапки.

Увы, мне не известно ни одного подобного случая. Простодушный дуралей непременно останавливается и сам снимает спасительную варежку. Никакого телепатического зова, гипнотического подманивания, замогильного «ть-ть-ть», которым упырь подзывает жертву. Добровольный шаг вперёд, ладони соприкасаются, прохожего пронизывает чудовищный запредельный холод, парализующий человека и не дающий освободить руку. Словно мощный насос, термовампир выпивает человеческое тепло, нарушая при этом все законы теплопроводности и второе начало термодинамики заодно. Утром в сугробе найдут ещё одного замёрзшего насмерть.

А девушка уже уходит: бледное лицо пышет румянцем, печальные глаза искрятся весельем... Три, а то и четыре месяца вампиру не понадобится выходить на охоту.

Картина достаточно поэтичная, вполне в духе некроромантизма. Однако вьедливый разум немедленно задастся вопросами: а есть ли термовампиры в жарких странах? А как они обходятся летом? И вообще, откуда уважаемый автор узнал всё это?

Отвечаю по порядку.

Термовампиры в южных странах есть, хотя их там гораздо меньше, чем, скажем, в Канаде или Норвегии. Африка, Индонезия или Латинская Америка не слишком цивилизованные места, и далеко не все исчезновения людей в этих краях служат предметом

судебного разбирательства. И всё же термовампиры стараются промышлять там, где следы их деятельности можно списать на естественные причины.

Кстати, если обратиться к медицинским источникам, можно узнать любопытнейшие вещи. Оказывается, чтобы замёрзнуть насмерть, вовсе не обязательно оказаться на морозе! Смерть от переохлаждения может наступить при плюс пяти и даже плюс семи градусах Цельсия! Откуда взялись столь невероятные данные, неужто кто-то ставил подобные опыты на людях? Разумеется, это всего лишь констатация явления: частенько после прохладной августовской ночи на улицах наших городов находят трупы людей, погибших от переохлаждения. А поскольку безумный рефрижератор в округе не пробежал, врачи констатируют факт: человек замёрз насмерть при плюсовой температуре окружающего воздуха.

Опыты по замораживанию живых людей тоже ставились — фашистами. Результаты экспериментов оказались парадоксальны. Человек не только не умирает при нуле градусов, но даже ночь, проведённая на морозе, не обязательно убьёт его. Известен случай, когда некий француз был связан, облит водой и оставлен голым на ночь при двадцатиградусном морозе. Утром он оказался жив, согревала его сила ненависти.

К счастью и для людей, и для вампиров, опыты эти не получили дальнейшего развития. Осинový кол, малоэффективный против вурдалаков, вполне достойная награда этим, с позволения сказать, экспериментаторам.

Анекдот о замерзании людей при плюсовой температуре отчасти даёт ответ на второй вопрос: как термовампиры обходятся летом. Окончательно ответ будет дан чуть позже. Прежде ответу, откуда мне известны эти тщательно скрываемые факты.

Ответ прост: я с ними знаком. Знаком и с фактами, и с самими вампирами. Я неоднократно разговаривал с кровавыми упырями — сосунами, один из них приставлен ко мне в качестве охранника и слуги. Соседство не самое приятное, но искупается чувством безопасности. Помню, как однажды во время вечерней прогулки ко мне подвалила компания подвыпивших гопников... Когда из-под земли высунулась лапа и сграбастала одного из них, остальные бежали очень быстро, забыв о своей недавней храбрости.

Хорошо помню и первую встречу с термовампиром, пронизывающую стылость, идущую от девичьей ладони, и удивление в глазах вампириши, когда я не упал, а после того как она выпустила меня, сам ухватил её за запястье и потребовал ответа. Именно тогда я узнал о существовании не только вампиров, но и редчайшей разновидности людей — термодоноров.

Внешне от обычных людей термодонора отличает лишь то, что руки у него всегда тёплые и сухие. На самом деле отличие более глубокое. Термодонор способен противостоять действию термовампира, он не погибает от его прикосновения и, некоторое время спустя, восстанавливает силы. Таким образом, подавляющее большинство высших вампиров не убивает на улицах встречных, а пользуется услугами термодоноров. В свою очередь, доноры пользуются среди вампиров почётом и уважением. Разумеется, и к слову «донор», и к слову «вампир» следует присоединить приставку «термо-». Обычный донор может, конечно, кормить через трубочку сосуна, и такие опыты даже ставились, но ряд организационных трудностей препятствует широкому распространению донорства.

Высокоинтеллектуальные и хорошо организованные термовампиры, разумеется, сумели разрешить проблему питания. Термодоноры тщательно выискиваются и вербуются. Сделать это несложно, ведь донор знает, что, соглашаясь на сотрудничество, он в прямом смысле слова спасает человеческие жизни. Термовампир за год убивает около четырёх человек, причём это не акт кровожадности, просто такова физиология этого микроорганизма. Пока вампир сыт, он может очень неплохо порассуждать о гуманизме и уникальности всякой разумной жизни, но когда запасы человеческого тепла, или что он там использует, подходят к концу, в действие вступает нерассуждающий инстинкт. Отпустить жертву, не насытившись полностью, вампир не может физически. Потом, может быть, ему будет жаль убитого, но что жертве до этой жалости? Термодонор встаёт между убийцей и жертвой, осуществляя

утопический принцип: и вампиры сыты, и люди целы.

Кстати, а что он там использует? Зачем термовампиру столь изощрённо гробить людей, вместо того чтобы приникнуть к батарее парового отопления? Ответа на этот вопрос у меня нет. В разговорах термовампиров порой мелькает термин «тонкое тепло»... Нетрудно догадаться, о чём идёт речь, но как именно вампир усваивает тонкое тепло, остаётся загадкой. На прямой вопрос, а почему бы не взять для питания слона, медведя или другое крупное животное, которое не будет убито прикосновением вампира, один из моих клиентов с нервным смешком ответил:

— Вы хотите, чтобы у меня хобот вырос?

Бог индийского пантеона слогоголовый Ганеша, неужто он был термовампиром, поставившим над собой столь рискованный опыт?

Упыри, вурдалаки и прочие сосуны находятся в неприкрытом рабстве у высших вампиров. Без господской защиты эти полуразумные колонии давным-давно подверглись бы дезинфекции. Тепмовампиры, проникшие во властные структуры, осуществляют контроль за секретностью, руководят кампанией по дезинформации и вообще во многом определяют нашу нынешнюю жизнь. Если они и впрямь пусть не бессмертны, но срок их жизни хотя бы на порядок превышает продолжительность жизни человека, им не так трудно добиваться подобных успехов.

Владычество хладных вурдалаков не особо пугает меня. В конце концов, среди власть имущих встречаются такие упыри, что только держись, хотя с точки зрения микробиологии они представляются вполне законченными моноорганизмами. Куда серьёзнее проблема легализации сообщества вампиров. Сторонники этой идеи (разумеется, из числа термовампиров) доказывают, что так можно свести к минимуму жертвы среди человеческой популяции, причём погибать будут не самые беспечные, а самые недостойные. При этом совершенно не учитываются последствия шока, который испытает человечество, узнав, что оно всего лишь кормовая база для высшего разума.

— Помилуйте, — доказывал мне знакомый вампир, — ведь вас не шокируют ни комары, ни шпанская муха?

— Это паразиты, мы их давим, а вы хотите встать в господствующее положение...

— А вы не паразитируете на своих домашних животных? Да, они по сравнению с вами неразумны, но и мы относительно вас — высший разум! Ведь это ваши учёные объявили, что задача разума — бороться с энтропией, а мы единственные существа в мире, нарушающие второе начало термодинамики, значит, именно мы наиболее разумны среди всех разумных существ.

Разговоры кончились ничем, однако недавний выход книги Марины и Сергея Дяченко «Казнь» настраивает на пессимистический лад. Разумеется, все имеющиеся там разговоры о природе вампиризма, о какой-то глобулино-зависимости проходят по разряду «дезы», однако самый сюжет доказывает, что своеобразное анкетирование людей по вопросу легализации вампиров началось. Кроме того, вслед за Сапковским и Лукьяненко Дяченки всю лепят положительный вампирский образ. То есть вновь писатели-фантасты шагают в первых рядах коллаборационистов.

Остаётся надеяться, что большинство вампиров окажутся достаточно нечестолюбивыми, чтобы отказаться от планов захвата номинальной власти, удовлетворившись властью реальной. На настоящий момент все подлинные сведения о вампирах засекречены и утечка информации решительно пресекается наиболее естественным для вампиров способом. Что касается данной работы, то автор, будучи термодонором и одновременно писателем-фантастом, чувствует себя в полной безопасности. А вот читатели... они будут подвергнуты ликвидации. Но ведь я вас предупреждал, я заявил об опасности в самом первом абзаце. Не послушали, прочитали... Теперь прикиньте расстояние до ближайшего кладбища и ждите гостей.

Василий Владимирский

Вампиры, упыри, носферату

*Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.*

Александр Пушкин. Вурдалак

«Вампирская» литература нынче на подъеме. Истории о бессмертных кровососах, носферату, «не-мертвых», упырях, которых можно упокоить, только срубив голову, вонзив в сердце осиновый кол или под завязку нашпиговав серебром, давно вышли за пределы узких рамок хоррора. Вампиры становятся героями боевиков и вестернов, слезливых мелодрам и едких пародий, порнографических фильмов и нравоучительных притч. С таким же презрением, что и к жанровым границам, они относятся к границам государственным: книги и фильмы о «не-мертвых» появляются в самых разных странах, на всех широтах, от Пакистана и Гонконга до Финляндии и Швеции. О вампирах снимают популярные телесериалы и аниме, ставят оперы и пьесы, делают компьютерные и настольные игры, рисуют традиционные европейские комиксы и мангу. Не говоря уж о костюмированных «вампирских» вечеринках и ролевых играх на местности.

В последние годы благодаря неожиданному успеху серии душещипательных романов Стефани Майер и фильма «Сумерки», снятому по ее книге, о вампирах начали активно писать и в России. Причем берутся за это, как правило, авторы, никогда раньше в особом интересе к «литературе ужасов» не замеченные, зато обладающие уникальным талантом аккуратно выдавать по книжке раз в три месяца. Ни один из этих писателей пока не создал общепризнанного шедевра, однако тиражи их книг впечатляют...

Так в чем же притягательная сила вампира? Что заставляет обращаться к зловещей фигуре, закутанной в темный плащ, и признанных мастеров вроде Джорджа Мартина («Грезы Февра») и Люциуса Шепарда («Золотая кровь»), и безвестных новичков? А главное, отчего к ней так тянет читателей? Казалось бы, давно наступил XXI век, компьютеры на каждом углу, нанотехнологии пропагандируют на государственном уровне, а готический кошмар все продолжает ворочаться в своем повапленном гробу, заполненном родной землей... Почему это происходит? Попробуем найти ответ.

1. Пленительный изгнанник

*Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмонт, бродяга мрачный...*

Александр Пушкин. Евгений Онегин

Вампир как таковой появляется в европейской литературе в первой половине XIX столетия, в эпоху расцвета романтизма. Знаменитый «Вампир» Джона Полидори (и сиквел Сиприана Берара «Лорд Рутвен, или Вампир»), «Кармила» Шеридана Ле Фаню, «Упырь» и «Семья вурдалака» Алексея Константиновича Толстого, ряд повестей и пьес более позднего периода, в том числе принадлежащие перу Александра Дюма-отца, — почти все они созданы в рамках этой традиции. Принципы, исповедовавшиеся романтиками, в полной мере относятся и к классическим «вампирским» текстам. Более того, эти принципы настолько вошли в плоть и кровь жанра, что по сей день остаются основополагающими для большинства писателей и режиссеров, обращающихся к этой теме.

Вампир — типичный романтический гений, обуреваемый яростными противоречивыми желаниями, разрывающийся между любовью и ненавистью, терзаемый муками совести, но

не способный совладать с голодом, выворачивающим нутро наизнанку. Человек сильных страстей, он во многом превосходит обычных людей, имеет многовековой опыт и способен испытывать более глубокие чувства, чем большинство смертных. Его душа — бездонный колодец, целая вселенная, озаренная языками адского пламени. Заглянуть в эту бездну, понять, какие чудовища в ней таятся, — большое искушение для серьезного писателя и вдумчивого читателя.

Вампиру нет места в обыденном мире — и дело не только в губительности для «не-мертвых» прямых солнечных лучей. У него мало общего с людьми своего времени — торговцами и аристократами, студентами и офицерами. Вампир неизменно стоит над толпой, он вне ее. В то же время без всего этого людского кипения, без этой суеты (бессмысленной, с точки зрения бессмертного) ему в прямом смысле слова нет жизни. Именно кровь обывателей питает нощерату, их силы позволяют ему столетиями сохранять юность и гипнотическое обаяние.

Опасный, чарующий и глубоко несчастный (вариант: упивающийся своей кровожадностью, придерживающийся философии «чистого зла»), вампир — воплощенный вызов обыденному миру. Его время ночь, когда все добропорядочные буржуа спят в своих постелях, его солнце — луна, ему служат волки, летучие мыши, цыгане и безумцы. Но никто из них ему не ровня... Вампир стоит на грани между двумя вселенными, он вечный изгнанник, чужой и для нашего мира, и для потустороннего. Неживой и не-мертвый, гонимый вечным голодом, способный найти понимание лишь среди таких же изгоев — более романтическую фигуру сложно себе представить.

Эта традиция, заложенная современниками лорда Байрона, не прерывается и по сей день. Полны внутреннего трагизма образы Лестата и Армана у Энн Райе, Ангела и Спайка в телесериале «Баффи — истребительница вампиров», Дракулы из фильма Френсиса Форда Копполы «Дракула Брэма Стокера», многочисленных кровососов аристократов в романах японца Хидеюки Кикуги и так далее и тому подобное.

Разумеется, это лишь одна из множества трактовок образа. В современной литературе и кинематографе вампир нередко оказывается просто тупой и очень сильной тварью, как во второй части кинотрилогии «Блэйд» или в романе Гильермо Дель Торо и Чака Хогана «Штамм». Но в этом случае место романтического героя со всеми необходимыми атрибутами занимает охотник на нечисть, бьющийся с чудовищами под покровом ночи, без малейшей надежды на признание и сочувствие со стороны обывателей, чьи жизни он спасает, — и старая история продолжается с того же места...

2. Охотник и жертва

Оторви мне чего-нибудь,

Укуси меня за!..

Группа «Несчастный случай»

Иную причину удивительной привлекательности образа вампира называют сторонники фрейдистского подхода, и в этой трактовке, безусловно, тоже есть зерно истины. Самый знаменитый роман о вампирах («Дракула» британца ирландского происхождения Брэма Стокера) был издан в 1897 году, на излете Викторианской эпохи, когда платье, обнажающее женские щиколотки, считалось непристойным, а самым модным цветом на территории могущественной Британской империи (над которой никогда не заходило солнце) десятилетиями оставался траурно-черный. Это, разумеется, не мешало уважаемым джентльменам, почтенным отцам семейств регулярно посещать бордели, но в искусстве все темы, связанные с сексом, находились под негласным запретом. Неудивительно, что сцены из «Дракулы», в которых «невесты» графа соблазняют Джонатана Харкера, а сам валахский вампир вьет сети вокруг девятнадцатилетней Люси Вестенра и ее подруги Вильгельмины Мюррей (в замужестве Харкер), вызвали бурную реакцию современников. Маловероятно,

что Абрахам Стокер, никогда не отличавшийся радикально-революционным подходом к искусству, сознательно вкладывал в свою книгу весь этот подтекст. Однако с его легкой руки вампиру суждено было стать одним из главных секс-символов грядущей эпохи.

В современной литературе, включая пресловутые «Сумерки» Стефани Майер и многочисленные романы-клоны, фигура «ночного охотника» не только активно романтизируется, но и по мере сил эротизируется. Необоримый зов вампира, его гипнотическая мощь почему-то особенно сильно влияют именно на молоденьких девушек. Даже тех, кто знает подлинную сущность вампира, влечет его неистребимая витальность, презрение к условностям и утонченность манер. В укусе вампира есть что-то порочное, но в то же время необъяснимо притягательное. Да и вообще, жажда крови — чрезвычайно удачная метафора сексуального голода. Тут вам и страсть, и страх, и нереализованное желание, и сладость нарушения запрета, наложенного Богом и людьми...

В то же время не стоит забывать, что вампир не только охотник, но и жертва. Согласно наиболее распространенной версии, вампиризм передается при укусе, то есть преследователь, рыщущий по ночным переулкам в поисках добычи, некогда и сам побывал в роли незащитной жертвы. Таким образом, нософерату утверждает свою власть над партнером — и в то же время сам стремится к чувству защищенности. Становясь «не-мертвым», обыватель обретает необыкновенную силу, ловкость, способность превращаться в летучую мышь, в облако тумана, повелевать насекомыми, et cetera, et cetera. То есть в некотором роде становится сверхчеловеком. Но для этого ему надо пройти через боль, унижение, ужас подлинной смерти — смерти души... Классический дуализм садомазохизма, недаром вампир — одна из популярнейших ролей в современных BDSM-играх.

Все эти стороны образа «не-мертвого» активно эксплуатируются современными писателями и режиссерами, взять хоть популярный телесериал «Настоящая кровь», хоть цикл романов Лорел Гамильтон про охотницу на представителей «народа Тьмы» Аниту Блейк. Да и создательница классического «Интервью с вампиром» Энн Райе, ныне ставшая истой католичкой, в свое время отдала должное жестким порнороманам, публиковавшимся под псевдонимом Э. Роеклавр. Хотя, конечно, по размаху замысла все эти книги и картины не сравнятся с порнографической версией «Дракулы», снятой в девяностых годах итальянским режиссером Марио Сальери, специализирующимся на специфической «переработке» классических литературных и фольклорных сюжетов. Вот уж воистину пир плоти!..

Однако жителям далекой заснеженной России, где по Красной площади бродят медведи, обвешанные балалайками и матрешками, а бородатые казаки хлещут водку прямо из самоваров, нет дела до всей этой вакханалии. У нас тут подход к вампирам куда мрачнее и серьезнее...

3. Красная готика

*Что ему дождь — от него не убудет, —
Вот у живущих — закалка не та.
Ну а покойники, бывшие люди, —
Смелые люди и нам не чета.*

Владимир Высоцкий. Веселая покойницкая

Безусловно, основоположником «вампирской» литературы в России следует считать Алексея Константиновича Толстого, чьи повести «Упырь» и «Семья вурдалака» занимают почетное место на полке любого поклонника «литературы ужасов». Упыри неоднократно упоминаются в «Песнях западных славян» Пушкина, повестях Гоголя, появляются на страницах «Красногубой гостыи» Федора Сологуба, «Замка Грон» Александра Грина, «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова... Однако для отечественной литературы вампир до последнего времени оставался персонажем проходным, второстепенным — куда больше наших классиков интересовали призраки, ведьмы и разного рода «темные

двойники». Меньше повезло, пожалуй, только оборотню, которого русские классики и вовсе не жаловали.

Этот скудный ручеек окончательно иссяк во второй половине тридцатых, после создания Союза советских писателей и утверждения социалистического реализма как главенствующего художественного метода. Отныне вампиры стали упоминаться лишь в ироническом контексте, как Дракула в комментариях к повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» («Дракула, граф. Знаменитый венгерский вурдалак XVII–XIX вв. Графом никогда не был, совершил массу преступлений против человечности. Был изловлен гусарами и торжественно проткнут осиновым колом при большом скоплении народа. Отличался необычайной жизнеспособностью: вскрытие обнаружило в нем полтора килограмма серебряных пуль»). Грубо говоря, упырей в СССР не было — как секса. Приведу только одну деталь: «Дракула» Брэма Стокера, давно ставший к тому моменту мировой классикой, был переведен в Советском Союзе лишь в самом начале 1990-х, в свобододобивой Прибалтике, притом что «Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли, к примеру, переиздавался неоднократно.

Возрождение вампира началось лишь после распада СССР. Первым отечественным произведением о «не-мертвых», заслуживающим особого внимания, стал рассказ Андрея Лазарчука «Мумия» (1991), в котором лозунг «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!» получает буквальное и довольно жуткое воплощение. В этом небольшом, но чрезвычайно важном для нашего исследования рассказе Лазарчук обозначил одно из магистральных направлений развития «вампирского» жанра на территории бывшего Советского Союза: социальная фантастика, в которой ночной кровосос выступает в роли метафоры противоестественного, кровавого, но тем не менее продолжающего свое существование режима. Эту линию развили Андрей Столяров в римейке лазарчуковской «Мумии», Василий Щепетнёв в цикле «Черная земля», отчасти Олег Дивов в «Ночном смотрящем». В 2006 году Виктор Пелевин несколько переосмыслил тему, однако и его «Ампир V» несет все тот же социально-критический заряд.

Куда популярнее вампир у авторов, пишущих героическую или городскую фэнтези («Дозоры» Сергея Лукьяненко, цикл «Киндрэт» Алексея Пехова, Елены Бычковой и Натальи Турчаниновой, «Снулль вампира Реджинальда» Генри Лайона Олди и т. д. и т. п.), юмористическую и любовно-романтическую фантастику. Но в данном случае он, как правило, вылеплен по традиционным лекалам и мало отличается от своего европейского или североамериканского собрата. Порой фантасты пытаются вернуться к истокам, почерпнуть вдохновение в славянском фольклоре, но получается это у них не слишком убедительно: Брэм Стокер уже проделал подобную работу более ста лет назад, и любая попытка пройти тем же путем, что и автор «Дракулы», будет сегодня восприниматься как более-менее талантливое эпигонство. До сих пор многие продолжают видеть в «не-мертвых» представителей элиты, политической или финансовой, но, справедливости ради, то же происходит и на Западе, где привилегированное положение «ночных охотников», их особый статус подчеркивали еще писатели-романтики.

Десятилетия господства соцреализма не пошли на пользу хоррору вообще и «вампирской» литературе в частности. Там, где англо-американские авторы могли спорить с классиками жанра, использовать их открытия, предлагать свои трактовки общеизвестных сюжетов (как Ким Ньюман, например), нашим соотечественникам приходилось начинать с нуля — или писать, одним глазом поглядывая на Запад. Но, как я уже упоминал, вампиры не признают границ постепенно они отвоевывали место под луной и на «одной шестой части суши». Тем более что интерес к носферату в экс-СССР возник нешуточный, как ко всему новому, непривычному, с оттенком сенсационной скандальности.

Подводя итоги, можно констатировать, что к сегодняшнему дню Россия благополучно влилась в великую семью народов. Глобализация победила: буквально за каких-то двадцать лет кровососы всех мастей оккупировали территорию СНГ и шустро заняли все свободные ниши. «Не-мертвых» легко можно встретить в лесах и на горах, на ночной дискотеке и в

покосившейся деревенской избушке, в шикарном лимузине и в зловонном канализационном коллекторе. Историческая справедливость восторжествовала, отставание от «цивилизованных стран» преодолено ударными темпами. Жаль, конечно, что нашим соотечественникам пока не удалось сказать новое слово в литературе о вампирах, но, будем надеяться, это еще впереди.